Хэнкок Грэм

Узел времён

Посвящается Сэнте, которая была, есть и всегда будет источником света, вдохновения, любви и надежды в моей жизни. Без тебя я бы не написал ни слова.

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Прежде всего хочу поблагодарить Сэнту, мою жену, за долгие часы, которые она провела, читая рукопись «Узла времен» и давая полезные комментарии, в течение тех трех лет, что я писал книгу. Она подарила множество полезных советов, но, в первую очередь, я благодарен ей за моральную поддержку и одобрение в тот момент, когда мне только пришла идея написать это произведение. Она была со мной везде: и в США, и на севере Испании, и в Амазонии, когда мы знакомились с предполагаемым местом действия. Она приглядывала за мной и в других путешествиях, трудных путешествиях в глубь себя.

Также хочу поблагодарить за поддержку наших детей — Шона, Шанти, Рави, Лейлу, Люка и Габриэлу. Они следили за процессом написания книги с самого начала и оказались сущим кладезем полезной информации и идей. Благодарю и мою маму, Мьюриэл Хэнкок, дядю, Джеймса Маколея, за их советы, данные по прочтении рукописи. Спасибо Дебби, Родни, Джен, Элизабет, Марку и Адриане, которые любезно согласились прокомментировать рукопись на разных этапах работы над ней.

Особая благодарность — Марку Буту, чудеснейшему из редакторов. Он начал бороться за издание, когда в рукописи не было и сотни страниц, и всеми возможными способами помогал мне улучшать книгу на всех этапах работы над ней. Иногда оказывалось, что советы Марка помогали мне избежать многих трудностей в работе. И если я следовал его советам, меняя одну или две страницы, то это позволило мне оставить остальные в неприкосновенности. Благодаря его мудрым примечаниям мне удалось избежать многих проблем. В конечном счете, все это послужило на благо произведения.

Когда Марк ушел из «Сенчури», моим редактором стала Кейт Элтон. Она провела грандиозную работу, готовя книгу к изданию, за что я ей очень благодарен. Также хочу выразить слова благодарности Кэти Дьюс за отличную организацию издательской работы и решение вопросов авторского права.

Сюжет «Узла времен» базируется на фундаментальных научных исследованиях в самых разных областях, таких как нейропсихология, когнитивная психология, квантовая физика, палеоантропология и шаманизм. В ряде случаев я использовал материалы из этих областей знания, но ни в коем случае не претендую на научную точность. «Узел времен» — художественное произведение, я бы сказал, фантастическое, поэтому я не стеснялся отступать от научных истин, если этого требовал ход сюжета.

Из числа ученых-исследователей, работы которых я изучил, хочу особо поблагодарить Рика Штрассмана, доктора медицинских наук, профессора психиатрии медицинского факультета Университета Нью-Мексико. Его потрясающие исследования воздействия ДМТ, диметилтриптамина, с группой добровольцев, безусловно, *не* послужили прообразом для исследовательского проекта, описанного в книге (местом проведения которого я выбрал Калифорнийский университет в Ирвайне), но его работа показала мне, каким именно образом проводятся подобные исследования. Более того, потрясающие результаты исследований Рика, изложенные в его книге «ДМТ: молекула духа», изданной в 2001 году «Парк Стрит

Пресс» в Рочестере, штат Вермонт, подводят строгую научную основу под основную идею «Узла времен» — идею того, что в измененных состояниях сознания нам может оказаться доступно восприятие необычных сфер реальности, в том числе — существующих независимо от нашего параллельных миров.

Рик любезно согласился прочесть рукопись и прокомментировать ее, за что я ему очень благодарен. Также выражаю благодарность Луису Эдуардо Луне, доктору философии, и Эде Фреска, доктору медицинских наук, за прочтение моего труда и полезные комментарии. Всем тем, кто сидел вокруг меня, слушал, как я читаю отрывки из рукописи «Узла времен» и подбадривал меня, когда в 2007 и 2008 году я был в Бразилии, в центре «Васиваска».

Нет нужды говорить, что ни один из вышеперечисленных людей, к чьим советам я не всегда прислушивался, не несет ответственности за ошибки, допущенные в этой книге; они останутся целиком на моей совести.

В завершение хочу выразить свое почтение и благодарность священной «Айяхуаске», изобретенному в Амазонии напитку, стимулирующему ясновидческие способности, упомянутые в книге. «Айяхуаска», буквально: «вино души», тысячи лет использовалась шаманами для путешествий вне физического тела туда, где, как они считали, обитают духи. Как ни странно, но и некоторые западные исследователи, попробовавшие «Айяхуаску» (а не прочитавшие о ней), склонны с ними согласиться. Они рассказывают не о мирах духов, но о тайной двери нашего сознания, которую может открыть этот волшебный напиток и через которую мы можем перенести сознание в параллельные миры или измерения.

Я впервые попробовал «Айяхуаску» в 2003 году, когда работал над моим научным трудом «Сверхъестественное», и с тех пор периодически работаю с ней. В 2006 году, во время серии опытов в Бразилии, в ритуальном месте, находящемся под защитой голубой богини, в видениях я познакомился с основными персонажами, ситуациями и фабулой того, что превратилось в книгу «Узел времен».

Я ощущаю, что получил некое задание, и в этом, с точки зрения как шаманов, так и западных исследователей, нет ничего необычного. «Айяхуаска» — это школа. За теми видениями последовали три года упорного труда, результат которого я представляю на суд читателей.

Грэм Хэнкок Англия, Бат, январь 2010 года

www.grahamhancock.com

* * *

И эта канва времен, которые сближаются, ветвятся, перекрещиваются или век за веком так и не соприкасаются, заключает в себе все мыслимые возможности. В большинстве этих времен мы с вами не существуем; в каких-то существуете вы, а я — нет; в других есть я, но нет вас; в иных существуем мы оба. В одном из них, когда счастливый случай выпал мне, вы явились в мой дом; в другом — вы, проходя по саду, нашли меня мертвым; в третьем — я произношу эти же слова, но сам я — мираж, призрак… Вечно разветвляясь, время ведет к неисчислимым вариантам будущего.

Хорхе Луис Борхес. «Сад расходящихся тропок»[1]

О персонажах и фабуле: ставя параллельно двадцать первый и Каменный век, «Узел времен» повествует о вселенской борьбе добра со злом, проявляющейся в мире людей. Главные герои — экстраординарные молодые девушки. Они были слишком молоды, чтобы выдержать выпавшие на их долю испытания. Но следует вспомнить, что и **Жанна д’Арк**, которая слышала голоса ангелов и следовала их указаниям, и **Александр Македонский**,

добившийся невероятных успехов на полях сражений, впервые повели войска в бой, когда им было по семнадцать.

О реалиях каменного века: древний подвид человека, известный нам под названием неандертальцев, обитал на территории сегодняшней Испании одновременно с кроманьонцами, нашими предками, примерно до рубежа 24 тысяч лет до нашей эры. Затем неандертальцы (послужившие прототипом «Уродцев» в этой книге) вымерли. Некоторые археологи подозревают, что это был первый в истории человечества случай геноцида.

О современных реалиях: хотя в книге и упоминаются реальные места и учреждения, такие как Лос-Анджелес, Икитос, медицинский центр Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, медицинский факультет Калифорнийского университета в Ирвайне и прочие, это является художественным вымыслом. Географические и иные описания этих мест и учреждений могут отличаться от реальных, поскольку они, по сути, являются параллельной, по отношению к ним, реальностью. В особенности хочу подчеркнуть, что на медицинском факультете в Ирвайне не велось никаких научных исследований воздействия диметилтриптамина (ДМТ) с участием добровольцев. Такие исследования проводились в 90-х годах в медицинском колледже Университета Нью-Мексико под руководством доктора медицинских наук адъюнкт-профессора Рика Штрассмана. Результаты исследований изложены в его книге «ДМТ: молекула Духа», изданной «Парк Стрит Пресс» в Рочестере, штат Вермонт, в 2001 году.

О разговорной речи: нам неизвестно, как разговаривали люди 24 тысячелетия назад, но, каким бы ни был стиль их речи, его допустимо заменить соответствующими идиоматическими оборотами современного языка, точно так же, как иероглифы Древнего Египта можно перевести на современный английский, а древнегреческие тексты — на современный японский. По сути, переложение идиом одного языка в идиомы другого — важная часть работы переводчика. Я не стал изобретать особую структуру для языка людей каменного века и приблизил его к современному. Исключение составляет лишь мыслеречь Уродцев, которую в первых главах книги я передал при помощи пиджина, гибридного языка. Я мыслил их себе как существ, общающихся исключительно при помощи телепатии и вынужденных втискивать многослойную структуру мыслей и образов в узкие рамки языка другого вида людей. Поэтому, с точки зрения кроманьонцев, их структура речи должна была выглядеть неуклюже. Позднее же, когда Рия обрела дар понимать все языки, она смогла идеально воспринимать мыслеречь Уродцев, и с этого момента я уже не передавал их речь в прежней манере.

Часть I

Глава 1

Северная Испания, 24000 лет назад, конец лета

Рия выслеживала жирного кролика, расположившись на склоне извилистой лощины, поросшем розовыми цветами камнеломки и тимьяном, вперемежку с жесткой травой и утесником. Лежа на животе, она подползала все ближе, пока не подобралась на бросок. Подходящий камень уже лежал в ладони отведенной назад правой руки. Присев на корточки, она метнула его, но в последний момент кролик подпрыгнул и поскакал прочь, напуганный криками и гиканьем.

Какого хрена мне испортили охоту?! Резко крутанувшись в направлении, откуда доносились крики, и прикрывая глаза ладонью от утреннего солнца, она увидела хромого самца-Уродца, который, спотыкаясь и прихрамывая, в ужасе бежал по дну лощины, шагах в двухстах от нее. За ним гнались Григо, Дюма и Вик, трое молодых парней из ее племени, Клана. Они кричали изо всех сил и размахивали деревянными дубинами, охваченные жаждой крови, и Рия сразу поняла, что они собираются убить беспомощного недочеловека. Она решила остановить их, по большей части благодаря своей большой нелюбви к Григо.

Зиму назад властный Мёрх, отец Григо, пришел к ее братьям, Хонду и Рилу, и заявил, что она должна стать женой его сына. Рия скорее бы стала женой вши, чем этого юноши, и отказалась. Хонд и Рил, обожавшие свою младшую сестру, поддержали ее, но с тех пор между семьями возникла скрытая вражда, и Григо досаждал ей и оскорблял ее при каждой возможности.

Пришло время расплаты.

Крутой склон лощины был усеян валунами, но Рия уверенно сбежала вниз. Расстояние уменьшилось до сотни шагов. Хотя преследователи бежали прямо на нее, ни они, охваченные жаждой убийства, ни их жертва, старавшаяся не угодить в какую-нибудь ловушку, судя по всему, пока ее не заметили.

Григо, рослый и худощавый, с искаженным от злобы некрасивым лицом, бежал первым. Ему было семнадцать, на год больше, чем Рии, но Дюма и Вик, его ровесники, относились к нему с таким раболепием, что Рии было просто тошно. Вик, толстяк, еле бежал, шагов на двадцать позади Григо; его тело колыхалось, как шматок тюленьего жира. Последним, как всегда, бежал Дюма, закидывая худые ноги к тощей заднице. На его изрытом оспинами плоском лице застыло выражение тупой преданности.

На бегу подхватив с земли камень размером с кулак, Рия кинула его, шагов с тридцати, плавным и быстрым движением предплечья. Григо, уже готовый обрушить дубину на голову Уродца, получил камнем прямо по зубам и упал, раскинув руки. В тот же самый момент Уродец, обессилевший и перепуганный, упал рядом с ним. Два других преследователя были уже в шаге от них.

Но Рия оказалась быстрее. Рванувшись вперед, она перепрыгнула через Уродца и встала между ним и Виком с Дюмой. На ее лице была такая ярость, что парни замерли, как вкопанные.

— Оставьте его в покое! — крикнула она. — Позор вам, гоняться за увечным ребенком!

— Это не твое дело, Рия, — ответил Дюма. Его лицо загорелось гневом. — Проваливай, на хрен, быстро, иначе…

— Иначе что? — поддразнила его Рия. — Побьешь меня? Ого. Уже боюсь. Очень-очень. Правда-правда.

Краем глаза Рия увидела, что Григо уже поднялся с земли. И тут он внезапно набросился на нее сзади. Почему-то она дала застать себя врасплох, хотя и прекрасно знала, что он куда опаснее своих безвольных прислужников. Рия почувствовала, как мускулистая правая рука Григо обхватила ее шею и сдавила горло. Он запрокинул ее голову, и девушка увидела его лицо с выдающейся челюстью, покрытой юношеским пушком, и ощутила его несвежее дыхание.

— Думаешь, можешь нам перечить, если у тебя есть братья? — прошипел Григо. — Но сейчас их здесь нет, и они тебя не защитят. — Он плюнул кровью ей на волосы. — Сначала мы покончим с Уродцем. Замучим до смерти. Можешь на это посмотреть, если захочешь. А потом… — Он усмехнулся. — Эй, Дюма, Вик. Почему бы нам не попользоваться Рией по очереди, а потом не убить и ее?

Григо сказал это так непринужденно, что девушка поначалу даже не восприняла угрозу всерьез. *Попользоваться?* В смысле? Рука Григо сильнее сдавила ей горло, Рия начала царапаться и кусаться, но не могла вырваться. В глазах начало темнеть, она захрипела, хватая ртом воздух. Попыталась возразить Григо, но не смогла сказать ни слова. Задыхаясь и кашляя, Рия услышала, как Григо предлагает Вику и Дюме изнасиловать и убить ее, а потом выкинуть тело туда, где его никто не найдет.

— Сульпе это может не понравиться, — с сомнением ответил Вик. — Он же сказал нам убивать Уродцев, а не людей Клана.

— Шутишь? — со смехом ответил Григо. — Ты его плохо знаешь, не то что я. Ему это очень понравится.

Рия не понимала, о чем они говорят. Она никогда не слышала ни о каком Сульпе.

— А как же Хонд и Рил? — спросил Дюма. — Если они узнают, они нас прибьют…

— Они не узнают, — уверенно ответил Григо. Опустил вниз левую руку, скользнув ладонью по штанам Рии из оленьей кожи, и принялся ощупывать ее зад и промежность. Делая это, он слегка ослабил зажим на ее шее. Рия ухитрилась повернуть голову и впилась зубами в сухожилие в его локтевом сгибе.

Григо заорал от боли, плюясь кровью, и попытался высвободить руку. Но Рия впилась в нее зубами изо всех сил и схватилась рукой за его лицо, царапая его ногтями и стараясь попасть в глаз. Григо продолжил ругаться и кричать, а потом принялся молотить ее кулаком, не переставая душить. У Рии снова потемнело в глазах, но она продолжала сопротивляться, пока Вик и Дюма не схватили ее за руки и за ноги и не прижали к земле. Григо оступился, и все трое подростков оказались на земле, поверх Рии.

Вот дерьмо, смерть моя пришла.

Ощущение было такое, что ее накрыло лавиной. На мгновение Рия потеряла сознание. Придя в себя, она поняла, что все уже не так плохо. Кто-то схватил Вика и Дюму, стащив с нее, и отшвырнул в разные стороны. Затем пришла очередь Григо. Откуда-то, будто с неба, появились две огромных мохнатых руки. Одна схватила юношу за пах, другая — за шею. Григо подняли в воздух и тряхнули так, что у него клацнули зубы.

Лежа на земле, Рия увидела, что Григо держит в руках огромный самец, из Уродцев, с массивными надбровными дугами, ужасающе оскаливший желтоватые зубы. Ее охватило смешанное чувство радости и тревоги. Казалось, это существо готово сломать Григо об колено, но Уродец не стал делать этого. Отбросив Григо в сторону, он перешагнул через Рию, чтобы помочь своему лежащему на земле собрату. С попытки спасения которого все и началось.

Постепенно успокаиваясь, Рия огляделась. Здесь был не только этот зубастый здоровяк, вместе с ним было шестьдесят Уродцев. *Откуда они взялись?* Мужчины и женщины, одетые в плохо выделанные звериные шкуры, дурно пахнущие. У некоторых в руках были примитивные деревянные копья, больше напоминающие небольшие стволы деревьев, к которым примотали грубо обколотые каменные наконечники. У других — дубины и топоры. Тела нескольких были разрисованы красной и белой краской, а у одной из женщин на шее болталось ожерелье из черепов летучих мышей.

Стоны, доносящиеся от Дюмы, Григо и Вика, свидетельствовали, что они еще живы. Очень скоро ей придется поговорить насчет них с братьями, подумала Рия. Если, конечно, они останутся в живых. Уродцы выглядели разозленными, что неудивительно. Не только потому, что они поймали трех людей, охотившихся за их детенышем, но и потому, что люди Клана в последнее время сделали им много плохого. У них достаточно причин для мести, и возможность им представилась идеальная. *Видели ли они ее героическую и самоотверженную попытку спасти их соплеменника?* Сейчас это был единственный вопрос, который волновал Рию.

Но Уродцы явно не собирались мстить Дюме, Григо и Вику, как и не выразили особой благодарности Рие, рискнувшей жизнью ради их сородича. Вместо этого они собрались позади нее, встали тесным кольцом вокруг увечного, взявшись за руки, и начали издавать

низкие звуки, похожие то ли на вздохи, то ли на уханье совы. Вскоре увечный встал на ноги, отряхиваясь, как мокрая собака.

Они его вылечили, подумала Рия, изумленная такой быстрой переменой. *Хотя нет, конечно же*, поправила она себя.

Этот молодой самец выглядел крепким и здоровым, таким же, как его соплеменники, и наверняка убежал бы от Григо, если бы не увечье. Его ступня была вывернута внутрь и вниз, под неестественным углом. На первый взгляд, он был ровесником Рии, может, чуть постарше. Девушка с удивлением, а отчасти и с тревогой поняла, что он не кажется ей столь уж уродливым. Надбровные дуги еще не выросли полностью, а в карих глазах, глядевших на Рию, светились разум и доброта.

Уродцев считали безмозглыми животными, наравне с турами и носорогами, лишенными разума и неспособными на чувства. Но глаза этого молодого самца, пристально глядящего на нее, были совершенно человеческими, и Рия без труда распознала в их выражении чувства, свойственные только людям. В Клане считали, что Уродцы слишком глупы, чтобы говорить, но сейчас Рия поняла, что этот человек уже общается с ней неким непонятным способом. Она почувствовала его благодарность за то, что, не думая о себе, вступилась за него. Осознав это, она вдруг услышала голос, но не исходящий изо рта, а звучащий в ее голове.

— Спасибо тебе.

Это было настолько потрясающе и необычно, что Рия уже начала убеждать себя в том, что ей показалось. Уродцы собрались уходить, и хромой парень — вместе с ними. Он побрел, ссутулившись и склонив голову, вместе со старшими. Рия поняла, что скоро она останется одна. Вернее, в компании Дюмы, Григо и Вика. Вот тогда они *уж точно* завершат начатое.

— Эй, Уродцы! — вскочив на ноги, крикнула она. — Возьмите меня с собой.

Глава 2

Калифорния, наше время, конец лета

Леони едва стукнуло семнадцать, но она уже давно перестала считать своих любовников. На удивление хороших было два-три, пару-тройку она запомнила под меткой «унылое говно», но большинство были просто… незапоминающимися.

Как и этот, который сейчас дрыгается, лежа на ней. Такой незапоминающийся, что она сразу же начала забывать его. Как его зовут? Морт? Хм. Быть может. А может, Майкл или Мэтью? Может, у него имя вообще не на «М», и он Джон, Джим или Джо? Да хоть Билл или Боб.

Без разницы.

С трудом скрывая раздражение, Леони дождалась, пока он закончит, потом сделала усилие над собой, чтобы не зевнуть, вытерлась его фирменной футболкой от Версаче, попрощалась и ушла.

Он жил в особняке с запутанными коридорами, блуждая по которым Леони невольно вернулась обратно к его спальне, будто в кошмаре, когда хочешь проснуться, но не можешь. Потом наконец добралась до входной двери и вышла наружу, в теплую ночь, окутавшую Малибу. Попыталась вспомнить, где же она припарковала свой голубой кабриолет SL500. Несколько минут нервно жала на кнопки брелока, пока не вспомнила, что поставила машину с другой стороны дома.

Пошатываясь на каблуках, обошла вокруг дома. Что же этот ублюдок подсыпал мне в водку, подумала она. Состояние было тупейшее, голова будто пузырь. Где же мой «мерс»? Пик-пик. А, вот он. Леони залезла на сиденье и завела мотор. Лучше. Намного лучше. Теперь оставалось только вспомнить дорогу домой. Щелкнула тумблером, закрывая складную крышу. Р-р-р… ш-ш-ш… щелк. Долой туфли от Джимми Чу, все фары включить, правой ногой газ в пол. Приятный визг колес, выбросивших назад горсть гравия. Чтобы сориентироваться, она

пару раз объехала вокруг дома, помчалась по подъездной дороге и с визгом резины остановилась у закрытых стальных ворот.

Леони все это начало раздражать. Все, чего она сейчас хотела — вернуться домой и спать, типа, дня три. Но не могла выбраться отсюда. Посигналила и громко газанула мотором. Рев был оглушительный. Сдала назад, снова газанула и затормозила в считанных дюймах от ворот. Еще раз. После третьей попытки парень, видимо, сообразил нажать кнопку, и ворота распахнулись. Небольшая синяя машина Леони выскочила за ворота, как пробка из бутылки, и понеслась по дороге, виляя из стороны в сторону, пока Леони не справилась с управлением.

Подъехала к шоссе, шедшему вдоль берега Тихого океана. Ветер трепал волосы. Пытаясь прикурить сигарету, Леони заложила лихой поворот влево на скорости за сто шестьдесят, в сторону Санта-Моники, подрезав погано выглядящий черно-белый «Форд», ехавший по противоположной полосе. Мельком увидела изумленные лица сидящих в машине. Двое мужчин, один из них — усатый. А затем разглядела семиконечную золотую звезду на двери «Форда» и надпись золотыми буквами «Дорожный патруль Калифорнии».

Утопив в пол педаль газа, Леони разогнала машину за двести, но через считанные секунды увидела в зеркале заднего вида «Форд», сверкающий маячками и завывающий сиренами. Боже, как быстро эти ребята меня догнали. Этот поганый «Форд» крут, конкретно. Поняв, что смыться не получится, Леони сбросила скорость, свернула на резервную полосу и остановилась. Сердце билось как бешеное, живот сводило судорогой. Боже!

Усатый полицейский подошел к двери ее машины, скорчил недовольную мину и потребовал права. Лет двадцати с лишним, с коротко стриженными черными волосами, похожий на латиноамериканца. И с большим «смит-вессоном» в кобуре на заднице. Поспешно разыскивая права, Леони выронила на пассажирское сиденье содержимое сумочки. Разрыдалась, пытаясь отвлечь внимание, поскольку вместе с правами на сиденье вывалились не только кредитки, деньги, тампоны, презервативы и помада, но и десяток пухлых пакетиков с кокаином.

— Мэм. Выйдите из машины. ЖИВО, — приказал полицейский.

К утру отцовский адвокат устроил ей освобождение под залог. Ее вывели через боковую дверь, накинув на голову одеяло, чтобы не попасться на глаза прессе и фотографам, которые ждали ее появления у главного входа. К полудню Леони уже была в Беверли-Хиллз и сидела в роскошной кухне отчего дома.

Никогда еще она не чувствовала ненависть и отвращение к родителям столь отчетливо. От отвращения по коже буквально шли мурашки.

Отец, невысокий, коренастый мужчина средних лет, уже слегка рыхлый, в костюме за десять штук баксов и с типичным для Беверли-Хиллз загаром, с коротко стриженными светлыми волосами, редеющими на висках, холодным и пустым взглядом налогового инспектора и длинным носом, странно смотрящимся поверх его ярко-красных пухлых и влажных губ, обычно играл первую роль в скандалах, но на этот раз первую скрипку играла его жена, а он лишь стоял у двери, водя языком по зубам, будто пытаясь выковырять остатки еды.

Мама была выше его ростом сантиметров на десять, худощавая, с выступающими скулами и злобная, как гремучая змея.

— Нам все утро звонят с конкурирующих каналов, и журналисты! — крикнула она Леони. — Даже из «Нэшнл Инкуайер» позвонили, прости Христос…

Мать сделала лицо на манер ведущей новостной программы.

— «Богатая сучка, дочь заправил медиабизнеса, вышла под залог после бурной ночки с выпивкой и наркотой».

У женщины задрожала верхняя губа. Потекли слезы, размывая макияж.

— Ты снова нас опозорила! — завопила она, брызгая слюной. — Опозорила своего отца. Опозорила меня. Хуже того, опозорила своего брата, в первую же неделю его школьной учебы.

Судя по всему, мать была очень довольна, что смогла приплести к этому скандалу Адама, их любимого чудо-мальчика.

— Вот этого я тебе никогда не прощу.

Адам прыгнул через класс, в десять уже пойдя в среднюю школу, и это было круто. Он оказался на год моложе одноклассников, и его потрясающие школьные успехи являли собой яркий контраст со старшей сестрой, которую готовы были вот-вот выгнать из школы за неуспеваемость. Мать напоминала ей об этом при каждом удобном случае.

— Для вас все, как всегда, сводится к Адаму? — всхлипнув, сказала Леони. — Адам то, Адам это, все только о нем. И никогда, *никогда* обо мне.

— Что значит «никогда о тебе»? Эгоистичная сучка! — вскричала мама. — Понять не могу, разве мы не давали тебе все, чего бы ты только не захотела?

«Вы даже жизнь эту мне не давали, — очень захотелось ответить Леони, — откуда ж вам знать что-то еще?» Девушке было просто необходимо затеять большую и болезненную разборку…

Прямо сейчас.

Но Леони до сих пор не была уверена, произошло ли то, что случилось в прошлом, на самом деле или только в ее воображении.

— Слушай, извини, ладно? — наконец сказала она. — У меня сейчас трудный период, я привыкаю, разбираюсь с кучей… мне не нравится… *все*, что случилось за последний *год*…

— Хорошо, посмотрим, как ты привыкнешь обходиться без машины, — перебила ее мать. — Скидок не будет. Как насчет того, если мы откажемся платить адвокату, если дело дойдет до суда? Штат предоставит тебе казенного, будь уверена. Какого-нибудь мальчика, только что из юридического, что называется, молоко на губах не обсохло. Он не сможет спасти тебя от тюрьмы. НА ЭТОТ РАЗ, ЛЕДИ, ВЫ ЭТО ЗАСЛУЖИЛИ.

На этот раз, леди, вы это заслужили. Какая же дрянь, какая же ты дрянь, мама, подумала Леони. Самообладание покинуло ее, она коротко, резко вскрикнула и выбежала из кухни, толкнув по дороге отца и опрокинув в холле торшер. Взбежав по лестнице, ворвалась в свою спальню и захлопнула дверь с такой силой, что пара дверных панелей треснула и на пол посыпалась белая краска. Шатаясь, пошла вперед, откопала в прикроватном столике свой альбом и «Волшебный Маркер». Резко тыча и чиркая, нарисовала картинку, изображающую осла, взгромоздившегося на ее мать. Порвала картинку на мелкие кусочки, рухнула на кровать и зарыдала, уткнувшись лицом в подушку, как капризный трехлетний ребенок. Почему у мамы всякий раз получается довести ее до такого состояния?

Прошло минут пять, но Леони все еще дрожала от ярости. Но потом вспомнила, что у нее кое-что есть. Сбросив туфли, подошла к шкафчику для нижнего белья и, покопавшись, нашла спрятанный у задней стенки скатанный носок. Голоса родителей из кухни были едва слышны, но они явно кричали и ругались. Может, по поводу того, что с ней делать дальше. Раскатав носок, она вытащила пять белых таблеток оксиконтина, которые стянула, вместе с другими лекарствами, из шкафчика матери, размером с аптечный, набитого кучей наркоты, полученной по рецепту врача.

Леони еще не пробовала оксиконтин, но слышала про него много хорошего. Сейчас самое время. Таблетки по десять миллиграмм. Пять — это слишком много? Или слишком

мало? Она видела, как ее приятель Билли, сидящий на амфетамине наследник миллиардного состояния, заглотил огромную синюю «торпеду» в сто шестьдесят миллиграмм оксиконтина, и особо плохо ему не стало. Ведь ей же не станет плохо от детской дозы в пятьдесят, да? А если и станет, то не наплевать ли ей на это? На взводе она решила принять восемьдесят. Вспомнила совет Билли, что для пущего эффекта таблетки лучше растолочь в порошок и вдуть, как кокаин. Уж это-то Леони делать умела.

Дрожа от нетерпения, она растолкла восемь таблеток в порошок кончиком стальной маникюрной пилки, сложила вдоль стодолларовую купюру и с силой втянула носом порошок. Хм. Неплохо. Кровь тут же прилила к голове. Занюхав весь оставшийся порошок, Леони легла на кровать, чтобы насладиться приятным теплом, залившим все тело. Господи, куда лучше, чем секс. Мысли поплыли. Ощущение, будто ее погрузили в теплое желе. Но вскоре ее начала бить дрожь. Кожа стала холодной и влажной. Стены комнаты закружились, и она почувствовала удушье.

Попыталась встать с кровати, доползти до двери, позвать на помощь, но рухнула на пол. Ощущение удушья становилось все сильнее. Леони перестала дышать и провалилась в черноту.

Глава 3

Рия не собиралась оставаться с Уродцами ни на мгновение дольше необходимого. Она просто хотела уйти на безопасное расстояние от Григо, Дюмы и Вика. Потом она попрощается с большими мохнатыми и желтозубыми защитниками, и ее ждет трудная дорога обратно в стойбище Клана, где она поговорит с забияками — братьями Хондом и Рилом, чтобы надлежащим образом отомстить за нанесенное ей оскорбление.

Рия все еще дрожала от испуга и возмущения, понимая, насколько близко она была от того, что ее изнасилуют и убьют.

Но было и что-то еще. Эти трое парней, особенно Григо, — известные гаденыши, но такое поведение странно даже для них. Мало найдется мужчин в Клане, взрослых и опытных, не говоря уже об этих юнцах, которые рискнули бы вызвать гнев старших братьев Рии, скорых на расправу умелых бойцов. Что же тут не так?

Видимо, это их связь с каким-то там «Сульпой», придавшая им уверенности. А еще этот Сульпа по какой-то причине хочет, чтобы они мучили и убивали Уродцев.

Есть над чем подумать. С самого начала лета часть совета воинов, которым верховодил Мёрх, отец Григо, принялась охотиться на недочеловеков, словно на диких зверей, убивая их целыми семьями и жестоко пытая тех, кого удавалось захватить живыми, постепенно изгоняя Уродцев с их исконных охотничьих угодий.

Но никто из громил, что были заодно с Мёрхом, да и никто из Клана вообще не носил имени «Сульпа». Странное имя, чужое. Наверняка имя пришлого.

Почему же Григо, Дюма и Вик подчиняются приказам чужака? Они говорили о нем раболепно и с восхищением. Вик его явно боится, а Григо гордится тем, что лучше двух других знает его.

Что же их так восхитило? Почему Сульпе должно было «очень понравиться», если они изнасилуют и убьют ее?

Все это сильно пугало Рию.

Уродцы шли вперед неуклюже, но весьма проворно. Мужчины их племени были такими мускулистыми, что их тела походили на мешки из носорожьей шкуры, под которыми перекатываются булыжники. Женщин отличить от мужчин было трудновато, что по размеру, что по фигуре, разве что они выглядели еще более отталкивающе и противно. В последние годы эти жалкие создания принялись подражать манере женщин Клана, которые подводили

глаза углем и красили губы охрой, достигнув детородного возраста. Рия тоже так красилась, уже три года, с момента первых месячных. Но женщины Уродцев совершенно не подходили внешностью под такую раскраску.

Как бы то ни было, их неудачные попытки украшать себя были любопытным явлением. Как и пронзительный взгляд, исполненный разума и человеческих чувств, у того молодого мужчины, спасенного Рией. Неумелая раскраска тоже произвела на нее впечатление. Она прониклась к ним жалостью и почувствовала в них что-то родственное, ясно понимая, что их нельзя считать тупыми животными. *Ходят на двух ногах, как и мы. Руки и ноги с пятью пальцами. Уши и глаза такие же, как у нас. Почти. Матери прикладывают детей к груди. У них даже есть инструменты и оружие, пусть и совсем плохонькие.*

С другой стороны, вне зависимости от ее расположения к ним, есть и различия, которые невозможно игнорировать. Рия огляделась, присматриваясь к Уродцам. Хотя бы эти надбровные дуги, какие-то… нечеловеческие. Круглые подбородки, склоненные вперед головы, казалось, растущие прямо из плеч. Клочковатые, грубые рыжие волосы, растущие по всему телу и придающие им особенно убогий вид. А еще они *воняют*, просто дерьмово воняют.

В этот момент Рия почувствовала, что кто-то к ней приблизился. Хромая, к ней подошел тот самый молодой Уродец. Он смотрел на нее, и в его взгляде было нечто вроде симпатии. Когда их взгляды встретились, Рия ошеломленно услышала голос внутри головы, говорящий на ее языке:

— Защитить тебя… защитить… Рия… я буду защищать Рия.

Значит, в первый раз ей не показалось. Его губы не двигались, но она четко понимала, абсолютно четко, что слышит именно его голос. Каким-то образом он ухитрялся говорить, не открывая рта, так, что слова звучали прямо у нее в голове. Для Рии это было вроде того, что солнце взошло не с той стороны или река потекла вспять, совершенно поразительно, до головокружения.

— Откуда ты знаешь мое имя? — испуганно спросила она. — И, кстати, извини, что мне приходится говорить вслух, как нормальным людям. Ты слышал, как Дюма назвал меня Рией, да? — выпалила она. — А, так вот откуда ты знаешь мое имя.

В ее голове тут же прозвучал ответ.

— Не нужно слов Дюма. Я *знаю* твое имя. Знаю твои мысли, без слов. Между нами связь, ты и я. Теперь я буду защищать тебя. Ты мне… сестра.

— У меня хватает братьев, благодарю. Что за связь? И, подожди-ка, ты же сказал, что знаешь мои мысли?

— Уродцы грязные. Пахнут дерьмом. Плохое оружие. Не умеют краситься.

Рия ахнула.

— О, понятно. Ничего не скроешь, а? Без разницы, скажу я это вслух или нет? Любая шальная мысль, проскочившая у меня в голове, станет известна тебе? Вы все такие, да?

— Если есть связь, да, — послышался голос в голове Рии. — У нас общие мысли, образы, ощущения. Мы слушаем. Запоминаем ваши слова, но они нам не нравятся. Люди Клана говорят, ля-ля-ля-ля… говорят одно, думают другое. Мы не умеем говорить вслух страшных слов, как люди Клана.

Чтобы подчеркнуть свою мысль, Уродец открыл рот. Судя по всему, как и старшие, он не чистил зубы с рождения. Издал тихий рык и ухнул, несколько раз.

— Руу… Ах… Руу… Ах… Руу… Ах.

Что это? Что за «Ру-Ах»? Подавив смешок, Рия поняла. Уродец попытался произнести ее имя, и ему это не удалось. Хотя, когда голос звучал в ее голове, он произносил ее имя идеально. Потом он показал на свою глотку. Вернее, туда, где она должна была бы быть, если бы у него была шея. Произнес еще несколько неразборчивых звуков, больше похожих на то, как если бы дикий зверь пытался жевать камни.

— А, поняла, — ответила Рия. — Вы действительно *не можете* говорить. Ваши глотки не в состоянии производить слова. Вместо этого вы говорите напрямую, от головы к голове. Круто. Хотела бы я так уметь. Сэкономила бы кучу времени.

— Может обидеть, — ответил мыслеголос Уродца. — Что в чужой голове, может обидеть.

Рия тут же кивнула, соглашаясь.

— Могу себе представить. Не думаю, что у меня осталось бы много друзей, если бы они знали, что я иногда о них думаю. Слушай… ты мое имя знаешь, а я твое — нет. Скажи его, это будет по-честному.

— Трудно.

— Почему трудно?

— Мое имя… трудное для тебя.

— Давай, не стесняйся.

— Бриндл-Фудж-Тубло-Трунджен-Арчипрона.

— А, поняла. Скажи еще раз, если не возражаешь. Уверена, со временем запомню.

— Бриндл-Фудж-Тубло-Трунджен-Арчипрона.

— Хорошо. Для начала — Бриндл.

Рия оглянулась. Начало лощины уже скрылось из виду, они поднимались по пологому склону холма, типичному для этих мест. Когда они миновали вершину и начали спускаться, она прикинула, что Григо, Дюма и Вик уже достаточно далеко, чтобы она смогла обогнать их.

— Ты побежишь? — раздался в ее голове голос Бриндла. — Не очень хорошая мысль. Мальчишки, которые охотились, будут преследовать тебя. Лучше останься с нами на ночь. Может, вернешься в Клан завтра утром?

Ты шутишь, подумала Рия.

— Не шучу. Останешься с Уродцами этой ночью. В безопасности.

Одновременно с этой мыслью в ее голове возникли образы и ощущения. Стены пещеры, пища, приготовленная на костре, сладковатый запах тлеющего дерева и жареной оленины, уступ скалы, застланный мехом, будто приглашающий на нем поспать.

— НЕТ! — завопила Рия. Бриндл вздрогнул, а другие Уродцы поблизости принялись порыкивать и ухать. — ТЫ ШУТИШЬ, ДА? Я НИ ЗА ЧТО С ВАМИ НЕ ОСТАНУСЬ, НИ ЭТОЙ НОЧЬЮ, НИ ВООБЩЕ.

Она рванулась влево, протиснулась между двумя коренастыми женщинами и побежала к вершине холма. Сердце ее колотилось. К счастью, никто из Уродцев не стал ее преследовать. На самом деле, за исключением Бриндла, чьи тревожные восклицания раздавались в ее голове, как птичьи крики, остальные не проявили ни малейшего интереса к ее бегству и продолжали идти вперед.

Вскоре Рия добежала до большого валуна перед самой вершиной холма и остановилась, чтобы перевести дыхание. Оглянувшись, торжествующе поглядела на Уродцев, которые уже были в паре сотен шагов от нее. Уф. Какое облегчение. Она была уверена, что они хотят сделать ее своей пленницей. Или не они, а конкретно Бриндл.

«Не пленница! — послышался мыслеголос Бриндла. — Никогда!»

Рия пожала плечами. Хрен с ним. Она выбралась. Прошла еще пару шагов через плотную поросль утесника и папоротника и очутилась на вершине холма.

Рия предполагала, что ей предстоит хорошая пробежка вниз, чтобы окончательно почувствовать себя свободной, но вместо этого она увидела шагах в тридцати от нее взбирающихся на холм Дюму, Григо и Вика, с дубинами в руках.

— Привет, Рия, — злорадно сказал Григо, с блеском в глазах. — Готова покувыркаться?

Глава 4

Леони повисла под потолком спальни, как надутый гелием воздушный шарик. Хм… Паутина. Наверное, Кончита не сняла, когда вчера убиралась. Среди пыли и ниток, повисших на паутине, сидел жирный черный паук, рядом было с полдесятка парализованных букашек. Они покачивались от легкого ветерка, попадавшего в спальню через открытое венецианское окно. Леони не любила живность и попыталась стряхнуть паутину, но у нее ничего не получилось. Казалось, что пальцы насквозь проходят через волокна. Если мама это увидит, наверное, выгонит бедную Кончиту.

Отстраненно, безо всякого страха, Леони поняла, что с ней происходит нечто странное, но ей не хотелось разбираться, что именно, по крайней мере, прямо сейчас. Посмотрела вниз…

О… Боже… мой!

На полу лежало ее тело, валялось, будто сбитое машиной. Красный от «дури» нос глубоко зарылся в ворсистый ковер, юбка задралась, обнажив левую ягодицу. На столике лежал глянцевый журнал, на котором были видны крупинки оксиконтина. Значит, она не весь вдула. Стальная пилка для ногтей и свернутая стодолларовая купюра. «Все равно что повесить на двери табличку „ЗДЕСЬ ЖИВЕТ НАРКОМАН“», — подумала Леони.

Опустилась ниже, чтобы посмотреть на… себя. Не умерла ли она? Или в коме? Эти вопросы тронули ее не слишком сильно, и Леони удивилась тому, насколько, на самом деле, ее мало беспокоила судьба этого недвижного тела, сколь привычного, столь и чуждого. Всего лишь кожа и кости, мясо и потроха. Кроме того, теперь, что самое охренительное, у нее было другое тело. С прозрачными руками, которыми нельзя смахнуть паутину. Руки и ноги есть, туловище тоже, но они какие-то бесплотные. Она стала будто воздушной, как паривший в воздухе сверкающий мыльный пузырь, но не чувствовала в этом ничего страшного или угрожающего. Напротив, она будто плавала на волнах света и радости.

Но сможет ли она позвать на помощь? Есть ли хоть малейшая надежда на то, что ее состоящее из костей и мяса тело можно спасти? Будет ли она это делать? А что случится, если лежащее внизу тело умрет? Может, тогда она просто исчезнет, лопнув, как тот самый пузырь?

С этими мыслями Леони выплыла из окна спальни и опустилась вниз, в залитый солнечным светом сад. Сквозь распашные стеклянные двери влетела на кухню, где затухал разгоревшийся у родителей скандал. Сейчас они сидели за столом, как обычно — мама во главе, папа справа от нее; они говорили, тихо и серьезно.

— Слушайте, ребята, я там наверху подыхаю, — сказала Леони. — Надо живо везти меня в больницу.

Они не обратили ни малейшего внимания на ее слова.

— Папа! — заорала Леони, протягивая руку, чтобы дернуть его за плечо. Ее пальцы будто прошли сквозь воздух. Попыталась схватить за плечо маму, но ее рука прошла насквозь и вышла с другой стороны грудной клетки, пройдя заодно через спинку стула.

Твою мать!..

Поднявшись выше, Леони зависла над столом, глядя на них. Сейчас они выглядели еще уродливее обычного, будто два гигантских варана с острова Комодо, напялившие на себя

человеческие маски. Их шепот звучал жестко и зловеще. Леони почувствовала, как ее мягко, но неотвратимо тянет наружу, в сад, и подчинилась, но тут отец сказал нечто такое, что заставило ее вернуться.

— Леони подвергает нас риску. Если так дальше пойдет, она ляпнет это какому-нибудь репортеру.

— Мой папочка со мной трахался, — визгливо проговорила мать, подражая детскому голосу. — Мелкая сучка, — добавила она, уже нормальным голосом. — Это может повредить делу.

— Мы сами ее до этого довели, — ответил папа. На мгновение показалось, что он даже жалеет об этом.

— Джек хотел именно этого, — с пылом проговорила мама.

— Точно, — ответил папа, и его лицо посветлело. — Именно этого хотел Джек.

— Он выполнил свою часть сделки, а мы — свою, — сказала мама. — Пришло время избавиться от старья.

Мысли Леони закружились хороводом. Годами ее мучили сомнения по поводу мерзостей, которые делал с ней папа в детстве. Два периода мучений, с большим разрывом по времени между ними.

Происходило ли это на самом деле?

Ей так хотелось верить, что это всего лишь безумные кошмары, плод ее воображения. Папа раз за разом говорил ей именно это, но сейчас мама, судя по всему, подтвердила, что все это произошло в реальности. Ее насиловали потому, что этого хотел какой-то там Джек.

Кто же этот Джек?

И что имела в виду мама, сказав, что пора избавиться от старья?

Леони мучительно пыталась найти ответ, а сила, тянущая ее тело, становилась все мощнее. На мгновение ощущение было такое, что она оказалась в первой кабинке «американских горок» в Санта-Монике, только полет был в тысячу раз быстрее. Пронесясь через огромные небесные просторы, она снова оказалась в спальне, над своим телом из костей и мяса. БУХ! На ее теле кто-то сидел. Кончита! Она зашла, взяв щетку, чтобы смести паутину, а теперь то кричала, зовя на помощь, то делала искусственное дыхание неподвижному телу.

Леони судорожно вздохнула, и ее молниеносно втянуло обратно в плотное тело. Последнее, что она увидела прежде, чем потерять сознание, — как Кончита звонит на «911».

Леони снова повисла над потолком, но уже не в спальне. Так-то лучше. Ее наконец-то привезли в больницу. Похоже, операционная; помещение было заполнено сексапильными мужчинами-врачами в зеленых больничных костюмах, бегающими туда-сюда. Посреди всего этого на носилках лежало несчастное бледно-серое тело Леони, окруженное кучей трубок, проводов и пакетов.

Врачи лихорадочно что-то делали с телом, но это не слишком интересовало его хозяйку. Потом… что это было? Паника. Выкрики. Писк дефибриллятора, набирающего заряд. Судя по всему, у нее остановилось сердце. Леони увидела ровную линию на кардиомониторе и услышала тонкий визг сигнала тревоги. Ее снова с силой потянуло, как в прошлый раз, но теперь не к телу, а в противоположную сторону, в светящийся водоворот, открывшийся перед ней, будто тоннель. Она даже подумать не успела…

О… Боже… мой! Вот это интересно!

…как она оказалась внутри вращающегося тоннеля.

На стенах виднелись большие геометрические узоры, с равными интервалами, похожие на какие-то, сложной формы, окна. В них прорисовывались картины и образы людей.

Леони смогла замедлить свое движение и сосредоточить внимание на образах. Поняла, что как только ей удается сосредоточиться на каком-то из них, образ становится очень ярким и четким. Воспоминания.

Только это не могло быть воспоминаниями. Никто не может вспомнить того, что с ним происходило, когда ему было несколько часов от роду. Или может?

Она увидела то, что мечтала представить себе всю свою жизнь. Но сейчас это было не представлением, а реально наблюдаемым событием.

Ночь. Дождь льет. Единственный фонарь освещает оранжевым светом мрачный переулок. Переулок заканчивается кирпичной стеной с битыми бутылками на ее верхнем крае. Ржавая закрытая дверь. По обе стороны от двери — пластиковые мешки с мусором, мокрые от дождя. Молодая женщина, светловолосая, бледная, с большим синяком на скуле и темными кругами под глазами, ныряет в переулок. Крадучись, идет вперед, оглядываясь и проверяя, не следит ли кто за ней. У нее в руке небольшой черный пластиковый мешок, в котором лежит какой-то предмет. Боязливо озираясь, женщина кладет мешок к большим мусорным мешкам и поспешно убегает, не оглядываясь. Мешок не завязан, только скомкан сверху. Удаляющиеся шаги женщины, тихий плач. Что-то ворочается внутри мешка, и его горловина открывается. Дождь начинает капать на сморщенное личико и голубые глаза младенца. Новорожденного.

Этот младенец — она сама, поняла Леони.

Нежеланный, никому не нужный ребенок.

На следующей оконной панели она увидела себя, в возрасте двух лет. В разрисованном платьице, сидя на полу, смотрит телевизор в сиротском приюте Лос-Анджелеса. Это первое, что она достаточно отчетливо запомнила из своей жизни.

Здесь ей три года. День в семье, которая, возможно, возьмет ее к себе. Ей так хотелось жить в настоящем доме, иметь собственные игрушки, настоящих родителей. Но тогда ее не взяли.

Следующая картина. Следующая семья, отказ. Этот ребенок никому не нужен.

Ей почти пять, она стала тихой, замкнутой девочкой, которая ни с кем не дружит. Сидит одна, с пастелью и альбомом. Ей всегда нравилось рисовать.

На следующей картине, пару месяцев спустя, было самое важное событие ее жизни. Внезапно обратив на нее внимание, ее удочерили Герман и Мадлен Уоттс. Небогатые; головокружительная карьера папы стартовала вскоре после того, как они взяли к себе Леони. Но она помнила, как они жили в восточном районе Голливуда, и тот дом казался ей сказочным дворцом.

Ей семь лет. Первый дом в Беверли-Хиллз, лучший год ее жизни. Мама и папа хотели, чтобы она была с ними, иначе бы не удочерили. Или нет? Они давали ей все, чего она ни пожелает. Домик на дереве, любого домашнего любимца, кого бы она ни захотела, маленький автомобильчик с самым настоящим мотором, чтобы кататься по участку, шкафы, забитые нарядами, детская косметика, несчетное количество пар обуви. Она почувствовала себя Золушкой, попавшей на бал.

Восемь лет. Настали плохие времена. Она спала в своей уютной комнатке, и вдруг кто-то схватил ее за волосы и затряс. Она проснулась и закричала. Папа. Он был без одежды. В свете ночника его глаза были пусты, как два полированных камня. Он залез на нее, продолжая держать за волосы.

«Что такое? Что такое? Папа? Нет!» — кричала она. Он заткнул ей рот свободной рукой. У нее закружилась голова. Он был намного ее тяжелее. Распластавшись поверх ее, раздвинул ей ноги коленом и начал ее щупать. «Мама! Мама! Мама!» — закричала она, очень громко.

Но мама не пришла, чтобы спасти ее. Ни разу не пришла за целый год, пока продолжались эти ужасные ночные визиты.

Ей девять. Едет в машине, вместе с папой. Он объясняет, что ее кошмары не происходили в реальности. Леони, в глубине души, и самой хотелось верить, что все это было лишь в дурном сне. Другая проблема — телесные повреждения — от того, что во время кошмаров она была не в себе и сама нанесла увечья.

Ей десять. Они выехали на отдых, всей семьей. Адам, их родной ребенок, которого они называли «чудом», поскольку до его рождения Мадлен считали бесплодной, ему исполнилось два года. Даже сейчас, при одном воспоминании об этом дне Леони пронзило чувство зависти и злобы, ведь мама все внимание уделяла Адаму, а с ней общалась холодно и пренебрежительно.

Ей одиннадцать. Ее больше не насилуют. Или ей это не снится. Школьный двор, она безжалостно издевается над бедной Джанет Лисгоу, младше ее, у этой девочки была «волчья пасть». Скоро Джанет покончит с собой.

Леони исполнилось двенадцать. Снова настали плохие времена. Она лежит на кровати, будто парализованная, а на ней лежит папа. Его лицо покрыто потом.

«Джек хотел именно этого».

Было еще тридцать изнасилований. Она уже не кричала. Ни разу. Просто закрывала глаза и смирялась. Принимала любую позу, какую он ни прикажет. Не жаловалась. Так было легче. Когда он входил в нее, она просто покидала тело, как научил ее Синий Ангел.

Синий Ангел как раз тогда начал приходить к ней во сне.

Тайный друг, о котором она никому не рассказывала.

Вообще никому.

Как и о том, что делал с ней папа.

Следующая картина. Ей четырнадцать. Они транжирят деньги на Родео-драйв. Папа и мама осыпают ее подарками, изнасилований не было уже два года. Снов — тоже.

Ей пятнадцать. Она в просторной ванной комнате, на вечеринке, нагая, стоит на коленях, опершись на ладони, а пятеро парней, которых она даже не знает по имени, имеют ее по очереди.

Ей шестнадцать. Она в какой-то другой ванной комнате, нюхает кокаин, полоску за полоской. Ноздри красные, глаза болят.

Ей семнадцать. Она умирает от передозировки оксиконтина в собственной спальне…

Леони все это время продолжала видеть, как вокруг нее суетятся врачи, но все тусклее… тусклее. Приближался выход из тоннеля, заполненный клубящимся светящимся туманом, сквозь который виднелись, то появляясь, то пропадая, красивейшие зеленые луга и высокие деревья.

Красиво, подумала Леони. *Это небеса?*

Посреди тумана материализовалась фигура женщины, рослой и очень красивой, в белом одеянии. Женщина с черными как смоль волосами и кожей цвета индиго улыбалась. Ее лицо показалось Леони смутно знакомым, как лицо друга, не виденного ею много лет.

Стены тоннеля исчезли. Сеанс воспоминаний закончился, и Леони оказалась лицом к лицу с волшебным существом, которое она в детстве назвала Синим Ангелом. Они стояли, босые, на мокрой от росы траве, посреди огромного луга. На лугу, в тени купы деревьев,

паслось стадо странных животных, не похожих ни на одно из тех, что доводилось видеть Леони. В небе было два солнца, одно — почти в зените, другое — над горизонтом.

— Где мы? — спросила Леони.

— В земле, где все становится известно, — ответила Женщина. — Прогуляемся немного?

Глава 5

Рия остановилась на вершине холма, как вкопанная, и мгновенно подобрала с земли пару камней, удобных, чтобы бросить во врага. Первый тут же полетел в Григо, бывшего уже шагах в двадцати от нее. Попала прямо в лоб, и он упал, будто бизон, раненный копьем. Второй камень угодил Дюме в правое ухо. Камень рассек ему ушной хрящ, но Дюма продолжал двигаться по направлению к ней. Подбежал Вик, толкнул ее плечом, сбив с ног прямо в колючий куст.

— Эй, Вик, сзади! — торопливо зашептал Дюма. — Уродцы!

Идиоты дерьмоголовые. Не подумали, что Уродцы еще не ушли далеко?

Выбираясь из колючего куста, Рия с наслаждением глядела, как Вик разинул рот, а Дюма развернулся и стремглав побежал обратно. За ним гнались двое огромных воинов из племени Уродцев. Догнали меньше чем через пятьдесят шагов. Один из них схватил Дюму за искалеченное ухо и дернул назад. Дюма заорал от боли. Уродец потащил его обратно, на вершину холма. Третий воин толкнул Вика, и он упал на колени. Четвертый угрожающе встал над Григо. Тот потихоньку приходил в себя.

Вот ведь задницы.

— Задницы, точно, — послышался мыслеголос Бриндла. Он взобрался на холм вместе с остальными Уродцами и, хромая, подошел к Рие. В ее голове возник отчетливый образ того, как она убегала от них. — Защищать тебя. Сказал, что буду.

Рия потихоньку привыкала говорить, не открывая рта. Ведь между ней и Бриндлом есть эта «связь», чем бы она ни была; значит, ей достаточно просто подумать.

— Хорошо, значит, мы на равных…

— Никак не на равных. То, что ты сделала, вышла против мальчишек-охотников, спасла мне жизнь… это… чудесно. Ты герой. Бриндл — калека бесполезный. Не может драться. Может лишь сказать воинам, чтобы помогли тебе.

— Хочешь сказать, если бы ты им не сказал, они бы не стали помогать?

— Нет. Зачем? Между ними и тобой нет связи. Ты убежала от нас. Твой выбор. Лучше не вмешиваться. Лучше не связываться с Кланом.

В мозг Рии ворвалась череда образов. Убийства, пытки, воровство, поджоги, избиения, оскорбления — все то, что делал Мёрх и его подручные. Все, чтобы выгнать их с охотничьих угодий. Вместе с образами пришли и эмоции. Страшное горе, боль потери. Воины Клана убили мать, брата и сестру Бриндла две луны назад, поймав их на открытом месте, когда те перебирались из удаленного стойбища. Новые образы. Почти каждый из шести десятков Уродцев, которые сейчас были здесь, на вершине холма, пережил такое же.

Лучше не связываться с Кланом, это разумно. Не попадаться им. Но сейчас, захватив на месте преступления Григо, Дюму и Вика, Уродцы сделали это, хотели они того или нет.

— Что с ними сделают? — спросила она Бриндла.

— Сложно сказать.

— Их убьют?

— Племя Клана — люди, как и мы. У них души… как у нас. Лучше их отпустить…

— Если бы случилось наоборот и воины Клана поймали трех Уродцев, охотившихся на нашего мальчишку, мы бы не стали раздумывать. Тут же убили бы, безо всякой жалости…

Бриндла очень ранила такая мысль. Пару ударов сердца Рия не слышала его. Ни мыслей, ни эмоций, ни чувств.

— Уродцы *никогда* не станут охотиться за одним из вас, — раздался наконец его мыслеголос, очень четкий и серьезный. — Уродцы — не Клан. Не убивают без надобности. Никогда не убивают ради забавы.

На Рию это не произвело особого впечатления.

— Если вы их отпустите, они просто будут идти следом и схватят меня сразу же, как я останусь одна.

— Мы идем в Тайное Место. Полдня пути отсюда. Там спрятались многие из нас, с тех пор, как Клан начал нападать. Не только ради тебя, но и ради себя мы не позволим, чтобы они шли за нами туда.

Четверо воинов остались охранять Григо, Дюму и Вика. Остальные, в том числе и Бриндл, выстроились в плотный круг неподалеку и начали ухать. Этот звук, исходящий от огромных сильных существ в драных шкурах, был странным и зловещим, чем-то средним между уханьем совы и рычанием пумы. У Рии пошел холодок по спине. Интересно, для чего это нужно, если они и так читают мысли друг друга?

Бриндл ее тоже заинтересовал. Он назвал себя бесполезным калекой, но его уважали все остальные, даже самые храбрые воины. Похоже, если он им что-то скажет — как, например, сказал спасти ее, — то они подчинятся. В Клане калек совсем не уважали, и уж тем более калеки не приказывали здоровым. Если по правде, то увечные вообще редко доживали хотя бы до пяти лет.

Внезапно их пение закончилось, так же неожиданно, как и началось. Круг разомкнулся. Григо, Дюму и Вика поставили на ноги. Подошел воин с мешком из оленьей шкуры. Вынул из мешка длинную тонкую веревку, сплетенную из волокон травы. Отрезали несколько кусков веревки. Юношам связали руки за спиной, оставшимися кусками связали лодыжки: правую ногу Вика — к левой ноге Григо, правую ногу Григо — к левой ноге Дюмы. Свободными остались только левая нога Вика и правая нога Дюмы. Григо оказался посередине, привязанный к обоим.

Рия стояла рядом, вытаскивая колючки, застрявшие в кожаных штанах и жилетке, злорадно глядя на парней. После того, что они пытались сделать с ней, у нее не было к ним ни малейшего сочувствия. Бриндл снова подошел к ней.

— Значит, план именно такой? Просто связать их?

— Да. Не идеальный, но лучше, чем убивать их. Они не смогут следить за нами, и мы доберемся до Тайного Места раньше, чем они — до Клана…

Человек из трех тел, в которого превратились связанные Григо, Дюма и Вик, неуклюже побрел прочь от Уродцев. Когда никто не попытался остановить их, они немного осмелели и, ругаясь, попытались идти быстрее, но сбились с шага и упали, сгрудившись в кучу и сквернословя. Толстая задница Вика приземлилась на колени Григо, придавив того к земле.

Рия расхохоталась.

— Эй, Григо, я знаю, что вы друг друга любите, но хоть за дерево спрячьтесь… — крикнула она им вслед.

Зарычав, Григо столкнул Вика и грубо вздернул Дюму. Все трое кое-как встали. Багровое от натуги и злобы лицо Григо было покрыто кровью, стекающей со лба, губы были разбиты и вспухли, а зубы поколоты.

— Я убью тебя, Рия, — прошипел он, сплевывая кровь. — Когда мы встретимся в следующий раз, ты умрешь.

— Сильно сказано, Григо. Только, возможно, умру не я.

Она замахнулась, будто, чтобы бросить камень, и Григо инстинктивно пригнулся.

— Видел, Вик? — злорадно крикнула Рия. — Видел, Дюма? Ваш повелитель пугается пустой руки.

Она выставила руку ладонью вперед, показывая, что в ней нет камня. Григо поглядел на нее с такой злобой, что Рия поняла, что обрела врага на всю оставшуюся жизнь.

— Кто такой Сульпа? — внезапно спросила она, пытаясь застать его врасплох.

Григо хитро поглядел на нее, а когда Дюма попытался что-то сказать, рыкнул на него, приказывая молчать.

Глава 6

Несколько минут Леони шла молча, просто глядя по сторонам на странные деревья и животных и пытаясь понять, что с ней произошло. Краем глаза поглядывала на Синего Ангела, идущего рядом.

Прежде, когда он — вернее, она — приходила к ней, во снах, а этого уже не случалось много лет, Ангел вызывал у нее приятное и успокаивающее ощущение, не показывая, какая сила в нем скрыта. Сначала женщина с синей кожей была с крыльями, наподобие того, как рисуют ангелов на стенах католических храмов, иногда ее тело было усеяно золотыми звездами. Но постепенно она стала именно такой, как сейчас. Прекрасной синекожей женщиной без крыльев.

Но во сне Леони видела ее будто сквозь пелену, как через слой в несколько метров воды, а сейчас женщина предстала перед ней во всем великолепии и славе, прекрасная и устрашающая, как армия с развернутыми боевыми знаменами.

Цвет ее кожи больше всего походил на индиго, или на тот цвет, какого видятся из космоса земные океаны. Леони ни у кого не видела такой кожи.

Невероятно прекрасная. Ростом за метр восемьдесят, в облегающем одеянии, сделанном из ткани, будто сотканной из тончайших нитей белого металла. Черные как смоль волосы, шелковистые и блестящие, густые, доходящие до пояса. Лицо неземной красоты, с высокими скулами, большими миндалевидными глазами с пухлыми веками и изогнутыми бровями; тонкий прямой нос, изящный подбородок и элегантная шея, достойная богинь Древнего Египта.

Леони изо всех сил старалась вести себя непринужденно, но про себя очень боялась. И не только из-за Синего Ангела.

Все вокруг, абсолютно все, было странным и пугающим.

Во-первых, где это находится…

(это место, в котором становится известным всё)

Уж точно не на планете Земля.

Здесь два солнца, чтоб их.

Во-вторых. Что это за животные, пасущиеся в тени деревьев? Их десятка два. Похожи на коров. С выменем. У одной даже теленок вымя сосет. Блестящая шкура. Ага, а еще шесть ног и коротенькие крылья на спинах, и головы, как у жуков.

В-третьих. Это действительно деревья? Но если присмотреться, они больше походили на длинноногих птиц, прикинувшихся деревьями, с огромными сложенными крыльями, состоящими из мощных перьев. У Леони то и дело возникало ощущение, что они потихоньку подбираются к жующим траву жукокоровам.

В-четвертых. То, что жевали жукокоровы и по чему шла Леони, оказалось не покрытой росой травой, а сплошным ковром из маленьких зеленых цветов, в который ее ноги погружались до лодыжек при каждом шаге. И влажные они были потому, что источали ароматный нектар. А еще они колыхались, несмотря на то, что не было ни малейшего ветерка. По их поверхности шли волны, красивые, но неравномерные.

В-пятых. Она все это видит и чувствует, однако жива она или мертва? Передозировка оксиконтина, больница, тоннель света… Все это время Леони ощущала, что находится в каком-то прозрачном, нематериальном теле, дарующем ей чувство невыразимой свободы. Но здесь она вновь ощутила себя во плоти. Ощущения говорили ей, что ее тело вновь обрело вес. На ней была туника до колена, из грубой одноцветной ткани, завязанная на поясе веревкой. Леони не помнила, чтобы надевала ее, так откуда она взялась? Оттуда, где понятия не имеют о моде, это уж точно.

— Ты часто ко мне приходила, — сказала Леони Ангелу. Поняла, что это звучит как обвинение. — Спасла мне жизнь, когда мне было двенадцать…

— Когда твой отец тебя насиловал…

— Наверное, я сошла бы с ума, если бы ты не появилась. Но потом ты пропала и не возвращалась.

Леони не могла скрыть горечи.

— Почему ты не возвращалась?

— Больше не могла прийти к тебе. Твои родители подавили в тебе способность покидать земное тело.

— Но пришла сейчас…

— Потому, что ты снова покинула земное тело. На самом деле, Леони, в данный момент твое земное тело мертво…

— Мертво?

— Мертво, — повторила женщина-ангел. Ее лицо стало жестким и строгим. — Родиться в человеческом теле — ценный дар, а ты его промотала. А ведь время твое еще и не настало. Хотя у меня и есть для тебя предназначение, которое ты должна была выполнить.

Прекрасное лицо женщины смягчилось, но в ее голосе было разочарование.

— Я так надеялась на тебя, Леони, а теперь мои надежды на грани краха. Врачи пытаются заново запустить твое сердце. Если их умения будет достаточно, а ты проявишь силу воли, то вернешься в мир живых. Если они не справятся или твоя воля окажется слаба, то мне придется вести тебя дальше, здесь…

Леони почувствовала, как ее охватывает безрассудный страх. Ей захотелось завопить и топнуть ногой.

— Я НЕ ГОТОВА, ЧТОБЫ МЕНЯ ВЕЛИ ДАЛЬШЕ! — крикнула она. — *Слышать не хочу*, чтобы меня вели дальше! Ведь мое время еще не пришло, а воля у меня сильная, так? Ты сама сказала. Мне еще есть, что сделать. Прошу, леди, если вы действительно ангел, умоляю. ПОЖАЛУЙСТА, верните меня назад.

Слова Леони будто послужили сигналом. С неба грянул гром, и произошло две вещи.

Сначала одно из деревьев, под которыми паслись жукокоровы, согнулось вдвое. Из листовидных перьев вылетел огромный клюв, схватил теленка, сосущего вымя, и поднял его к небу. Теленок мычал и плакал. Клюв запрокинулся и щелкнул, как гигантские ножницы. Две из шести ног теленка отрезало, и они упали на луг, источая прозрачную жидкость. Тело теленка исчезло в глотке гигантского хищника. Два десятка жукокоров, громко мыча от ужаса, поскакали к горизонту.

Потом рядом с Леони открылся вращающийся световой тоннель, точно такой, как тот, что принес ее в этот странный и пугающий мир. Ее потянуло внутрь. Синий Ангел поднял руку в знак уважения.

— Отлично. Ты возвращаешься.

Ее лицо стало озабоченным.

— Но мне надо будет встретиться с тобой снова. Сделай завесу между мирами тоньше, и я покажу тебе Джека.

Джека!

Леони втянуло в тоннель.

— Как же мне сделать завесу между мирами тоньше?! — вскричала она.

— Спросишь твоего врача, — еле слышно ответила женщина и пропала.

Возвращение по тоннелю было куда быстрее, чем дорога сюда. Грубо говоря, будто тебя смыли в гигантском унитазе. После нескольких головокружительных поворотов Леони оказалась в свободном пространстве и снова зависла под потолком палаты интенсивной терапии, словно блестящий мыльный пузырь. Сначала подумала, что это куда лучше, чем остаться в мире, населенном хищными птицами размером с дерево. Ее наполнила невыразимая радость, свет и сила.

Глянула на кардиомонитор. Ура. Линия уже не ровная. Но врачи все еще возятся с ее телом. Хм, вот этот, тридцати с лишним, *реально* симпатичный, который держит в руках дефибриллятор… БАБАХ! Ее земное тело дернулось и подпрыгнуло. Леони почувствовала дыхание и тепло. И боль.

В изумлении отскочила. Пролетела сквозь стену, по коридорам, и очутилась в приемном покое больницы. Нырнула под стол, повинуясь иррациональному желанию спрятаться, и зависла в паре дюймов над полом. Заметила, что у женщины-секретаря, одетой в идеальный угольно-черный офисный костюм, на ногах надеты совершенно не вяжущиеся с ним оранжевые кроссовки с полосатыми малиново-зелеными шнурками.

БАБАХ. Видимо, врач снова приложил пластины дефибриллятора к ее груди. Ее мгновенно швырнуло обратно в палату интенсивной терапии, и она опять повисла над своим земным телом.

Услышала тонкий писк заряжающегося дефибриллятора. БАМ! Еще один болезненный рывок, и она вернулась в свое тело, как рыба, выброшенная обратно в воду.

Ее веки задрожали, и она открыла глаза.

— Привет, Леони, — послышался голос врача. — С возвращением в мир живых.

Она попыталась сфокусировать взгляд на его лице. Попыталась заговорить, но язык не слушался, как после хорошей пьянки. Попыталась снова.

— Мир живых? — спросила она.

— А что? — спросил врач, удивленно глядя на нее.

— Ты не поверишь, но минут пять назад я говорила с ангелом, который назвал его точно так же, — из последних сил проговорила Леони.

Глава 7

Григо, Дюма и Вик продолжали медленно, с позором спускаться с холма. Уродцы потеряли к ним интерес, снова собрались в плотную группу и пошли своей дорогой. Бриндл, шаркая, догонял их, и Рия пошла следом за ним.

У нее не было определенного плана. Может, через некоторое время она отправится домой. Пока что надо кое-что обдумать.

Она окинула взглядом неуклюжих огромных существ, окружающих ее. Они шли примерно в западном направлении, причем быстрее, чем до встречи с ее недругами. Вот он, вожак. Огромный мужчина с желтыми зубами, тот самый, что спас ее в лощине. Седые волосы и борода свидетельствовали о том, что он старший, хотя его бугристые мускулы были не хуже, чем у лучших его воинов. От него исходило ощущение ужасающей физической силы, но вместе с тем мягкости и рассудительности, как и у Бриндла.

Рия поняла, что Уродцы производят плохое впечатление лишь поначалу, в силу своей внешности и неприятного запаха. Если же присмотреться повнимательнее, то оказывается, что они совершенно поразительные создания.

Она никогда не обращала особого внимания на разговоры Мёрха и его сторонников насчет охотничьих угодий. Из своих собственных (весьма редких) встреч с Уродцами во время охоты на кроликов, которой она занималась весьма часто, Рия знала, что их в округе не слишком-то много. Уж точно не тысячи, как пытался убедить всех Мёрх. Знала, что они не уничтожают подчистую всю дичь. Никогда не видела, чтобы они вели себя агрессивно или даже просто угрожающе, хотя однажды, далеко уйдя от дома, встретилась с крупным мужчиной-Уродцем, который с легкостью мог бы напасть на нее. В силу всего этого Рия была уверена в том, что Уродцы — не кровожадные каннибалы, лакомящиеся человеческим мясом, хотя твердых доказательств у нее не было. По всей видимости, это был лишь еще один из надуманных предлогов убивать их и изгонять с охотничьих угодий.

Обдумывая все это, Рия забыла, что Бриндл знает все ее мысли, пока он сам не напомнил о себе.

— Ты знаешь правду! — раздался его мыслеголос, окрашенный волной мучительной боли. — Почему же ты терпишь? Почему позволяешь Клану убивать нас?

Рия ответила без колебаний:

— Подожди, Бриндл. Что случилось сегодня утром? Я увидела, как трое из *моего* Клана пытаются убить *тебя*. Помнишь? Рискнула *своей жизнью*, чтобы остановить их. Ты сам сказал, что это героический поступок.

— Да, ты герой, — раскаиваясь, ответил Бриндл. — Прости. Ты остановила то, что увидела собственными глазами.

Он нахмурился.

— Я сказал, почему ты молчишь, зная, что люди Клана убивают Уродцев, не одного, а любого, какого встретят? Почему не можешь остановить это?

— Потому, Бриндл, что я женщина, и мне шестнадцать лет. Всем по хрену, что я там скажу.

Бриндл ничего не ответил, и Рия вернулась к своим раздумьям. Второй вопрос, занимавший все ее мысли, касался Сульпы.

Уж точно чужак. Так как же ему удалось получить влияние на трех молодых парней Клана из знатных семей?

Когда дело касалось Григо, то всегда можно было быть уверенным, что тут что-то нечисто. А поскольку он отправился убивать Уродцев, то наверняка не обошлось без его отца. Все знали, что Мёрх давно оспаривает власть совета старейшин, принятую в Клане. Не сболтнул ли его сын лишнего? Может, Мёрх заключил тайный союз с чужаками, не только для того, чтобы убивать Уродцев, но и чтобы получить единоличную власть над Кланом? От таких людей, как Мёрх и его громилы, можно ожидать даже такого предательства, подумала Рия.

Ей нужно вернуться в стойбище и рассказать о своих подозрениях Хонду и Рилу.

Уродцы шли друг за другом по дну горной лощины. Рия здесь никогда не бывала и поняла, что с каждым шагом отдаляется от стойбища все дальше. Посмотрела на небо. Полдень уже давно миновал. Девушка уже собиралась сказать Бриндлу, что идет обратно, когда он предостерегающе схватил ее за руку и показал на гребень скалы, в паре сотен шагов выше их.

Там стояли двое мужчин, дикого вида, мускулистые и обнаженные, со спутанными волосами до плеч. Рия разглядела, что они вымазаны кровью, кожа у них бледная, а оружие

какое-то странное. Они не из Клана и не из одного из других племен, живущих по соседству с ними.

Принадлежала ли кровь, пятнами покрывавшая их мускулистые тела, Григо, Дюме и Вику? Трое парней еле ковыляли и были совершенно беззащитны. Убить их было бы проще простого.

Плавным и быстрым движением один из мужчин снял с плеча деревянную дубинку и колчан с пучком коротких копий. Вставив тыльный конец копья в дубинку, он отвел назад правую руку, крутанулся всем телом, от самых бедер, и выбросил вперед копье. Оно зловеще засвистело, летя к цели. Массивный кремневый наконечник с ужасающей силой вонзился в бок Уродцу, шедшему в третьем ряду. Проткнув его насквозь, копье вошло меж ребер воину, шедшему рядом.

Оба Уродца упали замертво, а вся колонна замерла на месте, будто их всех оглушило.

Второй нагой воин, не торопясь, четко и уверенно снял с плеча дубинку и копья, готовясь совершить новый смертельный бросок.

Глава 8

Когда Леони рассказала об Ангеле, лицо врача приобрело странное выражение. Это продолжалось пару секунд, потом он взял себя в руки.

— Я тебе верю, — ответил он. — Но сейчас не надо об этом. Мы тебя чуть не потеряли…

— Я умерла и отправилась в другое место…

— Это была рискованная игра, Леони, но ты — боец, и мы смогли вернуть тебя.

Она улыбнулась, и внезапно на нее навалилось непреодолимое желание заснуть.

Следующие сутки прошли как в тумане. Леони начала поправляться, ее перевели из отделения интенсивной терапии в шикарную отдельную палату с видом на роскошный больничный сад. Если мама и папа и приходили к ней сразу после того, как она вышла из реанимации, то она этого не зафиксировала. А сейчас улыбающаяся медсестра средних лет сообщила ей, что они скоро придут.

Леони эта перспектива не обрадовала, буквально до физической тошноты. Если до той самой передозировки она еще сомневалась, что думать по поводу отца, то теперь… главный вопрос, действительно ли он неоднократно ее насиловал — сначала когда ей было восемь, а потом — в двенадцать? Это каждый раз случалось среди ночи, каждый раз он набрасывался на нее неожиданно, пробуждая от глубокого сна. Леони еще не исполнилось тринадцати, когда все это прекратилось, неожиданно и загадочно, точно так же, как и началось. Но с тех пор ее постоянно мучили кошмары и воспоминания, подобные страшным снам.

Последний раз Леони собралась с духом, чтобы высказать ему это в лицо пару лет назад. Отец, как всегда, все отрицал, сказал ей, что она ужасная лгунья и все эти изнасилования — плод ее буйного воображения.

Заставил ее усомниться в своей психической нормальности.

Заставил ее думать, что кровь, которую пришлось отстирывать с простыней, могла появиться в результате того, что она сама себя повредила.

Долгое время отцу удавалось заставлять ее сохранять спокойствие при помощи такого промывания мозгов. Но в последние месяцы ужасные и мерзкие воспоминания снова нахлынули, и уже не в виде сменяющихся, как во сне, картинок, а с поразительной четкостью и точностью. Леони снова начала подозревать, что самый ужасный лжец в их семье — это папа.

Именно в таком состоянии она поругалась с родителями вчера днем. А сейчас осознала, что ее невероятная глупость с этими таблетками оксиконтина напрямую связана с той ненавистью, которую она ощущала по отношению к отцу.

Как всегда, хреново… Но сейчас, пройдя на волосок от смерти, у нее возникли другие поводы для размышлений, еще более мучительные. Леони не знала, как это произошло, но в некотором роде она стала свидетелем того, что мама признала, что всегда знала об изнасилованиях. И сделала это самым ужасающим образом. Их странный разговор про какого-то Джека, про то, что пора избавиться от старья. Что бы там это ни значило.

Все это стало для нее новыми факторами беспокойства, но главной проблемой было то, как она получила эту информацию. Был ли ее опыт пребывания вне тела галлюцинацией одурманенного наркотиком мозга или ее мать действительно знала об изнасилованиях с самого начала? Если знала и поддерживала, то что это вообще за подстава?

И кто такой этот «Джек»?

Леони попросила альбом и полдесятка «Волшебных Маркеров», еще когда ее переводили в отдельную палату. Сейчас она сидела в кровати, опершись на кучу подушек и рисуя Синего Ангела. Пыталась хоть как-то передать эти совершенные черты лица, высокие скулы, миндалевидные глаза, кожу цвета индиго. И тут в дверях появились родители. Почему-то она почувствовала себя виноватой и спрятала альбом под одеяло, когда они подошли.

К пущему ее раздражению, они привели с собой Адама. Надувшись, чудо-ребенок шел следом за ними. Противный десятилетний мальчишка неуверенно поприветствовал ее, скорчив рожу, пулей метнулся к диванчику у окна, включил свою «Нинтендо» и вскоре уже крошил пришельцев в «Метроиде».

Мама и папа уселись в кресла по обе стороны от кровати Леони. Несколько минут все молчали, напряжение росло.

Наконец мать наклонилась к ней.

— Адам узнал, что у тебя была передозировка. Мы не смогли скрыть это от него. Об этом говорили в новостях по телевизору. Ты должна перед ним извиниться.

— Извиниться? Перед Адамом? За что?! — вскипела Леони.

— За то положение, в котором он оказался в школе из-за тебя, за нервный стресс.

— Возможно, он оказался бы в еще более неловком положении и испытал бы стресс посильнее, если бы я ему сказала, откуда взяла таблетки оксиконтина, которых наглоталась…

— Давай сегодня не будем говорить о твоих проблемах с наркотиками, — перебил ее отец. Предостерегающе поглядел на мать. — Мы всего лишь хотели всей семьей навестить тебя, ради общего блага.

— Чьего блага? — буркнула Леони. — И в каком смысле блага? — Она перешла на шепот. — Будет ли благом для Адама, если он узнает, что ты частенько проделывал со мной?

У Адама был слух, достойный летучей мыши, особенно на все гадкое и противное.

— Папа, что ты частенько проделывал с Леони? — спросил он.

— Ничего, — отрезал отец. — Леони болеет, это называется синдромом ложной памяти…

— ПОШЕЛ НА ХРЕН! — заорала Леони. — Мне вот где сидит вся эта твоя болтовня! Это не ложная память. Это произошло на самом деле.

— Что произошло, папа? — вкрадчиво спросил Адам. — Мне интересно.

— Тебе интересно? — передразнила его Леони. — О’кей, грязный сопляк, я тебе скажу. Папа частенько ложился в постель с…

БАБАХ!

Леони ошеломленно поняла, что мама со всей силы закатила ей пощечину и стоит над ней, раскрасневшись и тяжело дыша. Ее ярость перехлестнула через край.

— А ты ЗНАЛА про это, мама. И даже ПОЗВОЛЯЛА ему это делать.

Леони увидела, что попала в цель. На мгновение лицо матери обмякло, и ее глаза стали испуганными.

Леони не стала упускать момент.

— Ты СУКА. Ты ВСЕ знала об этом. ЗНАЛА!

Рванувшись вперед, Леони попыталась вцепиться ногтями в лицо матери, но отец встал между ними.

— Это безумие, Леони! — закричал он. — Перестань! Перестань выдумывать!

Но Леони уже не собиралась переставать.

— Да ну?! — вскричала она. — Если я выдумываю все это, откуда я знаю про ДЖЕКА?

Ошеломленные лица родителей свидетельствовали о том, что она снова попала. А затем в палату вошел тот самый миловидный врач, который спасал ее в реанимации.

Родители отпрыгнули от кровати, когда врач решительным шагом подошел к изголовью.

— Что происходит? — требовательно спросил он.

— А кто спрашивает? — спросила в ответ мама с лицом гориллы, страдающей запором.

— Доктор Баннерман. Я работал с Леони в интенсивной терапии.

— Ну, доктор Баннерман, мы мистер и миссис Уоттс, родители Леони, и у нас возник семейный спор, являющийся нашим личным делом и ни в коем случае — не вашим. О’кей?

— Нет, миссис Уоттс, не о’кей. Я слышал крики еще из коридора, а еще — что кого-то ударили.

Он помолчал, видимо, решил, что дальше продолжать не стоит.

— Ладно, сейчас не будем затрагивать этот вопрос. Ваша дочь — мой пациент. Я отвечаю за ее правильный уход и за ее выздоровление, которое вряд ли наступит, если ей придется участвовать в таких… «спорах». Пожалуйста, немедленно уходите и дайте ей поспать.

— Уходить, говорите? — визгливо проговорила мама. — Права не имеете. Мы ее родители. Оплачиваем ее пребывание здесь.

— На самом деле имею полное право, — ответил доктор Баннерман. — Мне все равно, кто вы такие и за что платите. В первую очередь меня заботит пациент, а пациент нуждается в тишине и спокойствии.

— Герман! Разве мы не делали щедрое пожертвование этой больнице в прошлом году? — спросила мама, повернувшись к отцу.

— Точно, делали. Пять миллионов долларов, на строительство нового здания.

— Вот! — заорала мама. — И не в первый раз. Проверьте это, доктор! Как вы думаете, что скажет ректор Эдельман, если мы прекратим жертвовать на больницу из-за вашего поведения? МЫ НИКУДА НЕ УЙДЕМ.

— Достаточно, — ответил Баннерман. — Я вызываю охрану.

Мать одарила его испепеляющим взглядом, когда он подошел к кровати и взял трубку телефона внутренней связи. Уже начал набирать номер, когда отец сдался. Подойдя к софе, он схватил сына за руку.

— Пойдем, Адам, пора домой. Пойдем, Мадлен. Прочь отсюда.

На мгновение мать онемела. Ее победили! Она не могла стерпеть такого. Все трое пошли к двери, и она обернулась, поглядев на доктора взглядом ядовитой змеи.

— Я этого не оставлю, — сказала она. — Наш адвокат свяжется с вами.

В последнюю секунду мать посмотрела на Леони взглядом, полным ненависти. Они покинули палату и пошли по коридору под аккомпанемент непрерывных вопросов от Адама.

Глава 9

— ВПЕРЕД, ВЫ, ИДИОТЫ! — заорала Рия.

Уродцы очнулись от оцепенения и побежали в разные стороны. Второе копье уже со свистом направлялось к ним. Пролетело над ней и вонзилось в лицо старой ссутулившейся женщине в седьмом ряду колонны, и она тут же мешком рухнула на землю.

Но, судя по всему, никто так и не понял, что делать. Оглядевшись, Рия нашла Бриндла и показала на гребень скалы, в трех сотнях шагов от них.

— Нам надо наброситься на них! — крикнула она вслух, не полагаясь на мыслеречь. — Задавить их числом. Скинуть с высоты, иначе они проткнут нас, одного за другим!

Рия уже выковырнула из влажной земли зазубренный камень и побежала по крутому склону лощины. Увидела, что один из напавших целится в нее, дождалась, пока он метнет копье, и мгновенно бросилась наземь. Копье, свистя, пролетело на ширину ладони от нее, и она вскочила на ноги. Следом за ней, сотрясая землю своей тяжелой поступью, бежали два десятка воинов-Уродцев. Они что-то неразборчиво рычали.

Копья одно за другим полетели в них, и еще четверо мужчин упали, получив страшные раны. Брызгала кровь, трещали кости, раздавались крики боли, но оставшиеся непреклонно бежали вверх по склону. Огромный желтозубый старейшина-воин бежал шагах в десяти впереди остальных, размахивая огромным боевым топором. Но Рия надеялась убить одного из врагов прежде, чем воин достигнет гребня скалы. Сжала камень в руке покрепче.

Размер и форма не идеальны, но пойдет. Она была в пятидесяти шагах и уже замахнулась, как вдруг копьеметатели развернулись и побежали. Когда она добежала до гребня, их нигде не было, будто какое-то колдовство скрыло чужаков от их глаз.

Рия не верила в колдовство. Они где-то здесь, ползут на животах, как змеи, через заросли папоротника, утесника и травяные кочки.

— Построй своих в линию! — крикнула Рия Бриндлу, снова вслух. — Прочесываем кусты. Мы их найдем.

Уродцы немного замешкались, но вскоре все оставшиеся в живых, более пятидесяти мужчин и женщин, развернулись из колонны в неровную линию и пошли сквозь плотные заросли, на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Они ударяли по кустам папоротника копьями и дубинами, но чужаков нигде не было.

В конце концов Бриндл прекратил поиски.

— Нехорошо терять время здесь, — сказал он. — Лучше побыстрее добраться до Тайного Места.

Рия призадумалась насчет ситуации, в которой оказалась.

Она уже была готова двинуться обратно, в стойбище Клана, но теперь все оказалось еще сложнее. Как только она уйдет из-под их защиты, то станет уязвима для затаившихся убийц, спрятавшихся где-то неподалеку. Они будут следить за Уродцами и, как только она останется одна, поймают ее.

С другой стороны, как ей оставаться здесь, имея такую важную информацию о чужаках, вооруженных невиданным оружием, оказавшихся в землях Клана? Чем позднее она вернется в Клан, тем хуже. Неизвестно, что там с Дюмой, Григо и Виком. Заодно ли они с чужаками, как она подозревает? Или чужаки их уже убили? Возможно и то, и другое, но, вне зависимости от ответа, она обязана предупредить братьев.

— Ты не сможешь предупредить их, Рия, если умрешь, — послышался мыслеголос Бриндла. — Ты должна жить. Пойдем с нами в Тайное Место. Завтра придумаем, как тебе добраться домой.

Мысль Бриндла была здравой. До того Рия пришла в ужас от одной мысли о том, чтобы провести ночь в тайном убежище Уродцев. Но с тех пор многое изменилось, и она начала привыкать к ним.

— Хорошо, — после короткого раздумья сказала она. — Я пойду с вами. Только не убивайте меня и не ешьте, когда придем туда!

Бриндл в ужасе посмотрел на нее, его глаза затуманились, а кожа на надбровных дугах пошла складками.

— Ну, я не всерьез. Это шутка.

Хотя на самом деле это была не совсем шутка, а учитывая способность Бриндла читать ее мысли, он должен был понимать это. По правде говоря, Рия еще не окончательно отделалась от глубоко сидящего внутри страха того, что его соплеменники все-таки окажутся каннибалами.

От копий чужаков погибли трое мужчин и женщина. Им уже ничем нельзя было помочь. Еще трое были ранены. Уродцы собрались вокруг них, по восемь-десять человек, взявшись за руки, и начали ритмично распевать, ухая, точно так же, как до этого делали с Бриндлом.

Внутри первого круга старая женщина опустилась на корточки рядом с раненым воином. Копье попало ему в правую скулу, раздробило зубы и разорвало язык, изо рта у него текла кровь. Рия сомневалась, что с такой ужасной раной можно что-то сделать, и с нарастающим изумлением глядела, как старая женщина вытянула вперед руки и из ее ладоней начал исходить загадочный голубой свет, прямо в открытую рану. Точно такой же свет шел от остальных Уродцев, стоящих вокруг нее. Лучи сходились вместе, покрывая раненого воина жутковатым светящимся ореолом. Уханье стало еще громче, неприятно отдаваясь в ушах Рии. Она ахнула, увидев, что тело воина безо всякой видимой причины поднялось в воздух на ширину ладони и повисло. Поток крови изо рта начал останавливаться, постепенно превратившись в тоненькую струйку, и Рии показалось, что рана на лице начала затягиваться. Дойдя до кульминации, пение Уродцев стихло, и тело опустилось на землю.

Во втором круге седой старейшина врачевал лучами голубого света глубокую рану на спине воина, в третьем сам Бриндл направил огромными ладонями такие же лучи на другого раненого воина, которому копье раздробило ключицу.

Пока проходили все эти обряды, остальные Уродцы не теряли времени, возясь с копьями и веревками. Когда круги разомкнулись, у них уже были готовы носилки для раненых. Воин с раной на лице умиротворенно спал, ровно дыша. Двое других бодрствовали и выглядели достаточно свежо, несмотря на полученные ранения.

Все собрались вокруг четверых убитых.

— Прощаются, — объяснил Рии Бриндл. — Когда один из нас умирает, мы должны провести подобающий погребальный обряд. Но сейчас война. Придется оставить их.

Некоторое время Рия шла молча, погруженная в свои мысли, а потом спросила Бриндла о том, зачем воины собирались в круг, ухали, и откуда взялся голубой свет, исходивший из его рук.

— Если собраться в круг и петь, умы объединяются, — объяснил он. — Так сильнее получается. Свет исцеляет. Свет помогает решить проблемы. Принять важное решение.

В этот момент Рия внезапно заметила, что раненный в спину воин и тот, у которого была раздроблена ключица, уже встали с носилок и шли наравне с остальными.

— Голубой свет — вроде колдовства, — сказал Бриндл. — Нужно много сил. Чем нас в круге больше, тем сильнее. Больной должен быть рядом, иначе исцеления не получится.

— Так вы любые раны можете лечить? — спросила Рия. После увиденного она была готова поверить чему угодно.

— Нет. Не все. Если проткнуты сердце, легкие или печень, исцелить очень трудно.

— Трудно? Или невозможно?

— Очень трудно. Но не невозможно.

— Потрясающе! Расскажи мне про этот способ говорить, не открывая рта. Это ведь тоже колдовство. Насколько далеко нам надо разойтись, чтобы оно перестало действовать?

— Может, три полета стрелы. Может, пять, если связь сильная. Дальше уже ничего не получится.

— А что это за связь, о которой ты все время говоришь? Ты сказал, что она есть между мной и тобой. Что это такое?

— Это… что-то вроде любви. Вроде дружбы. Рия спасла жизнь Бриндлу. Рисковала ради Бриндла. Поняла, что Бриндл — человек, а не тупое животное. Бриндл понял, что Рия не такая, как остальные люди Клана. Не ненавидит Уродцев. Настоящий человек. Я открыл сердце тебе, ты открыла сердце мне. Так между нами появилась связь.

День, проведенный в пути, подходил к концу. Знакомые Рие охотничьи угодья остались далеко позади, она оказалась в землях, где никогда не бывала, и ее это беспокоило все больше и больше. Она начала подмечать ориентиры. Высохшее дерево, ручей, валун необычной формы, холм без растительности, скалы вдали. Все это, не переставая говорить с Бриндлом.

По сторонам от колонны Уродцев теперь шли дозорные, чтобы не допустить еще одного внезапного нападения, но кровожадных копьеметателей нигде не было. Хуже всего, подумала Рия, если окажется, что это лишь разведчики, позади которых идет куда более многочисленная группа. Хорошо бы, если они просто случайно забрели сюда.

Но в глубине души она не верила в такой вариант и не могла отделаться от ощущения, что за ними следят. Несколько раз, когда они шли по ровному плато, у нее шли мурашки по затылку. Вокруг ничего не было, земля под ногами была влажной, дул холодный ветер с ледяных пустынь, раскинувшихся далеко на востоке.

Рия глянула через плечо, и на мгновение ей показалось, что на плато есть что-то еще, помимо колышущейся на ветру травы. Это ее испугало.

— Уверена, за нами следят, — сказала она мысленно Бриндлу. Они как раз подошли к краю плато и начали спускаться в ущелье с крутыми склонами. — Не хотелось бы мне попасть в засаду, когда я завтра отправлюсь обратно в стойбище Клана.

— Мы отправим с тобой большую группу воинов. Ты будешь в безопасности.

— А как же Тайное Место? Ты не хотел рисковать тем, чтобы Григо, Дюма и Вик шли следом за нами туда, так что не стоит позволять этим двум чужакам следить за нами.

— Что же делать? — спросил Бриндл.

— Мы должны убить их, — ответила Рия.

Глава 10

Сначала врач показался ей просто симпатичным, но сейчас Леони подумала, что он красив, как кинозвезда. Подтянутый, как спортсмен, ростом под метр девяносто, лет тридцати с лишним, темные волосы с едва намечающейся сединой на висках, добрые карие глаза, четкий подбородок и мягкие губы.

— Спасибо, доктор Баннерман, — прошептала она, когда звуки шагов ее семейства затихли. — Спасибо, что спасли мою жизнь в реанимации. Спасибо, что встали на мою сторону.

Баннерман улыбнулся.

— Без вопросов. Давай перейдем на «ты», кстати? Тебя зовут Леони, я знаю. А меня — Джон.

Он пожал ей руку, мягко, но уверенно.

Следующие пять минут он расспрашивал ее о самочувствии. Хорошо хоть не о ссоре с родителями. Светил Леони в глаз маленьким фонариком, проверил рефлексы, померил давление и пульс, посчитал темп дыхания.

— Все достаточно хорошо, — заявил он. — Нет особых причин дальше держать тебя в больнице. Завтра ты еще побудешь под наблюдением, мы сделаем еще пару анализов, а послезавтра отпустим.

Джон немного помолчал.

— А теперь поговорим о наркотиках, — резко сменил он тему.

— В смысле, об оксиконтине, которого я нанюхалась?

— Для начала — да. Сколько ты приняла?

— Восемьдесят миллиграмм. Таблетки стянула из аптечки у матери. Размолола в порошок пилкой для ногтей. Видела, как друзья принимают куда больше, и с ними ничего такого не случалось.

— Потому что у них уже выработалась сопротивляемость. Оксиконтин относится к опиатам, и если ты их часто принимаешь, как твои друзья, то организм привыкает, и ему нужна все большая доза. Ты приняла их первый раз, я так понимаю?

— Да… и последний.

— А что насчет других наркотиков?

— Хочешь по-честному?

— Конечно.

— Я принимала кокаин, и немало.

— Немало — это сколько?

Леони пожала плечами:

— Тридцать, может, сорок дорожек. За ночь в клубе или на вечеринке. Потом не принимала пару дней. Потом большой загул на выходные. Грамм десять-пятнадцать. Сам знаешь, как это бывает.

— Хочешь сказать, ты уже подсела на него?

— Нет, не хочу. Я кокса вдула немало, но мне кажется, что я в любой момент могу бросить.

Леони помолчала.

— Уже собиралась бросить, в недалеком будущем, — добавила она.

— Героин пробовала?

— У-у-у! Нет. Никогда. Увольте.

— Метамфетамин?

— Пару раз. Может, раза три. Сильно понравилось, но больше не буду.

— Ты так уверенно говоришь об этом.

— Абсолютно. Когда я умерла, со мной кое-что произошло…

— Что заставило тебя начать решать проблемы в твоей жизни?

— Откуда ты знаешь? — удивленно спросила Леони.

— Когда ты пришла в себя в палате интенсивной терапии, ты сказала, что встретила ангела…

— Да. С кожей цвета индиго.

Леони вытащила альбом, спрятанный под одеялом, открыла его и показала свой рисунок Синего Ангела.

— Она вот такая.

Наклонившись вперед, Баннерман принялся с интересом разглядывать рисунок.

— Очень интересно, — сказал он. — Скажи… она, что, подробно объяснила тебе, как круто ты прокололась?

— Ты меня пугаешь, *реально*. Она сказала, что я промотала свои возможности. Понятия не имею, откуда ты это знаешь.

— То, через что ты прошла, врачи называют опытом клинической смерти. Многие люди, пережившие такое состояние, разительно меняются. — На лице Баннермана появился мальчишеский задор. — На самом деле это тема исследовательского проекта, которым я занимаюсь. Я уже пять лет исследую людей, переживших клиническую смерть. Если ты позволишь, могу попытаться помочь тебе немного лучше понять, через что ты прошла.

К своему изумлению, Леони разрыдалась и невнятно проговорила, что еще не готова рассказать обо всем.

— Ангел сказала мне нечто реально пугающее. А еще сказала, что надо сделать завесу между мирами тоньше, чтобы я снова ее увидела. Не знаешь, что это может означать?

— Думаю, что догадываюсь, — спустя мгновение ответил Баннерман. — Но пока тебе надо хорошенько поспать. Продолжим наш разговор завтра утром?

Леони вытерла глаза клинэксовским бумажным платком.

— Если ты знаешь хоть что-то, что поможет мне разобраться в происшедшем, расскажи прямо сейчас.

— Почему так срочно?

— Я… я была вне своего тела. Достаточно долго. Казалось, целую вечность. Могла двигаться куда угодно, будто летать. Проходила сквозь стены. Видела и слышала других людей, они не знали, что я рядом. Ты не решишь с моих слов, что я сошла с ума?

— Я не думаю, что ты сошла с ума. В состоянии клинической смерти достаточно часто можно выделить две стадии. На первой ты выходишь из тела, в точности так, как ты описала. Мы называем это внетелесными переживаниями, сокращенно ВТП. Но ты все еще находишься в нашем мире. Можешь двигаться куда угодно, усилием мысли. Большинство людей описывают это как полет. Вокруг течет обычная повседневная жизнь, но тебя никто не видит. Затем наступает вторая стадия. Ты покидаешь этот мир. Оказываешься в тоннеле, или коридоре, или тонешь в водовороте и оказываешься… в другом мире. Не здесь. Не на планете Земля. Частенько встречаешь там… существ. Иногда — умерших друзей и родственников, которые либо зовут тебя к себе, либо просят вернуться обратно. Некоторые люди рассказывают, что встретили ангелов. Похоже?

Леони кивнула.

— Это ведь результаты научных исследований, которые все это подтверждают, так?

— Множество научных исследований. Феномен клинической смерти и внетелесных переживаний подробно описан, это свойственно людям во всем мире.

— Фиг с ним, с феноменом и даже со всем миром. Я хочу знать одно… это взаправду? Или нет? Для меня это было реальнее, чем наш нынешний разговор, если честно. И я там получила кое-какую информацию, от которой у меня мозг рвет.

— Какую информацию? — спросил Баннерман.

— После передозировки я вышла из тела. Вылетела из окна спальни и спустилась вниз, на кухню. Хотела позвать родителей на помощь. До фига захотела. Они понятия не имели,

что я рядом. Говорили между собой и сказали… сказали кое-что обо мне, о чем я понятия не имела.

— Это было осмысленно, эти их слова?

— Да, но настолько, что хуже некуда. Совершенно осмысленно. Почему я и спрашиваю. Могла ли я реально слышать их разговор? Или это какая-то галлюцинация моих мозгов, вызванная наркотиком?

— Вопрос на миллион, — скорчив мину, ответил Баннерман. — Для начала надо исключить возможность того, что ты слышала это естественным путем, ушами. Где ты приняла оксиконтин?

— У себя в спальне.

— О’кей, в спальне. Может, окно было открыто? Так, что ты могла бы услышать разговор на кухне?

Леони задумалась.

— Иногда я слышала, когда говорят на кухне, но еле-еле. Даже если они орали, я едва разбирала отдельные слова. Кроме того, тут речь не только о том, что я слышала. Я была рядом с ними. Видела их лица. Просто находилась вне своего тела. Мое тело лежало в спальне, этажом выше.

— Я хорошо знаю, что это за ощущения, Леони, — произнес Баннерман. — Но скептики примутся возражать, что ты, лежа на полу в спальне, отключилась не на сто процентов. Что ты услышала все это естественным путем, а остальное додумала, или тебе это почудилось.

— Ты тоже так думаешь?

— Вовсе нет. В этой области проведено множество исследований, и некоторые из нас пытаются найти другое объяснение подобным переживаниям. Сознание — одна из величайших загадок человека. Возможно, самая величайшая. Общепринятая точка зрения состоит в том, что сознание — функция мозга, что мозг создает мысли, как завод производит автомобили, но на самом деле этому тоже нет четких доказательств.

— Но если сознание не в мозгах, то где же тогда оно *возникает*?

— Не знаю. И никто не знает. Возможно, оно просто *существует*. Возможно, оно — движущая сила Вселенной, такая же, как гравитация и электромагнитное поле, разлитая повсюду и пронизывающая все существующее. Возможно, сущность сознания нематериальна, и наш мозг не является его генератором, а представляет собой всего лишь приемник, передаточный механизм, проявляющий сознание на физическом уровне… Это бы многое объяснило, а не только клиническую смерть и ВТП.

Леони снова задумалась.

— О’кей. Кажется, поняла. Если мое сознание создается не телом и не мозгом, если оно существует независимо от них, как телевизионный *сигнал*, а не телевизор, то нет причин для того, чтобы оно исчезло, когда умрут мое тело и мозг.

— Никаких, — согласился Баннерман. — Напротив, в этом случае следует ожидать, что оно будет воспринимать реальность вне тела. Возможно, именно в этом и состоит суть ВТП. Сознание, освобожденное от груза мозга и тела, продолжает воспринимать события физического мира.

— В таком случае разговор между мамой и папой был реальным?

Баннерман пожал плечами:

— Этого я не говорил. Я сказал, что мы — в смысле, врачи и ученые — действительно не понимаем сути ВТП. Это загадочное и необъяснимое явление. Большинство моих коллег отвергнут саму мысль о том, что ты действительно находилась вне своего тела, испытывая эти странные переживания…

У него на поясе запищал пейджер.

— Если ты попытаешься сказать им, что в этом состоянии получила реальную информацию, они ответят, что у тебя были галлюцинации. Но, честно говоря, после всего того, что я неоднократно видел и слышал в реанимации, я бы на их месте не был так уверен…

Нажав кнопку на пейджере, он взял трубку телефона на столике у кровати Леони.

— Извини, один момент. Мне надо ответить на это сообщение.

Набрав номер, он некоторое время слушал, а затем повесил трубку.

— Мне надо идти, — сказал врач, разворачиваясь и направляясь к двери. — Поспи, Леони, а завтра еще поговорим. Мне очень интересно, что за ангела ты там встретила.

— Подождите, доктор Баннерман… Джон… Оранжевые кроссовки. С полосатыми малиново-зелеными шнурками.

— Что? Извини, не понял, — произнес Баннерман, остановившись.

— Я вчера еще кое-что видела, когда была вне тела. Секретаря в приемном покое этой больницы. Женщина сидела за столом в идеальном черном костюме, строже некуда. А на ногах у нее были оранжевые кроссовки, с малиновыми шнурками в зеленую полоску…

— И?..

— Если этот человек существует в действительности, значит, я все видела по-настоящему, так?

— Не обязательно… Извини, мне надо идти… — очаровательно улыбнувшись, ответил Баннерман. — Но я это обязательно проверю, хорошо? В смысле, насчет секретаря. Приду к тебе завтра, часов в десять утра. А теперь спи.

Часов в шесть утра Леони внезапно проснулась, с удивлением обнаружив, что в палате куча народу. Мама, папа, санитар с креслом-каталкой, двое мужчин в костюмах и несколько медсестер. Не говоря ни слова, одна из медсестер схватила ее за руку и начала протирать ее перед уколом. Леони заорала, пытаясь вырваться, но почувствовала, как иголка проткнула кожу. Последнее, что она увидела, когда все уже поплыло перед глазами, — это выражение мстительного торжества на лице матери.

Глава 11

— Ты знаешь эти места, а я — нет, — сказала Рия Бриндлу. — Помоги мне найти подходящее место для засады.

Попыталась представить в уме картину, лес и открытое пространство позади него. Восемь Уродцев и Рия спрячутся за деревьями, чтобы подождать тех, кто идет следом. Но остальные, больше сорока человек, пройдут через лес и пойдут дальше, так, чтобы их было видно издалека.

— Здесь есть что-нибудь подходящее? — спросила она.

У Бриндла загорелись глаза.

— Да… — Он задумался. — Но это вблизи Тайного Места. Наверное, плохо позволять им подойти так близко…

— Без разницы, как близко. Мы просто убьем их, и они уже никому ничего не расскажут. Что самое важное, готовы ли вы убить этих чужаков? Поскольку нам придется сделать именно это.

Бриндл снова задумался. Его врожденная мягкость начинала раздражать Рию.

— Не хочу слышать всякой ерунды, что они тоже люди, что у них тоже есть души, как у нас, — резко сказала она. — Они — убийцы. Убили четверых воинов, без всякого повода. Просто потому, что могли это сделать. Пришла их очередь.

— Понимаю, — ответил Бриндл, — Уродцам придется убивать, иначе убьют их. Клан каждый день учит нас этому. Но нам тяжело привыкнуть к такому.

Дойдя до края плато, они начали спускаться по густо заросшему склону. Деревья закрыли их от ветра. Рия любила леса, а этот был особенно прекрасен, тихий, освещенный золотыми лучами солнца, пробивающимися сквозь ветви.

Спустившись в долину, они вышли из леса и оказались на скалистом берегу неширокого озера. Построившись по четверо, начали обходить озеро.

Рия и Бриндл шли во втором ряду, позади седого старейшины. Девушка заметила у него на наружной стороне предплечья правой руки три глубоких параллельных шрама до самого локтя, которых не увидела, когда старейшина оттаскивал Григо, Дюму и Вика сегодня утром. Метка, оставшаяся от схватки с диким зверем, медведем или пумой, много лет назад.

У Рии в голове послышался голос Бриндла.

— Десять зим назад, когда голодный медведь зашел в наше стойбище и попытался схватить жену Грондина. Съесть хотел. Грондин не хотел этого. Был бой…

— И?

— Медведь проиграл. Жене Грондина досталось красочное ожерелье из зубов и когтей. Носит его постоянно.

— Грондин — часть более длинного имени, как Бриндл?

— Ха! Тебе действительно интересно? Хорошо. Грондинондин-Грандинадин-Арчипрона.

— «Арчипрона» в конце звучит знакомо.

— Меня зовут Бриндл-Фудж-Тубло-Трунджен-Арчипрона, помнишь? Грондин — брат моего отца.

Рия снова почувствовала охватившую Бриндла печаль, мысли об отце заставили его вспомнить смерть матери и братьев от рук людей Клана. Увидела образ могучего старейшины Уродцев, немного похожего на Грондина, но еще выше и крепче сложенного.

— Ты мне показал своего отца, да?

— Да. Очень его люблю! Великий человек. Отличный друг, мой отец и наш вождь.

— Эй, ты шутишь? Твой отец — вождь?

— Не шучу.

— Значит, когда-нибудь ты станешь…

— Вождем Уродцев? Да, если к тому времени хоть кто-нибудь останется.

Рия озадаченно поглядела на него.

— Мы — последнее племя Уродцев во всем мире, — объяснил Бриндл. — Пять сотен собрались в Тайном Месте. Сотен семь, наверное, еще живут в других стойбищах. Там они не могут защищаться от нападений Клана. Мы пытаемся собрать всех в Тайном Месте.

— И больше никого?

— Кроме нас — никого. Все погибли.

Рия начала многое понимать насчет Бриндла. Почему он имел такую власть среди воинов и старейшин. Он оказался не просто увечным юношей, которого она пыталась спасти, а единственным сыном вождя Уродцев! Она решила, что постарается помочь ему, когда вернется в Клан. Зловещие планы Мёрха уничтожить этих разумных и добрых существ просто ужасны, и она должна попытаться остановить это. Что может оказаться не так уж сложно,

если она сумеет доказать то, в чем его заподозрила. Что он и Григо слушаются кровожадных чужаков, таких же, как те двое, идущие сейчас за ними следом.

Рия с детства постоянно уходила из стойбища, собирая в лесу фрукты и орехи, охотясь на птиц, кроликов и оленят, и научилась отлично бросать камни. Она считала себя практически такой же сильной и опытной, хитрой и опасной, как взрослые воины Клана. Но быстрый темп, который взяли Уродцы, пройдя мимо озера, когда они начали подниматься в гору, измотал даже ее. Подъем казался бесконечным. В боку у нее закололо. Рие было очень неловко, не хотелось выглядеть слабой, тем более что все Уродцы, даже раненые, даже те, кто нес носилки, даже хромой Бриндл, казалось, не сбавили скорости ни на каплю.

Солнце клонилось к закату, когда они дошли до дремучего леса, начинавшегося на склоне горы. Петляя, пошли между могучими стволами сосен.

— Мы уже близко к месту, где можно сделать засаду, — предупредил Бриндл. — Уже недалеко.

Рия оглянулась назад. Уродцы, которых, несмотря на потери, осталось больше пятидесяти, оставляли за собой заметный след на толстом ковре из опавших сосновых иголок, покрывавшем землю в лесу. Их выследил бы даже ребенок. В этом-то и была суть плана.

Они вышли на опушку, густо поросшую травой, размером где-то сто на сто шагов. Пошли через нее напрямик, оставляя за собой полосу примятой травы. Когда они снова вошли под деревья, Рия увидела, что близится край леса, за ним начинается изумрудно-зеленый горный луг, призывно блестящий в лучах заходящего солнца, повисшего над неприступными горами.

Бриндл, Грондин и еще шесть воинов, взяв с собой кремневые ножи, боевые топоры и по два копья, остались вместе с Рией. Она поняла: все ждут, что она скажет.

— Мы не очень опытны в таких делах, — признался Бриндл.

Рия, которая еще на берегу озера набрала в мешочек метательных камней, не задумываясь, приняла командование на себя. Общаясь с остальными через Бриндла, она объяснила, что преследователи пойдут по широкому следу, оставленному колонной.

— Если повезет, они не заметят, что некоторые ушли в сторону, — произнесла она, показав на Уродцев, взбиравшихся по крутому склону, ведущему к утесам вдали. — Все выглядит так, будто мы просто прошли через лес и двинулись в гору с другой стороны от луга.

Времени на замысловатые уловки и устройство ловушек не было. Рия приказала всем укрыться за деревьями по обе стороны от протоптанной тропы и быть готовыми закидать врагов камнями и копьями.

Но девушку точил червячок сомнения.

С этой их ужасной мягкостью, смогут ли восемь Уродцев справиться с двумя жестокими и опытными воинами?

Глава 12

Очнувшись от наркоза, Леони, к своему ужасу, поняла, что лежит, привязанная к металлической койке с высокими бортиками, в совершенно незнакомом помещении. Голова еще еле соображала, но она поняла, что произошло. Мама и папа дернули за нужные ниточки, и ее перевели в больницу для душевнобольных. Они уже грозились сделать это раньше.

Именно это мама и имела в виду, говоря про «избавление от старья».

Закричав, она попыталась освободиться от пут и начала мотать головой из стороны в сторону. Потом, догадавшись, что в палате наверняка стоит камера наблюдения, заставила себя успокоиться. Вести себя как сумасшедшая — последнее, что стоит делать в таком месте.

Огляделась. Достаточно большая палата, почти что роскошная, но на двери три замка и глазок. Окна зарешечены изнутри. Практически тюрьма.

— Эй! — крикнула она. — Мне в туалет надо!

Тишина.

— Эге-эй! Есть здесь кто-нибудь? Мне в туалет надо.

Тишина.

— Слушайте, я серьезно. Я в кровать надую, если кто-нибудь поскорее не отведет меня в туалет.

Тишина.

Интересно, это что, проверка? Леони вздохнула и принялась ждать. Она попала в хороший переплет, это точно. У мамы и папы куча денег, а в солнечном Лос-Анджелесе, где деньги решают все, им будет несложно найти психиатра, который подтвердит, что она сумасшедшая. Больнице хорошо заплатят за ее содержание, и врачи будут заинтересованы продержать ее здесь как можно дольше. Скорее всего, в обмен на обещание многомиллионного пожертвования от отца.

Она ненадолго задремала и проснулась от звука ключа, поворачивающегося в замке. Дверь распахнулась, и в палату вошли две улыбающиеся дюжие медсестры.

— Привет, — одновременно сказали они. Представились Дейдрой и Мелиссой. Повозились, развязывая ремни на запястьях и лодыжках Леони.

— Тебе дали очень сильное успокоительное, — объяснила Дейдра. — Почти все утро ты была в отключке, так что стоять на ногах ты будешь неуверенно. Нам придется довести тебя до туалета.

«Неуверенно» — слабо сказано. Леони казалось, что ноги у нее резиновые. Но, дойдя до двери в туалет, она стала настаивать, что с остальным справится сама.

— Нет, — ответила Мелисса. — Ты должна оставаться под присмотром.

— Зачем?

— На случай, если захочешь что-нибудь сделать. Ты под круглосуточным наблюдением, в связи с попыткой самоубийства. Приказ доктора Сэнсома.

Леони было так неудобно, что она никак не могла заставить себя пописать.

— Слушайте, оставьте меня хоть на секунду. Я так не могу, — запротестовала она.

— Извини, милочка, — сказала Дейдра, — не имеем права. Не беспокойся. Если излишняя застенчивость мешает, мы можем поставить катетер.

— Либо расслабься и займись делом, — добавила Мелисса.

Они продолжали улыбаться, но все это выглядело отнюдь не лучезарно.

Спустя двадцать минут Леони наконец справилась с собой, оскорбленная и взбешенная. Позволила Дейдре и Мелиссе довести ее до койки. Она была еще на полпути, ее голая задница наполовину торчала из-под задранного больничного халата, когда в дверь вошел крупный мужчина.

— Здрасьте-здрасьте, мисс Уоттс, — сказал он. — Я доктор Сэнсом, заведующий. — Любовно оглядел ее, пока медсестры подняли ее на кровать и укрыли одеялом. — Можете идти, — разрешил он медсестрам.

Сэнсом оказался рослым мужчиной с красным лицом техасца, лет около шестидесяти, в дорогом деловом костюме. Он распространял вокруг себя ореол человека, уверенного в себе и привыкшего командовать. Огромные руки, крепкие и мозолистые, больше походили на руки рабочего, а не медика. Пухлый нос картошкой был покрыт красной сеточкой лопнувших сосудов.

— Добро пожаловать в психиатрическую клинику Маунтин Ридж, — сказал он. — Знаешь, почему ты здесь оказалась?

— Потому, что мои родители заплатили вам за то, чтобы меня признали сумасшедшей?

— Ответ истинного параноика, мисс Уоттс, но мы к такому привыкли. Ваши родители очень вас любят и *очень* озабочены вашим психическим здоровьем. Систематическое употребление наркотиков, беспорядочные сексуальные связи… — Он ухмыльнулся. — Ваши фантазии насчет собственного отца…

— Понятия не имею, о чем вы, — сказала Леони, мрачно глядя на него. — У меня нет никаких фантазий насчет моего отца.

— Думаю, вы прекрасно знаете, о чем я. Ложные воспоминания, безумные обвинения. И, в довершение ко всему, попытка самоубийства. Все это свидетельствует об изрядной склонности к галлюцинациям.

— Какая еще попытка самоубийства? — ахнув, переспросила Леони.

— Передозировка оксиконтина. Если бы родители вовремя не пришли на помощь, вы бы умерли…

— Чушь. Меня спасли не родители. Спасла меня Кончита, горничная. Если оставить все в руках моих родителей, они бы с удовольствием позволили мне умереть.

— Опять паранойя, мисс Уоттс. Честно говоря, чем больше я вас слушаю, тем больше удостоверяюсь в том, что передозировка была именно попыткой самоубийства. Именно поэтому вас принудительно поместили в Маунтин Ридж, согласно статье пятьдесят один — пятьдесят Гражданского кодекса Калифорнии.

— Помещена за что? Не понимаю. Зачем меня сюда поместили?

— Естественно, ради вашего же блага.

— Не верю, что это законно. Я была пациентом медицинского центра Калифорнийского университета, меня лечили после передозировки, а утром меня накачали успокоительным, похитили и упрятали сюда. Разве это законно?

— *Похитили*, мисс Уоттс? *Упрятали*? Снова параноидальный бред. Ваши мать и отец были обеспокоены — совершенно обоснованно, с моей точки зрения, — что вы можете снова попытаться совершить самоубийство. Решили, что будет безответственно оставить вас в больнице с открытым режимом, без необходимой психиатрической помощи и круглосуточного наблюдения, на случай повторной попытки суицида. Они выполнили все формальности и получили разрешение на это. Заключение было написано главным врачом округа Лос-Анджелес. Оно позволяет нам держать вас в Маунтин Ридж семьдесят два часа для оценки вашего психического состояния, чтобы убедиться, что в дальнейшем вы не станете подвергать свою жизнь опасности.

— И через семьдесят два часа меня отпустят?

— И не мечтай, — рявкнул Сэнсом. Внезапно он наклонился к ней и доверительно зашептал: — Между нами, по истечении семидесяти двух часов у нас не будет недостатка в причинах продлить срок принудительного лечения и держать тебя здесь… ну… столько, сколько мы захотим. Я собираюсь лечить тебя намного дольше, чем ты можешь вообразить.

— Без вариантов, ты, задница. Я выпущена под залог за вождение в состоянии опьянения и хранение наркотиков. Через пару месяцев должен состояться суд, так что ты не сможешь просто спрятать меня здесь.

— С этим уже все уладили. Дорожный патруль Калифорнии отозвал обвинения. Они согласились, что пребывание в суде может ухудшить твое психическое состояние. Так что ты в полной нашей власти. Думаю, твой случай окажется весьма интересным.

Психиатр нажал на кнопку звонка у кровати, и спустя считанные секунды появились Дейдра и Мелисса.

— Будьте добры, зафиксируйте пациента, — приказал Сэнсом и вышел, даже не оглянувшись.

Глава 13

В следующий раз Леони увидела живого человека, когда Дейдра принесла ленч и развязала ремни, чтобы у нее была возможность поесть. На подносе лежало еще с полдюжины таблеток, разного размера и цвета. После еды Дейдра заставила ее их все принять. Потом Леони предложили сходить в туалет, а затем снова привязали к койке.

От таблеток она уснула. Когда проснулась, уже смеркалось, а над ней, будто призрак, нависал тщедушный мужчина с вытянутым, будто морда хорька, лицом, редеющими седыми волосами и грязными зубами.

Леони ахнула и отдернулась. Мужчина всплеснул маленькими бледными ладонями, что отнюдь не выглядело жестом успокоения.

— Кто вы? — хрипло спросила Леони.

— Э… а… доктор Гринспун. Я пришел, чтобы задать тебе несколько вопросов.

— Я не хочу отвечать на вопросы. Устала. Уходите.

— Это входит в программу оценки вашего психического состояния, мисс Уоттс. Обязательного.

Гринспун включил все лампы в палате, развязал ремни и усадил ее в койке, подложив под спину кучу подушек. Потом дал Леони ручку и огромную стопку листов бумаги, закрепленную на пюпитре.

— Это займет не более девяноста минут.

— Девяноста? Что это?

— Мультифазный опросник по миннесотской методике. Тут… сейчас гляну… пятьсот шестьдесят семь пунктов.

— Что за хрень, пятьсот шестьдесят семь пунктов?

— Э… а… пятьсот шестьдесят семь вопросов. На каждый отвечаешь «да» или «нет». Вопросы совершенно однозначные. Если ответите на них честно, это даст нам точную картину ваших проблем с психическим здоровьем.

Доктор улыбнулся, обнажив достойные крысы зубы.

— Это *хороший тест*, мисс Уоттс. Когда мы поймем, *что* с вами не так, мы будем знать, как вас лечить, чтобы вы снова были здоровы…

— Какая чушь, — не сдержалась Леони. — Вы, ребята, не собираетесь меня «вылечить». Вы держите меня здесь насильно, — она кивнула на ремни, которые только что развязал Гринспун. — Я в тюрьме! Признайте это. Мне не разрешают без присмотра даже в туалет сходить.

— Ну, это потому, что вы под наблюдением, на случай попытки самоубийства. Когда мы убедимся, что вы более не склонны причинить себе вред, часть ограничений будет снята. По словам директора больницы Сэнсома, он желает, чтобы вам здесь было хорошо… а теперь, пожалуйста, заполните анкету.

Мобильный Гринспуна заиграл «Колыбельную» Брамса, и его лицо сделалось хитрым. Врач начал рыться в карманах. Найдя телефон и скорчив мину, тихо ответил и поспешно вышел из палаты, не привязав Леони к койке.

Первым желанием было вскочить и побежать, но в этом не было смысла. Она слышала голос Гринспуна за дверью. Даже если Леони проскочит мимо него или любого другого, проходящего мимо, она понятия не имеет, куда бежать дальше. Чтобы сбежать, нужен четкий план. Возможно, следует обзавестись союзниками. Лучше всего — рыцарем на белом коне, который бы спас ее.

Например, таким, как Джон Баннерман. Красавец, спасший Леони в реанимации, осведомленный о том, что происходит между Леони и ее родителями. Наверняка ее внезапное исчезновение пробудило в нем подозрения. Или нет? Его заинтересовали ее переживания, и, похоже, он не считал, что она безумна и представляет опасность для себя самой. Остается лишь надеяться, что он горы свернет, чтобы вытащить ее из Маунтин Ридж. Возможно, Баннерман уже этим занялся. Леони видела, насколько он решителен. Похоже, никакие деньги и адвокаты семьи Уоттсов не заставят его отступиться, если он действительно захочет помочь ей. С другой стороны, если Баннерман хочет ей помочь, почему его здесь еще нет?

Смирившись с неизбежным, Леони поправила подушки под спиной и начала заполнять опросник, выданный ей Гринспуном.

Что бы там она ни ответила, очевидно, что здесь намерены доказать, что она сумасшедшая. «Я вижу предметы или животных, которые не видят другие люди». «Да» или «Нет»? «Я часто слышу голоса, доносящиеся непонятно откуда». «Да» или «Нет»? «У меня постоянно бывают приступы смеха и рыданий, которые я не в силах остановить». «Да» или «Нет»? «Иногда моя душа покидает тело». «Да» или «Нет»? «Один или более раз в жизни у меня было ощущение, что кто-то заставляет меня что-то делать под гипнозом». «Да» или «Нет»? «У меня привычка считать ничего не значащие вещи, например, количество лампочек на табло, и тому подобное». «Да» или «Нет»?

Другие вопросы выглядели попроще, но тоже, по всей вероятности, скрывали в себе ловушки. «Меня мучит изжога, несколько раз в неделю». «Да» или «Нет»? «Я легко просыпаюсь от шума». «Да» или «Нет»? «Я люблю читать криминальную хронику в газетах». «Да» или «Нет»? «Я никогда не набираю и не сбрасываю вес». «Да» или «Нет»? «У меня никогда не было проблем с законом». «Да» или «Нет»? «Я обычно предполагаю наихудшее». «Да» или «Нет»? «У меня такое взаимопонимание с людьми, какого я заслуживаю». «Да» или «Нет»? «Я не беспокоюсь о своем внешнем виде». «Да» или «Нет»? «Люди обычно требуют большего уважения собственных прав, чем уважают чужие». «Да» или «Нет»?

Спустя где-то полчаса Гринспун вернулся. Сложил мобильник, подошел к Леони и встал рядом с койкой.

— С вопросником все понятно, мисс Уоттс?

— Абсолютно, — ответила Леони. — Скоро закончу.

Краем глаза она заметила, что он не до конца убрал мобильник в карман, и решила, что стоит попытаться.

— На самом деле есть одна штука, с которой вы можете помочь, — сказала она. — Не подержите все это, а то мне почесаться хочется…

Она сунула пюпитр и ручку ему в руки, мешая убрать мобильник. От удивления Гринспун хрюкнул и попытался оттолкнуть ее руки. Леони увернулась. Когда Гринспун снова наклонился к ней, пытаясь сунуть ей бумаги и ручку обратно, она схватила его за запястья. Доктор открыл рот и приподнял брови от удивления. В неразберихе Леони забрала назад пюпитр и ручку вместе с его мобильником.

Сердце колотилось. Она поверить не могла, что ей это удалось, но этот мерзкий врачишка так разволновался, что ничего не заметил. Чтобы еще лучше отвлечь его

внимание, Леони бросила все три предмета на койку, не забыв при этом прикрыть мобильник пюпитром. Потом встала на колени и развернулась, прямо голой задницей к доктору.

— Вот здесь очень чешется, — буркнула она, скидывая халат и показывая пальцем на спину между лопаток.

Гринспун посмотрел в потолок, а потом в пол.

— Вы нехорошо себя ведете, мисс Уоттс, — выпалил он. — Прикройтесь, будьте добры.

— Да ладно, доктор Гринспун, ведь вы *действительно* доктор, а? Ни разу женской задницы не видели, что ли?

— Это не имеет отношения к делу. Пожалуйста, сейчас же прикройте себя, иначе мне придется вас снова зафиксировать.

Пожав плечами, Леони поправила подушки, картинно уселась и взяла в руки пюпитр и ручку, постаравшись спрятать мобильник в складках одеяла. Не смея даже глянуть, удалось ей это или нет, она снова взялась за опросник. «Да», «Да», «Нет», «Нет», «Да»…

Глава 14

Двое жестоких воинов, преследовавшие весь день Уродцев, появились из лесной чащи, бледные, как призраки. Всклокоченные волосы прядями свисали на их мускулистые спины, их тела были покрыты потом. На бегу они смотрели вниз, не отрывая глаз от следа, молча и сосредоточенно. Затем один показал рукой вперед, туда, где след шел между деревьев и выходил на луг. Склон горы уже оказался в тени, но последние лучи солнца, прорывавшиеся в прогалины между скалами, освещали колонну Уродцев, поднимающуюся в гору далеко впереди.

Мельком выглянув из-за ствола высокой черной сосны, за которой она пряталась, Рия увидела, как чужаки побежали вперед. Они внимательно глядели вдаль, стараясь не упустить из виду удаляющуюся колонну, даже не подозревая, что кто-то мог остаться здесь, чтобы разобраться с ними. Ее план был прост. Она и восемь воинов выбегут из укрытия и забросают чужаков камнями и копьями, с двух сторон, в упор.

Они бежали, бесшумно, босиком, не громче, чем листья, падающие с деревьев. Ближе… ближе… Рия уже была готова отдать приказ атаковать, когда Уродцы внезапно вышли из укрытий и остановились вокруг чужаков, угрожающе потрясая своими грубо сделанными копьями.

С ума сойти.

— В чем дело, Бриндл?! — мысленно крикнула Рия.

— Пусть сдаются.

Мыслеголос Бриндла звучал упрямо, будто он знал, что она будет против, но все равно решил по-своему.

— Взять в плен. Не убивать.

— Не будут они сдаваться, — ответила Рия, не выходя из укрытия. — Бросайте в них копья, живо!

Но копья не полетели, и на мгновение все застыли на месте.

Рия увидела, что чужаки оправились от удивления и, ухмыляясь, поглядели друг на друга. Их желтые зубы были заточены, острыми углами. Должно быть, подумали, что Уродцы сошли с ума, не убив их сразу.

Время, казалось, остановилось. Рия четко слышала все звуки леса. Шорох ветра в кронах деревьев, поскрипывание веток, голоса ночных птиц, вой волка вдали. Заметила, что у одного из чужаков мешок из грубой шерстяной ткани. Внутри лежало что-то массивное, и ткань пропиталась кровью. Он спустил мешок с плеча левой рукой и бросил на землю, а правой потянулся к кремневому ножу, заткнутому за пояс.

Выскочив из-за дерева, Рия выхватила из своего мешка камень и с силой бросила в него. Уже темнело, но она хорошо его видела. Просвистев в воздухе, камень с громким стуком ударил чужака в лоб. Враг зашатался, его глаза закатились, и он упал ничком. Краем глаза Рия увидела, как в противоположную сторону, прямо в нее, полетел томагавк. Уклонившись и сделав сальто, она снова стала на ноги. И с изумлением увидела еще двоих чужаков, которых до того не заметила. Они выбежали на поляну, готовые к бою.

Рия хорошо бросала камни обеими руками и поспешно схватила сразу два. Чужаки издали ужасающий боевой клич и напали на Уродцев, бешено орудуя копьями. Наступил хаос. За один удар сердца трое из отряда Уродцев упали под ноги сражающимся замертво.

Рия быстро, изо всех сил, бросила камень правой рукой, попав рослому чужаку в затылок. Тот осел на землю прежде, чем успел ранить ножом Бриндла. Еще один Уродец упал. Рия хотела бросить камень левой рукой в того, кто убил его, но Грондин оказался быстрее. Сделав шаг, он насквозь пронзил чужаку грудь копьем, и из сердца хлынул фонтан алой крови. Другие Уродцы забили насмерть оставшегося на ногах чужака дубинами и топорами. Сражение закончилось так же быстро, как и началось.

Рия рванулась вперед. Те двое, которых сразила она, лежали рядом, без сознания, но все еще были живы. И она не собиралась позволить им продолжить их путь.

Рия огляделась. Место боя было усыпано оружием. Она подобрала кремневый нож, потрогала лезвие. Неплохое. Ей столько раз приходилось делать это с кроликами и оленями, что и не сосчитаешь.

Опустившись на колени рядом с рослым воином, который нес мешок, она посмотрела на него. Дышит и стонет, что-то бормочет, лежа ничком, так же, как и сразу после того, как получил удар камнем. Рия села верхом на него и схватила за волосы, рывком подняв его голову с земли. Заведя руку с ножом снизу, она воткнула его лезвие в горло у левого уха. Воин зарычал от боли и начал брыкаться, но Рия резанула ножом поперек. Хлынула горячая кровь.

Убедившись, что враг уже не поднимется, Рия встала и повернулась ко второму чужаку, лежащему, облокотившись на ствол дерева. Он все еще был без сознания. Не чувствуя к нему ни малейшей жалости, она точно так же перерезала ему горло.

Чужаки бессильно валялись на земле, издавая булькающие звуки, их кровь медленно впитывалась в землю. Рия опустилась на корточки, прикрыла глаза, заставила себя глубоко вздохнуть. Она впервые в жизни убила человека. Что ж, ничего особенного.

А потом посмотрела на мешок. Подняла его с земли. Тяжелый. Высыпала содержимое на землю. Две головы, окровавленные, побитые, но вполне узнаваемые.

Дюма и Вик.

Следом за головами на землю вывалилась пара совсем недавно отрезанных мужских гениталий.

Идти надо было в гору, и они ни за что не добрались бы, с четырьмя мертвыми и тремя ранеными, если бы вся колонна Уродцев не вернулась, чтобы помочь им. И все равно подъем был тяжел.

Только при свете луны они подошли к плотным зарослям кустарника и небольших деревьев у основания скальной стены. Грондин свернул вправо, и остальные пошли следом за ним.

Рия так и не разговаривала с Бриндлом со времени, когда их засада едва не потерпела неудачу. Ей вовсе не хотелось оставаться здесь на ночь.

— Что тут такое? — спросила она наконец, показывая на скалу.

— У Тайного Места тайный вход. Смотри. Увидишь.

Спустя пару мгновений Грондин остановился у неприметных кустов и принялся раздвигать ветки в стороны. Внутри оказался проход, незаметный для тех, кто просто проходил бы мимо. Он вел сквозь густые заросли прямо к скале. Грондин пошел по нему вместе с Бриндлом и Рией, остальные последовали за ними. Замыкавшие колонну вновь сдвинули ветви вместе, и все двинулись вперед.

Глаза еще не привыкли к темноте, и Рия так и не поняла, что произошло потом. Только что они были среди густого подлеска, перешагивая переплетенные корни, усыпанные сухими листьями, и вдруг что-то изменилось. Стало влажно, повсюду послышались звуки текущей и капающей воды, и девушка почувствовала под ногами скользкие камни.

— Пещера, — сообщил Бриндл. — Очень длинная пещера. Насквозь через гору.

Защелкали кремни, занялся язычками пламени трут, и от него зажгли небольшие светильники, заправленные жиром. Несколько Уродцев понесли их в руках. Дрожащий свет светильников заиграл мириадами искр на тысячах сталактитах, сверкающими сосульками висящих у них над головами.

Пару лет назад Рия уже бывала в пещере. Та пещера была совсем другой, но ничуть не менее красивой. Она была на охоте с Хондом и Рилом. Преследуя раненого оленя, они вбежали в узкую расщелину в холме и очутились в огромной пещере, эхом отражающей все звуки. Зажгли светильники и увидели со всех сторон потрясающие картины, нарисованные красным и черным. Полулюди-полубизоны, полулюди-полульвы, странные животные, тела, ноги, головы и зубы которых были похожи на части тел всех известных им животных. Обитатели иного мира, прорвавшиеся в этот и застывшие в трещинах и на выступах скал.

Это была одна из тех пещер, которые давным-давно украсили Рисовальщики, древний народ, потомками которого было и племя Клана. В легендах, рассказываемых обычно у костра в стойбищах, говорилось, что они открыли ныне утерянный путь в мир духов и рисовали странных зверей, увиденных там.

— Не утерянный, — сказал Бриндл. — Уродцы и сейчас знают путь в мир духов.

Но в этой длинной пещере, шедшей сквозь всю гору, не было рисунков. Когда на стены падал мерцающий отблеск светильника, Рия видела лишь отполированный временем и водой известняк. Причудливые отложения в нем напоминали зверей — мамонта, змею, медведя или бизона, но лишь напоминали. Иногда свисающие сверху сталактиты смыкались с растущими из пола сталагмитами, образуя колонны, целый лес колонн, сквозь который приходилось не без труда протискиваться. Иногда потолок пещеры был так высоко, что его не было видно. Иногда опускался так низко, что приходилось ложиться и ползти на животе, по жирной мокрой грязи. В одном месте стены пещеры сошлись так близко, что Грондину пришлось идти боком, поскольку его плечи не помещались в проходе. Рии уже начало казаться, что они никогда не выйдут наружу и так и останутся похороненными внутри этой горы. Выступы, идущие над ревущими подземными реками, воронки и обрывы, лабиринт боковых ходов, в которых тот, кто не знает дороги, может заблудиться и умереть с голоду, так объяснил ей Бриндл.

— Но вы-то знаете, куда идти, так?

— Да. В Тайное Место нас ведет Владычица Леса. Показывает нам путь.

— Владычица Леса? Кто она?

— Она — великий дух, Рия. Приглядывает за нами.

Перед глазами Рии возник образ группы Уродцев, идущих по лабиринтам пещеры следом за рослой красивой женщиной с кожей цвета индиго.

Через некоторое время влажный, почти удушающий воздух пещеры начал свежеть. Рия почувствовала поток ночного воздуха. Перебравшись через кучи камней, она наконец вышла

на залитый лунным светом склон холма. В небе сияли звезды, вдалеке в свете луны блестели заснеженные вершины гор, а в паре полетов стрелы впереди виднелись огни костров. Она посмотрела на Бриндла, ожидая объяснений, но тот внезапно сделался мрачен и погрузился в свои мысли.

— Тайное Место? — спросила она.

— Да. Тайное Место. Что-то случилось.

Бриндл побежал вниз, спотыкаясь и падая, вставая на ноги и снова спотыкаясь. Остальные тоже побежали. Рия в панике бросилась им вслед.

— Что случилось, Бриндл? — крикнула она. — Почему мы бежим?

Ответа не последовало.

Рию охватило мрачное и подавленное настроение. Девушка задрожала, перед ее глазами проносились образы лесного боя. Внезапно она почувствовала себя очень одинокой и никак не могла выкинуть из головы дурные предчувствия.

Откуда, в конце концов, ей знать, что Уродцам действительно можно доверять? Может, она совершила роковую ошибку, придя вместе с ними на их земли? Нет никакой надежды выбраться отсюда без их помощи…

Рия перешла с бега на шаг, тихо ругаясь, и пошла в сторону темных фигур, торжественно вставших вокруг огромного костра, прогоревшего почти до углей. У костра что-то происходило, что-то, привлекающее внимание всех окружающих.

Может, что-то готовят?

Рия подошла ближе и с ужасом поняла, что на углях жарили человеческое тело. Сейчас же Уродцы подняли его с углей. Женщины в ярости набросились на него и начали отрывать куски обгорелой плоти, тут же пожирая ее. Одним ударом кремневого топора воин отсек голову, а другой Уродец — Бриндл! — раздробил основание черепа каменной дубиной и сунул пальцы внутрь, чтобы достать мозг.

От шока у Рии закружилась голова.

«Ты все это время меня обманывал», — подумала она.

Развернулась и побежала прочь.

Глава 15

Рия бежала куда глаза глядят, прерывисто дыша, по темному склону холма. Сердце билось как бешеное. Виляя между валунами и деревьями, огибая едва видимые препятствия, она лишь задыхалась, переполненная ужасом и болью. Мысль, что ее тело окажется на костре следующим и она станет пищей каннибалов, вызывала в ней непереносимое отвращение.

Что за чудовищный обман…

Она даже не ругала Уродцев за их самоубийственную тупость там, в засаде, поскольку хотела верить, что это — следствие их мягкости и доброты. Но теперь, когда она все увидела своими глазами, все то, о чем говорил Мёрх и его громилы, подтвердилось. Рия ругала себя за слабость характера, позволившую ей поверить КАННИБАЛАМ и поставить под сомнение знание людей Клана. Поклялась, что если переживет эту ночь, то больше никогда не совершит такой ошибки.

Внезапно земля разверзлась у нее под ногами. Споткнувшись и кувыркнувшись, она с громким стуком встала на ноги на дне какой-то ямы. Перепуганная, потерявшая ориентацию из-за темноты, Рия попыталась взобраться по стене ямы, но они были почти вертикальны и вдвое ее выше. Она свалилась обратно. Попыталась во второй раз, вцепившись пальцами в холодную крошащуюся землю, и почти выбралась наверх, но снова упала. Сбив дыхание, уставшая, девушка уселась на землю, собираясь с силами для третьей попытки, но тут

услышала какое-то хрюканье, тонкий писк и ужасающее сопение. *Она попала в одну ловушку с диким зверем! Барсук? Или медведь?* Подпрыгнув, Рия встала спиной в угол, согнув пальцы, как когти, пока не осознала, что одна в яме и все эти звуки вырываются из ее глотки.

Дерьмо. Она потеряла контроль. Совершенно перепугалась. Если бы ее увидели Хонд и Рил, они бы сказали, что надо собраться, контролировать себя и перестать ныть. Усилием воли Рия замедлила дыхание и сжала зубы, чтобы не дать вырваться наружу жалкому хныканью, которое зарождалось в ее горле. Встав прямо, она пошла в центр ямы.

Наступила тишина. Когда Рия подавила панику, она услышала, как Уродцы карабкаются по склону холма. За лакомым куском человеческой плоти. Они рядом, ломятся сквозь кусты и деревья. Судя по всему, Бриндла среди них нет, или «связь», о которой он говорил, разрушена в результате его предательства. Если бы он мог слышать ее мысли, они бы быстро ее нашли.

Рия подождала, пока охотники пройдут мимо. Затем яростно кинулась на стену ямы, впиваясь в землю пальцами рук и ног. На одной лишь силе воли добралась почти до верха и снова упала назад. Но на этот раз куда хуже. Раздался мерзкий щелчок, левую ногу пронзила боль, и Рия поняла, что не может на ней стоять.

Мужественно стерпев первую волну боли, она перекатилась на спину. Если нога сломана, ей конец. Рия поглядела вверх. В квадратной рамке краев ямы блестели звезды в ночном небе. Внезапно звезды заслонила косматая голова и плечи. С удивительной для своего размера ловкостью Грондин спрыгнул вниз и оказался рядом с ней.

Рия не пыталась сопротивляться, у нее не было шансов победить его, но Грондин ее удивил. Встав на колени рядом с ней, он провел руками по ее поврежденной ноге и начал тереть то место, где болело сильнее всего. В его прикосновении не было вожделения хищника, и Рия сразу же ощутила, как на ногу потек теплый, исцеляющий свет.

Когда Грондин решил, что сделал достаточно, он подхватил Рию под бедра и плечи огромными руками и поднял вверх, где ее приняли мозолистые руки других Уродцев. Потом выпрыгнул из ямы. Из веток соорудили носилки, на которые ее и положили. Один Уродец взял носилки спереди, другой — сзади, а Грондин пошел сбоку. Девушку понесли прочь от ямы, сквозь заросли деревьев, обратно на холм, к кострам стойбища.

Вот теперь она точно у них в плену, без всякой надежды на бегство. Рия начала заново обдумывать события, принудившие ее бежать. Тело в костре, женщины, отрывающие куски плоти, отсечение головы и — о ужас! — Бриндл, разбивающий дубиной основание черепа жертвы, чтобы съесть мозг. Несмотря на всю мягкость, проявленную Грондином, на нее накатила волна отвращения. Увечная, беспомощная, среди вонючих полулюдей-каннибалов, которые ее убьют и съедят.

Желательно именно в таком порядке.

Они приблизились к кострам, взбираясь по крутому склону. Внезапно, похожий на удар камня, в ее голове снова появился голос Бриндла.

— Не каннибалы! Не так, как ты думаешь!

— Лжец! — тщательно сосредоточившись, бросила камнем свою мысль Рия.

— Говорил тебе. Мы не лжем.

— Но я тебя видела. Видела, что случилось с телом, вынутым из костра… он из Клана?

— Наверное, после смерти Уродцы и люди Клана становятся похожи…

Мыслеречь Бриндла была наполнена какими-то сильнейшими чувствами, но Рия, охваченная гневом, не могла уловить сути.

— Мне не интересны твои «наверное». Ответь на вопрос.

— Он не из Клана. Это мой отец, наш вождь. Он умер сегодня вечером.

Теперь Рия начала понимать, какие чувства бурлили в голове Бриндла. Печаль, огромная, разрывающая душу. Но она все еще была в ярости и не удержалась от вопроса:

— Ты ел мозги собственного отца? Неслабо, скажу я тебе!

— Может, для вас и неслабо, но мы не кладем умерших в земляную яму и не оставляем там гнить, как вы, в Клане. Для нас это очень скверный поступок. Поедая мертвых, мы хороним их… внутри себя. Проявляем уважение к ним. Так они остаются с нами. Это не… «каннибализм». Мы никогда не убиваем наших соплеменников или людей Клана, чтобы съесть.

— Это и есть каннибализм, Бриндл. Конечно, не убийство…

— Нет! Не убийство! Я люблю отца!

Ярость Рии начала угасать. Она почувствовала печаль и боль утраты, охватившую молодого Уродца. Ей стало стыдно.

— Прости, Бриндл, прости, что я так плохо о тебе подумала, — сказала она.

Ее еще пару шагов пронесли по склону и вынесли на просторную террасу, упирающуюся в высокую скальную стену. Вокруг горели костры и ходили Уродцы, мужчины и женщины, молодые и старые, покрытые спутанными волосами, кидавшие на нее угрюмые взгляды. Многие были покрыты с ног до головы полосами желтой, красной и черной краски. У нескольких были копья и кремневые ножи.

— Мы выглядим дикими, но наши сердца чисты, — раздался в ее голове голос Бриндла. — Не причиним тебе вреда. Обещаю.

Подняв голову, Рия увидела, что она уже оказалась на середине террасы и ее несут к основанию скалы, где среди валунов и нависающих камней виднелась темная дыра. Когда ее поднесли ближе, то она разглядела, что это тоннель в человеческий рост высотой и шагов десять в ширину. Ее несли внутрь. В темноте было сложно определить расстояние, может, двадцать или тридцать шагов. Она оказалась в огромной пещере, такой огромной, что ахнула от изумления. Вдоль стен Уродцы поставили такое количество заправленных жиром светильников, что стены походили на звездное небо. В их мерцающем свете было видно огромное, сотни шагов в поперечнике, круглое пространство. Рия подняла взгляд вверх. Потолок терялся во мраке.

Внутри было уже много людей из клана Бриндла, и заходили все новые и новые. Их лохматые силуэты в тусклом свете светильников выглядели чуждыми и чудовищными. По стенам скользили причудливые тени, в нос лезли незнакомые запахи, и Рия поняла, что оказалась вместе с носилками и идущим рядом Грондином посреди огромной толпы, движущейся в одном направлении.

Рия попыталась сесть.

— Что происходит, Бриндл? — мысленно спросила она. — Зачем собралась эта толпа? Мне она не нравится. И зачем меня принесли сюда?

У девушки возникло ощущение, что он находится очень близко, когда она посылала ему свою мысль. Бриндл сидел на возвышении, выступавшем из стены пещеры между двумя сталагмитами.

— Когда умирает вождь Уродцев, новый вождь должен отправиться в мир духов, чтобы поговорить с ним, — ответил он. — Сегодня я должен сделать это… Можешь отправиться вместе со мной, — после паузы добавил он.

Носильщики вынесли ее к Бриндлу и опустили носилки. Каменная платформа была по пояс взрослому, и Бриндл смотрел на нее сверху вниз.

— Не думаю, что я хотя бы идти смогу… — ответила Рия, показав на поврежденную ногу.

— Это другое путешествие.

Глава 16

Грондин поднял Рию с носилок и усадил на удобную подушку из козьей шкуры, приготовленную для нее рядом с Бриндлом. Стыдясь за свою недавнюю истерику и попытку побега из страха, что ее съедят, Рия постаралась вести себя спокойно и с достоинством.

Конечно же, Уродцы вовсе не собирались съесть ее. Такие мысли могли родиться только от глупого страха и предубеждения.

— Не чувствуй себя виноватой, — сказал Бриндл. — Ты весь день вела себя как герой, была отважна, спасла жизни многим из нас, не испугалась, когда это было важно.

— Наверное… но я еще испугана.

Рии совершенно не хотелось говорить о себе.

— Что случилось с твоим отцом? — спросила она. — Он умер внезапно? Или это был несчастный случай?

Сочетая мыслеречь и череду образов, Бриндл объяснил ей, как гордился он всего лишь три дня назад, когда Грондин предложил ему присоединиться к походу, из которого они только что вернулись. Они должны были встретиться с другими семьями Уродцев и убедить их укрыться в Тайном Месте. Отец чувствовал себя совершенно нормально и отпустил Бриндла, пожелав им удачи. Однако вскоре он заболел какой-то загадочной болезнью. Начал спотыкаться, падать, потом перестал ходить, есть и говорить и быстро умер.

— Я обижен на отца, — признался Бриндл. — В первый раз в жизни я его покинул, и он вдруг умер. А я теперь за все отвечаю. Не знаю, что и делать.

Рия тоже была сиротой. Ее мать и отец ушли вместе, семь зим назад. Ей было девять, в тот самый ужасный день в ее жизни, когда два самых дорогих ей человека ушли из жизни, не сказав ей слов прощания. Очень долго после этого к ее печали примешивалась горечь, та самая обида, которую сейчас испытывал ее новый знакомый.

— Ты не будешь вечно обижаться на него, — сказала она, — и придумаешь, что делать.

Рия вдруг вспомнила все события того дня, когда она оказалась лишена родителей, так, будто это случилось вчера. Глупейшая случайность, а ее так легко можно было избежать… От одного воспоминания об этом до сих пор каждый раз сдавливало горло.

Через обширную долину, где племя Клана всегда устраивало свое главное летнее стойбище, протекала большая река, все называли ее Змеей. Глубокая и широкая, до краев наполненная плещущейся в ней рыбой, река, оправдывая свое название, была опасной и непредсказуемой. Способной ужалить.

Солнечным утром, средь бела дня, когда ничто не предвещало нависшего над ними рока, Рия вприпрыжку бежала следом за родителями по берегу Змеи. Они пришли на утреннюю рыбалку. Папа был шагах в двадцати впереди, когда мама подметила добычу.

— Тихо, — шепнула она. — Давай вот эту поймаем, пока он не вернулся.

Сказала Рии, чтобы та отошла. Сама легла на живот и потянулась с берега, сунув руки в бурлящую воду, чтобы поймать сонную рыбину. Опустила руки в воду по плечи, мгновенно схватила добычу и вытащила из воды толстую блестящую форель. Рыба забилась, но мама держала ее крепко. И тут подмытый водой берег внезапно обрушился под ее весом. С форелью в руках она упала в воду с сильным всплеском, головой вперед.

Рия было засмеялась, это действительно выглядело весело, больше походя на шутку. Но перестала смеяться, когда мама не вынырнула на поверхность. По берегу к ней бежал папа, крича, чтобы Рия оставалась на месте. Когда мама наконец-то вынырнула посреди бурлящей

воды, судорожно вдыхая, он прыгнул к ней. И тогда Рия закричала. Слезы полились градом. Она со всех ног побежала вдоль берега, вровень с родителями, уносимыми быстрым течением.

Папа отлично плавал. Он подплыл к маме и подхватил ее рукой так, чтобы ее голова оставалась над водой. Он не сомневался, что сможет спасти ее. Но вместо этого течение вынесло их на середину реки, и водоворот поглотил их. Они навсегда пропали в реке. Сев на берегу, в одиночестве, Рия уткнулась лицом в ладони и зарыдала. Много позже, когда братья нашли ее, она уже даже не плакала, просто смотрела на реку пустыми глазами.

— И тогда братья стали тебе вместо родителей, — мысленно произнес Бриндл.

— Да, Хонд и Рил. Они сильно старше меня, уже тогда были взрослыми мужчинами… отличные охотники, и прекрасно обо мне заботились, не могу пожаловаться… — Рия коснулась рукой груди. — Но боль все еще здесь.

— Может, тебе станет легче, если ты снова встретишься с матерью и отцом, — сказал Бриндл.

— Возможно, но вряд ли это случится, так ведь?

— Говорю же, Уродцы знают дорогу в мир духов. Здесь, в Пещере Видений, сегодня вечером я буду разговаривать с духом моего отца.

Когда Бриндл заговорил о духах и их мире, Рии стало не по себе. Конечно же, она верила в духов, как и все ее соплеменники, но, с другой стороны, ни разу не встречала серьезных доказательств обоснованности этой веры.

То, что произошло дальше, лишь укрепило ее уверенность в том, что у этого племени все вверх ногами.

Пока они беседовали, Грондин молча ушел с возвышения, но сейчас он вернулся с большой плетеной корзиной, наполненной сотнями маленьких грибов, печально известных в Клане под названием «демонов хрен». Давняя традиция под страхом смерти запрещала людям Клана собирать и есть эти грибы. Рия плюнула через плечо и сделала знак от дурного глаза.

— Вы же не собираетесь это есть, а? — спросила она.

— Конечно же, собираемся, — ответил Бриндл. — А как еще, ты думаешь, мы попадем в мир духов?

— Но ведь те, кто ест демонов хрен, превращаются в демонов! — заявила Рия. — Вы что, не знаете? Поверить не могу, что не знаете! У них вырастают длинные зубы, как у тигра. Они сходят с ума, у них изо рта пена идет и из глаз кровь капает. Они носятся туда-сюда и пытаются убивать всех подряд. Если женщина беременна, она рожает чудовище… Бриндл, это очень, очень плохие грибы.

— Ты умный человек, Рия, но сейчас, прости, говоришь совершенные глупости. Ты ничего не знаешь о них. Тебе это сказали глупые люди, которые сами ничего не знают, и ты поверила. Ты когда-нибудь своими глазами видела, как у съевшего грибы выросли тигриные зубы и он взбесился?

— Ну, нет. Не видела. Но ведь все знают, что это именно так.

— Нет, Рия, вовсе нет! Уродцы прекрасно знают свойства этих грибов. Они для нас священны. Очень важны и очень хороши. Мы не называем их таким плохим именем, как вы, — «демонов хрен», от которого в голову приходят нехорошие, ужасные мысли. Мы называем их «Маленькими Учителями», потому, что они учат нас. «Маленькими Лекарями», потому, что они исцеляют нас. «Маленькими Поводырями», потому, что они показывают нам дорогу в мир духов и дорогу обратно, в мир живых.

— Ну, может, для Уродцев это так и есть, но я из Клана, и если я их съем, то превращусь в демона с тигриными зубами.

— Разреши спросить тебя, Рия. Рисовальщики — ваши предки, ведь так? Если посмотреть от твоего отца к его отцу, от того — к его отцу, и дальше, то это уже будет не Клан, а племя Рисовальщиков, так?

— Да. Мы ведем род от Рисовальщиков.

— Значит, Рисовальщики и Клан — одни и те же люди, просто из разного времени, так?

— Видимо, да.

— Тогда для тебя нет никакой опасности в том, чтобы есть «Маленьких Учителей».

— Почему?

— Потому, что Рисовальщики ели их, давным-давно. Использовали в ритуалах. Путешествовали в мир духов. Этому их научили мы.

Перед возвышением, на котором устроились Рия и Бриндл, было ровное открытое пространство. Сотни Уродцев, мужчины и женщины, молодые и старые, устраивались на нем, усаживаясь со скрещенными ногами или ложась на подстилки из шкур. Грондин и еще трое старейшин ходили среди них, разнося плетеные корзины с «демоновым хреном». Несмотря на все то, чему Рию учили с малолетства, Уродцы явно ни капли не боялись этих мерзких грибов.

— А почему я должна тебе верить, что Рисовальщики ели «демонов хрен»? — спросила Рия Бриндла.

— Рия, прошу, не называй грибы этим мерзким именем! — запротестовал тот. — Мне это обидно. Прояви уважение к «Маленьким Учителям».

— Хорошо. Так почему я должна верить тебе, что мои предки ели… «Маленьких Учителей»?

— Поверь, потому, что мои соплеменники не умеют лгать. Мы знаем мысли друг друга, помним прошлое. Мы были здесь давным-давно и радушно встретили первых людей, похожих на тебя, пришедших в эти земли. Показали им все. Хорошие места для охоты и для жилища, источники воды. Давали им еды, когда они голодали. Исцеляли, когда они болели. Научили их есть «Маленьких Учителей». Именно тогда твои предки стали Рисовальщиками. А потом твои предки возненавидели «Маленьких Учителей». Именно тогда они исчезли, и родился Клан.

Протянув руку к оставленной Грондином корзине, Бриндл взял полную горсть грибов, засунул их в свой широкий рот и принялся смачно пережевывать.

Рия ошеломленно смотрела на него. Как же они могут просто сидеть здесь и поедать эти мерзкие грибы, когда вокруг рыщут враги, вооруженные смертоносными копьями? Кто знает, сколько их еще, кроме тех четверых, убитых ими сегодня?

— Я спрошу дух отца об этих копьеметателях, — ответил Бриндл, уловив ее мысли. — И он скажет мне, что делать.

— Еще надо спросить его, кто такой Сульпа, — вдруг вспомнила Рия. — Григо, Дюма и Вик говорили, что этот Сульпа приказал им убивать Уродцев. Кто бы он ни был, он явно в этом замешан.

В Пещере Видений начали раздаваться странные, неритмичные удары. Они становились все громче, и этот удивительный, возбуждающий и беспокоящий звук, от которого волосы дыбом становились, был совершенно незнаком Рии. При свете светильников, среди колеблющихся теней она никак не могла найти источник звука; казалось, он шел отовсюду.

Но затем увидела троих мужчин-Уродцев, находившихся вдалеке от остальной толпы и барабанящих дубинами по деревянным, высотой по колено, колодам. Сверху колоды были обтянуты оленьей шкурой, и воины, судя по всему, извлекали звуки, стуча по ней дубинами. Впечатляюще. Рия прислушалась к ритму и, сидя на подушке, начала раскачиваться из стороны в сторону.

Невысокая, очень старая и ссохшаяся женщина встала посреди пещеры и приложила ко рту трубу, сделанную из бедренной кости пещерного медведя. Она дула в нее, а ее пальцы плясали по проделанным в кости отверстиям. Понеслись другие звуки, совершенно душераздирающие, до дрожи, наполненные таким чувством, что Рия почувствовала, как по ее щекам потекли слезы. Были это слезы радости, печали или другие, она не понимала.

— Что это за невероятные звуки? — ошеломленно спросила она. У нее начала кружиться голова. — Для чего это? Почему я чувствую себя так странно?

— Мы зовем это «Песнью Кости», — ответил Бриндл. — Она проникает до мира духов. Как змея, которая может проползти туда и обратно. — Он сделал волнообразное движение рукой. — Она становится дорогой, по которой мы идем, а «Маленькие Учителя» ведут нас на другую сторону…

Посылая ей эти мысли, Бриндл продолжал есть грибы. Почти все в пещере ели их, даже дети. Все выглядели… спокойными. Просто расслабленными и задумчивыми. Ни у кого не выросло тигриных зубов. Никто не взбесился. Не чувствовалось ни угрозы, ни опасности.

Продолжая раскачиваться под незнакомый ей ритм ударов, Рия взяла в рот один гриб из корзины. Он оказался горьким, с привкусом корней и земли.

Глава 17

«Нет». «Да». «Нет». «Нет».

Леони автоматически заполняла опросник, а ее ум был занят совсем другими мыслями. Кому же теперь звонить?

Номера телефонов друзей были вбиты на ее мобильном на кнопки быстрого набора, и она ни один из них не помнила на память. Ни один. Дырявый, как швейцарский сыр, мозг кокаинщика со стажем был просто не в состоянии удерживать такие мелочи.

В этот момент Гринспун поздоровался с коллегой, шедшим по коридору, и снова вышел. Через открытую дверь Леони видела лишь его спину да свисающие на воротник, усыпанный перхотью, грязные седые волосы. Врач кивал и жестикулировал. Сейчас возможность позвонить была просто идеальной… Справочная!

Дрожащими пальцами Леони набрала 411 и заговорщическим шепотом спросила номер медцентра Лос-Анджелесского университета.

Но оператор не расслышала ее.

— Плохо вас слышу, мэм. Будьте добры, повторите.

— Медцентр ЛАУК, — тихо повторила Леони.

— В каком это городе, мэм?

В обычной ситуации Леони уже бы хорошенько съязвила, но нынешняя ситуация была далека от нормальной.

— В Лос-Анджелесе, где же еще, — прошипела она.

— И что же за бед-центр вам нужен в Лос-Анджелесе?

— Не *бед-центр. Медцентр.* Мне… нужен… номер… медицинского… центра… Лос-Анджелесского… университета. Ведь несложно, а?

— Вас соединить с центром, мэм?

По движениям Гринспуна Леони поняла, что разговор в коридоре подходит к концу, и заговорила еще тише:

— Нет. Пожалуйста, просто дайте номер. Просто номер, хорошо?

— 310-861-8251.

Поспешно записав цифры себе на ладонь, Леони нажала кнопку отбоя и спрятала мобильный под сорочку как раз в тот момент, когда Гринспун обернулся и вошел обратно в палату.

— Вы закончили с опросником, мисс Уоттс?

— Э… еще нет.

— Ну, тогда продолжайте. — Он глянул на часы. — Я не могу сидеть здесь до ночи.

Рядом с дверью в туалет был стул, и он уселся на него, скрестив ноги и принявшись рассматривать ногти на правой руке.

Прошло еще минут десять. Леони взмокла от волнения, случайным образом отвечая на раздражающие и повторяющиеся по смыслу вопросы. Мобильный Гринспуна лежал у ее бедра, и это обстоятельство чрезвычайно ее нервировало. Вдруг ему еще раз позвонят или ему самому потребуется трубка? И тогда весь план бегства пойдет коту под хвост. Но она не решилась протянуть руку и выключить телефон. Если у него стоит пароль на включение, то она не сможет воспользоваться им потом, когда у нее появится такая возможность.

Еще пять минут. «Нет». «Нет». «Нет». «Да». Леони мельком глянула на Гринспуна. Тот закончил разглядывать ногти, откинул голову назад и зевнул. Хороший знак. Тик, так, тик, так. Еще никогда в жизни Леони так явственно не ощущала ход времени. Еще никогда в жизни не желала так страстно, чтобы находящийся рядом человек уснул. «Да». «Нет». «Да». «Нет». Глаза Гринспуна закрылись, мышцы шеи расслабились, и он уронил голову на грудь. Следом сам начал заваливаться вперед целиком, падая со стула, но дернулся, проснувшись, выпрямился и огляделся, растерянно моргая.

— Я почти закончила с опросником, — сказала Леони. — Еще пару минут, хорошо?

Гринспун зевнул и издал невнятный раздраженный звук.

— Мне надо позвонить, — сказал он. — Буду здесь, в коридоре.

Он встал и принялся хлопать по карманам.

Сейчас или никогда. Сердце Леони заколотилось. Она принялась набирать номер, когда Гринспун еще даже не вышел за дверь. У нее секунд тридцать, не больше, прежде чем врач поймет, что произошло с его телефоном.

— Медицинский центр ЛАУК. С кем вас соединить? — раздался в трубке голос оператора.

— Э… а…

У Леони, казалось, отнялся язык.

— С Баннерманом. Доктором Джоном Баннерманом.

— Сейчас не могу позвать его…

— Но мне надо поговорить с ним! Срочно!

Оператор сохранял спокойствие.

— Он на операции, и его сейчас нельзя отвлекать. Может, поговорите с другим врачом, или переключить вас на голосовую почту доктора Баннермана?

Леони дрожала от страха и нервного напряжения, готовая взорваться.

— Голосовая почта? Отлично. Переключайте.

На мгновение звуки в трубке затихли, а затем внезапно раздался звук, обычно предваряющий включение голосовой почты. Это и вправду голосовая почта Баннермана? А вдруг оператор переключил ее не туда? Понять это не было никакой возможности, надо было действовать.

— Джон? — крикнула в трубку Леони, уже не в состоянии сдерживать себя и говорить шепотом. — Это Леони Уоттс. Мои родители похитили меня и поместили в долбаную психбольницу, как ее там… э… черт, вспомнить не могу. Какая-то там гора… а, вот, Маунтин Ридж, вот. Главврач по фамилии Сэнсом…

Всхлипнув, Леони поглядела на дверь и набрала побольше воздуха в легкие.

— Джон, вытащи меня отсюда. Ни один из моих друзей не сделает это, только ты.

Гринспун, топоча, ринулся к ней с гневным выражением лица. Леони нажала кнопку отбоя и протянула ему мобильный.

— Глядите, что я нашла, — сказала она.

Глава 18

Несмотря на все страхи, Рии вскоре стало хорошо. Подбадриваемая Бриндлом, она начала есть грибы, только сейчас поняв, насколько проголодалась, продолжая раскачиваться в такт странному ритму ударов. Мысли разлетались в разные стороны, следуя печальной мелодии песни кости, потом начали кружиться в водоворотах цветных потоков, водопадах из разноцветных точек, вспыхивающих звездочек и вращающихся светящихся спиралей.

Но Бриндл был вне этого. Он ничего не говорил и не думал, хотя и не заснул. Такое впечатление, что он был где-то в другом месте. Возможно, молодой вождь действительно прошел сквозь завесу и оказался в мире духов. Действительно, для этого не требовалась мощь его огромного узловатого тела, которое осталось на месте и просто медленно и глубоко дышало.

А как грибы повлияли на нее? Рия осмотрела себя. Она не превратилась в демона с тигриными зубами и не сошла с ума. Видимо, предания Клана в этом плане — полная чушь. Если честно, она всего лишь чувствовала себя несколько… своеобразно.

И дело не только в этих узорах и вспыхивающих звездочках, не в том, что она чувствовала, что ощущает вкус звуков и звуки цветов. Все остальное тоже стало странным.

Например, руки. Почему они начали светиться? Почему от них идет пар, как от боков разгоряченного оленя в холодный день? Она поводила левой рукой из стороны в сторону, рассмеявшись при виде светящегося следа, тянущегося за рукой. Посмотрела на кисть. На ней было шесть пальцев. Еще чуднее. Согнула и разогнула пальцы. Каждый палец окружал пульсирующий светящийся ореол.

— Вау, — сказала Рия, не обращаясь ни к кому конкретно. — Как здорово!

Уронила руку и начала подниматься. В конце концов неуклюже встала с земли. Нога хотя и болела, но Рия точно знала, что сломанной она уже не была. Девушка взяла еще одну горсть грибов, сунула в рот, накинула на плечи пару козьих шкур, взяла в руку каменный светильник и, прихрамывая, пошла сквозь Уродцев.

Большинство лежали на спинах с таким же спокойным и отсутствующим выражением лица, как и Бриндл. Возможно, дело было в свете светильника, заправленного жиром, а может, в покрывающей их грязи, но некоторые казались ей зелеными. *Совершенно зелеными.* Как трава. Очертания их лиц тоже поменялись, и не в лучшую сторону, так что Рия предпочла не разглядывать их. Да, страшновато, но и интересно.

Девушка решила поближе рассмотреть стену пещеры, шагах в пятидесяти от нее. Она по какой-то неясной причине привлекла ее внимание, словно притягивая к себе. Но для этого надо было обходить лежащих и сидящих Уродцев. И вдруг Рия заметила, что один из них смотрит на нее. Он сидел, скрестив ноги, и держал в руках светильник так, что свет падал на его лицо снизу, отчего его ноздри были похожи на дыру в черепе мертвеца. Брови были нахмурены, за выступающими надбровными дугами поблескивали глаза, смотревшие на нее настороженно и враждебно.

Блин, подумала Рия, проходя мимо него. С чего бы это? Она уже почти поверила, что все Уродцы — мягкие и доброжелательные существа, но от этого было совсем другое ощущение. Она обернулась. Незнакомый Уродец все так же смотрел на нее. Рия подумала было вернуться назад к Бриндлу, в безопасность и комфорт, но отказалась. Ни за что! Она не даст запугать себя!

Участок стены, привлекший ее внимание, оказался с нее ростом, а ширина как раз достигала размаха ее рук. Он был белым, как кость, гладким и влажным. От его поверхности отразился желтый свет светильника. Было что-то… что-то притягательное в этом дрожащем отражении, что-то призывное.

Рия глянула через плечо, но теперь враждебно наблюдавший за ней воин потерялся в темноте. «Вряд ли он до сих пор следит за мной», — подумала Рия и тут же забыла про него. Бриндл не позволит причинить ей вред, а сейчас ей надо целиком сосредоточиться на этой стене. Выставив вперед светильник, она подошла ближе. Ее взгляд метался по гладкому куску камня, и она пыталась уследить за движением света на стене.

Но этот свет, мерцающие блики — это внезапно стало для нее совершенно очевидным — не были простым отражением пламени. С внезапной ясностью Рия поняла, что каменная стена стала прозрачной, видимо, под действием какого-то странного колдовства. Как прозрачный пруд в ясный летний день, когда можно поглядеть… в другой мир.

Судя по всему, этот мир был весьма похож на ее собственный, с горами, лесами и реками, исчезающими вдали, за горизонтом… Но были и отличия в его странной и зловещей красоте.

Рия подошла еще ближе. Неужели она видит сквозь скалу все то, что движется в этом ином мире? Чьи это были фигуры? У нее возникло неприятное ощущение, что за ней следят. Нахмурилась и прищурилась. *Вот это. Что это было?*

На мгновение видение заволокло пеленой, но потом она рассеялась, и Рия увидела, что в небе другого мира возникли две точки, движущиеся в ее сторону. Девушка вдруг осознала, что стоит, уткнувшись носом в стену пещеры, и внимательно смотрит прямо перед собой. Две точки стали крупнее, и она начала различать их форму. Крылья, перья, когти, клювы. Две хищные птицы, которые быстро приближались. Смогут ли они пролететь сквозь скалу? Смогут ли пересечь границу миров?

Рия взяла себя в руки. Сердце отчаянно колотилось, но она не позволила себе испугаться и убежать.

Теперь она разглядела, что это — две белые совы. Призрачные белые совы, духи ночи. Они подлетели ближе, вплотную к другой стороне каменной стены, и зависли прямо перед ней. Медленные и мощные взмахи крыльев были убаюкивающими… гипнотическими. Она увидела, что их огромные, наполненные умом темные глаза пристально глядят на нее.

Они хотят с ней говорить?

Может, точно так же, как Бриндл с ней разговаривал?

— Хорошо, я знаю, как это делается, — сказала Рия.

Поставила светильник, разложила козлиные шкуры, которые принесла с собой, и аккуратно села, вытянув вперед травмированную ногу. Все это время она, не переставая, глядела на поверхность скалы. Две белые совы тоже глядели на нее сквозь мокрый блестящий камень.

— Хочешь ли ты пройти? — зазвенел голос в ее голове. И тут же, будто в результате какого-то колдовства, совы исчезли, а в стене со скрежетом открылась зигзагообразная трещина. Она становилась все шире и превратилась в широкий проход.

В проходе появился гном и поманил девушку.

Глава 19

Гринспун схватил свой мобильный и поспешно отошел на безопасное расстояние, взбешенно глядя на Леони. Провел пальцем по экрану, читая набранный ею номер. Смысла что-то скрывать не было.

— Я звонила дважды. В справочную и в медцентр Лос-Анджелесского университета.

Гринспун поспешно нажал на кнопки и приложил мобильный к уху.

— Да, здравствуйте. Я доктор Сайлэс Гринспун, психиатрическая больница Маунтин Ридж. Мой пациент только что звонил по этому номеру, и мне хотелось бы знать, кому она звонила…

Пауза.

— Что вы имеете в виду?

Пауза, еще длиннее.

— Понимаю… да… да… но это нелепо… наш заведующий обязательно свяжется с вашим ректором по этому поводу. Прощайте!

Он нажал кнопку отбоя.

— Я должен знать, кому именно вы звонили в медцентр ЛАУК, — требовательно сказал Гринспун.

— Это мое личное дело, — парировала Леони. — У меня есть права. Можете поговорить с моим адвокатом.

— Вы пациент, и вы *помещены* сюда. Неужели вы этого не понимаете? Никаких личных дел. У вас нет никаких прав. И никакого адвоката. Вы не имеете права звонить кому-либо без нашего дозволения…

— Надо было думать об этом прежде, чем дать мне попользоваться телефоном, ты, задница.

— Я *не давал* тебе мой телефон! — выпалил Гринспун. — Ты его у меня украла!

— Точно. Плевать.

Мозг Леони напряженно работал. Теперь они знают, что она позвонила и, возможно, позвала кого-то на помощь. Они не станут рисковать и дальше держать ее здесь, в Маунтин Ридж. Перевезут в другое место. Возможно, даже в другой штат. Возможно, попытаются совсем от нее избавиться, если ее родители хотели именно этого. Как насчет еще одной «передозировки»? На этот раз — смертельной. В конце концов, она и так под наблюдением, на случай новой попытки самоубийства. И тогда не будет никакого риска, что приемная дочь очень богатого человека опять чего-нибудь сболтнет.

Гринспун побагровел.

— Я не буду без конца спрашивать, мисс Уоттс. Говорите, кому вы звонили, или следующие двадцать четыре часа вы проведете в смирительной рубашке.

Леони никогда не отличалась долготерпением и сейчас потеряла его окончательно. Вопиющая несправедливость ситуации, в которой она оказалась, отталкивающий вид Гринспуна, этот человек уже стоял ей поперек горла, череда унижений, которыми была наполнена вся ее предыдущая жизнь, — все это заставило ее взорваться. Не раздумывая, она вскочила с койки, босиком подбежала к Гринспуну, изо всех сил толкнула его в грудь обеими руками и выбежала в коридор.

Длинный пустой больничный коридор, покрашенный белым и залитый светом люминесцентных ламп. Окон нет, естественного освещения нет, лишь двери и двери, Уходящие вдаль. Хоть через какую-то из них можно сбежать отсюда? Или все они ведут в другие палаты?

Леони на долю секунды задумалась, а потом метнулась вправо, направившись туда, где, как ей казалось, она увидела знак пожарного выхода. Он светился красным метрах в шестидесяти от нее, в конце коридора. Услышала, как позади бежит Гринспун и что-то кричит. Потом завыла сирена.

Спереди слева распахнулась дверь, и оттуда выбежали мужчина и женщина в зеленых больничных костюмах. Мужчина невысокий, с лицом азиата. Леони врезалась в него, когда он попытался преградить ей дорогу, и сбила с ног. Женщина попыталась поставить ей подножку, но неловко, промахнулась и упала поверх мужчины. Оглянувшись на бегу, Леони увидела, как Гринспун споткнулся о них и тоже грохнулся на пол. Если бы не вся серьезность ситуации, то это было бы очень смешно.

— Пациент сбежал! — кричал Гринспун. — Остановите ее! Остановите ее!

Леони уже пробежала полдороги до пожарного выхода, но там вдруг стало очень много людей. Они выбегали из боковых дверей и хватали ее за руки. Она пыталась увернуться от них, но ее охватила паника.

Не получится. Без шансов.

Еще одна опасность. Молодой парень в белом халате, в очках с тонкой оправой и решительным взглядом. Он захватил ее в борцовский зажим, но Леони удалось укусить его за ухо, которое хрустнуло, как лист сырой капусты.

А-а-а!

Парень заорал от боли и отпустил ее.

Выплюнув кровь, Леони побежала дальше, перепрыгнула через поставленную ей подножку и ринулась дальше, виляя то вправо, то влево. Дыхание уже стало судорожным и прерывистым, сердце колотилось как бешеное, но осталось всего метров шесть…

Может, у меня и получится.

…и тут она поняла, что у нее действительно ничего не выйдет.

Она действительно прибежала к пожарному выходу, но на ее пути стояли Дейдра, Мелисса и еще трое дюжих медсестер. Задыхаясь, Леони остановилась и поглядела на них.

— Не стоит с нами драться, девочка, — угрожающе предупредила Дейдра.

Леони понимала, что та права, но сейчас была не в состоянии прислушиваться к доводам рассудка. Когда они схватили ее и попытались повалить на пол, она начала отбиваться, кусаясь, царапаясь, брыкаясь и выдирая у медсестер целые пряди волос. И тут кто-то сильно врезал ей по голове, так, что у нее перед глазами звездочки пошли. Леони почувствовала, что кто-то двинул ей локтем по почкам. Им наконец удалось повалить ее на пол лицом вниз, и одна из медсестер заломила ей руки за спину. Ноги тоже прижали к полу — такое впечатление, что целой тонной сала. Краем глаза Леони увидела, как Мелисса наполняет большой шприц.

— Что это?! — вскричала Леони, готовая разрыдаться.

Наклонившись, Мелисса воткнула ей иглу в бедро и вдавила поршень.

— Четыреста миллиграмм кетамина, внутримышечно, вот что, детка! Все, что под рукой оказалось. Это, я тебе скажу, *реально* тебя успокоит.

Вскоре после того, как Мелисса ввела лекарство, еще до того, как оно полностью подействовало, в коридоре собралась толпа народу. Леони слышала голос Гринспуна, жалобный, и грубый, уверенный голос Сэнсома.

— Меня это не волнует, — сказал Сэнсом.

— Но она могла с кем-то поговорить.

— Даже если так, и что? Что они могут сделать? Девочка здесь на законном основании. Ее поместили сюда ее родители. Нас никто не тронет.

Леони была едва в сознании и уже не чувствовала рук и ног. Медсестры взвалили ее на каталку и покатили обратно в палату. Там привязали к койке. Выходя, выключили свет и закрыли дверь на три замка.

Девушка осталась в полнейшей темноте и безмолвии.

Глава 20

Гном снова поманил ее, но Рия замешкалась. Ей не очень-то понравился внешний вид этого маленького создания. На нем были цветастые штаны по колено, одна штанина красная, другая — желтая, зеленый жилет, а ростом он был с ребенка, хотя лицо его было морщинистым и неприятным. В правой руке у него была длинная гибкая палочка из какого-то светящегося материала.

Он еще раз поманил ее, с явным нетерпением.

— Давай быстрее, — раздался в голове Рии мыслеголос гнома. — Я пришел, чтобы проводить тебя.

Он слегка коснулся палочкой ее плеча. Рия сразу же успокоилась и почувствовала, как какая-то незримая сила медленно, но настойчиво тянет ее в проход в стене. Но этого просто быть не могло, поскольку, хотя ощущения и были очень сильными, Рия видела, что ее тело, сидящее на козьих шкурах, никуда не двигается.

И тут она поняла, что еще никогда в жизни не видела себя *целиком*. Даже свои глаза! Это было совсем не то, что смотреть на отражение в воде. Она словно отделилась от тела и видела себя *со стороны*.

Рия слышала о таком, когда у костра рассказывали легенды о Рисовальщиках. Как и всем остальным в Клане, ей рассказывали, что их загадочные предки нашли способ выходить из тела, путешествовать в мире духов и возвращаться оттуда живыми. А также поведали, что теперь этот путь давным-давно забыт и закрыт для людей. А теперь, волею обстоятельств, Рия прикоснулась к тайне, которая была неизвестна даже самым уважаемым старейшинам Клана. Путь в мир духов вовсе не закрыт. Вход в него можно отыскать в любое время, просто поесть запретных грибов, названных Бриндлом «Маленькими Учителями».

Гном последний раз поманил ее, а затем развернулся и исчез за стеной пещеры.

— Поторапливайся! — раздался в голове Рии его мыслеголос. Ее потянуло еще дальше от ее тела, в зигзагообразный пролом. Она не могла сопротивляться, как дым не может противиться порывам сильного ветра.

Впереди была тьма. Но Рия двигалась вперед. Где же этот гном? Разлом в стене пещеры за ее спиной с грохотом закрылся, окончательно отгородив ее от ее тела.

Вокруг была кромешная тьма. Рию куда-то несло, и она не видела вокруг ни одного ориентира.

Вообще, движется ли она или остается на месте?

Сначала она не могла понять этого, но потом вокруг стало потихоньку светлеть, будто где-то медленно поднималось солнце, и вокруг начало прорисовываться хоть что-то. Короткая вспышка там, светящаяся сеть здесь, искрящиеся зигзаги и вихри ярких точек. Становилось все светлее, и Рия начала ориентироваться.

Девушку несло по огромному тоннелю, на его стенах возникали и исчезали светящиеся узоры. И все, что ее окружало, было странным. Камень был отчасти водой, отчасти — голубым небом. Тоннель медленно и величаво вращался вокруг нее. Иногда, будто сквозь туман или облако, она различала за стенами пещеры другие земли.

Наконец тьма отступила. Было светло, как днем, но свет был странным, каким-то неземным. Стены тоннеля становились все тоньше и прозрачнее и наконец исчезли. Внезапно

Рия резко остановилась, и раздался звук, похожий на удар грома. Она оказалась посреди освещенного двумя солнцами луга.

Два солнца! Какого хрена?!

Она хотела спросить об этом гнома, но тот куда-то исчез.

Другим чудом было ее тело. Рия была абсолютно уверена, что ее тело осталось по другую сторону стены пещеры, но сейчас она снова ощутила свое нормальное и столь привычное ей тело, абсолютно такое же, как и ее настоящее, но травмированная нога ни капли не болела, а еще на ней была одежда из тонкой ткани, такой, какой она никогда в жизни не видела.

Огромная загадка, как все это вообще возможно, но Рия решила оставить эти размышления на потом.

Сейчас она оказалась в новом месте и желала получше осмотреться.

Ковер из зеленых цветов, уходящий вверх по склону холма и во все стороны до самого горизонта. Судя по всему, она в огромной низине. Вокруг больше ничего не было, ни деревьев, ни реки, ни отдельного холмика. Цветы источали густо пахнущий нектар, орошавший ее ноги.

Она никогда в жизни не видела таких цветов. Ярко-зеленые, как перья зимородка, совершенно потрясающие, в таком количестве. И качались, подобно волнам моря, потревоженного порывом ветра, хотя никакого ветра здесь не наблюдалось. Луг выглядел точно как блестящее и бескрайнее море, отражающее яркие солнечные лучи.

А еще эти два солнца в небе. Насколько это важно? Прежде, когда Рия думала о мире духов, что случалось не слишком часто, она представляла себе сумрачный мир, наполненный призраками и чудовищами. И не могла даже в мыслях допустить, что ее родители навечно ушли в этот мрак. Но крохотные грибы привели ее в этот мир, и все здесь оказалось совсем по-другому. Рия начала уже надеяться, что, как и говорил Бриндл, она сможет встретить в этом чудесном месте папу и маму, живых.

Оценить расстояние было трудно из-за отсутствия каких-либо ориентиров и мерного колыхания цветов под ногами. Но Рию это не беспокоило. Все вокруг было слишком интересным, чтобы терять время на пустые страхи.

Рия не смогла бы сказать, сколько и как долго она шла. В нормальном мире солнце двигалось по небу по определенному пути и с определенной скоростью, отмеряя утро, день, вечер и ночь. Но здесь, в мире духов, было два солнца, и, казалось, они все время стояли на одном месте. И если они и двигались, то настолько медленно, что это было невозможно понять.

Лучи двух солнц, поначалу терпимые и даже вполне приятные, стали обжигающими. Воздух был сухим и горячим и совершенно неподвижным. Рия призадумалась. Куда же идти в мире духов, если захотелось пить? Пить хотелось сильно, хотелось окунуться лицом в горный ручей, но тут, похоже, воды нигде нет. Наклонившись, Рия провела ладонью по зеленым цветам и поднесла палец к губам. Несмотря на приятный запах, цветочный нектар оказался горько-соленым и подозрительно чужеродным.

В голову пришла неожиданная мысль. Если она как можно скорее не выберется из этой котловины и не найдет укрытие или воду, а лучше всего — и то, и другое, то ее дела очень плохи. Рия уже начала задумываться, возможно ли в мире духов *умереть* от жажды, как вдруг почувствовала, как нечто маленькое больно укусило ее в лодыжку. Примерно настолько же больно, как прошлым летом, когда ее укусил хорек. Но только это был не хорек. Мелкая тварь, похожая на помесь крысы с тараканом, забралась на ее стопу и впилась ей в лодыжку всеми своими клыками. Рия тряхнула ногой, пытаясь от нее избавиться, потеряла равновесие и плюхнулась на задницу. Горький цветочный нектар брызгами полетел в разные стороны.

Тварь не отцепилась, продолжая держаться за нее зубами. Вот дрянь, кровь пьет! Рия схватила существо указательным и большим пальцами позади головы и резко дернула. Тварь взвизгнула и стала царапаться лапками, похожими на крысиные, а потом начала угрожающе жужжать крыльями. Рия дернула сильнее. Приглядевшись, рассмотрела устройство челюстей твари, немного переместила пальцы и изо всех сил сдавила ей голову. Челюсти раскрылись, и зазубренные бритвенно-острые зубы отпустили ногу. Рия еще раз перехватила тварь у шеи, схватила ее второй рукой и резким движением со щелчком оторвала зубастую голову от чешуйчатого тела. Кинула голову и тело в разные стороны. Они продолжали конвульсивно дергаться и извиваться, будто пытаясь вновь соединиться.

Затем Рия осмотрела лодыжку. Укус оказался глубоким, шла кровь. Хорошо хоть, эта крыса-жук одна, иначе это могло стать большой проблемой. Поднявшись на ноги, она обеспокоенно огляделась и поняла, что надо спешить. Рии всегда казалось, что духи бестелесны, и то, что в мире духов, оказывается, было возможно получить физические повреждения, ее не радовало. Если она чувствует жажду, если ее здесь могут покусать, что же еще здесь может произойти?

Пораненное место начало жечь. Вдруг укус был ядовитым? Рия наконец-то добралась до верхнего края котловины, заполненной зелеными цветами. Цветы росли и дальше, всюду, куда глаза глядят. Но еще вдалеке виднелась гряда огромных гор, точь-в-точь таких, какие она видела этим утром во время их длинного перехода. В паре сотен шагов виднелась лента реки, пересекающая обширную равнину. Но еще ближе, едва ли не на расстоянии вытянутой руки, перед ней стояли два совершенно непонятных животных. Они внимательно разглядывали Рию фасетчатыми черными глазами. Размером с зубра, шестиногие, с короткими, как у жуков, надкрыльями на спинах. Судя по гирляндам цветов, свисающих из их ртов, они тут паслись, но сейчас, испугавшись Рии, поспешно поскакали прочь, в сторону купы из десятка деревьев, росших у излучины реки.

Прихрамывая, Рия пошла следом.

Что-то не так с этими деревьями, подумала она. Решила было обойти их стороной, но потом взяла себя в руки.

Смешно. Это же просто деревья. А под ними — тень, такая желанная. Сильно болела нога, еще сильнее хотелось пить и лечь в тени, отдохнуть от изнуряющего жара двух солнц. Казалось, что инстинкты, приобретенные за годы охоты и собирательства, покинули Рию. Но что-то внутри ее, несмотря на все, что произошло, продолжало говорить ей, что впереди опасность.

Тень деревьев мягко коснулась ее.

Какая отрада.

Пройдя мимо первого дерева, Рия подметила, что у него странные листья, они были так похожи на птичьи перья. Зайдя дальше и наслаждаясь прохладой, она двинулась вперед. До реки была еще сотня шагов. Над ее головой скрипели ветки и шелестела листва.

И тут она услышала чей-то крик на незнакомом языке. Это была не мыслеречь, а обычный голос. Обернувшись, Рия с удивлением увидела молодую девушку, на взгляд — ровесницу, которая немыслимым образом появилась у нее за спиной, ниоткуда. Красивую, одетую в такую же, как у нее, одежду, со светлыми золотистыми волосами. Она куда-то показывала и бурно жестикулировала. Судя по всему, кричала именно она.

— Чей ты дух? — спросила в ответ Рия.

Закатив глаза, девушка снова что-то крикнула, а потом подняла руку и выставила вверх палец.

На что она показывает?

Может, на деревья?

Рия посмотрела через плечо.

Блин! Это не деревья.

Глава 21

Это оказались вовсе не деревья. Чудовища, втрое выше Рии, а она разгуливала прямо среди них. Глянув по сторонам, чтобы выяснить, куда бежать, девушка поняла, что чудовища окружили ее, не давая пройти к реке. Теперь она разглядела их красные круглые глаза, сверкающие среди странных листьев, как ядовитые плоды, длинные острые клювы, огромные, способные перекусить ее пополам или проглотить целиком. Чудища были похожи на птиц, нечто вроде неправдоподобно гигантских аистов. В самом деле, их ноги напоминали стволы деревьев, и заканчивались они чем-то, похожим на переплетения корней, а перья походили на пучки огромных грязно-зеленых листьев. От тел, состоящих из переплетения больших и маленьких костей, отходили коротенькие крылья.

Могут ли они летать, прыгать и бегать, как настоящие птицы? Или они — хорошо бы именно так и было — прикованы к одному месту, как деревья?

Рия резко развернулась, собираясь спросить об этом девочку-духа, но та исчезла. Только что она была здесь, крича и жестикулируя, выглядящая как человек из плоти и крови. И в мгновение ока… просто исчезла.

Удивляться времени не было. Очень осторожно Рия сделала пару шагов в сторону реки, до которой было шагов сто.

Чудовища негромко закудахтали.

Третий шаг отозвался оглушительным клекотом прямо у нее над головой, сопровождающимся нестройным шуршанием перьев-листьев.

Рия сделала четвертый шаг, и шуршание стало еще громче. Она бросилась бежать, когда к ней дернулся громадный клюв.

Рия резко вильнула влево и пригнулась. Клюв щелкнул в том самом месте, где мгновение назад была ее голова. Она споткнулась, едва не упав, и ринулась вперед, увернувшись от следующего смертельного выпада.

Оглянувшись, поняла, что эти ужасные птицедеревья не были прикованы к месту, на что она надеялась, но, к счастью, большинство их не проявляло к ней интереса. К несчастью, две птицы преследовали ее в считанных шагах позади. Они были такими тяжелыми, что земля сотрясалась от их шагов.

Раздался свист.

Огромный клюв снова дернулся в ее сторону. Рия краем глаза заметила это и пригнулась.

ЩЕЛК!

Рия бежала дальше.

Естественной реакцией на опасность для нее было хватать с земли камни и кидаться в противника, кем бы он ни был, но среди безбрежного ковра цветов в мире духов не было видно ни одного. Единственным выходом было добежать до реки и либо найти, чем защищаться, либо нырнуть в воду.

Берег был уже близко, но птицы неустанно преследовали ее, вынуждая Рию бежать зигзагами, как испуганного зайца. Птицы настигали ее, пытаясь клюнуть в спину. Однако, судя по всему, каждая из них не желала, чтобы добыча досталась другой, так что они, яростно клекоча и кудахтая, клевали друг друга едва ли не чаще, чем Рию.

Пока птицы выясняли отношения, Рия сделала последний рывок в сторону реки, перестав петлять. До реки было с полсотни шагов, но одна из птицедеревьев снова догнала

ее, крича и клекоча. ЩЕЛК! Ужасающе острый клюв снова пролетел у самой ее головы. ЩЕЛК! ЩЕЛК! Рванув изо всех сил, Рия преодолела последние несколько шагов и оказалась у берега реки. Перед ней открылся обрыв, в два ее роста, под которым была узенькая полосочка берега, усеянного округлыми камнями.

Свист и щелканье. Клюв опять едва не попал по ней, но Рия уже прыгнула. Кувыркнулась, приземляясь, встала на ноги и увидела, как птица, хлопая крыльями, опустилась на берег шагах в двадцати от нее и пошла по камням в ее сторону.

Камни были великоваты для ее руки, но выбора не было. И эти сойдут. Глянув на край обрыва, не показалась ли там вторая птица, Рия замахнулась правой рукой, прицелилась и бросила камень в первую, которая уже была в десяти шагах. Раздался чавкающий звук. Камень попал точно в цель. Голова птицы раскололась, в разные стороны полетели мозги, и существо мгновенно осело на камни.

Одна готова, одна осталась.

Рия снова оглядела обрыв, и тут с него спрыгнула вторая птица, судорожно хлопая непропорционально маленькими крылышками. Она опустилась в десятке шагов от нее. Мгновение птица стояла на месте, щелкая клювом и оглядывая Рию своими кровожадными красными глазами. Надеясь, что в этом мире, как и в ее родном, она может одинаково хорошо бросать камни обеими руками, Рия замахнулась левой рукой, в которой был второй камень.

Три шага назад, и она бы оказалась в реке. Эта река выглядела глубокой и стремительной, такой же, как Змея, поглотившая ее родителей, и Рии не хотелось лезть в воду, если это не окажется единственной альтернативой быть съеденной. Прицелившись, она бросила камень, но поскользнулась в момент броска. Камень полетел не туда и попал птицедереву в крыло, отскочив от него. Тварь тут же ринулась вперед, вереща от ярости.

Рия не успела увернуться от удара огромной ноги птицы и упала навзничь. Попыталась подняться, а тем временем птица по инерции пробежала вперед, поскальзываясь на мокром песке, и, не в силах остановиться, с громким плеском упала в реку, хлопая крыльями. В то же мгновение вода вокруг нее забурлила, и тварь начала жалобно, душераздирающе кричать.

Что такое?

Приглядевшись, Рия увидела, что птицедерево окружила стая небольших рыб, в пасти которых виднелись длинные зазубренные зубы. Они тащили птицу ко дну, на ходу заживо пожирая ее. Зубы сверкали в солнечном свете, вода бурлила, и за считанные мгновения от огромного хищного животного не осталось ничего, кроме полос крови на воде и полностью обглоданного скелета, гладкого, как высохшее дерево, и в некотором роде изящного.

— Неплохо, Рия, — раздался мыслеголос в ее голове. Этот голос был таким волнующим и неземным, что у Рии встали дыбом волосы. — Ты прошла первое испытание.

Отведя взгляд от окрашенной кровью воды, девушка увидела на противоположном берегу три фигуры, меньше чем в полете стрелы от нее. Одной из них была рослая женщина с черными волосами и темно-синей кожей. Двое других были ее мать и отец, махавшие ей руками. Они выглядели точно так же, как в тот последний день, когда она видела их в мире живых.

Любовь и желание прикоснуться к матери и отцу заставили Рию забыть все, и она бросилась в реку.

Глава 22

Очнувшись от глубокого забытья, вызванного кетамином, Леони начала обдумывать странный сон, который ей приснился.

Если это вообще был сон.

Она вспоминала его по частям и никак не могла соединить обрывки памяти в целое, все время ощущая, что большую часть просто забыла.

Все началось с того, как она будто заново прожила все то, что ощутила совсем недавно, будучи на грани жизни и смерти, когда она оказалась вне тела и попала в светящийся водоворот, а потом очутилась в странном мире, названном Голубым Ангелом «землей, где все становится известно». Леони снова очутилась в плотном теле, точно так же, как в прошлый раз, она была наряжена в тунику, которой у нее никогда в жизни не было. Девушка была уверена, что снова повстречалась с Синим Ангелом и что эта встреча имела большое значение, но не могла вспомнить, какое именно.

Потом вспомнила суматоху и шум. Все вокруг поплыло, и она внезапно оказалась посреди этих зловещих птицедеревьев. Прямо перед собой она увидела идущую вперед молодую девушку, одетую в такую же, как у нее, тунику. Девушка явно не подозревала о нависшей над ней опасности.

Первым инстинктивным желанием Леони было убежать, но это желание было не таким сильным, как ощущение особой связи с этой девушкой. Леони поняла, что должна предостеречь ее, пусть и рискуя собой. Кроме того, ведь тут нет никакого *риска*, правильно? Поскольку частью сознания Леони понимала, что ее тело лежит на койке в больнице, накачанное кетамином, и это — всего лишь чудной сон. Не так ли?

— Эй, ты! — крикнула она. — Нам надо бежать отсюда! Это не деревья.

Девушка резко развернулась. Скорее, девочка, лет шестнадцати, не больше, невысокая, коренастая и жилистая, по-мальчишечьи красивая, с загорелой кожей и каштановыми волосами. Она стояла лицом к Леони и что-то кричала в ответ на странном языке, сжав кулаки. Тупая девка. Готова драться, а не видит реальной угрозы — толпы хищных птиц вокруг, с клювами длиной с автомобиль, нависшими над ее головой.

Леони закатила глаза.

— БЕГИ! — заорала она. — ИЛИ НАС ОБЕИХ СОЖРУТ ЭТИ ПТИЦЫ!

Подняла руку и показала пальцем. Девочка поглядела вверх и увидела, где настоящая опасность. Затем раздался громкий хлопок, и Леони снова оказалась в своем теле, в Калифорнии, приходя в себя от кетаминового наркоза, привязанная к кровати и закрытая в палате с выключенным светом.

Такое впечатление, что ее сознание было одновременно в двух местах. Часть сознания продолжала воспринимать отблески странного иного мира, на грани жизни и смерти, под продолжающимся воздействием кетамина. Другая осознавала настоящую реальность, реальность человека, насильно помещенного в психушку, в которой ее родители намеревались держать ее всегда, чтобы она им не мешала.

За свою короткую жизнь Леони испробовала немало наркотиков. Как-то раз в клубе она попробовала вколоть немного кета. От него начало жечь глаза, во рту был ужасный вкус, а кости стали будто резиновые. Он совсем не взбодрил ее, как кокаин или «экстази»; вместо этого он погрузил ее в мрачный мир бессвязных мыслей и ощущений, где все двигалось в замедленном темпе, а простейшее действие — такое, как, например, поднять бокал с вином, — превращалось в задачу на грани невозможного. Кроме того, иногда возникало ощущение, что она сидит в полуметре от своего тела, в стороне. Теперь Леони поняла, что это был частный случай достаточно примитивного внетелесного опыта.

Мелисса явно вкатила ей дозу куда больше той, которую она навернула тогда, поэтому и эффект оказался другим. Например, она снова совершила путешествие на «землю, где все становится известным».

В этом-то и проблема. До сих пор Леони была уверена, что ее переживания на грани жизни и смерти были *реальными*, а разговор с доктором Баннерманом лишь добавил ей уверенности. Но благодаря Мелиссе у нее появился новый опыт. Выяснилось, что для того, чтобы повторить этот опыт, выйти из тела, встретиться с точно такими же существами — Синим Ангелом, чудовищами, — достаточно просто ширнуться наркотиком.

Разве это не доказательство тому, что *все* эти приключения, вызванные «искусственно», при помощи кетамина, или «естественно», в состоянии комы, на грани жизни и смерти, являются галлюцинациями? Совершенно *нереальны*? А если так, то не является ли выдумкой и тот ужасный разговор ее родителей, который она будто бы слышала, выйдя из тела?

Перепуганная, в полной темноте, привязанная к койке так, что не пошевелишься, Леони снова начала терять уверенность относительно своих воспоминаний. Того, как отец насиловал ее. Предположим, эти акты насилия — тоже галлюцинация. Предположим, что этого никогда не было. Ведь папа всегда говорил именно это? Предположим, что они не более реальны, чем галлюцинации под кетамином или галлюцинации мозга человека, оказавшегося на грани жизни и смерти. Что тогда?

Что, если это действительно ложная память?

Леони услышала скрежет ключей в замках. Дверь распахнулась, зажгли свет, и в палату ворвался Сэнсом. Его лицо было покрасневшим и недовольным.

А следом за ним вошел Джон Баннерман.

Глава 23

Прежде, чем ее ступни коснулись воды, Рия почувствовала, как ее подняло высоко вверх над водой, будто ураганом.

Она услышала треск цикад и ощутила, как ее ума коснулся другой ум, могучий, куда более мощный, чем у Бриндла. Внутри ее головы раздался мыслеголос, прекрасный, мягкий, как дуновение ветерка в кронах сосен, обращающийся к ней на языке Клана.

— Ты прошла второе испытание, Рия. Теперь ты должна вернуться в мир живых. Снова воспользуйся «Маленькими Учителями». Я буду ждать тебя.

В следующее мгновение Рия уже была не в воздухе, а с огромной скоростью неслась по крутящемуся световому тоннелю. Все мелькало с такой быстротой, что у нее закружилась голова, и она потеряла сознание. Придя в себя, девушка вновь оказалась в своем земном теле, в Пещере Видений, лежащей на козьих шкурах на холодном каменном полу среди спящих Уродцев.

В пещере было очень темно. Ни один из светильников, освещавших пещеру ночью, не горел, лишь вдали виднелся слабый дневной свет, проникавший через вход в пещеру.

Повернувшись на бок, Рия начала вспоминать все, что ощутила с того момента, когда грибы помогли ей отправиться в мир духов, вплоть до того самого мучительно сладкого видения, когда она увидела папу и маму, после чего внезапно вернулась в земное тело.

Заплакала. После этих семи долгих лет увидеть родителей всего лишь на мгновение было просто непереносимо. Но это убеждало ее, что смерть — не конец. Однако каким именно образом получилось так, что ее родители живы, пусть и в мире духов, она понять не могла.

Были и другие вещи, не менее озадачивающие. Кто эта очаровательная женщина с синей кожей, стоящая рядом с родителями на другом берегу реки? Она похожа на образ духа, показанный ей Бриндлом, когда они шли к Тайному Месту. Они назвали его Владычицей Лесов; она, по словам Уродца, заботилась о клане Бриндла. Это Владычица Леса ее спасла? Это ее мыслеголос раздавался в ее голове?

Мыслеголос сказал об испытаниях. Каких испытаниях?

А еще эта загадочная девушка, появившаяся как раз вовремя, чтобы предупредить ее об ужасных птицедеревьях, и снова исчезнувшая? И более серьезная проблема, проблема жизни и смерти в мире духов. В том мире у нее было настоящее тело, в этом она была уверена. Что случилось бы, если бы птицедеревья ее съели? В той реальности она чувствовала боль, у нее текла кровь, значит, она могла и умереть? А если так, что было бы с ее телом в этом мире? Осталось бы оно живо или умерло бы?

Рия протянула руку, чтобы потрогать правую лодыжку, там, где ее укусил крысотаракан. Хотя она и не чувствовала жгучей боли и раны, но нащупала два крохотных шрама там, где тварь прокусила ей кожу. Потом принялась ощупывать левую ногу. Хотя после падения вчера вечером нога должна была онеметь и болеть, но ни того, ни другого не было.

Пытаясь понять, что все это значит, но не находя решения, Рия встала и начала пробираться между валяющимися на полу Уродцами в сторону выхода из пещеры, где брезжил слабый свет. Выйдя наружу, увидела Бриндла, сидящего среди скал и глядящего на солнце, восходящее над зазубренными вершинами гор на противоположной стороне долины. Мысленно обратилась к нему:

— «Маленькие Учителя» — просто чудо, Бриндл. Благодарю, что уговорил меня их попробовать. Я пережила чудеснейшее путешествие. И вправду видела мать и отца!

— Я тоже видел отца, — ответил Бриндл.

— Ты же именно этого ждал, да?

Бриндл не ответил. Вместо этого он послал ей образ неистовых воинов, напавших на них вчера.

— Это разведчики, за ними идет огромная армия, — сказал он. — Отец раскрыл мне эту тайну.

Снова картина. Толпы свирепых воинов, вторгающиеся на земли Клана.

— Они называют себя Иллимани. Родом с востока, из-за ледяных пустынь…

— Никто не может пересечь ледяные пустыни, — ответила Рия. Просто констатируя факт.

— Они *смогли*! Поверь этому. Разведчики Иллимани были здесь уже много лун назад, изучили все дороги, чтобы пришли остальные. А теперь сюда идут тысячи, убивая всех на своем пути.

— Но зачем?

Бриндл помрачнел.

— Из-за того, кого зовут Сульпа. Они в его власти…

Рия ахнула.

— Сульпа, Пожиратель Душ, — продолжал Бриндл. — Вот что значит его имя. Он вождь Иллимани, но он не человек. Он демон из мира духов, занявший человеческое тело. Внешне красивый, все мужчины и женщины им восхищаются, но внутри мерзкий и злой. Он могучий колдун, Рия, и наслаждается, причиняя страдания. Питается болью и страхом других. Именно поэтому орда наступает…

— А Григо, Дюма и Вик?

— Они тоже подпали под его власть.

— Тогда почему их убили?

— Отец сказал, что Григо не убили. Только Дюму и Вика. Разведчики шли за нами, а Григо шел в другую сторону. Увидеть Сульпу.

— Но зачем? Не понимаю…

— Случится что-то очень плохое.

На смену словам пришли образы дыма и пламени.

Хотя утреннее солнце грело все сильнее, Рию бил озноб, словно от холода.

Глава 24

Две медсестры, другие, не Дейдра с Мелиссой, но такие же крепко сбитые, вошли в палату следом за Сэнсомом и Баннерманом. Одна из них несла сумку, другая подошла к окну и распахнула плотные черные шторы. Кромешная тьма уступила место яркому свету утреннего солнца, полившемуся сквозь зарешеченное окно.

Леони поглядела на Баннермана и дрожащими губами улыбнулась ему, но выражение лица доктора было жестким; он стоял, будто надев на себя незримый доспех.

Угрюмо поджав губы, Сэнсом подошел к койке и принялся резкими движениями расстегивать пряжки ремней, удерживающие Леони в кровати.

— Вы свободны идти, куда пожелаете, мисс Уоттс, — сказал он, когда она села. Маленькие свинячьи глазки доктора поблескивали над покрытым сеткой лопнувших сосудов носом, — медсестры принесли вашу одежду. Пожалуйста, одевайтесь.

Она так и поступила.

Спустя минут пять Леони вместе со своим спасителем шла по коридору Маунтин Ридж следом за Сэнсомом, глядя на его широкую спину, обтянутую дорогим, сшитым на заказ костюмом. И продолжала поглядывать на Баннермана, просто удержаться не могла. Просто преклонялась перед этим человеком. Сначала он спас ей жизнь, а теперь вызволил из психушки. Что он еще в состоянии сделать? Одним махом перепрыгнуть небоскреб? Одним движением остановить мчащийся поезд? Лететь быстрее пули? После того, что случилось за последние пару дней, Леони просто втрескалась в этого ошеломляющего, загадочного и крутого парня!

— Ты получил мое сообщение, — тихонько сказала она.

— Угу, — кивнув, ответил Баннерман.

— Быстро у тебя все получилось. Впечатлена.

Сэнсом привел их в шикарный кабинет, с кожаной мебелью, роскошным рабочим столом и кофемашиной. Наклонившись над столом, Баннерман подписал пару документов, они вышли обратно в коридор и пошли к лифту. Пока они спускались, Леони заметила, что два врача вели между собой незримый поединок, сверля друг друга взглядом. В какой-то момент у Баннермана даже дернулась верхняя губа.

Лифт остановился, и они вышли в просторный вестибюль. Сэнсом остался в кабине. Двери лифта закрылись, и кабина поехала обратно.

— Уф! — сказал Баннерман. — Все равно что посидеть в одной клетке с чертом.

— Да, он реальный грубиян, — ответила Леони. — Ненавижу. Слушай… Джон… на этот раз я перед тобой в большом долгу… в смысле…

Она рассмеялась.

— Не то чтобы я *уже* не была перед тобой в огромном долгу. Сама видела, как ты спасал мне жизнь! Но теперь я обязана тебе еще больше…

Баннерман смутился.

— Ничего, — ответил он. — То, что натворили твои родители и эта сраная психбольница, — за пределами добра и зла. Их адвокаты так тщательно заметали твои следы, что я сам бы никогда не выяснил, куда тебя дели. Твой звонок на голосовую почту был просто спасением.

Они шли через автостоянку. Солнце ласкало кожу Леони, и она не переставала восхищаться этим парнем.

— В смысле, ты начал искать меня раньше, чем я тебе позвонила?

— Ну да. Как только я узнал, что тебя утащили из нашего отделения, мой адвокат взялся за работу.

Услышав это, Леони бросилась ему на шею и попыталась поцеловать в губы. Баннерман обнял ее, но его губы остались сомкнутыми.

Для Леони получить отказ от такого привлекательного мужчины было сильно внове. Она сделала шаг назад и сказала:

— Извини. Это наглость с моей стороны.

— Нет, — ответил Баннерман, — это мне впору извиняться. Выглядит так, что я веду себя невежливо. Но, понимаешь… я гей. А адвокат, который занимался всеми делами, чтобы освободить тебя, — мой друг. Вон он…

Любовник Джона Баннермана оказался еще одним красивейшим мужчиной. И всё коту под хвост, подумала Леони.

— Привет! — сказал он. — Я Дэвид Тэмпл. Рад познакомиться с тобой, Леони.

— Привет, Дэвид. Нет слов, как я благодарна, что ты вытащил меня оттуда, — ответила Леони, повернувшись в сторону психбольницы и выставив руку с выпрямленным средним пальцем. — Понятия не имею, как тебе это удалось, поскольку у папочки толпа крутых адвокатов. Видимо, ты еще круче, чем они. Так что… спасибо тебе!

Она дружески обняла его.

— Все оказалось достаточно просто, — ответил Дэвид. — Видимо, Сэнсом был абсолютно уверен, что удерживает тебя на законном основании, но выяснилось, что он ошибался. Они наняли врача, заставили написать нужное заключение, вероятно, подкупили или шантажировали его, но в этом заключении столько юридических просчетов, что реально исполнить его невозможно. Как только я сообщил об этом окружному судье, тот сразу же выписал ордер на твое освобождение.

— Значит, я теперь в безопасности? И родители больше не смогут меня туда запихнуть?

— То заключение, которое было дано изначально, аннулировано, — ответил Дэвид. — Они попытаются вынести новое, но я уверен, что в суде мы их сделаем. Так что, за исключением возможности еще одного похищения, ты в безопасности…

Они забрались в потрепанный «Шевроле Импала» выпуска конца девяностых, выглядевший так, будто его не мыли с тех пор, как он сошел с конвейера. Баннерман сел за руль, а Леони сказал сесть на переднее сиденье. Дэвид развалился на заднем.

— Так что, думаю, тебе бы хотелось хоть на время выйти из поля зрения родителей.

— Правильно думаешь.

— А я думаю, что тебе хотелось бы побольше узнать насчет тех переживаний, постигших тебя на грани жизни и смерти.

— Я должна узнать все, — согласилась Леони. — Потому что это просто сводит меня с ума. То я уверена, что все это реально, все, что я видела и слышала, потом прихожу к выводу, что это галлюцинации, и так по сотне раз на дню…

— Тогда у меня есть для тебя предложение, — проговорил Баннерман. — Помнишь, я говорил тебе о моих исследованиях пограничных состояний и внетелесных переживаний?

— Да, — с готовностью ответила Леони.

— Я провожу исследования в медицинском центре Калифорнийского университета в Ирвайне, весьма закрытые, в ходе которых изучаю эти состояния. Я предлагаю тебе следующие пару недель поучаствовать в исследованиях на добровольной основе. Ты идеальный кандидат на такие эксперименты, и, думаю, результаты будут потрясающие.

— Чем же я такая идеальная? — с любопытством спросила Леони.

— Многим, но есть одна главная особенность. Когда ты описывала свое состояние во время клинической смерти, ты сказала, что повстречалась с ангелической сущностью… ты еще ее нарисовала тогда.

— С Синим Ангелом.

— И рассказала, что она тебе подробно объяснила то, что ты растратила без толку свой потенциал.

— Да, она сказала это, — кивнув, ответила Леони. — Но это было лишь началом. Было много другого, необычного, о чем я тебе не успела рассказать. Она сказала мне, что я попала в «землю, где все становится известно». Там были странные зеленые цветы, жуки размером с корову… и чудовища. Самые настоящие чудовища, Джон.

Баннерман скосил глаза в сторону Дэвида. «Я же тебе говорил», — читалось в его взгляде.

— Эй, ребята, вы же не думаете, что я сумасшедшая?! — взорвалась Леони. — Меня уже достали все остальные, считающие меня долбанутой…

— Конечно, нет! — мгновенно возразил Дэвид.

— Ни в коем случае! — сказал Баннерман. — Просто Дэвид знает, что я недавно работал с другими людьми, пережившими клиническую смерть. Они тоже говорили, что встретили там женщину с синей кожей, и описывали очень странный мир. Большинство тоже назвали эту женщину ангелом. Никто из них не умеет рисовать так хорошо, как ты, но их наброски имеют множество сходств с твоими. Двое добровольцев, участвующие в моем проекте, тоже повстречались с ней…

— Это означает, — перебил его Дэвид, — что, сопоставив твои рассказы с теми, что Джон уже получил в ходе исследований, мы начали подозревать, что происходит что-то очень, очень странное. Если достаточное количество людей сходным образом описывают то, что считается нереальным, приходится предположить, что в конечном счете это может оказаться реальностью, просто иной, чем наша…

— Так что же? — спросила Леони. — Это взаправду?

— Следует соблюдать осторожность с такими выводами, — ответил Баннерман. — Трудно подтвердить то, что мы знаем лишь со слов разных людей. Они говорят, что это с ними произошло. Возможно, это иные измерения реального мира, хотя это и трудно будет признать ученым, не верящим в существование других миров. Все участвующие в проекте добровольцы описывали свои внетелесные переживания, в которых видели другую землю, но я стараюсь сузить круг этих показаний, используя лишь те, где можно верифицировать факт нахождения человека вне тела.

— Что значит «верифицировать»?

— Значит, подтвердить, что нахождение человека вне тела реально. Если я смогу подтвердить это, то такое подтверждение укрепит нашу уверенность в том, что и остальные уровни восприятия могут оказаться вполне реальными. Твой случай именно таков. Твои переживания во время нахождения вне тела мне удалось подтвердить…

Леони на мгновение потеряла нить его рассуждений и озадаченно поглядела на врача.

— Помнишь, ты мне рассказывала, что оказалась вне тела в больнице, как раз перед тем, как мы вернули тебя назад, в реанимацию? — сказал Баннерман.

— Да…

— Ты видела женщину-секретаря. Сказала, что она была очень строго одета, практически идеально, но на ногах у нее были оранжевые кроссовки с малиново-зелеными шнурками в полоску?

— Точно! Если смотреть из вестибюля, то увидишь лишь строгий угольно-черный костюм. Как у какой-нибудь директрисы. А вот под столом были эти прикольные кроссовки.

— Именно оранжевые кроссовки с малиново-зелеными шнурками?

— Абсолютно точно. Я как раз их разглядывала, когда ты выдернул меня обратно в мое тело.

— Вот в том-то и дело. Эта секретарша — реальный человек. Она мне сказала, что была на работе как раз в тот день, как ты и говорила, и что на ней были кроссовки, в точности такие, как ты описываешь. Вплоть до этих малиново-зеленых шнурков.

— Но ведь ученые, которых ты хочешь убедить, не признают это доказательством, так? — возразила Леони. — Скажут, что я просто их увидела, когда меня везли через приемный покой.

— Ну, эту возможность я проверил. Во-первых, выяснилось, что тебя отвезли в реанимацию прямиком с вертолетной площадки, с крыши медцентра, на скоростном лифте. Ты и близко не была к приемному покою. Так что у тебя не было никакой возможности увидеть эту секретаршу, находясь в своем теле…

— Если только я не бывала в медцентре прежде и не видела ее раньше…

— Естественно, но я и это проверил, — с досадой ответил Баннерман. — Кстати, ты *действительно* раньше бывала в медцентре?

— Нет. Ни разу.

— Хорошо, хотя это и не имеет значения. Секретарша новенькая, в тот день она в первый раз вышла на работу. И даже эти кроссовки — не ее. В тот день она сломала каблук, и ей пришлось попросить их у коллеги по работе.

Идеальная ситуация, — сказал с заднего сиденья Дэвид. — Ты видела нечто, реально существующее, чего никак не могла заметить, находясь в своем теле.

— Этого-то я и опасаюсь, — сказала Леони. — Некоторые вещи, увиденные мной… места… разговоры, которые я слышала… будет совершенно ужасно, если все это окажется правдой, во многих отношениях.

— Но ты согласна, что стоит выяснить это? — спросил Баннерман.

Задумавшись обо всем, что с ней произошло, Леони прикусила губу.

— Да, — наконец ответила она. — Давай выяснять. Буду помогать тебе всем, чем смогу.

Глава 25

— Отец говорил и о тебе, — продолжал Бриндл. — Сказал, что ты избрана, чтобы сражаться с Сульпой. Именно поэтому вчера, в лощине, ты спасла меня от Григо, Дюмы и Вика. Не случайно.

Рия нахмурилась.

— В смысле, избрана, чтобы сражаться с Сульпой? Кто избрал меня?

— В мире духов есть добро и есть зло. Добрые заинтересованы в том, чтобы все шло своим чередом. Существовало в равновесии. Гармонии. Любви. Сульпа на стороне зла. Он хочет, чтобы царили беспорядок, хаос, ненависть, смерть. Владычица Лесов долгое время держала его в заточении, не давая ему творить злые дела. Но он сумел освободиться и теперь переворачивает все с ног на голову. Нарушил правило, заняв человеческое тело. Воплотился в нашем мире. И теперь духи добра нуждаются в том, чтобы ты сражалась с ним.

— Но это же смехотворно. Если он демон, они должны сами справиться с ним.

— Они могут это делать только в мире духов. А в нашем — не могут. Им не дозволено занимать человеческие тела. Поэтому им нужна ты. И я тоже. Мои люди и Клан должны обрести крепкую связь, чтобы сражаться с Сульпой.

— Связь? Ты говоришь, что Уродцы и Клан должны подружиться? Без шансов, Бриндл. Наши вожди скорее мамонтом разродятся, чем согласятся на такое.

— Хорошо, пусть рожают мамонта. Это не имеет значения. Сражаться с Сульпой нам. Мы отвечаем за это. Это наше дело. Пришло наше время.

— Мы проиграем битву с Сульпой, — сказала Рия. — Особенно если вы будете снисходительны к этим — как ты их назвал? Иллимани? То, как вы вчера вели себя в засаде, было последней глупостью.

— Мы пытались поступать честно, Рия.

— Понимаю. Благородно. Но это стоило вам жизней воинов. Не забывай, что рассказал тебе твой отец. Эти Иллимани действуют по воле демона. И единственно правильным и честным решением будет их убийство.

Прошлой ночью обширная поляна перед Пещерой Видений была освещена огнями костров, и в их свете неухоженные Уродцы выглядели устрашающе. Но сейчас те же самые люди начали по одному, по двое выходить из пещеры, моргая, зевая, потягиваясь, а иногда и пукая. Рия поняла, что она постепенно начала не только привыкать к ним, но и почувствовала сильную связь с ними.

В самом деле, в ее голове, где-то на грани сознания, казалось, звучала мыслеречь их всех.

— Это не кажется, Рия, — перебил ее мысль Бриндл. — Когда вчера вечером ты ела «Маленьких Учителей» вместе с нами, у тебя образовалась связь со всеми Уродцами.

Рия покачала головой и почесала ухо.

— В смысле, теперь каждый сможет говорить со мной, не только ты?

— Конечно. Почему нет? Каждый из моего племени — друг тебе.

Встав, он положил руку ей на плечо.

— Тебе скоро надо будет возвращаться в Клан. Но сначала Меринабоб-Грундл-Напро-Атринкам хочет отдать тебе подарок. — Бриндл пошел, жестом зовя Рию за собой.

— *Кто* хочет отдать мне подарок?

— Меринабоб-Грундл-Напро-Атринкам. Наш колдун.

— Ты хочешь сказать, что мы идем к мужчине-колдуну?

— Не мужчине. Женщине. Очень старой и очень могущественной. Она будет помогать нам сражаться с Сульпой.

Рия хорошо знала колдунов Клана и давно убедилась, что все они — завзятые обманщики.

— Могущественная? — фыркнула она. — В чем? Пусть докажет.

— Может оборачиваться волком, искать пропавшие вещи, разговаривать с животными, исцелять больных, вызывать бурю и летать, как птица.

— Брось, Бриндл! — сморщившись, ответила Рия. — Ты же не веришь во всю эту чушь *в самом деле*, а?

— В том смысле, как ты верила в ту чушь, которую говорят в Клане про «Маленьких Учителей», что они превращают людей в демонов?

— Да, тут ты был прав, — призналась Рия.

— Я и в другом прав. Сама увидишь. Колдунья действительно может творить чудеса.

Склон над Пещерой Видений был каменистым и крутым, восходя к огромным утесам. Но ниже, там, где вчера вечером Рия в ужасе пыталась сбежать от Уродцев, было несколько широких террас, на которых там и сям росли дубы и березы, а среди травянистых кочек беспорядочно валялись огромные валуны. В самом низу тек горный ручей, за ним уходил

вверх склон, поросший ивами, соснами и ольхой. Еще выше начинались пустоши, на самом верху переходящие в заснеженные горные пики.

— Теперь понимаю, почему разведчики Клана не нашли эту долину, — сказала Рия. — С одной стороны утесы, по которым не заберешься, с другой — непроходимые горы. Идеальное убежище, если знать тайный вход в него.

Узкая, но хорошо утоптанная тропа соединяла террасы между собой. Бриндл начал спускаться вниз, и идущая следом Рия увидела множество навесов из веток, накрытых шкурами, устроенных под деревьями и у крупных валунов. Там ходили Уродцы всех возрастов, занимаясь своими повседневными делами. Утреннее солнце грело ей спину. Рия осознала, что это стойбище ничем не отличается от любого другого, будь это стойбище Клана или другого племени. Обычная человеческая жизнь: женщины готовят, выделывают шкуры и плетут веревки из травы, мужчины готовятся идти охотиться, щепят кремни, строят навесы, дети играют.

На самой нижней и самой широкой террасе, неподалеку от горного ручья, находилась небольшая роща могучих старых дубов. Здесь не было видно навесов, и среди деревьев паслось небольшое стадо маралов. Зная пугливый характер этих зверей, Рия поразилась тому, что они не убежали, когда она и Бриндл приблизились к ним. Один могучий самец даже позволил ей погладить его и почесать за ушами.

— Не понимаю, Бриндл, — радостно смеясь, сказала Рия. — Что с ними такое? Почему они нас не боятся?

— Колдунья околдовала их.

— Как так? Никогда о таком не слышала.

— Говорю же, она могучая колдунья.

Посреди дубравы, там, где деревья были самыми старыми и стояли переплетаясь ветвями, находился небольшой куполообразный шатер, сделанный из изогнутых ветвей, на которые были накинуты шкуры. Он разместился между тремя огромными дубами, свесившими над ним громадные ветви. Позади него начинался луг, где росли самые разные травы, цветы и плодовые кусты, посаженные ровными рядами. По пояс среди всей этой растительности ходила невысокая и очень старая женщина, одетая в плетенную из шерсти накидку. Вокруг нее летало целое облако бабочек. Она возилась с кустами, собирая соцветия и складывая их в висевший у нее на плече мешок.

— Настоящая колдунья, — уверил Рию Бриндл.

И тут женщина прервала свою работу и пошла в их сторону. Она была невысокая, хрупкая и морщинистая, ее походка была неровной и прихрамывающей. Рия узнала ее. Это была та самая женщина, исполнявшая «Песнь Кости» в Пещере Видений. С ее крупной головы пучками свисали рыжеватые седые волосы, отчего она была похожа на ребенка. Но из-под выступающих надбровных дуг, нависающих над широким носом, глядели зеленые глаза, полные мудростью и жизненным опытом. Женщина дышала часто и неглубоко, с присвистом и бульканьем, ее впалая грудь поднималась и опадала под накидкой, но, несмотря на это, от нее исходило ощущение незримой внутренней силы.

Рия почувствовала, что ее сердце колотится так, будто она повстречала крупного и опасного зверя, и с трудом сдержала желание попятиться.

— Приветствую тебя, Рия из Клана, — раздался в ее голове мягкий и приятный мыслеголос. — Я — Меринабоб-Грундл-Напро-Атринкам.

— Буду звать тебя Мерина, — ответила Рия. — Вчера вечером ты очень красиво играла на кости.

Мерина удивленно поглядела на нее.

— Ты так быстро учишься мыслеречи! Бриндл сказал мне, что ты особенная.

Почему-то эта похвала смутила Рию.

— Я всего лишь охотник на зайцев, — возразила она. — Нет во мне ничего особенного.

— Но я слышала, что ты очень хорошо мечешь камни, — ответила Мерина. И вдруг с неожиданной быстротой и ловкостью взяла Рию за обе руки ниже локтей и принялась разминать ей мускулы, от локтей к запястьям, а потом потянула ее за пальцы, за каждый по очереди, щелкнув их суставами.

— Ай! — вскрикнула Рия. — Что ты делаешь?

— Передаю тебе мое волшебство, — с озорной улыбкой ответила Мерина, развернулась и похромала к шатру.

А Рия осталась стоять, ощущая легкое покалывание в руках.

— Пошли, охотница на зайцев, — приказала колдунья.

Бриндл откинул полог, закрывающий вход в шатер, помогая Мерине зайти внутрь. Лучи света, проникающие сквозь шкуры, осветили внутреннее убранство помещения. Рии ничего не оставалось, как войти следом. Ее сердце все так же колотилось. С изогнутых веток, образующих каркас шатра, свисали аккуратно сплетенные из травы тоненькие веревки, на них висели сотни кристаллов кварца, сверкая, как ночные звезды. В плетеных корзинах, стоящих на полу, лежали пахучие травы и сушеные грибы.

Мерина шла почти на ощупь, сдвигая в стороны кристаллы кварца. Начала рыться в корзинах, беря разные предметы и кладя их обратно.

— Вот они, — наконец сказала она. Повернувшись к девушке, протянула ей мешочек из оленьей кожи. — Пять отличных метательных камней для Рии, охотницы на зайцев.

Рия взяла мешочек. Он оказался неожиданно тяжелым.

Сунула руку внутрь и принялась считать камни. Один… два… три… четыре… пять. Пять камней идеального веса для того, чтобы их кидать. Вынула один из них и оглядела его в свете солнца, проникавшем сквозь откинутый полог. Без сомнения, это был лучший из метательных камней, которые она когда-либо держала в руках. Холодный и блестящий яйцевидный кусок молочного кварца, столь же прекрасный, сколь и смертоносный.

Вынув остальные сокровища, Рия разложила их на полу и принялась внимательно разглядывать. Все камни были одного размера, формы и веса. Все сверкали на солнце и были полупрозрачны, словно туман или облако. Безупречные и гладкие на ощупь.

— Я полжизни их хранила, — сказала Мерина. — Нашла их у реки Змеи; они лежали на берегу, выложенные кругом, еще мокрые, как будто кто-то только что достал их из воды, но вокруг никого не было. В них была некая сила, даже дурак понял бы это. Я подобрала их и взяла с собой. И все эти годы хранила их…

— Тогда ты не должна отдавать их мне. Они слишком ценны, чтобы подарить…

— Все эти годы я хранила их, — повторила Мерина, — даже не зная, зачем. Но прошлой ночью Владычица Леса посетила меня и сказала, что я должна отдать их тебе.

Вместе с этими словами в голове Рии возник образ прекрасной, странного вида женщины, о ней рассказывал Бриндл, называя ее этим же титулом; ее же Рия видела во время своего путешествия в мир духов при помощи «Маленьких Учителей». Рослая женщина с длинными черными волосами и темно-синей кожей, находящаяся на другом берегу реки вместе с давно умершими родителями Рии.

— Вчера вечером, когда я съела «Маленьких Учителей», я тоже видела эту женщину с синей кожей… — ошеломленно ответила Рия.

— Она не женщина, Рия! Не заблуждайся насчет этого, она вообще не человек. Она — один из вечно живущих духов. Тех, для которых открыты все миры, все времена и все места. Прошлое, настоящее, будущее — ничто не скрыто от нее.

— Но зачем же она хотела, чтобы я взяла камни?

— Зачем, дитя мое? Разве не очевидно? Она хотела, конечно же, чтобы ты *бросала* их.

Глава 26

Из-за недолгой остановки у «Старбакса» в Санта-Монике, плотного утреннего движения на 405-й трассе и поношенного движка замшелого «Шевроле» Баннермана восьмидесятикилометровая дорога из Лос-Анджелеса в Ирвайн длилась уже второй час. В такой ситуации Леони уже давно закипела бы — она терпеть не могла задержек в исполнении планов, чем бы они ни были вызваны. Но сейчас, только что вырвавшись из ужасной психушки Сэнсома, она была в другом настроении. Каждая миля, которую они проползали по шоссе, отдаляла ее на милю от Маунтин Ридж и на милю приближала к лаборатории Баннермана, а возможно, и к разгадке тех вопросов, которые мучили ее всю сознательную жизнь.

— Программа предусматривает обустройство участников, — объяснил Баннерман. — Договоренность такова, что все добровольцы, а их тридцать человек, живут в кампусе при исследовательском центре и не контактируют с внешним миром в течение всего периода исследований. Длительность эксперимента — четыре недели, но остальные участники уже провели там около двух недель, так что тебе придется вступать в проект на ходу.

— А что за кампус? Что-то вроде общежития? Не уверена, что мне будет легко ужиться с тремя десятками совершенно незнакомых людей.

— У тебя будет небольшая отдельная комната. Можешь оставаться одна, можешь общаться с другими, как захочешь. Единственное условие — раз в два дня ты приходишь в лабораторию, находящуюся в подвале этого здания, мы делаем тебе инъекцию препарата, а потом ты рассказываешь нам о результатах его воздействия… Иногда мы предлагаем сделать две-три инъекции за день, но это может оказаться слишком круто.

— Эти инъекции… это же не кетамин, а?

— Кетамин? — удивленно, даже с долей обиды спросил Баннерман. — Нет, конечно. А почему ты так подумала?

— В Маунтин Ридж, когда я вчера вечером попыталась сбежать…

— Это был отчаянный шаг, я скажу, — тут же заявил Дэвид.

— Я просто взбесилась от того, как они со мной обращались, — ответила Леони. — Но из этого ничего хорошего не вышло. Они мигом меня поймали, а потом вкатили полный шприц «кета» и привязали к койке. Там я и была, пока этим утром некий рыцарь на белом коне по имени Джон Баннерман не прискакал и не спас меня…

Лицо Баннермана помрачнело от возмущения.

— Это так безответственно с их стороны! — выпалил он. — За такое использование кетамина Сэнсома можно было бы упечь за решетку. Его не используют в качестве успокоительного, если ты, конечно, не лошадь.

— А для чего же используют?

— Для многого. В качестве обезболивающего при некоторых операциях. Кроме того, это сильный галлюциноген, поэтому он столь популярен в клубах и на рэйверских вечеринках.

Леони понимающе кивнула.

— Я один раз врезала его в клубе. Крутой был приход. Но то, что случилось в Маунтин Ридж, было куда круче.

— Не знаешь, сколько тебе ввели?

— Медсестра сказала что-то типа «четыреста миллиграмм внутримышечно».

— Да уж! — ответил Баннерман, присвистнув. — Вколов четыреста миллиграмм, тебе бы можно было делать операцию на сердце, и ты бы ничего не почувствовала.

— Да, меня вышибло. По крайней мере, мое тело. Но ум вышел на свободу, и я отправилась в то же самое место, где побывала, когда очутилась на грани жизни и смерти. Снова та же самая «земля, где все становится известно», и там был Синий Ангел. И зеленые цветы. И чудовища, похожие на деревья, но на самом деле это птицы с огромными клювами. Видела там девушку, на которую они хотели напасть. Пыталась предупредить ее, а потом меня снова выдернуло оттуда, и я оказалась в своем теле, на койке в Маунтин Ридж.

— Помнится, ты сказала, что твои ощущения во время клинической смерти были «более реальными, чем материальный мир», да? А в этот раз тоже?

— На тысячу процентов. Но ведь кетамин — просто наркотик…

— Не обязательно. Помнишь, мы с тобой говорили, что наши мозги — не столько источник сознания, сколько приемник, выводящий сознание на физический уровень?

— Насчет того, что мозг — что-то вроде телевизора?

— Именно. И подавляющее большинство людей имеют мозг, по умолчанию настроенный на единственную программу — «Канал нормальности». Другими словами, на нашу повседневную реальность.

— Выглядит логично, — сказала Леони. — Мы бы свихнулись, если бы это было не так.

— Но это не значит, что не существует других каналов, транслирующих нам свои передачи, и что их программы менее реальны, чем та, которую мы обычно воспринимаем. Возможно, в состоянии клинической смерти происходит выброс естественных гормонов, меняющий настройку мозга и позволяющий воспринимать иные реальности.

— Но какое отношение это имеет к запрещенным для обычных людей лекарствам, таким, как кетамин?

— Самое прямое, если я прав. На самом деле весь мой исследовательский проект основан на использовании запрещенного лекарства.

— Шутишь, — ухмыльнувшись, ответила Леони. — Ты колешь людям запрещенное лекарство прямо на территории Калифорнийского университета в Ирвайне?

Баннермана явно беспокоила такая тема разговора.

— Знаешь… есть с полдесятка различных веществ, влияющих на мозг точно так же, как выброс гормонов в состоянии клинической смерти, и, возможно, они провоцируют сходные переживания. В некотором смысле кетамин — одно из них, в чем ты уже убедилась, но его действие далеко от идеального. Он непредсказуем, его очень трудно контролировать, и он даже может представлять опасность.

— А что используешь ты?

— Мы получаем хорошие результаты, используя диметилтриптамин…

— Диметил… что? — нахмурившись, переспросила Леони. — Ни разу не слышала.

— Диметилтриптамин. Коротко — ДМТ.

— А, поняла, о чем ты. Мои друзья эту штуку курили. Слышала от них, что хорошо вставляет.

— Да уж, вставляет, — ответил Баннерман. — А мы вводим его внутривенно, за счет чего эффект не только значительно сильнее, но и начинается быстрее.

— Как же вам это позволили? — спросила Леони. — В смысле, что ДМТ — наркотик из списка «А», так? Если людей ловят с ним, их сажают в тюрьму. А вы чем лучше?

— Тем, что мы назначаем ДМТ — который, кстати, не вызывает привыкания, — в рамках четко спланированного научного эксперимента, — со вздохом ответил Баннерман. — Мы

получаем его на законных основаниях, по всем правилам. Утверждение проекта заняло не один год, но теперь у нас официальное разрешение Управления по контролю над оборотом наркотиков, так что все абсолютно законно. Другой проблемой было найти необходимые деньги. Мы так и застряли, пока полгода назад не нашелся один очень богатый парень, согласившийся нас финансировать.

— Как его зовут? Может, я его знаю.

— Я обязан хранить его имя в тайне. Это часть нашей договоренности. Это человек с большим воображением и свободными взглядами… Мы предложили ему такой вариант: он финансирует наш проект, а мы найдем в ходе исследований Святой Грааль квантовой физики…

— Святой Грааль квантовой физики? — непонимающе переспросила Леони.

— Доказательства существования параллельных вселенных и возможности добровольцам в целости и сохранности путешествовать туда и обратно.

Леони все так же непонимающе глядела на него.

— Хорошо, скажем так… — начал Баннерман. — О чем мы говорили? Что мы используем ДМТ, чтобы имитировать биохимию мозга в состоянии клинической смерти, проверяя это на группе добровольцев. Так?

— Так.

— Мы надеемся лучше изучить переживания видений иных миров, о которых рассказывают прошедшие через клиническую смерть. Абсолютно реалистичные и убедительные видения, пережитые тобой, когда ты находилась в этом состоянии. В медицине установилось мнение, что это «просто галлюцинации», но мы проверяем гипотезу о том, что это — альтернативное состояние восприятия, нечто вроде шестого чувства, позволяющее проникать в иные измерения реальности.

— Значит, мир Синего Ангела — параллельная вселенная? И я могу приходить туда и уходить оттуда при помощи ДМТ? Вот, значит, что она имела в виду, сказав, что мне надо сделать тоньше завесу между мирами, если я хочу снова встретиться с ней… Возможно, именно в этом и заключается действие ДМТ.

— Возможно, — согласился Баннерман. — Но я лишь допускаю такую вероятность. Если мы проведем адекватное научное исследование, мы сможем говорить об этом более уверенно…

— Я не ученый, — перебил его Дэвид, — так что выскажу свою точку зрения. Синий Ангел реален. Эта женщина действительно должна существовать, иначе бы ее не могли видеть совершенно разные люди. Ей что-то нужно от нас, и нам необходимо выяснить, что именно.

Глава 27

Еще до того, как солнце достигло полудня, Рия и Бриндл забрались обратно на верхнюю террасу, к Пещере Видений. Повесив мешочек из оленьей кожи за ремешок на плечо, Рия с удовлетворением чувствовала вес пяти метательных камней, лежащих внутри. Она уже ощущала себя королевой-воительницей, а не простым охотником на зайцев. Оружие! Настоящее оружие, подаренное ей настоящей Колдуньей! Что еще может быть круче этого?

Вокруг собрались Уродцы, до зубов вооруженные копьями, топорами и дубинами. Группа из полусотни воинов должна была охранять ее на обратной дороге к стойбищу Клана. Ее вновь возглавили Грондин и Бриндл, да и среди остальных Рия увидела уже немало знакомых лиц.

Большинство глядели на нее тепло и дружественно; единственным исключением был тот самый воин, враждебно наблюдавший за ней еще вчера, в Пещере Видений. Он стоял поодаль от группы, ссутулившись и сморщив темное лицо, до отказа выставив вперед

покатый подбородок, а гневные и мрачные мысли и образы исходили от него, подобно зловонию. Затем его неприветливый мыслеголос зазвучал в голове Рии.

— Я Гарн-Гарнигор-Шенго-Аптенджен, — сказал он. — Я против этого похода. Я буду выполнять приказы моего вождя, но боюсь, что нас ждет лишь горечь потерь.

Рия пристально поглядела на Гарна.

— Согласна с тобой, — ответила она. — Пятьдесят человек — слишком много. Только привлечет внимание. Чтобы проводить меня домой, хватит и пяти.

В беседу вступил Бриндл.

— Воины все равно отправятся в поход, Рия. Ты не забыла, что около семи сотен наших людей все еще остаются в удаленных стойбищах? Мы должны отвести их в Тайное Место прежде, чем до них доберутся Иллимани.

— Я с этим не спорю, — ответил Гарн. — Мне не нравится, что мы ведем Рию обратно в Клан. В этом нет необходимости. Только на неприятности нарвемся.

И снова Рия была согласна с ним. *Весь* план Бриндла провоцировал разного рода проблемы. Даже если забыть про Иллимани. Воины Клана могут увидеть ее вместе с полусотней Уродцев, и тогда боя не миновать.

Но другие тоже пожелали выразить свое мнение.

Рия увидела двух братьев-близнецов с одинаковыми лохматыми надбровными дугами, торчащими рябыми носами и тупыми, как у оленя, зубами. Вчера они отказались подчиниться Рии, как и Бриндл, во время той бестолковой засады, которая едва не закончилась полным провалом. Выйдя вперед, они по очереди неуклюже обняли ее, и Рия поняла, что они пытаются извиниться.

— Я Тренко-Виртагорн-Марни-Арчипрона, — сказал первый.

— Я Криско-Виртагорн-Марни-Арчипрона, — сказал второй.

— Мы оба — твои друзья и отправляемся с тобой.

За ними вышел невысокий толстый Уродец с клочковатой рыжей бородой и сморщенным лицом.

— Я Оплимар-Сендо-Вулшни-Атринкам, и я за поход.

— И я тоже, — сказал Грондин. — Рия стала одной из нас.

— Да, одной из нас! — повторил рослый худощавый воин со сломанным носом. — Я Бригли-Дженгл-Джарлстид-Вулпрашник, и я за поход.

— И я…

— И я…

Гарн медленно развернулся, оглядывая воинов, обратившихся к Рии.

— Она *не* одна из нас, — возразил он. — Неужели не видите? Она нам *не друг*. Она из Клана! Почему мы должны рисковать своими жизнями ради женщины Клана, кем бы она ни была?

— Вчера Рия спасла *мне* жизнь, — сказал Бриндл. — Сражалась вместе с нами, отважно и с умом. Вчера вечером вместе с нами вкусила «Маленьких Учителей». А сегодня мы поможем ей безопасно добраться домой. Надеюсь, она сможет создать крепкую связь между нами и Кланом. Добро порождает добро, поэтому я — за поход.

К этому времени многие Уродцы взялись за руки. Вокруг ощущалось странное настроение, некоторые начали издавать низкие ухающие звуки, так, как они делали, когда вместе принимали решение или кого-нибудь исцеляли.

Грудь Гарна надулась, мгновение казалось, что он вот-вот лопнет, как переполненный водой мешок.

— Хватит! — воскликнул он, развернулся и ушел прочь по тропе, соединяющей террасы.

— Что случилось? — спросила Бриндла Рия. — Почему он так просто сдался?

— А что ему еще делать? — пожав плечами, ответил Бриндл. — Он оказался один против всех, а для Уродца это очень плохо.

Невысокий толстяк Оплимар шел позади Рии, а близнецы Тренко и Криско — по обе стороны от нее. Отряд воинов вышел из лабиринта пещер, соединяющего Тайное Место с остальным миром.

Вход, через который они вышли вчера вечером в темноте, был невысоким и неприметным, похожим на обычную расселину в скале. Внутри начался лабиринт пещер, огромный, запутанный, с неожиданными обрывами и многочисленными тупиками, но Грондин уверенно провел их по нему, точно так же, как и вчера.

Уже наступил день, когда они вышли из пещерного лабиринта, оказавшись в густом подлеске, и пошли по тайной тропе. Выйдя из подлеска, тщательно замаскировали вход на тропу ветками, так, что никто не обнаружил бы его, даже если бы прошел от нее всего в паре шагов.

Вчера они думали, что их преследуют два воина, но убить пришлось четверых. Шли ли за ними другие? Не могли ли они, в свою очередь, сами устроить засаду?

Прав ли был дух отца Бриндла, когда сказал, что этих Иллимани — тысячи?

Солнце еще стояло высоко над головой, когда они подошли к тропе, идущей через лес, по склону горы. После вчерашнего боя погибших и раненых Уродцев отнесли в Тайное Место, но тела убитых Иллимани оставили там же, на опушке.

А теперь их там не было.

— Нехорошо это, — услышала Рия мыслеголос Бриндла.

— Если дойдет до схватки, будьте безжалостны, — напомнила она ему.

Бриндл скривился, но ничего не ответил.

Они вошли под деревья. Если тут и организована засада, они очень скоро об этом узнают. Но вместо скрытно подбирающихся к ним врагов они вдруг услышали крики и вопли, еле различимые, но ужасные и леденящие кровь. Грондин и Бриндл тут же остановились, так же поступили и остальные воины.

— Что-нибудь понимаешь? — спросила Рия.

— Не знаю, — ответил Бриндл, — но ощущение скверное. Должно быть, это Иллимани. Надо скорее уходить.

— Пошли, — согласилась Рия. Нет смысла вступать в бой, если этого можно избежать.

Уродцы пошли дальше, пробираясь между деревьями, мягко шагая по толстому, до лодыжек, слою опавшей сосновой хвои.

Крики становились все громче, и вскоре Рия разглядела в паре сотен шагов справа край большой лужайки, которую они пересекали вчера. Там что-то происходило, но, если она хотела добраться домой, надо было проигнорировать это.

Они спешно шли дальше, но у Рии возникло непреодолимое ощущение тревоги и интереса.

— Извини, Бриндл, — наконец сказала она. — Мне надо выяснить, что там происходит.

Рия поспешно побежала назад, быстро и бесшумно. Перед самым краем леса упала на землю и поползла вперед на животе.

На лужайке она увидела два десятка Иллимани, исполняющих странный танец, собравшись в круг, и что-то выкрикивающих на своем языке. На спинах у них висели уже знакомые Рии копьеметалки, но, кроме этого, на них ничего не было. Многие были вымазаны кровью и выглядели разъяренными и возбужденными. Все это производило впечатление невероятной дикости и жестокости.

Рия подползла чуть ближе. И увидела двух мужчин, привязанных к шестам, лицом друг к другу на расстоянии в десяток шагов, среди танцующей толпы. Один изо всех сил пытался освободиться, а второй, громко вопя, висел на веревках, с взрезанным животом, как потрошеная рыба. Громадного размера дикарь, ростом выше всех остальных, сунул руку в разверстый живот и с кровожадной ухмылкой что-то выкрикнул, а потом начал вытягивать наружу внутренности, заставляя привязанного вопить еще громче.

Рия подползла еще ближе и приподнялась на четвереньки, рискуя быть замеченной, но игнорировать ужасные подозрения она больше не могла.

Голос кричащего показался ей похожим на голос Рила.

Приглядевшись, она поняла, что была права. Ее дорогого и любимого брата Рила мучительно убивали у нее на глазах. А к другому шесту был привязан Хонд.

Не подымаясь, Рия подобралась поближе и сунула руку в мешочек, подаренный ей Мериной. Взяла два камня из молочного кварца, по одному в руку, и бегом ринулась к танцующим дикарям. Те были так увлечены пыткой, что не сразу заметили ее, но ей оставалась еще сотня шагов, слишком далеко для точного смертельного броска, когда палач с рукой, по плечо обагренной кровью Рила, выхватил длинный кремневый нож и обернулся к Хонду.

Времени для расчетов не было. Несясь вперед сломя голову, Рия замахнулась, чтобы сделать самый важный бросок в своей жизни.

Часть II

Глава 28

Студгородок Калифорнийского университета в Ирвайне представлял собой скопление современных малоэтажных зданий, концентрическими кругами расположившихся на холмистой местности вокруг Олдрич-Парка. На одном из внешних колец, рядом с Академическим проездом и переулком Медикал Плаза, находился медицинский факультет, самым заметным зданием которого был выстроенный в футуристическом стиле медико-биологический центр. В паре минут ходьбы на запад, у авеню Калифорния, находился исследовательский центр университета. Именно там, в белом двухэтажном прямоугольном здании, рядом с платной автомагистралью Сан-Хоакин Хиллз, проводились исследования с применением ДМТ.

Дэвид остался в «Шевроле», а Баннерман проводил Леони в ее комнату на верхнем этаже здания. В ней было одно небольшое окно с видом на зеленый газон парка, простая деревянная кровать, стол и стул из сосны, а также небольшой шкаф для одежды. Отдельной ванны и туалета не было, Леони предстояло пользоваться общими, расположенными дальше по коридору.

Кинув сумку с вещами, Леони пошла по коридору следом за Баннерманом, и они спустились по лестнице вниз, в вестибюль.

— Я представлю тебя двум моим коллегам, вместе с которыми я веду исследования. На самом деле они куда лучшие специалисты, чем я, поэтому, когда я уеду, работать с тобой будут они.

— Уедешь? — немного ошеломленно переспросила Леони.

Она думала, что Баннерман будет лично заниматься с нею в проекте, от начала и до конца.

— Да, боюсь, что так. Мне приходится разрываться между двумя работами, здесь и в медцентре университета в Лос-Анджелесе. Распорядок таков, что я работаю четыре дня в неделю там и три — здесь, но сейчас мне нужно срочно возвращаться в Эл-Эй, на самом деле я уже опаздываю. Вернусь в Ирвайн только в пятницу.

— А сегодня какой день недели?

— Вторник.

Леони призадумалась, пытаясь привести в порядок сумасшедшие события последних дней. В пятницу вечером она нюхнула кокаин, напилась водки, потрахалась с очередным богатым ничтожеством и была арестована дорожной полицией Калифорнии. Днем в субботу она наглоталась оксиконтина. Вечером того же дня, когда она вышла из тела и отправилась в мир Синего Ангела, Джон Баннерман сражался за ее жизнь в реанимации. Вечером в воскресенье в больницу пришли мама и папа. Утром в понедельник ее силой увезли в Маунтин Ридж. В понедельник вечером она пыталась сбежать, после чего ей вкатили ударную дозу кетамина, спровоцировавшую новый опыт выхода из тела и новую встречу с Синим Ангелом. Во вторник, с утра пораньше, Джон Баннерман примчался в психушку и освободил ее.

Действительно, сегодня вторник, еще даже день не наступил.

— Вторник… среда… четверг… пятница… значит, я тут буду три дня сидеть без дела, пока ты не вернешься?

— Не обязательно.

Леони поняла, что это одно из любимых слов Баннермана.

— В смысле, «не обязательно»? — передразнивая его, спросила она.

— Ну, например, ты можешь хоть сейчас отправиться к моим коллегам и пройти эксперимент под их руководством. Они отличные специалисты.

Говоря это, он повел ее в приемную, где сидел серьезный молодой мужчина, чисто выбритый, с короткой прической и очень тонкими губами. Рядом с ним расположилась крупная, рыхлая смуглая женщина лет сорока с чем-то, с изрядным носом и тремя темными волосинками на подбородке. Баннерман представил их. Женщину он назвал «доктор Шапиро», а мужчину — «доктор Монбьё».

Шапиро заговорила с ними грубовато и нервно, явно не обрадовавшись факту появления Леони.

— Джон рассказал нам о том, что ты недавно пережила клиническую смерть, — начала она, когда Леони села. — Мы согласились, не без принуждения с его стороны, принять тебя в нашу исследовательскую программу с ДМТ. Но у меня есть сомнения относительно пригодности твоей кандидатуры, и я обязана высказать свое мнение и внести его в протокол исследований.

— Конечно, — ответила Леони, не зная, что еще можно ответить в такой ситуации. — Говорите.

Шапиро наклонилась вперед, поставив локти на стол и сложив пальцы рук в треугольник.

— ДМТ — достаточно грубое средство, способное задействовать определенные участки мозга и структуры сознания, которые лучше было бы не трогать, поскольку это может вызвать неприятные и даже страшные переживания.

— И…

— Поэтому я хочу спросить тебя. Если ты пережила полноценную клиническую смерть, то задумывалась ли ты о риске снова попасть в ту реальность, в которой ты уже побывала?

— Риске? Каком риске? — удивленно поглядев на Баннермана, переспросила Леони.

Врач глядела на нее, не отрываясь.

— Некоторые люди — а, по словам Джона, ты из их числа — имеют сильную врожденную способность контактировать с «миром духов» и «духовными существами», чем бы это ни являлось на самом деле. Воздействие ДМТ усиливает способности человека проникать в эти реальности, будь они реальны или иллюзорны, нам это неизвестно. Человек становится уязвим. Некоторые начинают сомневаться в своей психической нормальности и способности и дальше жить нормальной жизнью.

— Но, говоря со всей откровенностью, — перебил ее Монбьё, — они *не становятся* сумасшедшими и *способны* и далее жить нормально.

— Ну, пока что — да, — скептически сказала Шапиро. — Но кто знает, что будет дальше? Чем дольше я работаю в этом проекте, тем сильнее я убеждаюсь, что ДМТ может нанести сильный вред психике…

— Звучит неутешительно, — заметила Леони.

— А мы и не стараемся утешать, — парировала Шапиро. — Я хочу, чтобы ты четко осознавала, что собираешься заняться очень серьезным делом… ДМТ не предназначен для «приходов», «кайфа» или «расколбаса», всего того, для чего принимают те наркотики, опыт общения с которыми у тебя уже есть.

— Слушайте, я прекрасно понимаю, что здесь дело серьезное, а не «расколбас», понятно?! — взорвалась Леони. — Понимаю, что есть некоторый риск, спасибо, что предупредили. Но есть нечто, что мне необходимо сделать, и я уже приняла решение. Думаю, ты прав, — добавила она, обращаясь к Баннерману. — Мне незачем ждать, пока ты вернешься, чтобы начать работать с ДМТ. Если ты сказал, что я готова, значит, я готова.

Баннерман проигнорировал ее браваду.

— Ты готова лишь в том случае, если ты сама чувствуешь, что готова, — сказал он.

— Тогда я думаю, что все в порядке. Давайте начинать.

В десять утра в четверг, с сердцем, бьющимся несколько чаще обычного, Леони пришла в лабораторию в подвале исследовательского здания.

Единственной ее обязанностью за прошедшие два дня было пройти утомительные медицинские проверки на предмет работоспособности дыхательной и кровеносной системы и печени. А еще сделать ЭКГ и сдать бесчисленные анализы крови и мочи. Кроме этого, она была предоставлена сама себе, но настолько боялась начинать общаться с другими, что почти постоянно сидела у себя в комнате, стараясь даже в туалет не ходить, если там в это время был кто-то другой. В столовой она общалась с остальными односложно и настороженно. Среди добровольцев был один парень, лет на восемь-десять старше ее, великовозрастный студент, слушатель курса в Беркли, одетый как хиппи, который пару раз пытался разговорить ее. У него был приятный голос и легкий акцент, сходный с британским. Но Леони игнорировала его попытки. Ей хотелось как можно дольше оставаться в своей полупустой комнате и покрывать листы бумаги рисунками картин, увиденных ею в «земле, где все становится известно». Два солнца на небе, странные зеленые цветы, Синий Ангел, коровы-жуки, птицедеревья и девушка с каштановыми волосами…

Кто эта девушка? Как она попала в мир Ангела? И почему Леони почувствовала такую сильную связь с ней? Будто пытаясь расшифровать тайное послание, она нарисовала с дюжину набросков портрета незнакомки, в деталях вспоминая симпатичное мальчишеское лицо, но так ничего и не поняла.

Может, ДМТ поможет ей попасть туда, где она найдет ответы хотя бы на часть вопросов?

Монбьё и Шапиро уже ждали ее в лаборатории. Они дали ей на подпись пачку документов, а потом повели по длинному коридору, вдоль ряда пластиковых стульев. Затем

они вошли в отгороженную шторой комнату, где находились больничная койка, стойки для капельниц, ящики с медикаментами и рукомойник. Улегшись на койку, Леони поглядела на потолок. Шапиро закатала ей рукав, протерла кожу стерилизующей салфеткой и ввела иглу капельницы в вену на предплечье.

— Фумарат ДМТ, — сказал Монбьё. — Начнем с минимальной дозы, 0,2 миллиграмма на килограмм веса тела. При такой дозировке некоторые люди вообще не чувствуют никаких эффектов, но это поможет тебе приспособиться к условиям эксперимента в целом и к большей дозе завтра.

Краем глаза Леони увидела, как Монбьё что-то вводит шприцем в катетер капельницы. Спустя секунд пятнадцать у нее в ушах громко зажужжало и защелкало, голова закружилась так, будто ее запустили в небо на бешено вращающейся карусели. Потом она почувствовала сильное давление в голове, такое, будто ее мозг вот-вот взорвется.

Глава 29

За считанные секунды комната для Леони перестала существовать — так, будто девушка взорвалась и рассыпалась на мелкие кусочки в результате своего стремительного взлета. Ее тело, доктора Шапиро и Монбьё, студгородок Калифорнийского университета в Ирвайне и вообще вся Северная Америка исчезли. Единственное, что существовало, — мощный вихрь, стремительно поднимающий ее все выше и выше.

Потом, хотя скорость подъема и не уменьшилась, вокруг возникла шевелящаяся масса невероятно ярких переплетенных цветных узоров, будто вокруг нее сплелись тысячи разноцветных змей, волнообразно извивающихся и покрытых светящимися точками. Это было грандиозно, захватывающе и пугающе одновременно. Извиваясь и сверкая исходящим изнутри светом, эти узоры проникали во все уголки ее сознания, требуя внимания и порождая в ней необъяснимое ощущение угрозы.

И тут… ХЛОП! Все произошло мгновенно. Секунду назад Леони была снаружи от этой ужасной цветосветовой стены, завороженная и перепуганная, а в следующую… БАХ! Она оказалась в стеклянном лабиринте геометрических узоров. Самым заметным элементом этого пространства была какая-то огромная цилиндрическая машина, подсвеченная сотнями мигающих в определенной последовательности зеленых и желтых светодиодов, как рождественская елка. Она выглядела отчасти металлической, отчасти — из органических тканей, а увенчивал всю конструкцию купол из двух полушарий, похожих на человеческий мозг. От него шла спиральная труба к другому устройству, повторяющему формами раструб патефона, украшенный десятком извивающихся щупалец, то ли проволочных, то ли живых. Нелепый, будто дешевый реквизит, попавший сюда из малобюджетного научно-фантастического фильма, прибор был вмонтирован посреди пола, и с ним возились пятеро бледнокожих гуманоидов ростом и телосложением с восьмилетнего ребенка. На них была цветастая одежда, красная, желтая и зеленая, но лица были морщинистые, как у гномов из старинных сказок.

Хотя Леони было и страшновато, и она совершенно потеряла ориентацию, но ей удалось к ним приблизиться. Прежний опыт нахождения вне тела помог ей быстрее освоиться с этой чуждой реальностью. Маленькие существа повернулись к ней.

«Они меня видят», — удивленно подумала Леони. Девушке казалось, что в бесплотном, тонком состоянии ее не сможет никто обнаружить.

— Конечно, мы тебя видим, — прозвучал ответ в ее мозгу.

«Они меня видят и владеют телепатией», — подумала Леони, и мысленно сформулировала вопрос:

— Кто вы такие?

— Операторы на пульте, — ответило одно из существ, снова мысленно, не произнося ни одного звука. Гном сделал жест в сторону машины. — Мы здесь, чтобы переправить тебя…

— Переправить к кому?

Гуманоиды переглянулись и начали жестикулировать, выражая изумление движениями крошечных рук и гримасами на сморщенных личиках.

— Не *к кому*, а *куда*, — ответил один из них. — Пожалуйста, скажи, куда ты хочешь отправиться.

— Чо? Типа, в Европу? Африку? Мексику? Вы что, типа туристического агентства?

Самый рослый из гномов шагнул к ней. В его руке Леони увидела длинный гибкий жезл из какого-то вещества, сверкающего, как ртуть.

— Ты впервые пользуешься этой технологией, — утвердительно заявил он.

— Понятия не имею, о чем ты.

— Технологией, при помощи которой ты сюда попала.

Он обвел рукой помещение. Леони огляделась. Первое впечатление оказалось верным. Стены были сделаны из прозрачного стекла или материала, его напоминающего, и стояли под странными, неестественными углами одна к другой, соединяясь вверху в виде прозрачного пирамидального купола. За ними, со всех сторон, и под прозрачным полом — что немало пугало ее — было… ничто. Кромешная тьма со всех сторон. Так, будто они оказались внутри светящейся скорлупы в бездонной черной яме.

Пытаясь понять, как тут все устроено и как она сюда попала, Леони представила образ своего тела, лежащего на койке в лаборатории в Ирвайне, с катетером в руке, доктором Монбьё, вводящим в катетер ДМТ из шприца. Но именно в этот момент самый рослый из гуманоидов вытянул руку и коснулся жезлом плеча бесплотного тела Леони.

Эффект оказался совершенно неожиданным. Тревога и ощущение потери ориентации исчезли, Леони мгновенно успокоилась, а мысли пришли в порядок и стали более четкими.

— Я знаю, куда мне надо, — ответила она.

И на отзвук даже не голоса, а ее мысли тут же откликнулась машина — жужжанием и щелчками. Существа бросились к своим пультам, а щупальца потянулись к бесплотному телу Леони и начали подтягивать ее к раструбу, похожему на граммофонный. Она не сопротивлялась.

Оказавшись рядом с раструбом, она поглядела внутрь. Он был… достаточно большой, чтобы проглотить ее.

Момент перехода Леони не почувствовала. Она просто оказалась внутри раструба, двигаясь с ошеломляющей скоростью. Его стены вращались так быстро, что были похожи на серую пелену. Леони ощутила, что куда-то падает…

БАХ! ЧВЯК!

Она снова очутилась в плотном теле, чувствуя его вес. Плюхнулась на задницу, оказавшись в мире двух солнц, посреди переливающихся зеленых цветов. В мире, где все становится известно.

Огляделась. Рядом не было ужасных птицедеревьев, пожирающих людей. И тут Леони услышала голос Синего Ангела:

— Я так рада, что ты нашла способ пользоваться этой технологией. Теперь мы действительно можем приняться за дело.

Леони очутилась на крутом склоне, заканчивающемся гребнем, а голос, казалось, звучал с другой стороны холма. Она принялась взбираться вверх. Дойдя до верхушки, Увидела Синего Ангела. Та сидела на склоне, в паре шагов от девушки. Она была одета в алую тунику

из необычного, совершенно неземного материала и глядела на видневшиеся вдали крыши домов огромного города, окруженного высокой округлой металлической стеной, посреди красивейшей зеленой долины. Это было странное, ни на что не похожее поселение. Стеклянные пирамиды и башни, висячие сады, обелиски из нефрита и зиккураты из хрусталя, каналы чистой воды, но ни единой живой души, никакого движения.

Леони не забыла про то, что Ангел обещала ей показать «Джека», загадочную причину всех ее страданий.

— В смысле, я всегда могу прийти к тебе при помощи ДМТ? — спросила она, спускаясь к Ангелу. — Это та технология, о которой ты рассказывала? Она позволяет сделать завесу между мирами тоньше?

— Да, молекулярная технология, древнее, чем звезды в небе. Эльфы-механики посеяли ее семена во многих мирах и привязали к гиперпространственным терминалам, которыми они и управляют.

— Я попала сюда через один из таких терминалов. И, судя по всему, познакомилась именно с эльфами-механиками.

— Они любят поиграться, поэтому многие отвлекаются на это и попадают не туда, куда им нужно… Много времени тратится впустую. Случаются недоразумения…

В руках Ангела появилось небольшое устройство, похожее на планшетный компьютер. Коснувшись экрана, она включила его. Потом указала на город, одновременно касаясь диска на компьютере.

— Так тебе нравится?

Леони ошеломленно глядела, как небо над городом начало менять цвет, в соответствии с вращением шарика. Из голубого превратилось в зеленое, потом — в желтое, а потом — в пурпурное. Затем снова в голубое, и все повторилось вновь. Эффект был просто завораживающий.

— Ага, очень здорово, — ответила Леони.

Но интуиция подсказывала, что смена цветов происходит лишь в ее разуме. Ничего страшного.

Затем Синий Ангел протянула руку и глубоко воткнула ей в левый висок длинную серебряную иглу, через которую ввела крошечный прозрачный кристалл. Это случилось настолько быстро и неожиданно, что Леони почувствовала себя обиженной и оскорбленной.

— Эй, зачем? — вскрикнула Леони. — Я же тебе доверяла!

— А я и не причинила тебе вреда. Просто сделала кое-что, настроила, чтобы в будущем тебе было проще попасть ко мне. Когда в следующий раз воспользуешься этой технологией, сразу попадешь туда, куда мне надо будет тебя отправить, не надо будет задерживаться у терминала.

— Настроила что? Ведь мое плотное тело там, в Ирвайне, на койке. Я толком не понимаю, что за тело — и что за мозг — у меня здесь… и что ты имеешь в виду, говоря о том, что *я* попаду туда, куда *тебе* будет нужно меня отправить?

— Разве ты не помнишь наш последний разговор, Леони? Я говорила, что у меня есть планы на твой счет. У меня заготовлено для тебя предназначение, и ты должна будешь его исполнить…

— Вот, опять. *Ты* собираешься отправлять *меня* туда, куда *тебе* нужно, чтобы исполнить предназначение, данное *тобой*. Но ты же ни слова не рассказала мне о сути этого предназначения, не спросила меня, хочу ли я во всем этом участвовать… Или ты не нуждаешься в моем согласии? Просто можешь делать все, что пожелаешь, только потому, что ты ангел?.. — Леони задумалась. — Ведь ты *и есть* ангел, так?

— Боги, ангелы, духи, демоны — как только нас ни называют…

— А что, есть еще кто-то, кроме тебя?

— Их легион. Но об этом мы поговорим в другой раз. Сейчас у меня для тебя есть дело.

Леони снова почувствовала себя обиженной.

— Ты так и не спросила, согласна ли я на это… дело.

— Мне незачем спрашивать у тебя согласия.

— Ха! — сама удивляясь собственной наглости, воскликнула Леони. — Вот уж точно, блин!

Ангел улыбнулась.

— Ты неправильно поняла меня. Я не нарушаю твоей свободы воли. Истина в том, что я *избрала* тебя для этого дела, и сделала это без твоего ведома. Однако сущность задачи такова, что бесполезно будет направлять тебя решать ее, если ты сама чистосердечно не согласишься на это.

Леони попыталась понять смысл последней фразы.

— Значит, ты не собираешься ни к чему меня принуждать?

— Я не смогла бы этого сделать, даже если бы и пожелала. Я избрала тебя для выполнения этого дела, но если ты откажешься, мне придется выбрать другого.

— А почему ты выбрала меня? — спросила Леони.

— Ты человек, ты женщина, ты живешь в XXI столетии. Это были главные требования.

— Эй, тебе не кажется, что у нас на Земле полмира — женщины, а? Около четырех миллиардов. Чем же я такая особенная?

— Тебя бросили, когда ты родилась. Ты провела первые пять лет в приюте…

— Никому не нужная…

— Но тебя, наконец, удочерили…

— И я начала надеяться. Так хотелось, чтобы у меня были папа и мама, особенно когда я видела, как других детей отдают в другие семьи. Было так больно. Когда мне исполнилось пять, мечта исполнилась. Три года я жила как в раю. А потом оказалось, что мои приемные родители родом из ада.

— Красочная метафора. И это главная причина, по которой я тебя выбрала. Весь план твоего удочерения был частью жертвоприношения Джеку, а Джек — мой враг.

— Жертвоприношения? — ошеломленно переспросила Леони. — Не поняла.

— Каждое мгновение твоей жизни после удочерения было частью плана по жертвоприношению Джеку. Он наслаждается процессом разрушения судеб людей и надругательством над невинными. Издевательства твоих родителей над тобой были даром ему.

— Но зачем? Зачем они это сделали?

— Он требует такой жертвы ото всех своих почитателей. От некоторых требует убить ребенка с максимальной жестокостью, каким-нибудь наиболее гадким способом. От других — сначала причинять ужасные мучения, физические и моральные, иногда — в течение нескольких лет. Именно это случилось с тобой.

— Значит, мои родители поклоняются Джеку?

— Да. Таких много, они повсюду. Злые люди, увидевшие его во снах; добрые, которых ему удалось развратить или подкупить. Формируется тайный культ зла, в котором люди поклоняются ему, как божеству. Их уже тысячи. Они обретают власть и богатство, и каждый из них принес в жертву Джеку ребенка — так же, как тебя.

Это звучало одновременно логично и совершенно абсурдно.

— Но я даже не знаю, кто такой этот Джек, — сказала Леони.

— Ты *действительно* хочешь знать? — спросила Ангел.

— Конечно, хочу!

В руке Ангела, скрытой алым одеянием, все так же был небольшой компьютер с откидным экраном и пультом. Она начала вращать другой диск. Небо начало менять цвет и наполнилось узорами, как в калейдоскопе.

— Гляди на экран, и я покажу тебе Джека, — сказала она.

Леони подчинилась. Узоры на экране превратились в кружащийся и ревущий водоворот. Она почувствовала, как ее сознание затягивает внутри, и она снова очутилась в тоннеле. «Как Алиса, упавшая в кроличью нору», — подумала Леони.

БУБУХ! Она оказалась в другом месте, вполне похожем на Землю. На небе одно солнце. Неподалеку стояла огромная толпа светлокожих людей, обнаженных, с грубыми лицами, вооруженных топорно сделанным, но устрашающе выглядящим оружием, деревянным, костяным и каменным.

Сначала Леони испугалась того, что они ее увидят, как это удалось эльфам-механикам, но вскоре поняла, что эти ужасные нудисты ее не замечают, точно так же, как и ее родители, когда она была рядом с ними, находясь вне физического тела.

Успокоившись, Леони направилась в гущу толпы, чтобы поподробнее разглядеть этих странных дикарей. Большинство оказались светлокожими, со спутанными светлыми волосами до плеч, пронзительно голубыми глазами и остро заточенными зубами. Все они были мускулистыми и подтянутыми, как профессиональные борцы, а тела их покрывали многочисленные шрамы. У каждого на спине висел колчан с тремя короткими копьями и странной деревянной дубинкой, длиной чуть больше полуметра, с роговой рукоятью на одном конце и чем-то вроде крюка или шпоры на другом.

Что это за люди? Какие-то белокожие приверженцы культа выживания, родом из ада? У многих в носы были продеты кости, а на шеях висели ожерелья из чего-то, подозрительно напоминающего человеческие зубы. Такое нечасто увидишь, даже если живешь в Лос-Анджелесе. Лица у них были безумные, их голубые глаза сверкали, взгляды были устремлены кверху. Леони почувствовала исходящую от них огромную, ужасающую силу.

Она осознала, что оказалась посреди огромной, *в тысячи человек*, толпы, строго выстроенной концентрическими кругами вокруг невысокого холма. Все они не отводили взгляда от невысокого, метра два, навеса, перекрытого узкими деревянными досками, расположенного на вершине холма. Затем все внезапно закричали, оглушительно, гортанно, так, что у Леони от страха узлом завязались бы кишки, будь она здесь по-настоящему. Рядом с навесом появился молодой мужчина, который простер к ним руки, отвечая на их приветствия.

Что же это за человек, командующий парадом такой ужасающей армии?

Пользуясь невидимостью, Леони направилась к вершине холма, чтобы это выяснить.

Глава 30

Посреди большой поляны, в десяти шагах друг от друга, один против другого, были крепко привязаны к шестам Хонд и Рил. Последний уже умолк и обмяк, его внутренности окровавленными узлами свисали из живота, а дикарь, вскрывший его живот, уже направился к Хонду, держа в руке длинный кремневый нож.

Рия бросила камень, почувствовав, как сквозь ее руку прошел молниеносный импульс. Один из пяти кварцевых метательных камней, данных ей Мериной, полетел в цель.

Яйцевидный кусок кварца был идеально отполирован и сбалансирован, но бросок все равно был рискованный, поскольку обнаженные дикари продолжали свой бешеный танец вокруг жертв и палача. Между ними было по два-три шага, и Рии надо было, чтобы

брошенный камень пролетел между ними и попал в движущуюся цель с расстояния едва ли не в сотню шагов.

Танцующие снова загородили ей цель, но она услышала звонкий двойной удар, такой, будто каменный топор вонзился в ствол дерева. Камень ударил палача по обнаженной лодыжке. Не дойдя до Хонда шагов пять, он упал ничком. Рия с удовлетворением отметила, что, падая, он проткнул себе левую руку кремневым ножом, который держал в правой. Но даже не вскрикнул и в следующее мгновение мощным движением вскочил на ноги и посмотрел на Рию таким взглядом, как будто пытался ударить ее на расстоянии.

Это был крепкий мужчина; наверное, даже крупнее самых здоровых из Уродцев. Его тело было покрыто узлами мощных мышц, между его бедер висели огромный член и заросшие волосами яички.

Но Рия не испугалась.

Она продолжала стремглав нестись к нему. Восемьдесят шагов, семьдесят, шестьдесят. Все, что она чувствовала, это гнев и раскаяние.

Да, именно раскаяние.

Теперь она четко осознала, что все ужасные события, произошедшие вокруг нее, произошли по ее вине. Очевидно, братья отправились на поиски, когда вчера вечером она не вернулась в стойбище. Они были отличными следопытами и без труда проследили ее путь по лесу.

Единственное, чего они не знали, так это того, что на их пути окажется отряд безжалостных убийц, которые только что нашли тела своих четверых разведчиков и единственным желанием которых было отомстить.

А теперь бедняга Рил был мертв.

Когда Рие осталось до цели шагов пятьдесят, все танцующие, как по команде, остановились и одновременно уставились на нее.

Рие ничего не оставалось, как последовать их примеру. Преимущества внезапного нападения у нее уже не было, так что теперь лучше бросать остальные камни стоя, а не на бегу.

Палач поднял раненую руку и с усилием вытащил из нее лезвие ножа. Хлынула струя крови, раздался хорошо различимый скрежет кремневого ножа по кости. Выпрямившись и не выказывая ни малейшей слабости, он с еще большей злостью поглядел на девушку. Она разглядела его глаза, странного ярко-голубого цвета, совершенно не подходившие к его бледной коже.

Откинув голову назад, он потряс спутанными волосами и расхохотался. Спустя мгновение к нему присоединились остальные два десятка дикарей, широко открыв рты и обнажив заточенные зубы. У всех оказались точно такие же безумные голубые глаза, а звук их смеха больше походил на перепалку стаи пещерных гиен, спорящих из-за гниющего трупа.

Максимально сосредоточившись и собравшись с силами, Рия сделала следующий бросок. Судя по удивлению, появившемуся на лице врага, тот такого не ожидал. Тем более — от броска левой рукой. Камень ударил ему в голову, прямо позади виска. Хриплый смех смолк, палач закатил глаза, покачнулся и рухнул на колени, а потом ничком в траву.

И тут над головой Рии засвистели копья, каждое размером с небольшое деревце. Они вонзались в обнаженные тела Иллимани, а следом за копьями Рия увидела, как толпа Уродцев, все пятьдесят воинов, отправившиеся вместе с ней из Тайного Места, с ревом ринулись на врага, потрясая грубыми каменными топорами и деревянными дубинами.

Началось побоище. Иллимани неожиданно оказались перед лицом врага, превосходящего их в численности более чем вдвое. Они падали один за другим, их сбивали с ног и расшвыривали в стороны. Но никто не побежал. Сгрудившись вместе, как волчья стая,

они принялись отбиваться. На короткое время Рия выпала из их поля зрения. А она тем временем подбежала к поверженному ею гиганту и села на него сверху.

Он был сильно оглушен, но в сознании.

Наклонившись, Рия выдернула из его руки кремневый нож, перекатила его на спину и одним движением отрезала член и яички. Заорав от боли и ужаса, истекая кровью, тот попытался встать, но Рия вонзила ему нож в живот и вспорола его, от паха до грудины, а потом заткнула ему рот его отрезанным членом.

— Это за Рила! — заорала она.

Потом побежала к Хонду и принялась резать веревки, которыми он был привязан к крепкому деревянному шесту. Тело пленника покрывали следы пыток.

— Биться можешь, брат? — спросила она.

Увернувшись от копья, которым попытался ткнуть его один из Иллимани, вырвавшийся из гущи схватки и ринувшийся к ним, Хонд перехватил его, вырвал из рук владельца, крутанул и уверенным движением вонзил противнику прямо в глазницу.

— Могу, — бросил он.

Ухватив покрепче рукоять кремневого ножа, Рия встала спиной к спине с братом. На них ринулись еще трое воинов Иллимани.

Глава 31

Вершина холма была срыта, образовав плоскую платформу шириной метров десять, и происходящее там оказалось куда красочнее, чем это можно было разглядеть от подножия холма.

Самым впечатляющим был вид молодого мужчины, простершего руки и принимающего поклонение от собравшихся вокруг вооруженных мужчин. Он был прекрасен, не просто красив, а именно *прекрасен*, в его чертах невероятным образом сочетались мужественность и женственная мягкость, загадочность и соблазнительность, мечтательность и восторженность. При всем этом он выглядел устрашающе и мужественно.

Леони слишком много времени тратила на секс и наркотики, чтобы просиживать на занятиях в художественной школе, и бросила ходить туда, не проучившись и семестра, но вкус к живописи у нее был. Сейчас она вспомнила свою любимую картину, «Рождение Венеры» Боттичелли. Стоящий на вершине холма парень внешностью сошел бы за родного брата богини. У него было подтянутое, тренированное тело, покрытое буграми мощных мышц, будто вылепленных скульптором. А еще у него были точно такие же огненно-рыжие волосы, ниспадающие ниже пояса, чувственные черты лица, белоснежная кожа и изогнутые, как лук Амура, губы. Огромные, сверкающие глаза, но не мягкие и задумчивые, как у Венеры, и не ярко-голубые, как у воинов армии, восхищенным ревом приветствующей его. Они были странного зеленовато-янтарного цвета, наподобие коричнево-желтых глаз африканских львов, а из угольно-черных зрачков исходило странное сияние, почти лиловое.

И возраст его было не угадать. Двадцать? Двадцать пять? Может, под тридцать? Он был окружен невидимым ореолом уверенности и опыта, совершенно не вяжущимся с такой молодостью. Вот как выглядят бессмертные, подумала Леони. Небожители.

Действительно, собравшиеся вокруг холма дикари глядели на него *именно так*, будто поклоняются богу. Хотя Леони и не могла разобрать ни слова из их рева, два слога она расслышала, повторяемые снова и снова в экстазе поклонения.

Суль… Па!

Суль… Па!

Суль… Па!

Видимо, это было его имя. А еще она расслышала другие звуки: еле слышный плач и тоненький визг, доносящийся из-за навеса, перед которым стоял Сульпа. Поднявшись вверх, Леони увидела, что вверх по склону холма ведут нескольких детей, подгоняя их остриями копий. Трое мальчиков и три девочки, не старше двенадцати лет, а некоторым лет по семь, не больше. Они были покрыты грязью и кровью, порезами и синяками, и тоже обнажены, как и конвоиры, которые пинками и ударами подгоняли их, когда дети спотыкались.

Ужасная процессия остановилась у края навеса. Затем конвоиры подняли с земли лестницы и заставили детей взобраться наверх, на площадку из узких деревянных досок. Там их, дрожащих и плачущих от страха, заставили лечь лицами вниз и одного за другим крепко привязали к деревяшкам за лодыжки и запястья. Последний из мальчишек, более крупный, чем остальные, попытался сопротивляться, извиваясь, кусаясь и размахивая кулаками. Ему удалось пнуть одного из конвоиров пяткой в лицо, и тот упал с навеса, но остальные обрушили на мальчишку такой град ударов, что, судя по всему, сломали ему нос и челюсть.

Леони очень хотелось защитить этих бедных детишек, лежащих лицами вниз на деревяшках, избитых и плачущих. Она пролетела вокруг, пытаясь понять, как же это можно сделать, но невидимое бесплотное тело не позволяло ей ничего предпринять.

Затем снова послышался рев толпы, и она увидела, как Сульпа поднял над головой меч. Тот был черный, от рукоятки до острия, с узким листовидным лезвием, тускло отблескивающим, как закопченное стекло.

Повернувшись, Сульпа глянул на четырех конвоиров, стоящих позади него, по обе стороны от навеса, и его взгляд остановился на упавшем с крыши. Он сказал ему что-то гортанным голосом, на непонятном Леони языке. Конвоир послушно шагнул вперед и встал на колени.

На лице Сульпы появилась мягкая, почти добрая улыбка. Он положил руку на голову конвоиру, взъерошил его спутанные волосы, с сожалением провел пальцем по щеке и подал руку, позволяя встать. Но в следующее мгновение, не изменив выражения лица, схватил меч за рукоять обеими руками и молниеносно крутанул его восьмеркой, отрубив конвоиру обе руки по самые плечи. Кровь брызнула во все стороны, а отрубленные руки с тупым стуком упали на землю.

Толпа восхищенно взревела, а Сульпа отошел на шаг назад и посмотрел на результат своего удара, не скрывая наслаждения, получаемого от страшной агонии жертвы. На его прекрасном лице промелькнула довольная улыбка, и он снова взмахнул мечом, одним ударом перерубив воину левую ногу. Тот рухнул на землю, корчась и визжа, и в этот момент следующий удар меча отсек палачу правую ногу.

Крепкое и тренированное тело Сульпы было залито кровью с головы до ног; он был похож на демона, выбравшегося из ада. Перешагнув через корчащегося изуродованного воина, он пошел к навесу, держа в руке меч, окропленный кровью.

Лежащие на навесе шестеро детей завопили от ужаса.

Крыша навеса была невысокой, меньше чем в полуметре над головой Сульпы. Встав под детьми, предназначенными для жертвоприношения — а в этом Леони уже не сомневалась, — он сделал резкий рывок вверх. Пройдя в щель между двумя досками, меч вонзился в грудь девочке с такой силой, что прошел насквозь и вышел между ее лопаток еще на фут. Девочка лишь тонко вскрикнула. Крутанув рукоять меча на полоборота, Сульпа вырезал ее сердце и выдернул меч. На него хлынул поток ярко-красной крови.

— Суль… Па! — заорали поклоняющиеся одновременно, так, будто эти звуки вырывались из одной гигантской глотки.

Суль… Па!

Суль… Па!

Суль… Па!

Леони, невидимый свидетель всего этого ужаса, чувствовала себя так, будто оказалась среди ночного кошмара, из которого нет выхода. Сульпа стоял посреди лужи человеческой крови, которая становилась все больше. Струи крови лились из раны пульсирующим потоком, омывая его лицо, попадая в открытый рот. Он специально запрокинул голову, чтобы было удобнее пить льющуюся кровь. В считанные секунды его тело стало алым, длинные волосы пропитались кровью, коричнево-желтые глаза зажглись, глядя через алую жидкость на беснующихся внизу людей.

Сульпа забегал взад-вперед по помосту, и каждый раз, оказавшись под помостом, делал очередной смертельный рывок мечом, разрубая на куски остальных жертв этой вакханалии. Их кровь потоками полилась вниз, а Сульпа скакал, купаясь в этих потоках, пока не стал алым.

Алым с головы до ног.

Будто состоящим из крови.

Внезапно он рухнул на землю, в глубокую лужу крови, с широко открытым ртом и, казалось, потерял сознание.

Леони метнулась к небу, глядя на адское зрелище. Ревущая армия вокруг холма, облитый кровью навес, изрубленные тела детей…

Суль… Па!

Суль… Па!

Суль… Па!

Синий Ангел сказала, что покажет ей Джека.

Значит, Сульпа и есть Джек?

Задумавшись об этом, Леони огляделась вокруг и неожиданно осознала, что окружена бесплотными телами.

Из изрубленных тел, лежавших внизу на навесе, поднялись шесть детских душ. Они были прозрачны, как и Леони, сохранили детскую непосредственность и сейчас, хотя и выглядели неуверенными и испуганными, начали пробовать летать, как бабочки, впервые отправившиеся в полет. Судя по всему, их охватила точно такая же эйфория, которую почувствовала Леони, впервые очутившись вне тела.

Конвоиру, зарубленному Сульпой, тоже удалось совершить переход. Но вместо того, чтобы взлететь к небу, он неподвижно завис над своими изувеченными останками, пытаясь подтащить к телу отрубленные конечности, так и не поняв, что в бесплотном состоянии это было невозможно сделать. Ничто другое его, похоже, не интересовало.

Леони беспокоили только дети. Они покинули тела, как и она, но, в отличие от нее, обратной дороги у них не было. Прежде, чем ей придется вернуться назад — а она чувствовала, что это случится очень скоро, — Леони хотела хоть как-то помочь детским душам. В конце концов, она уже имела подобный опыт. Может, ей удастся что-то им объяснить.

Дети пока не заметили ее, и она уже направилась к ним, чтобы попытаться дружелюбно поговорить с ними. И тут случилось кое-что еще.

В этот момент дух Сульпы тоже покинул тело.

Глава 32

С того момента, как Рия оскопила воина-гиганта, она почувствовала, что острый кремневый нож в ее руке начал жить собственной жизнью, будто некое гибельное сверхъестественное существо, одержимое жаждой крови. Сжав гладкую рукоять из кости мамонта, охваченная жаждой мести, девушка встала спина к спине с братом Хондом.

Двое из троих воинов, ринувшихся на них, были вооружены копьями и набросились на Хонда, принявшегося отбивать один за другим тяжелые удары врагов. Они кружились, пытаясь занять более выгодную позицию для атаки, а Рия схватилась с третьим нападавшим. Крепкий, мокрый от пота молодой Иллимани оказался вертким, как угорь, и быстрым, несмотря на свое крепкое телосложение. Он бормотал какие-то странные слова, обрушивая на Рию страшные удары тяжелой деревянной дубины, навершие которой было украшено острыми шипами из обсидиана.

Прорваться через его быстрые и сильные взмахи было тяжело. Рия уклонялась и пригибалась, пыталась увернуться от особенно сильных ударов. Единственное, что ей удавалось, — это наносить мелкие раздражающие тычки и сделать пару болезненных порезов. В конце концов противник совершенно обезумел и ринулся на нее, оскалив зубы. С его губ клочьями падала пена. Воин с силой обрушил дубину сверху вниз, но Рия молниеносно нырнула вперед, оказавшись у него под ногами, и резанула по внутренней поверхности бедра, вскрыв артерию. Враг споткнулся, из раны хлынула кровь, а Рия поднялась позади него и с силой вонзила острие ножа ему в спину. Воин рухнул.

Краем глаза она заметила, что Хонд вынужден отступать под напором двоих копейщиков Иллимани. И тут как из-под земли появился Грондин. Два удара огромным каменным топором на длинном топорище — и оба врага рухнули там, где стояли.

Хонд мгновенно развернулся, собираясь биться с Грондином, но Рия ринулась наперерез.

— Поверь, это наши друзья! — закричала она брату. — Объясню потом… если останемся живы.

Основной бой развернулся в стороне от них. Рия перевела дух и огляделась.

На первый взгляд, численное превосходство Уродцев — пятьдесят против двадцати Иллимани — должно было неминуемо привести первых к победе. Сейчас на ногах осталось не больше восьми Иллимани, но они были опытными и безжалостными воинами, а Рия знала, что не многие из Уродцев смогут побороть отвращение к убийству. Возможно, некоторые, такие, как Грондин, отчасти смогли избавиться от этого предубеждения, уже повоевав с воинами Клана. Но другие воины Бриндла этого сделать не смогли и заплатили за это своими жизнями.

Один из Иллимани, опытный, сильный воин, оказался в окружении. Но вместо того, чтобы тут же проткнуть его копьями, Уродцы замешкались, когда он рухнул на колени, сдаваясь. Рия уже выхватила камень из заветного мешочка, но не успела. Иллимани схватил с земли томагавк, вскочил на ноги и вырвался из окружения, в считанные мгновения убив троих.

— Погоди же! — заорала Рия. Вырвавшийся из окружения воин рванулся к опушке леса, где сбились в кучу остальные Иллимани. Она уже прицеливалась, когда Тренко и Криско, добродушные двойняшки с крупными, как у оленя, зубами, попытались преградить путь вражескому воину.

В мгновение ока Криско погиб — томагавк до половины разрубил ему голову, — а Тренко спасло чудо; он смог увернуться, но получил тяжелое ранение в грудь. Наступила очередь третьего камня, подаренного ей утром колдуньей Мериной. Маленький тяжелый кварцевый снаряд беззвучно пронзил воздух и с тупым стуком вонзился в затылок воину-Иллимани. Враг упал на землю.

Не было времени думать о Тренко, останется он в живых или нет. И не было времени оплакивать бедного Рила. Все это будет потом. Сейчас главной целью Рии было не выпустить с поля боя ни одного живого Иллимани.

Благодаря жесткой дисциплине и боевому опыту оставшиеся шесть воинов-Иллимани смогли пробиться друг к другу. Если бы Рия не убила одного, их было бы семь. Иллимани

встали плотным строем в виде клина, ощетинившись копьями и ножами. Во главе — огромный лысый воин, с громадным, какого Рия в жизни не видела, топором в руках. Двое Уродцев попытались встать на его пути. ЧВАК! ЧВАК! Он тут же зарубил их. Место убитых заняли еще двое. ЧВАК! ЧВАК!

— Эй, Грондин! — обратилась Рия к опытному воину, используя мыслеголос. — Пусть парни отойдут на пару шагов и выставят копья, живо!

После этих слов Рия выхватила четвертый камень и бросила его в вожака воинов-Иллимани. Камень врезался тому промеж глаз, здоровяк рухнул навзничь, и тут же вперед выскочил Бриндл, обрушив на врага град ударов.

— Именно так, Бриндл! — в голос заорала Рия. — Никакой пощады! Убивайте их всех!

Она хотела его подбодрить, ведь инстинкт бойца был ему сейчас особенно нужен. Но вместо этого Бриндл печально посмотрел на нее.

— Старому порядку пришел конец, — раздался в голове Рии мыслеголос Бриндла. — Нам пришлось стать убийцами.

Клин Иллимани осыпал град копий Уродцев, и воины начали падать один за другим. Казалось, никому из них не выжить. Но тут один из них, потерявший оружие в схватке, внезапно бросился бежать. Он был молодой, поджарый и быстроногий, с покрытым шрамами телом и, как ни странно, темноволосый, но с такими же голубыми глазами, как и остальные Иллимани. Увернувшись от неуверенных попыток Уродцев поймать его, он ринулся в лес.

— Отпустите его! — раздалась мысленная команда Бриндла. — Хватит на сегодня убийств!

Но Рия никого не собиралась отпускать, и не только из-за желания отомстить за смерть брата. Она понимала, что, если поблизости есть более крупная группа воинов, нельзя допустить, чтобы беглец смог предупредить их.

И Рия со всех ног помчалась в лес.

Глава 33

Одновременно случились сразу три вещи.

Во-первых, изменился Сульпа. Его человеческое тело лежало в луже крови, а бесплотная форма, выйдя изо рта, как клубящаяся струя дыма, начала разворачиваться, поблескивая огненными вспышками. Червь превратился в спираль, извивающуюся, как разлившаяся река, а спираль — в фигуру человека с головой крокодила, огромных размеров, метров шесть высотой. Фигура нависла над местом жертвоприношения. Судя по тому, что трое оставшихся там конвоиров никак на нее не реагировали, Леони поняла, что чудовище никто не видит, точно так же, как и ее саму. Привыкнув к своей невидимости, как к гарантии безопасности, она уже расслабилась, но теперь вышедший из тела Сульпа заставил ее собраться с мыслями.

Сможет ли он ее увидеть?

Конечно, сможет. Точно так же, как и она его видит. Он не заметил ее только потому, что она находилась в стороне от него, как птица в небе, сверху и позади.

А может ли он причинить ей вред?

Леони осознала, что ответ точно такой же. В любом мире, в любой форме, во все времена Сульпа может причинить ей вред и обязательно сделает это. Надо улетать, подальше и побыстрее, не теряя ни секунды.

Но Леони осознала и другое, более сложное чувство. Странное чувство сострадания и… *ответственности*. Ощущение, что от нее почему-то *требуется* помочь душам убитых детей перейти на новый этап их существования. Она была обязана это сделать. И задумалась. Чудовище было целиком занято наблюдением за детьми, летающими в воздухе и не замечающими ничего вокруг. Они были так поглощены новыми ощущениями, так

воодушевлены неожиданной свободой, что не понимали, что демон последует за ними и после смерти. Очевидно, принесение в жертву тел было лишь частью ритуала, и Сульпа желал большего. По какой-то странной и необъяснимой причине этот жадный ублюдок желал еще раз убить их — теперь и их бесплотные души.

Одновременно со всем этим в небе возник ослепительно сверкающий световой круг. Леони сразу же поняла, что это нечто вроде того вращающегося тоннеля, через который она летела, находясь между жизнью и смертью. Прозрачные тела детей начало затягивать внутрь. Сульпа тоже увидел тоннель и полетел наперерез.

И тут Леони почувствовала, что теряет связь со странным миром, в котором она оказалась. Все вокруг начало меркнуть, и она почувствовала, что ее засасывает обратно в земное тело. Внезапно все перед глазами — и тоннель, и Сульпа, и бесплотные тела детей — исчезло так, будто кто-то выключил телевизор.

Мгновение Леони пребывала в кромешной тьме. ЩЕЛК! Спустя пару кадров она вернулась в мир ужасов. Сульпа засунул бесплотное тело одного из детей себе в пасть и проглотил. Другие испуганно висели перед ним, безропотно ожидая своей очереди.

Леони взбесилась и камнем ринулась вниз.

Не раздумывая, она врезалась в Сульпу, казалось, на скорости в сто миль в час. Это оказалось совершенно иным в сравнении с ее прежними бесплодными попытками воздействовать на физическую реальность. Она не прошла сквозь него. Леони рассчитывала просто отвлечь его на мгновение, но вместо этого с силой врезалась в Сульпу. Она не была к этому готова, это потрясло ее, и Леони отлетела в сторону, оглушенная, крутясь и кувыркаясь в воздухе. Но чудовище тоже почувствовало удар. В этот момент Сульпа тащил в рот второго ребенка, и вдруг выронил его и пошатнулся. Магическая сила, при помощи которой он удерживал рядом оставшихся четверых детей, тоже исчезла на мгновение, и они ринулись к светящемуся тоннелю, как мошки на свет лампы.

Сульпа мгновенно бросился вслед за ними, и Леони снова помешала ему, полетев вперед и преградив ему путь. Он успел схватить за горло второго ребенка, но трое остальных уже оказались в горловине тоннеля. Пару минут их еще было видно, Леони заметила странные выражения на их лицах, но вскоре детские души погрузились в тоннель и исчезли.

Леони осталась совершенно одна напротив шестиметрового человека с головой крокодила. Засовывая тело девочки головой вперед себе в пасть, он хитро поглядел на Леони и проглотил вторую жертву. Затем все вокруг взорвалось искрами и водопадами разноцветных огней. Леони поняла, что действие ДМТ, с помощью которого она сюда попала, заканчивается.

— Ты Джек, — сказала она Сульпе сквозь завесу искр. Не произнесла вслух, но четко сформулировала свою догадку.

— И что, если так? — подобно ножу для колки льда вонзился ей в мозг его ответ.

— ТЫ ДЖЕК, СУКИН ТЫ СЫН! — заорала Леони, устремляясь в небо. На мгновение ей показалось, что у нее настолько хорошо получается летать, что она сможет ускользнуть от любого. Но, обернувшись, увидела прямо позади себя Сульпу.

Во второй раз все вокруг померкло, и девушка почувствовала, как летит сквозь кромешную тьму. И тут на ее горле сомкнулись мощные руки, едва не оторвав голову. Демону удалось поймать ее на лету. Снова все вокруг замигало, как экран неисправного телевизора. Снова вспыхнул свет, и она увидела, что очутилась в странной реальности, промеж миров, в которой не было ни земли, ни неба, а Сульпа тащил ее себе в пасть, усеянную зубами, похожими на огромные стальные пилы.

От его прекрасной земной внешности в этом облике остались лишь желто-коричневые, хищно глядящие на нее глаза.

Глава 34

Лес был залит мягким светом солнечных лучей, проникавших сквозь зеленые кроны сосен. Рия продиралась сквозь густой подлесок из папоротника и терна, преследуя сбежавшего воина-Иллимани. Тот был шагах в тридцати, не дальше. Он бежал вперед, перепрыгивая через преграды, пригибаясь под ветками и продираясь сквозь заросли шиповника, раздирая в кровь об острые шипы светлую кожу. Рия дважды замахивалась, чтобы метнуть камень, но каждый раз он делал рывок в сторону, сбивая ей прицел.

И вдруг исчез.

Не было слышно треска и хруста веток, он… пропал.

По инерции Рия выбежала на небольшую поляну, размером шагов в двадцать, и остановилась. Вышла на середину и тут же резко развернулась, услышав, как затаившийся Иллимани вскочил и ринулся на нее. Он несся изо всех сил, в глазах его горело желание убивать. Рия вскинула руку с камнем в сторону и сделала короткий резкий бросок. Кварцевое яйцо полетело к цели, сверкая в лучах солнца, и с глухим стуком ударило Иллимани прямо в лоб. Он остановился, шатаясь, яростно поглядел на нее, пытаясь устоять после удара, но через мгновение упал ничком.

Рия мгновенно подскочила к нему и села поверх его худощавого обнаженного тела. Крепко схватила его левой рукой за густые темные волосы и запрокинула ему голову. В правой руке она держала кремневый нож длиной с ее предплечье, тускло поблескивающий на солнце. Наклонившись, приложила лезвие к горлу воина и слегка резанула. Пальцами чувствовала жесткость его длинных волос, слышала хриплое дыхание, ощущала скверный запах, исходящий от его тела. Веки врага задрожали, он приходил в себя.

— НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО! — наполнил ее голову мыслеголос Бриндла. — РИЯ, НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО! Хватит убивать, пожалуйста, умоляю.

Оглядевшись, Рия увидела, как ее друг выбежал из-за деревьев. Позади него бежал Оплимар, невысокий рыжебородый толстый Уродец, а следом — Грондин и Хонд.

Рия остановила свою руку, но ощутила, как в ней закипает ярость. Ее любимый брат Рил мертвее мертвого, какого хрена Бриндл лезет со своим долбаным милосердием? Какое право имеет жить и дышать хотя бы один из этих Иллимани?

— Такое, что он человек, как ты, как я, — ответил Бриндл. — Бой окончен. Все остальные мертвы, и нет нужды убивать его.

Продолжая крепко держать пленника за волосы, Рия перевернула его на спину и высоко занесла руку с ножом. У того задрожали веки, и он открыл голубые глаза и непонимающе смотрел на нее, видимо, с трудом осознавая, что происходит. Но, заметив занесенный над ним нож, с бесстрашным смирением взглянул на Рию.

— За Рила! — завопила девушка, нанося удар ножом.

Но нож так и не достиг цели. Мощная рука Бриндла перехватила руку Рии за запястье, и ее другу удалось выхватить у нее нож. Грондин и Оплимар перевернули пленника лицом вниз, прижимая к земле, и связали ему руки за спиной.

Бой закончился, пришел черед разъяснений. Рия поняла, что у нее нет сил посмотреть в глаза Хонду. Вскочив, она выбежала с поляны и понеслась сквозь лес, обратно на злосчастную поляну.

Повсюду лежали тела, кровь плотно покрывала траву и землю. По дороге Рии под ноги попалась отрубленная голова воина-Иллимани с широко открытыми глазами, и Рия с силой пнула ее. Голова покатилась в сторону. Справа от нее группа Уродцев собралась в круг; они начали свой странный распев, исцеляя раненого. Замедлив бег, Рия поглядела на них. Сквозь круг она увидела лежащего на земле Тренко. Один из воинов положил раненого к себе на

колени, а руки возложил над глубокую рану в груди. И тут голубой свет начал заполнять рану, оставленную томагавком. Но Рия продолжала идти дальше. Она взглянула на погибшего брата, повисшего на веревках, привязанного к толстому шесту посреди поляны. У Рила был взрезан живот, его внутренности были разбросаны внизу.

Подбежав к нему, Рия обняла обмякшее, безжизненное тело и принялась звать его по имени. Вне себя от горя, попыталась собрать внутренности с земли и запихнуть обратно в живот, перемазалась кровью с головы до ног. Обрезала веревки, положила его на землю и села рядом, рыдая.

Подняв взгляд, увидела стоящего рядом Хонда. В его зеленых глазах тоже блестели слезы. Рия еще ни разу в жизни не видела, чтобы брат плакал; он не плакал даже тогда, когда погибли их родители. Она с трудом поднялась и, не в состоянии держаться на ногах, упала в объятия брата.

— Это я виновата, что они убили Рила, — прошептала она, — только я. Если бы я вернулась домой вчера, вы бы не пошли меня искать, и он был бы жив.

— Незачем себя винить, — ответил Хонд и кашлянул. Звук был хриплый, так, что казалось, что ему трудно было дышать, и тут Рия заметила, что он ранен. В бою ему проткнули бок копьем, и теперь, отойдя от горячки, Хонд с трудом дышал, а на губах у него появились капли крови. Голос его дрожал от боли и изнеможения.

— Мы потеряли брата, и никакая сила не вернет его нам. Ты не должна винить себя. Если бы мы сегодня не вступили в бой с этими волками — проговорил Хонд, с отвращением показывая на валяющихся вокруг Иллимани, — нам пришлось бы биться с ними завтра, и все равно погибли бы наши воины.

Внезапно он обмяк и едва не упал, но продолжал с трудом говорить:

— Уродцы. Как тебе удалось с ними договориться? Они нам ничего не сделают, мы в безопасности?

— В безопасности, Хонд. Они мои друзья. Ты видел это в бою, они за меня.

— Они спасли наши жизни. — Хонд закашлялся, и на его губах снова появилась кровь. — Некоторые отдали свои жизни за нас. Почему? — спросил он.

— Все тебе расскажу, но не сейчас, — ответила Рия. Ее охватил страх и отчаяние, она огляделась, ища взглядом Бриндла. Не увидела и попыталась связаться с ним мысленно.

— Бриндл, Хонд умирает. Мне нужна ваша помощь. Нужно волшебство, которым вы владеете. Нужно, чтобы вы пели и исцелили его.

— Что такое? — спросил Хонд, будто услышав ее мысли.

— Ничего. Я… долго объяснять; в общем, я так разговариваю с Уродцами.

— Разговариваешь с Уродцами? Как ты можешь с ними разговаривать? Они же не могут сказать ни слова. Не знаю, зачем они бились за нас, но я им не верю. Никогда им не верил. Давай убежим, пока они на нас не смотрят.

— Мы никуда не сможем убежать, Хонд! Либо они исцелят твою рану, либо ты умрешь.

— Все не так плохо, я не собираюсь умирать. Доберемся до стойбища, пойдем к лекарю, он все сделает, — Хонд не только не согласился с сестрой, но и попытался ее успокоить.

И тут он снова зашатался. На этот раз Рия не смогла удержать его, и они вместе осели на землю в двух шагах от Рила.

— Что же это за ублюдки, с которыми мы бились? — хрипло спросил Хонд. — Они люди или демоны?

— Они называют себя Иллимани. У них течет кровь, как у людей, они пахнут, как люди, так что, думаю, они люди. Но вождь у них действительно демон, и под его началом тысячи. Они пришли сюда, чтобы уничтожить нас.

— Откуда ты это знаешь?

— Мне это сказали Уродцы.

В этот момент в ее голове раздался мыслеголос Бриндла.

— Прошу, скажи брату, чтобы он не боялся и не злился. Мы уже готовы начать исцелять его.

Подняв взгляд, Рия увидела, что вокруг них собрались Уродцы, в одном из которых она узнала только что исцеленного Тренко. В Рии проснулась надежда.

Но Хонд повел себя воинственно.

— Что происходит? — спросил он и, не обращая внимания на возражения Рии, начал вставать на ноги, кашляя и плюясь кровью.

Глава 35

Леони уже привыкла было, что ее прозрачное бесплотное тело не подчиняется законам физики, его никто не видит, не может навредить или поймать. Но теперь поняла, что в этом состоянии *тоже* видима, уязвима и может быть поймана другим существом, находящимся в бесплотной форме. Именно так Сульпа увидел ее, гнался за ней по небу и схватил руками за горло, а теперь тянул себе в пасть, усеянную огромными треугольными зубами, продолжая при этом чувственно и очень сексуально на нее смотреть.

Несмотря на то что Леони точно знала, что видит чудовище с головой крокодила первый раз в жизни, его глаза показались ей очень знакомыми. Именно такими были глаза ее отца — всякий раз, когда тот насиловал ее.

И она тут же вспомнила разговор родителей: «Этого хотел Джек».

Из горла Леони вырвался яростный рев, и она, извиваясь, попыталась высвободиться. Тут произошло нечто совершенно неожиданное. Прозрачное бесплотное тело девушки начало меняться. Она почувствовала, как сквозь кожу прорастают жесткие волосы, зубы и ногти превращаются в клыки и когти, а вопль становится мощным рыком. Плюясь и шипя, она превратилась в пуму. Тело наполнила невероятная сила, и это застало Сульпу врасплох. Леони наотмашь ударила его правой лапой, выцарапав ему левый глаз, и демон выпустил ее из рук.

Здесь, в промежутке между мирами, не было никакого светового тоннеля; они парили в черноте на расстоянии метров шесть друг от друга, как астронавты в космосе. Вокруг не было ничего, абсолютно ничего, кроме пумы Леони и крокодила Сульпы.

Сульпа взял повисший левый глаз человеческой рукой и вставил обратно.

— Ты меня покалечила, — прошипел он.

Эти слова не были произнесены вслух, но возникли в голове Леони, будто острый осколок льда.

— Я еще и не начинала! — рявкнула в ответ Леони. — Ты — Джек, и ты испоганил мне жизнь.

— Да ты что! — насмешливо воскликнул Сульпа. — Хочешь отомстить?

Он смотрел на нее здоровым глазом; тем временем поврежденный потерял блеск и помутнел, как белок вареного яйца.

— Ты ставишь меня в неловкое положение… я испоганил столько жизней, так что, будь добра, напомни.

Прежде, чем Леони успела выплеснуть на него скопившуюся за годы злобу, все вокруг снова задрожало, на мгновение обрело четкость, а затем окончательно погасло. Она была в кромешной темноте и ощутила, как непреодолимая сила влечет ее назад. ХЛОП! БАМ! Ее пронесло сквозь водоворот цветных узоров, и она вернулась в свое тело, в подвальную лабораторию в Ирвайне.

Сделав судорожный вдох, Леони открыла глаза, села и огляделась. Она бы ничуть не удивилась, обнаружив рядом Сульпу, но вместо него увидела Монбьё и Шапиро, стоящих по обе стороны от койки и глядящих на нее так, будто они узрели призрака.

В некотором роде так оно и было.

Леони не могла без отвращения смотреть на три вьющихся черных волоска на подбородке доктора Шапиро, они были просто омерзительны. Но, переведя взгляд на тонкогубое лицо Монбьё, увенчанное маленькими круглыми очками, поняла, что это зрелище ничуть не лучше.

Уставившись куда-то посередине между ними, Леони наконец смогла задать мучивший ее вопрос.

— Сколько времени я была в отключке?

Монбьё посмотрел на цифровой секундомер.

— Почти полных четырнадцать минут.

— *Четырнадцать минут?* — переспросила Леони. — Мне казалось, я провела там четырнадцать *часов*.

— При использовании ДМТ вполне обычно, что субъективное время кажется куда большим, — сказала Шапиро. — Иногда возникает ощущение, что ты находилась в этой реальности месяцы и даже годы. Но в реальном времени это путешествие редко длится больше двадцати минут.

Наклонившись к Леони, она взяла стетоскоп, послушала ее сердце, быстро померила давление, оглядела язык и посветила миниатюрным ярким фонариком ей в зрачок глаза.

— Ты в порядке, — заявила Шапиро, закончив осмотр.

— А есть какие-то причины, по которым я *не должна* быть в порядке?

— Мы немного беспокоились по этому поводу, — ответила врач. Было видно, что она изо всех сил старается говорить как можно более дружелюбно. — У тебя очень сильно участился пульс. В какой-то момент ты выглядела так, будто тебе не хватает воздуха…

— А потом начала рычать, как пума, — добавил Монбьё. — Нас это очень встревожило.

— Встревожило? — переспросила Леони и рассмеялась. — Думаю, я рычала потому, что в конце этого путешествия превратилась в пуму. И сражалась с чудовищем. Человек метров шесть ростом, с головой крокодила. Это ведь фантастика, или как?

— Не настолько фантастично, как может показаться, — ответила Шапиро. — Многие из волонтеров встречались с подобными созданиями и даже ощущали, что превращаются в них. Научно их именуют териантропами.

Леони вопросительно поглядела на нее.

— От греческого «териос», дикий зверь, и «антропос», человек, — объяснила Шапиро. — Это общее место в феномене сильно измененных состояний сознания. То же касается и превращения в другое существо, ты почувствовала себя пумой. Человек чувствует, что преображается в какое-нибудь животное. В современных племенах, живущих на первобытном уровне, охотой и собирательством, шаманы используют растения-галлюциногены, чтобы попасть в другое измерение, называемое ими «миром духов». Часто рассказывают о том, что во время таких путешествий эти колдуны принимают облик животных, а иногда тоже сражаются с другими шаманами или даже демонами, которые тоже чаще всего принимают териантропный облик или облик зверя.

Следующие полчаса Леони, в соответствии со своим контрактом волонтера исследовательской программы Джона Баннермана, подробно отчитывалась о «феноменах», пережитых ею под воздействием ДМТ. Шапиро и Монбьё все записывали.

— Все говорят «феномены», «феномены», — запротестовала она. — Мне это слово не нравится. Все случившееся для меня было весьма реально.

— А мы и не говорим, что это *не реально*, — успокоил ее Монбьё. — По сути, мы вообще не обсуждаем вопрос того, реальны эти миры или нет. Просто хотим, чтобы ты как можно подробнее описала все, что увидела. Мы сможем сравнить это с тем, что увидели остальные добровольцы, и найти общие моменты.

Леони рассказала им про эльфов-механиков, про Синего Ангела, про Сульпу и про то, что он творил. Но ничего не сказала про то, как это связано с Джеком.

Джек — исключительно ее личное дело.

Леони вышла из врачебного кабинета и забеспокоилась, увидев, что в коридоре на жестком пластиковом стуле сидит другая молодая женщина, ожидая очереди для участия в эксперименте. Хотя в день прибытия Леони познакомили с остальными добровольцами, она намеренно не общалась с ними, и теперь, два дня спустя, не могла вспомнить, как зовут эту девушку. Рослая, крепко сложенная, на грани ожирения, но с угловатым лицом, выступающим подбородком и большими округлыми глазами, голубыми, почти васильковыми, близко посаженными у длинного острого носа. Бледно-каштановые волосы подстрижены под каре. Не слишком-то привлекательный вид.

Леони продолжала агрессивно противиться попыткам общаться с ней, поэтому тихо пробормотала приветствие и, отведя глаза, пошла мимо. «Великая Вселенная, пожалуйста, пусть эта девушка не заводит разговор со мной», — молилась она про себя.

В первый момент девушка даже не ответила на приветствие, и Леони успела было обрадоваться, что ее просьба с такой легкостью исполнена, но, сделав пару шагов, почувствовала, что что-то не так. Резко обернулась.

И вскрикнула.

Каким-то образом участница эксперимента беззвучно подобралась к ней и теперь стояла в считанных дюймах позади, наклонившись вперед. На мгновение повисла тишина.

— Джек здесь, — прошептала она Леони.

Глава 36

— Скажи своему брату, чтобы он не двигался, — зазвучал в голове Рии мыслеголос Бриндла. Затем, прежде чем девушка успела встать, она почувствовала, как вокруг начало сгущаться нечто, какая-то сила, или энергия, как перед летней грозой. Хонд осел на землю.

— Не позволяй им меня трогать, — рыкнул он.

— Извини. Придется коснуться, — ответил Бриндл. — Иначе не сможем исцелить.

У Рии заколотилось сердце.

— ОНИ ПРИШЛИ, ЧТОБЫ ИСЦЕЛИТЬ ТЕБЯ! — крикнула она Хонду. Ее голос срывался от напряжения. — Некогда объяснять. Я очень тебя люблю, так что просто поверь мне. Им придется прикоснуться к тебе, чтобы вылечить рану, а тебе надо лежать неподвижно!

— Исцелить меня? — фыркнул Хонд. У него на губах надулся и лопнул кровавый пузырь. — Это же Уродцы! Что они могут знать об этом?

Бриндл шлепнулся на задницу рядом с Хондом, поглядел ему прямо в глаза, а затем положил руки на входное и выходное отверстия раны. Хонд попытался сопротивляться, но Рия крепко держала его.

— Они обладают даром целительства. Это потрясающе. Я уже видела, на что они способны, — Рия пыталась шепотом объяснить брату, что происходит.

— Ерунда все это, — Хонд все еще пытался возражать, но было видно, что у него уже нет сил сопротивляться.

Он перестал спорить и не стал противиться, когда Бриндл подошел к нему и прикоснулся к ране. Остальные Уродцы выстроились в круг, взявшись за руки, и начали свой неторопливый тихий распев. Хонд лишь откинулся, положив голову Рии на колени, и закрыл глаза, хрипло дыша.

Распев постепенно становился все громче; казалось, что воздух снова наполнила незримая сила, волнами исходившая от Уродцев. Поглядев на раненого брата, который, похоже, провалился в глубокий сон, Рия увидела, что его тело с ног до головы оплела тонкая паутина синих световых лучей. Точно такие же лучи струились из ладоней Бриндла в рану Хонда. Коленями Рия ощутила, как его тело стало заметно меньше весить, а затем он и вовсе приподнялся в воздух.

Рии показалось или бледность на лице брата стала слабее? Вроде дышать он стал полегче? И капель крови на губах становилось все меньше?

— Что происходит? — задала Рия мысленный вопрос Бриндлу. — Ему лучше?

Но Бриндл не ответил.

Прошло немало времени, прежде чем Уродцы разомкнули круг. Когда они сделали это, голубой свет, окутывавший тело Хонда, исчез. Брат лежал на земле тихо и неподвижно. Сначала Рия испугалась, ей показалось, что он перестал дышать. Но, приложив ухо к его груди, ощутила, как бьется сердце и грудь медленно вздымается и опадает. Ужасные хрипы и бульканья, какие были до лечения, пропали без следа.

Бриндл встал и, протянув огромные руки, помог Рии подняться на ноги.

— Мой брат будет жить? — спросила она.

— Не знаю, — ответил он.

— В смысле, «не знаю»? — спросила Рия, внезапно девушку охватил страх. — Вы же вылечили Тренко. Сама это видела. Можете вылечить и Хонда.

— Разные случаи. У Тренко не были повреждены главные органы. А у Хонда сквозная рана легкого. Много крови внутри. Нам очень трудно будет ему помочь.

У Рии на глазах выступили слезы.

— Значит ли это, что он умрет? Неужели я потеряю сегодня *обоих* братьев?

— Надеюсь, что нет, Рия. Мы спели песнь исцеления, сила волшебства наполнила тело Хонда. Мы избавили его от боли. Облегчили ему дыхание. Помогли уснуть. Завтра узнаем, смогли ли остановить внутреннее кровотечение.

— Я думаю, что смогли, Бриндл! Думаю, смогли… Гляди! — Рия наклонилась и аккуратно коснулась губ брата. — Крови больше нет.

— Хороший знак. Завтра будем знать наверняка.

— Я верю, что вы спасли его, — настойчиво повторила Рия.

— Завтра узнаем, — повторил в ответ Бриндл. — Хонду было бы лучше, если бы мы его не трогали сейчас, но выбора у нас нет. — Он оглядел поле битвы и близлежащий лес. — Мы и так здесь слишком задержались, — добавил он и вернул Рие кремневый нож, аккуратно подав его рукоятью вперед.

Главная опасность заключалась в том, что поблизости могли находиться другие отряды Иллимани. Поэтому Рии пришлось принять непростое решение и оставить Рила прямо на поле боя. Они не совершили должного погребения ни с ним, ни с другими погибшими. Сейчас приходилось думать только о тех, кто остался жив.

Из полусотни Уродцев, отправившихся в поход вместе с Рией, в живых осталось лишь тридцать семь, из которых шестеро не могли идти, а еще четырнадцать, в их числе Тренко, идти могли, но медленно, поскольку были ранены. Всех их надо было отправить обратно в Тайное Место. Бриндл решил разделить семнадцать оставшихся воинов на две группы. Двенадцать, во главе с Грондином, он отправил на обход удаленных стойбищ Уродцев.

В результате Рию и Хонда сопровождали в стойбище Клана у реки Змея пятеро. Троих Рия знала по именам — Бриндла, Оплимара и худощавого, со сломанным носом Бригли, того, что одним из первых высказался в ее защиту у Пещеры Видений. Относительно остальных она лишь помнила, что в бою они не проявили ненужной привередливости в вопросе убийства врагов, — той самой, что стоила жизни многим их товарищам. Один из них — альбинос с красными глазами, средних лет, мощный, коротконогий и с крепким, покрытым буграми мышц торсом. Он назвался Порто. Другой — моложе, худощавый и даже изящный по меркам Уродцев, но это лишь помогло ему ловко и умело сражаться.

— Я Джергат, — сказал он Рии. — А ты тоже хороший воин. Возьми, тебе это еще понадобится.

Он протянул ей кожаный мешочек, неожиданно тяжелый.

С колотящимся от волнения сердцем Рия открыла его. Внутри лежали все пять кварцевых метательных камней.

— Бриндл сказал мне, чтобы я их все подобрал после боя, — добавил Джергат. — Теперь это моя обязанность.

Но Бриндл сделал еще кое-что. Он настоял на том, чтобы они взяли с собой пленного Иллимани, а не отправили его вместе с отрядом Грондина, более многочисленным. *Вообще* оставить в живых этого ужасного ублюдка казалось Рии ненужной роскошью, но Бриндл уперся.

— Плохо убивать, если в этом нет нужды, — твердо заявил он.

— Звучит прекрасно, но подумай, к чему это может привести, — ответила Рия. Она уже устала от этой ненужной мягкости Уродцев.

— В смысле, что придется все время следить за ним, все время сторожить его, чтобы он не ударил в спину и не сбежал, а потом не привел других Иллимани, так ты думаешь?

— Именно! Пожалуйста, давай убьем его сейчас же.

Пленник сохранял поразительное, прямо-таки оскорбительное спокойствие, и Рия дала волю своей злобе.

— Эй, ты! — заорала она, переходя на обычную человеческую речь вместо мысленной. — Как тебя звать-то, ты, кусок дерьма?

Но пленник не ответил, очевидно, не понимая языка.

Сделав пару шагов, Рия подошла к нему, стоящему со связанными за спиной руками посреди поля боя под охраной Оплимара и Бригли. Иллимани был на целую голову ее выше, светлокожий, с длинными темными волосами и красивыми чертами лица. На первый взгляд Рия дала бы ему не больше восемнадцати. Зубы у него не были подпилены, и если бы не пронзительные голубые глаза, он бы вполне сошел за красивого парня из Клана.

— Как тебя зовут, ты, кусок дерьма? — повторила вопрос Рия, взяв его пальцами за подбородок. Снова не получив ответа, хлопнула себя по груди. — Рия, — сказала она, а затем показала пальцем на него и посмотрела вопросительно. Иллимани опять не понял

ее. — Рия, — снова сказала девушка, показывая на себя. — Меня… зовут… Рия. — И, опять показывая на него, повторила по слогам: — Как… тебя… зовут?

И тут лицо Иллимани озарилось пониманием.

— Дрифф, — буркнул он.

— Хорошо. — Рия придвинулась поближе. — Вот что, Дрифф…

Уже зная, что он не поймет ни слова, она надеялась, что он хотя бы испугается ее интонации.

— Дашь мне малейший повод, и я выпотрошу тебя безо всякой жалости. Понял? Понял меня? Тупой убийца.

Рия держала в руке кремневый нож, пока не делая им никаких угрожающих жестов. И в этот момент Бриндл положил ладонь ей на предплечье.

— Хватит, Рия, — раздался его мыслеголос. — Попробуй взглянуть на это по-другому. Нам повезло, что мы взяли в плен этого Иллимани. Он может многое рассказать нам о своем племени. Это поможет нам победить их.

Солнце клонилось к закату, тени становились длиннее, воздух — прохладнее. Они наконец-то ушли с поля боя. Хонд все так же пребывал в глубоком забытье, Уродцы соорудили носилки и по очереди несли его, привлекая к этому и Дриффа. Когда пленник не нес носилки, Бриндл находился рядом с ним, и, как заметила Рия, они пытались как-то общаться.

Так они шли весь вечер, пока не зашло солнце. Настала ночь. Луна еще не взошла, и темнота стала почти непроглядной. За целый день их отряд ни разу не остановился на отдых, но идти постоянно с такой скоростью было тяжело, и, по оценкам Рии, им предстояло добраться до стойбища Клана лишь утром.

Если только они прежде не натолкнутся на еще один отряд Иллимани…

Девушка шла рядом с носилками, касаясь пальцами плеча брата и время от времени смахивая пряди волос с его лба. У Хонда был жар, кожа пересохла, но Рия не сомневалась, что он поправится, если им удастся добраться домой.

На востоке взошла луна, большая, в три четверти, и залила окружающий их лес призрачным светом. Она поднималась все выше, и Рия начала узнавать холмы и долины, в которых ей доводилось охотиться. До стойбища еще далеко, им оставалось идти всю ночь, но теперь, по крайней мере, она знает, куда, и может найти кратчайший путь.

Выйдя на оленью тропу, Рия повела группу через дубовую рощу, и вскоре они оказались около небольшого озера, в темной воде которого отражался свет луны. Обойдя озеро, они взобрались на крутой склон холма и спустились в узкую лощину, где люди Клана часто охотились на оленей и кроликов.

Они уже дошли до лощины, луну прикрыло небольшое облако, и тут Рия скорее почувствовала, чем увидела, как кто-то спешно движется к ним. Это была засада. В первую очередь она подумала об Иллимани и мгновенно выхватила кремневый нож. И только через минуту, после того как она уже порезала нескольких нападающих, поняла, что перед ней воины Клана. Увидела, как Хонд упал с носилок, как Бриндл сбил с ног воина ударом дубины. Бригли и Джергат встали спина к спине, отбиваясь от нападающих. Оплимар боролся с Мёрхом, отцом Григо. Но неожиданность вкупе с подавляющим численным превосходством решили исход боя очень быстро. Рия почувствовала сильный удар по голове. Опускаясь на колени, увидела, как упал Порто, а Дрифф, никем не замеченный, ускользнул в темноту, подобный призраку. Тут ей в затылок пришелся еще один мощный удар, перед глазами у нее вспыхнули искры, и она упала ничком в траву.

Последнее, что услышала Рия перед тем, как потерять сознание, был голос Григо, связывавшего ей руки за спиной.

— Я же говорил, что убью тебя, как только встречу, — злорадно сказал он.

Глава 37

Васильковые глаза девушки были широко открыты, изо рта у нее несло как из помойки. Леони стояла к ней лицом к лицу посреди длинного коридора, заставленного пластиковыми стульями, неподалеку от входа в медицинский кабинет.

Уф! Леони сделала шаг назад, отвернувшись в сторону, чтобы не ощущать ужасное зловоние, исходящее изо рта девушки, но та шагнула следом, прижимая ее к стене.

— Что тебе надо?! — заорала Леони.

— Мне надо тебя ТРАХНУТЬ! — прорычала она. Ее голос стал низким и мощным, как у мужчины. — А потом содрать с тебя кожу, ЗАЖИВО. А потом сожрать тебя, до последней КОСТОЧКИ.

Девушка щелкнула зубами.

— Думаешь, сможешь мне помешать?

Первое, что пришло в голову Леони…

Одержимая.

Эта чокнутая сука — одержимая.

Джеком.

Леони попыталась вырваться, но женщина уже навалилась на нее всем немалым весом, схватила ее за грудь и пыталась поцеловать ее вонючим слюнявым ртом и засунуть язык в рот Леони.

И тогда она взбесилась. Схватила ее за волосы и стукнула головой о стену, а потом ударила коленом в живот.

— Пошла на хер! — заорала она. — Пошел на хер, Джек! Кто бы ты ни был, пошел на хер! На хер, вон из моей жизни!

Но женщина не сдавалась. С безумным лицом и остановившимся взглядом она сомкнула руки на горле Леони и принялась душить ее. Та пыталась освободиться, но воздуха становилось все меньше и меньше. Она увидела, как из медкабинета выбежали Монбьё и Шапиро и бросились ей на помощь. Ублюдки бестолковые! Их неуклюжие попытки оттащить нападавшую, казалось, лишь раззадорили ее. Снова наклонившись вперед, она принялась слюняво целовать Леони.

— Ты украла у меня ДУШИ, — прошептала она Леони на ухо, — а этого я никому не прощаю.

У Леони закружилась голова, она начала терять сознание и тут увидела долговязого длинноволосого парня, того самого, из Беркли, который последние пару дней все пытался разговорить ее. Оттолкнув Монбьё и Шапиро, он схватил женщину за руки странным захватом и сделал что-то такое, отчего та завопила от боли и отпустила Леони. Затем, несмотря на ее немалый вес, крутанул ее вокруг себя, будто в танце, но этот пируэт был озвучен еще одним воплем, а в завершение бросил женщину на пол лицом вниз. Та попыталась подняться, но он заломил ей руки за спину, а для верности придержал ее коленом.

— Эй, Бекки, — проговорил он. — Успокойся, малышка. Это же не ты…

Но женщина не слышала его. Она не отводила напряженного взгляда голубых глаз от Леони.

— Я тебя вспомнил, — прорычала она. — Мы уже встречались!

Изо рта у нее потекла желтоватая слюна.

— О, все еще будет очень весело, — продолжила Бекки, закатывая глаза, и по-волчьи завыла.

До этого Леони игнорировала все попытки парня из Беркли поговорить с ней. Его британский акцент вкупе с некоторыми американскими интонациями был единственным, что выделяло его на фоне других. В остальном же Леони сочла его долговязым, плохо одетым ничтожеством.

Но то, как он справился с обезумевшей Бекки, заставило ее задуматься.

Плохо подстриженные, выгоревшие на солнце светлые волосы до плеч. Недельная щетина, драные брюки армейского покроя, покрытые пятнами, разношенные шлепанцы, вылинявшая, покрытая пятнами и растянутая футболка с эмблемой фестиваля «Бернинг Мэн». Его явно не слишком интересовало, насколько хорошо он выглядит, но, если отвлечься от первого впечатления, то он был красив, как пляжный инструктор по плаванию.

Они сидели за небольшим металлическим столиком в «Старбаксе» в Ньюпорт-Бич, и он только что представился, пожав ей руку. Мэтью Обри. Своеобразное имя, вполне подходит к его британскому акценту.

Хотя все добровольцы, подписывая контракт, обязывались не покидать студгородок в течение эксперимента, после того как Бекки, так и не переставшую бесноваться, упаковали в смирительную рубашку и отправили в психиатрическое отделение, им обоим захотелось куда-нибудь смыться.

Все пятнадцать минут, пока ехали в такси, они не перекинулись ни словом. Леони забилась в угол на заднем сиденье и мрачно размышляла по поводу Сульпы и Джека. Поняла, что, показав ей Сульпу, Синий Ангел одновременно познакомила ее и с Джеком.

Что куда хлеще, так это то, что ее бой с Сульпой в иной реальности не закончился, продолжившись здесь, в физическом мире. Сульпа догнал ее и напал на нее, овладев телом Бекки. А еще Джек поглядел на нее глазами Бекки… и узнал.

Тот самый Джек, который заставил приемного отца насиловать ее.

Тот самый Джек, который не только запросто испохабил ей жизнь, но и напрочь забыл об этом, пока по воле Синего Ангела их пути вновь не пересеклись.

Тот самый Джек, который, под именем Сульпы, купался в крови убитых детей.

Тот самый Джек, у которого теперь снова появились замыслы насчет нее.

«О, все еще будет очень весело».

Леони поежилась и отпила глоток кофе латте. Мэтью внимательно наблюдал за ней. Их взгляды встретились.

— Это не случайно, и ты это знаешь, — поспешно сказал он.

— Что не случайно?

— Не случайно, что я оказался там и не дал Бекки задушить тебя.

Леони подалась вперед.

— Мне без разницы, случайно это или нет. Я просто очень благодарна тебе за то, что ты там оказался.

Вспомнив ощущение от мерзкого языка женщины у себя во рту, Леони снова поежилась.

— Если бы ты ее не остановил, со мной приключилось бы нечто очень плохое, — добавила она.

— Думаю, она бы тебя убила, — уверенно произнес Мэтью. — Именно поэтому меня послали защитить тебя.

У Леони замерло сердце, но она постаралась не подать виду.

— Да, правда? И кто же?

Юноша пожал плечами и шаркнул огромной ножищей.

— Если расскажу, решишь, что я спятил.

— А ты попробуй, — со смехом ответила Леони. — После всего, что я пережила за последние несколько дней, у меня очень хороший иммунитет ко всяким безумным рассказам.

— Хорошо. — Мэтью отхлебнул воды из бутылки. — Я сделал глупость.

— И? — выгнув брови, спросила Леони.

— По программе у меня сегодня не было эксперимента с ДМТ, но вчера все было настолько поразительно и так потрясающе… И мне захотелось снова побывать там.

— И?..

— И дело в том, что… что, когда я пришел на проект, я пронес с собой немножко ДМТ, своего. Не такого, какой нам Баннерман вводит через капельницу, а такого, который курят. Сегодня утром я вдруг подумал: «А почему бы мне не курнуть немного?» Залез в свою заначку, набил трубку, раскурил…

— Но это совершенно против правил! — воскликнула Леони.

— Знаю. Баннерман был бы очень огорчен. Но, если бы я этого не сделал, меня не было бы в подвале и я не смог бы остановить Бекки.

Леони озадаченно поглядела на него.

— Я уже курил ДМТ прежде, но на этот раз все было по-другому, — продолжил Мэтт. — Я не полетел прямиком в стратосферу. Не было этих сумасшедших цветных вихрей, как обычно. После третьей или четвертой затяжки у меня закружилась голова, и я лег на кровать.

Он сделал паузу, отпив еще один большой глоток.

— Даже закрыв глаза, я видел свет, проходящий в окно. Мне понравилось. Меня туда влекло. Затем в ореоле света явилась эта потрясающая женщина. Даже не объясню, как она это сделала. Только что я был в комнате один, и вдруг она уже здесь. Я протянул руки, чтобы коснуться ее, но пальцы прошли насквозь. «Ты же не настоящая, а?» — спросил я. «Да, Мэтью, правильно», — ответила она. «Хорошо, — сказал я. — Чего ты хочешь?» — «Немедленно спустись в лабораторию. Человеку нужна твоя помощь», — ответила она. И, поверь, спорить с ней желания не возникло. Она была ростом за метр восемьдесят и с синей кожей.

Глава 38

Рия понятия не имела, сколько пробыла без сознания. Сейчас она пришла в себя, и перед глазами уже не плыло, но, поскольку ей вместе стянули лодыжки и запястья и ко всему прочему положили лицом вниз, так, что спина оказалась выгнута, она была абсолютно беспомощна и лишь могла, стиснув зубы, терпеть издевательства Григо.

— Ты сука! — орал он, молотя ей по ребрам и бедрам толстой деревянной палкой. — Ты мне лицо изуродовала!

Значит, отец Бриндла был прав. Убили только Дюму и Вика. Предатель Григо на особом счету у Сульпы.

«Ты его плохо знаешь, не то что я».

Поэтому остался в живых.

Рия была довольна уже тем, что изуродовала его. Даже в темноте, при свете связанных из хвороста факелов, лежа на боку на колючей траве, покрывающей дно лощины, она разглядела рассеченный от границы волос и до переносицы лоб Григо и дырки на месте выбитых передних зубов.

ШВАХ! Палка с силой врезалась ей в ребра, и, несмотря на все свои усилия, Рия застонала.

Она прекрасно понимала, что невольная слабость лишь воодушевит Григо на новые подвиги. Изловчившись, он ткнул концом палки вдоль земли, ей в грудину, сбив дыхание. Пытаясь отдышаться, девушка видела, как он ходит вокруг, выглядывая, как получше ударить. Следующий удар был прямо по лицу.

— Лучше бы стала моей женой, чем трахаться с Уродцами, — прошипел Григо.

Рия поняла, что следующий удар проломит ей череп, но тут Григо схватили за руки Вульп и Бахат, двое взрослых мужчин, в свое время они были лучшими друзьями ее отца.

— Не допущу! — рыкнул Бахат, со всей силы ударив Григо кулаком в грудь. — Мы так не договаривались!

— Она предстанет перед судом, как заведено! — рявкнул Вульп, хватая Григо сзади и прижимая ему руки к бокам. Тот кричал и брыкался, но Вульпу удалось оттащить его от Рии.

— А до того она неприкосновенна, — добавил Вульп.

Вульпу и Бахату уже минуло сорок лет, но они до сих пор пользовались влиянием и уважением в Клане и охотились наравне с молодежью. Волосы до плеч и борода у Вульпа уже были совершенно седыми, но тело его было крепким, как у юноши. Еще у него были глаза разного цвета, серый левый и карий правый. Бахат, темнокожий и немногословный, был известен скверным характером. Невысокого роста, крепко сбитый, со шрамом в виде полумесяца над правым ухом, тянущимся до самой скулы и исчезающим в седой бороде, он прославился среди соплеменников свирепостью, но Рия помнила, как они с отцом рассказывали друг другу смешные истории у семейного очага, и как его глаза, которые сейчас глядели очень серьезно и напряженно, сверкали от радости перед тем, как он подходил к развязке очередного рассказа.

Наклонившись, Бахат перерезал веревку, связывающую лодыжки и запястья, но оставил на месте остальные. Он как раз выпрямился, когда подбежал Мёрх. Невысокий, кривоногий, с огромными ручищами крепыш, он всегда старался показать свою незаменимость для Клана.

— Что тут происходит? — спросил он.

— Мы помешали твоему сыну убить пленницу, — ответил Вульп.

— Многие считают, что ее *надо* убить немедленно, — уверенно заявил Мёрх. У него было широкое улыбчивое лицо и кривой нос забияки, маленькие, как у галки, бегающие глазки и полоска реденьких седых волос, обрамляющая сверкающую лысину.

— Она и Уродцы убили Дюму и Вика, — продолжил Мёрх все с той же уверенностью. — Мы все знаем, что это сделали они. Так зачем суд?

Рия ошеломленно ахнула от такого неожиданного поворота дела. Она и Уродцы убили Дюму и Вика?

— Это сделали Иллимани, — едва слышно прохрипела она, все еще не отойдя от обрушившихся на нее ударов.

Перекричать громкий разговор мужчин ей было не под силу.

— Мы пока что *ничего* в точности не знаем, — рявкнул в ответ Бахат. — Мы нашли тела Дюмы и Вика, обезглавленные и изувеченные. Григо высказал свое мнение по поводу того, как это произошло. Многие ему верят. Поэтому мы здесь. Но мы ОБЯЗАНЫ выслушать и рассказ Рии…

— Нам незачем слушать ее рассказ! — с яростью крикнул кто-то. — Очевидно, что она виновна. Мы только что поймали ее вместе с Уродцами.

Превозмогая резкую боль в ребрах, Рия перекатилась на бок и села. Она *знала*, кто убил Дюму и Вика, и это сделала не она и не Уродцы. Зачем же Григо все выдумал, перекладывая

вину на них? Сделал ли он это назло, созвав воинов и выследив ее просто чтобы отомстить? Или Сульпа использует его в какой-то куда более серьезной игре?

А еще Рия очень беспокоилась насчет того, что стало с Хондом и остальными Уродцами. «Бриндл, где ты? — мысленно спросила она. — Отзовись, если жив!» Но не смогла связаться ни с ним, ни с Бригли, Оплимаром, Порто или Джергатом.

Тем временем споры продолжались. Кричал, как выяснилось, Чард, отец Вика. Слезы лились из его глаз, а лицо было искажено злобой. Он стоял рядом с Мёрхом. Затем к ним подошел Кимп, отец Дюмы.

— Она виновна, — заявил он. — Давайте убьем ее немедленно.

Но Вульп и Бахат были стойкими мужчинами. Пусть они были и немолоды, но они не намеревались отступать. Слушая перепалку, Рия прониклась к ним глубочайшим уважением. Постепенно все части головоломки сложились воедино.

Этим утром Григо прибежал в стойбище, перепачканный кровью. Рассказал, что днем раньше он, Дюма и Вик, охотясь в лощине, наткнулись на Рию, раздетую, занимающуюся сексом с молодым хромым Уродцем. Поскольку это было оскорблением для всего Клана, они взяли парочку в плен, но на них напала огромная толпа Уродцев, которые, по указке Рии, убили Дюму и Вика, и не оставили бы в живых и самого Григо, если бы ему не удалось сбежать. Он также рассказал, что Уродцы забрали с собой головы его друзей, видимо, чтобы их съесть, и Рия ушла вместе с ними, не в качестве пленницы, а по своей воле. Еще Григо поведал, что несколько воинов-Уродцев преследовали его, и он был вынужден скрываться весь предыдущий день и ночь, прежде чем оторвался и смог вернуться в стойбище Клана.

Эта волнующая история позволила ему и его отцу собрать сотню человек для того, чтобы охотиться на Рию и Уродцев. Хонда и Рила уже не было в стойбище, они отправились искать Рию раньше, а среди остальных мало кто решился спорить с ними. Тем не менее их семью в Клане уважали, так что Вульп, Бахат и многие другие согласились участвовать в погоне при условии, что Рию возьмут в плен живой и отведут обратно в стойбище для справедливого суда на совете старейшин.

И вот теперь Лигар и Бонт, друзья и ровесники Хонда, вышли вперед и встали на сторону Вульпа и Бахата.

Бонт был огромен, как медведь, его спутанные каштановые волосы свисали почти до пояса. Некоторые считали его тугодумом, но он был отличным бойцом, так что с ним никто не хотел связываться. Лигар, невысокий и худощавый, с красивым тонким лицом, был непревзойденным стрелком из лука, и сейчас этот лук висел у него на плече. Он был сообразителен и остроумен и в споре мог одурачить любого.

— Твоя история — чистейшее дерьмо, — сказал он Григо. — Если Рия, по твоим словам, сбежала с Уродцами, зачем ей возвращаться в стойбище, сюда, где мы ее нашли? Если Уродцы убили Дюму и Вика, то как получилось, что они принесли сюда на носилках Хонда, позаботившись о нем? Я не утверждаю, что ты лжешь, Григо, но если ты хочешь без суда убить эту девушку, — он кивнул в сторону Рии, — то только через мой труп.

— И я с этим согласен, — заявил Бонт. Сначала он стоял ссутулившись, но сейчас выпрямился во весь свой немаленький рост, возвышаясь над Григо и сжимая огромные кулаки.

Глядя на все это, Рия не питала никаких иллюзий по поводу исхода событий. Ее жизнь на грани. Но те, кто ее защищал, мало-помалу собирали вокруг себя сторонников, все больше воинов соглашались с ними, а прихвостни Мёрха остались в одиночестве, их не набиралось и двух десятков.

— Утром тебя сожгут! — брызгая слюной от ярости, заорал Григо.

— Сучка, убийца! — крикнул Чард.

Отцу Дюмы, Кимпу, как-то удалось пробраться мимо Бонта, и он пнул Рию ногой по ребрам. Но Бонт тут же ударил его кулаком, всего раз, и Кимп упал.

— Есть еще желающие поспорить? — спросил гигант.

Таких не нашлось.

Чард и Мёрх помогли Кимпу подняться, а остальные начали строиться в колонну, чтобы возвращаться в стойбище. Наклонившись, Бонт перерезал веревку на лодыжках Рии и помог ей встать. Девушка скривилась, отбитый бок сильно болел.

— А руки не развяжешь? — взмолилась она.

— Пока ты пленница, — мрачно ответил Бонт.

Рию мучил ужасный вопрос, но она даже боялась задать его, не зная, каков будет ответ.

— Где Хонд? — наконец выпалила она.

— Его отнесли в стойбище вместе с теми, кто был ранен, когда мы пленили вас. Ему нужен лекарь.

— А что с остальными?

— В смысле, с *твоими* Уродцами? — странно поглядев на нее, спросил Бонт.

— Да, с *моими*. Что с ними?

— Одного мы убили в бою. Остальных заставили нести на носилках Хонда и других раненых. — Прокашлявшись, Бонт сплюнул. — Уродцы! Представить себе не могу, как ты могла быть рядом с ними. Меня от них тошнит. — Коротко усмехнулся. — Все равно всех их сожгут заживо утром.

Глава 39

— Я назвала ее Синим Ангелом, — прошептала Леони.

Встала, подошла к стойке и нашла там несколько листков бумаги и маркер. Вернувшись за стол, снова села напротив Мэтта и принялась рисовать.

— Вот, — спустя пару секунд сказала она, пододвинув в его сторону листок с рисунком. — Женщина с синей кожей, которую ты видел, выглядела так?

Мэтт удивленно присвистнул.

— Это она! Ты тоже с ней встречалась?

— И не раз. Мы уже давно знакомы.

— Значит, ты считаешь, что она действительно существует?

— А ты как думаешь? — уйдя от ответа, спросила Леони.

Мэтт снова подвигал ногами под столом.

— Она должна быть настоящей. Или настолько близкой к настоящей, что уже никакой разницы. Ты ее видела. И я видел. Она послала меня, чтобы не дать Бекки убить тебя. Слишком крутая штука для простой галлюцинации.

— Доктор Баннерман рассказал мне, что ее и другие видели, — вдруг вспомнила Леони.

— Другие участники экспериментов с ДМТ?

— Двое из участников программы. Но, по-моему, он говорил, что ее видели не здесь. Как я понимаю, другие люди, оказавшиеся в состоянии клинической смерти. Ты же знаешь, что он работает в реанимации, да?

Мэтт кивнул.

— Я познакомилась с ним именно там, — продолжала Леони. — Передоз, клиническая смерть, а он вытащил меня с того света. Тогда у меня случилось внетелесное переживание, и там я увидела Синего Ангела…

— Но это был не первый раз, когда ты с ней встретилась?

— Да. Она являлась мне во снах, когда я была ребенком. А сегодня утром после введения ДМТ я отправилась прямиком к ней.

Не останавливаясь, Леони выплеснула на Мэтта всю историю своей жизни. Как ее бросили после рождения, как она несколько лет провела в приюте, как семья Уоттсов удочерила ее. Про первое время, наполненное любовью и спокойствием. Про грубое насилие со стороны приемного отца с молчаливого согласия приемной матери. Все это, похоже, по приказу кого-то, или чего-то, по имени Джек. Рассказала обо всем, что пережила после передозировки кетамина, и, наконец, о сегодняшнем путешествии под воздействием ДМТ. Описала «землю, где все становится известно», странных животных и растения, два солнца на небе, липкие зеленые цветы под ногами.

Когда она на мгновение замолчала, Мэтт откинулся на спинку стула, потянулся и заложил руки за голову.

— Что ж, — улыбаясь, сказал он. — А я-то беспокоился, что ты меня сочтешь безумцем…

— А теперь наоборот? Ты думаешь, что я съехала с катушек?

— Я вовсе не думаю, что ты сошла с ума.

— Тогда дослушай до конца.

И Леони рассказала, как Синий Ангел решила показать ей Джека, как она увидела Сульпу, что тот делал и почему она уверена, что Сульпа, также известный под именем Джека, последовал за ней и овладел телом Бекки.

Посреди рассказа Мэтт прервал ее и попросил нарисовать кремневые ножи, топоры и копья с каменными и костяными наконечниками, увиденные ею в руках у тысяч воинов, нагих почитателей Сульпы. Потом попросил изобразить странный черный меч, который она видела в руках Сульпы, присвистнул, услышав о странном стеклянном блеске оружия.

— Видимо, обсидиан, — пробормотал он. — Очень интересно…

— Что такого интересного в обсидиане?

— Это что-то типа вулканического стекла. На Земле есть всего пара-тройка мест, где можно найти большие куски, из которых можно было бы сделать такое оружие.

— Мы даже не знаем, где это происходило.

— О, я-то уверен, а ты? Вокруг Сульпы были *люди*, так ведь? Он убивал *человеческих* детей. Солнце в небе было одно, так? Не было странных животных и деревьев, таких, как в «земле, где все становится известно». Почва была покрыта травой, а не зелеными цветами…

— Все это так. Четкое ощущение того, что это именно наша Земля. Единственное, я не могу понять, *где*. В смысле, я частенько смотрела «Дискавери», но где на земле найдешь племя, которое в обнаженном виде совершает человеческие жертвоприношения? Я о таком не слышала.

— Наверное, вопрос *где* — неправильный, — возразил Мэтт. — Возможно, следует задать другой: *когда?*

— *Когда?* — переспросила Леони, нахмурившись.

— Да. Когда. — Мэтт допил воду. — Возможно, Синий Ангел, показав тебе изображение на экране, отправила тебя в прошлое.

— Как такое возможно?

— Не берусь сказать, что знаю. Просто предполагаю, что такое могло произойти.

— Но зачем? И что заставило тебя так подумать?

Мэтт показал на один из рисунков.

— Ты сама-то понимаешь, что тут изображено? — спросил он, показывая на деревянные дубинки с крючьями, которые носили за спиной прислужники Сульпы.

— Понятия не имею, — ответила Леони. — Я такие штуки впервые увидела именно там. У всех воинов они были.

— Это называется «атлатль». Что-то вроде ядерного оружия, по меркам каменного века. Любое племя, получившее его в свои руки, обретало огромное преимущество перед остальными.

— А как? — удивленно спросила Леони, глядя на собственный рисунок. — Ума не приложу, что с ним можно сделать.

Мэтт хитро поглядел на нее.

— Это оружие, пригодное и для охоты, и для войны. Оно увеличивает рычаг силы человека, бросающего копье. За счет этого метательное копье летит быстрее и дальше. Гляди.

Он показал на крюк, нарисованный Леони.

— Пятка копья ставится сюда.

Встав, он показал, как делался бросок.

— Резкое движение в запястье, и твое копье убьет зверя или человека с расстояния больше двухсот метров.

— Значит, по твоим словам, если я видела эти атл… как их там, то это *доказывает*, что я переместилась в прошлое?

— Ну, не совсем. В разных цивилизациях и народах атлатль изобретали неоднократно, независимо друг от друга. Но те, что нарисовала ты, имеют совершенно определенную конструкцию, легко узнаваемую. Такие находят при раскопках на территории Франции и Испании и датируют периодом порядка двадцати четырех тысяч лет назад. Есть свидетельства тому, что это оружие было привнесено откуда-то с Востока, скорее всего — с Балкан.

— Откуда ты все это знаешь? — спросила Леони.

— В Беркли я прослушал пару курсов по археологии и истории. В последнем семестре мы изучали казгаров. Так мы назвали племя, которое принесло атлатль в Западную Европу. Мы не знаем, как они сами себя именовали… — Мэтт принялся рыться в рисунках Леони. — Хорошо рисуешь, а?

— Выгнали из художественной школы, — смущенная академическими познаниями Мэтта, ответила она. — Но ничего, получается.

— Здорово. Поехали обратно в студгородок, выйдем в Интернет и поищем ножи и топоры, нарисованные тобой. А еще этот обсидиановый меч. По внешнему виду каменного оружия можно достаточно точно определить, где и когда его сделали.

Они ехали на такси обратно в Ирвайн.

— Ты англичанин, как же ты решил учиться в Беркли? — спросила Леони.

— Я шатаюсь там и сям, прослушиваю курсы лекций по интересующим меня предметам. А древняя история — это особый интерес. Выяснилось, что в Беркли имеются отличные специалисты.

— Так ты, типа, вечный студент?

— Можно и так сказать, — расхохотавшись, ответил Мэтт. — «Мэтью Обри, Вечный Студент». Звучит как похвала.

Глядя на его потрепанную и заплатанную одежду, Леони подумала, что Мэтт, несмотря на его щегольский британский акцент, явно человек небогатый и согласился принять участие в программе Баннермана ради тех скромных денег, что выплачиваются добровольцам. Деньги, бесплатная отдельная комната в течение месяца — вполне приличное предложение для такого парня, шатающегося из одного института в другой.

Такси свернуло на авеню Калифорния, и машина поехала в сторону исследовательского центра. Свернула направо, на Бизон-авеню. Мэтт и Леони сразу поняли, что у двухэтажного здания, где проводились исследования с ДМТ, происходит нечто неординарное. Там стояло с полдюжины джипов «Форд Эксплорер», черных, с тонированными стеклами, а вокруг них ходили крепкого сложения мужчины с короткими стрижками в темных костюмах.

Леони поспешно наклонилась вперед.

— Езжайте дальше до следующего перекрестка, там сверните налево, — попросила она водителя, усилием воли заставляя голос не дрожать от волнения.

— Но, мэм, вы назвали этот адрес, — возразил таксист, махнув рукой в сторону здания и сбрасывая скорость.

— Нет, нам не сюда, — продолжала настаивать девушка. — Будьте добры, прямо вперед, на перекрестке налево, — уже жестче добавила она.

Водитель, пожилой сухощавый армянин, вздохнул и снова поставил ногу на педаль газа. Такси набрало скорость, а Леони вжалась в кресло, когда мужчины, стоящие у здания, поглядели в их сторону.

Глава 40

Таксист украдкой глянул на Леони в зеркало заднего вида и заметил, что девушка сползла пониже и украдкой наблюдает за улицей через край окна, так, чтобы ее не заметили снаружи. Мэтт взял ситуацию в свои руки.

— Если вы свернете налево вот тут, — начал он со всем блеском своего британского акцента, — то наш дом будет третий слева.

Пока машина разворачивалась, Леони так и не изменила позы, пока не почувствовала на плече руку Мэтта.

— Все в порядке, — прошептал он ей на ухо, — тебя не заметили.

Выпрямившись, Леони обернулась. Здания, где велись исследования, уже не было видно, и следом за ними никто не ехал.

Спустя несколько секунд они остановились рядом с соседним двухэтажным белым домом, похожим на все остальные в кампусе, расположенным среди зеленых газонов территории исследовательского центра. Мэтт расплатился с водителем какими-то мятыми купюрами, достав их из одного из бесчисленных карманов штанов. Поторопил Леони с выходом и повел ее к зданию. Такси уехало.

— Не нравится мне ситуация с этим таксистом, — заговорил он по дороге. — Безусловно, он понял, что мы не захотели покидать такси, увидев кавалерию. Они похожи на представителей власти, мы — на беглецов, так что сейчас он, вполне возможно, раздумывает, не следует ли ему подъехать к ним и сообщить о нас.

Мэтт сделал паузу.

— За этим могут стоять твои родители, так? — спросил он.

— Ага. Граф Дракула и его неупокоенная невеста, — скорчив рожу, ответила Леони.

— Эти люди. Эти костюмы. Похоже на униформу, и наверняка у некоторых под пиджаками есть «пушки». ФБР или что-то вроде…

Мэтт огляделся. Они вошли в коридор, пересекавший здание насквозь и заканчивающийся выходом на противоположной стороне.

— Давай, уматываем отсюда, — сказал он, взяв ее за руку.

Они шли быстро, почти бежали. Когда вышли наружу, Мэтт так и не сбавил темпа, увлекая девушку под защиту старых деревьев. Время от времени они поглядывали в сторону центра, где велись исследования с ДМТ. Издалека было трудно разглядеть, что там происходит; единственное, что им удалось понять, — здание центра окружено.

— Я не думаю, что это агенты ФБР, — произнесла Леони, кивнув в сторону охранников. — У моего папы, конечно, большие связи, но *не настолько*. Хотя денег хватит, чтобы нанять крепких ребят с оружием. Например, из какой-нибудь частной охранной фирмы. Без разницы. Ясно, что они здесь, чтобы забрать меня домой или еще куда подальше.

— Да, скорее всего, — подтвердил Мэтт.

Леони уже собиралась было поспорить, недовольная его самоуверенным тоном, но тут Мэтт достал мобильный, нажал кнопку быстрого набора и заговорил, резко, в приказном тоне заявив, что ему нужно такси через пятнадцать минут, на пересечении Бизон-роуд и платной Сан-Хоакин Хиллз. В качестве места назначения назвал адрес в захудалом квартале южной части Лос-Анджелеса и подтвердил, что расплачиваться будет наличными.

— Неплохая нам предстоит поездка, — присвистнув, сказала Леони, когда он закончил разговор. — Обойдется баксов в сто, а может, и в сто пятьдесят. Не хочешь проверить, есть ли у тебя столько? Потому что я точняк уверена, что у меня нет.

Говоря это, Леони принялась выворачивать карманы джинсов и насчитала там 187 долларов, не считая мелочи.

— Надо же, соврала… Я богаче, чем думала. А у тебя как?

Мэтт порылся в карманах и вытащил пять мятых купюр. К удивлению девушки, три из них оказались сотенными.

— Наличных у нас хватает, — заявил Мэтт.

Дальше они пошли молча, стараясь не выходить на открытые места и переходить от дерева к дереву.

— И куда мы отправимся после того, как туда приедем? — спросила Леони через некоторое время.

— Приедем куда?

— Южный Лос-Анджелес, бульвар Ист-Сенчури, дом восемь-ноль-ноль. По адресу, который ты указал, вызывая такси.

— Еще немного пройдемся и снова вызовем такси.

Должно быть, на лице Леони отразилось столько удивления, что Мэтт продолжил:

— В этом случае «хвост» окончательно нас потеряет, проследив лишь за первым такси. Мы должны быть уверены в том, что твои родители и нанятая ими кавалерия не смогут нас догнать.

Они уже были в конце кампуса и оказались возле последнего дома. В отличие от остальных, его большие окна были закрыты ставнями; похоже, что его уже давно покинули и закрыли. Нигде не было видно ни студентов, ни преподавателей, здание производило впечатление давно заброшенного. Идя мимо, они еще больше насторожились, но на первый взгляд все было спокойно, и были слышны только их собственные шаги по гравию.

Именно поэтому появление двух мужчин в темных костюмах, неожиданно вышедших из-за угла и преградивших путь Леони и Мэтту, стало полной неожиданностью.

Мужчины были крепко сбиты. Один имел квадратную фигуру циркового силача и, судя по лицу, был родом из Турции или откуда-то еще с Ближнего Востока, смуглый и крепко сложенный. Черные волосы были подстрижены «под ноль». В правой руке был массивный пистолет, который он тут же наставил на Мэтта.

Второй был рослым, не меньше метра девяноста, счастливый обладатель широких плеч и узкой талии, достойных топ-модели «Аберкромби энд Фитч». Светлые волосы, подстриженные согласно армейскому уставу, резко контрастировали с его добродушным, почти крестьянским лицом. И он тоже был вооружен.

— Держишь их на прицеле? — спросил «турок».

— Конечно, — ответил «Аберкромби», кивнув и поводив пистолетом из стороны в сторону.

«Турок» сунул пистолет за пояс и достал из кармана пиджака мобильный. Пару раз посмотрел на экран и на Леони.

— Итак, малышка мисс Уоттс, — заявил он, — я думаю, что вы уже набегались, мы вас поймали.

— А с ним что? — спросил «Аберкромби», показывая на Мэтта, который, к огорчению Леони, явно выглядел испуганным.

— Он слишком много видел, — ответил «турок». — Я собираюсь его прибить.

Он снова достал из-за пояса пистолет и принялся навинчивать на ствол глушитель.

— Прямо сейчас? — спросил «Аберкромби».

— Ага, точно. Почему бы и нет? Ни одного свидетеля на милю вокруг, ребята наготове, приберутся. Лучше не придумаешь. — «Турок» широко улыбнулся. — Вот что я тебе скажу. Хочу повторить ту сцену из вьетнамской хроники, когда вьетнамский офицер убивает пленника выстрелом в голову в упор. У тебя в мобильном камера есть? — хохотнув, спросил он.

— Конечно.

— О’кей, тогда снимай.

«Турок» широким шагом пошел к Мэтту, наставив пистолет ему в голову.

Но Мэтт тоже не стоял на месте. Мгновенно прекратив изображать из себя жертву, он убрал голову в сторону, уходя с линии огня. «Турок» сбился с шага, а Мэтт схватил пистолет обеими руками поверх пальцев противника и сделал странный разворот, не отпуская захвата. Леони услышала резкий противный щелчок, и рука турка повисла как плеть.

А Мэтт завладел пистолетом. Мгновенно развернув оружие, он наставил его промеж глаз «Аберкромби», а «турок», побледнев, рухнул на колени, глядя на окровавленный осколок кости, торчащий из его предплечья.

— Брось оружие! — крикнул Мэтт «Аберкромби», взводя курок большим пальцем. — У тебя секунда, потом стреляю.

Леони поняла, что такая смена ролей не пришлась по вкусу «Аберкромби», но ему ничего не оставалось, как подчиниться.

— Без резких движений, — сказал Мэтт. — Откинь пистолет ногой. Но не пинай. Просто аккуратно толкни в сторону юной леди.

Не отводя яростного взгляда от Мэтта, «Аберкромби» толкнул пистолет, и Леони подобрала его. Она понятия не имела, как им пользоваться, но сделала угрожающее лицо и наставила его на «турка».

Мэтт еще не закончил разбираться с «Аберкромби».

— Снимай ботинки и одежду, живо, — приказал он. — И ты тоже, — добавил он, обращаясь к «турку».

— Не могу, — жалобно ответил тот. — Ты мне руку сломал, чтоб тебе…

Сделав шаг, Мэтт ударил «турка» рукоятью пистолета по темени. Тот взвыл от боли.

— Снимай ботинки и одежду, иначе сломаю вторую, — предупредил он.

Чем меньше одежды оставалось на врагах, тем послушнее они становились. К тому времени, когда они остались в одном белье, в них не было уже ни капли былого боевого духа.

Мэтт достал из кармана складной нож и дал Леони.

— Нам надо их связать. Порежь рубашки на полосы. И сделай кляпы и повязки на глаза.

Мэтт заставил обоих мужчин лечь лицом вниз и, когда Леони закончила резать рубашки на полосы, завязал им глаза, заткнул рты кляпами и связал по рукам и ногам. Пистолеты убрал в карманы армейских штанов, а потом закинул ботинки и остальную одежду на крышу заброшенного здания.

— Пошли, — сказал он, взяв Леони за руку.

Глава 41

Фраза Бонта больно ранила Рию, но она постаралась не показать этого.

— Сожгут заживо? — спросила она. — Ужасно. Зачем?

Великан пожал плечами и почесал затылок.

— Не знаю. Это Мёрху в голову пришло. В назидание остальным Уродцам, чтобы не шлялись по нашим землям.

— Мои ребята не шлялись, — возразила Рия. — Они несли Хонда обратно в стойбище, и ты это видел!

Бонт поднял руку, прерывая ее.

— Это не мое дело, — ответил он. — Утром ты предстанешь перед советом старейшин. Вот им и объясняй.

— Обязательно объясню, Бонт, будь уверен, — произнесла Рия и огляделась, стараясь выглядеть невозмутимой. — Ты сказал, вы убили этой ночью одного из Уродцев. Которого?

— Откуда мне знать? — снова пожав плечами, ответил Бонт. — Для меня они все на одно лицо.

— Тогда покажи его тело.

Бонт с подозрением поглядел на нее.

— Тебе ведь они *и вправду* не безразличны, а? — произнес он. — Я уже начинаю задумываться, может, Григо правду сказал?

— Что я занималась сексом с Уродцами? И что сказала им убить Дюму и Вика? Это полная чушь, Бонт, и ты сам это понимаешь. Думаю, поэтому и встал на мою сторону…

— Мы встали на твою сторону из-за Хонда… — перебил ее Лигар.

— И из уважения к памяти о твоем отце, — сказал Вульп.

— И потому, что ты заслуживаешь справедливого суда, — добавил Бахат. — Мы сделаем все, чтобы так и случилось.

— Я вам благодарна, — опустив взгляд, прошептала Рия.

Она понимала, что, хотя остальные воины тоже открыто выступили против Мёрха, помешав свершить расправу без суда, но жизнью она обязана именно этим четверым — Бонту, Лигару, Вульпу и Бахату.

Им предстояло охранять Рию всю ночь, по дороге в стойбище, и за это время она попытается сделать их своими союзниками.

Провести сотню воинов ночью по пересеченной местности единой группой было нелегкой задачей, но Клан с незапамятных времен был воинственным племенем. Воины, собранные Мёрхом, построились в плотную колонну и шли в одном темпе. Хотя Рия и попала в организованную ими засаду, сейчас она не испытывала к ним злобы — скорее, некое

странное восхищение. Воины ее племени были безжалостными, сообразительными и представляли собой мощную силу. Если вправить им мозги на место, они станут достойными противниками для Иллимани.

Лигар и Бонт шли впереди нее, примерно посередине колонны, а Вульп и Бахат — по обе стороны. Поначалу Рия просто молча шла, склонив голову и скрипя зубами от боли. Она ждала подходящего момента. Но он наступил лишь тогда, когда они, выйдя из лощины, пошли через огромную пустошь, залитую лунным светом.

— Я знаю тебя с рождения, — сказал вдруг Бахат, повернув к ней седую голову. — Ты хорошая девочка, может, немного безрассудная, но с добрым сердцем. Я не верю ни слову из того, что рассказывает о тебе Григо. Что за безрассудство привело тебя к Уродцам?

Он говорил мягко, по-доброму, и это напомнило Рие детские годы. Она уже собралась было рассказать ему все, когда заметила рядом Григо. Тот вышел из своего места в колонне, позади отца, и каким-то образом оказался позади нее, злобно сверля ее взглядом.

Рия мгновенно развернулась к нему.

— Что ты за мной шпионишь, Григо? — яростно глядя на него, сказала она. — Боишься, что я раскрою твой дерьмовый замысел?

— Какой еще замысел? — выпалил он. — Нет тут никакого замысла, кроме того, что ты связалась с Уродцами…

— Я все знаю про тебя и Иллимани, — со смехом ответила Рия. — Знаю, *что* ты делаешь по указке Сульпы. Знаю, зачем было убивать Дюму и Вика. На суде это услышат все.

Она блефовала, желая спровоцировать Григо, и у нее это получилось. Тот прыгнул к ней и попытался обхватить ее рукой за шею, но рядом тут же оказался Бонт, и Григо упал на землю, получив несколько хороших затрещин по ушам.

— Отвали, Григо, — сказал он, погрозив юноше огромным пальцем. — У тебя будет шанс показать себя утром. А до того пленницу никто пальцем не тронет.

Рия поискала глазами Григо, но тот куда-то исчез. Вообще, шел ли он вместе со всеми? Заканчивалась ночь, заканчивался и рассказ Рии. Она выложила Бахату всю правду, все события последних двух дней, во всех подробностях. Бахат только слушал, не говоря ни слова, и время от времени кивал. Потом Рия заметила, что Вульп, Лигар, Бонт и другие, шедшие рядом, тоже внимательно слушают ее.

Она понимала, что ее главная задача — не опровергать идиотские обвинения Григо и не обвинять его самого. С этим можно и подождать. Главное, что Дюму и Вика убили Иллимани, а не Уродцы и что эти Иллимани представляют страшную угрозу для всего Клана. Она рассказала про схватки с чужаками, произошедшие за эти два дня. Про то, как убили Рила. Как ранили Хонда. Как Уродцы спасли его и скольких жизней им это стоило. Описала Иллимани, их внешний вид, манеру боя, объяснила, насколько опасны эти новые враги и почему она уверена, что Клан скоро столкнется с тысячами этих воинов.

Вульп принялся тщательно расспрашивать ее. Значит, она участвовала в бою с жестокими воинами? Хорошо, это он готов признать. Но откуда ей знать, что на подходе множество других?

Рия понимала, что ее объяснение, с рассказами о мире духов и результатах беседы с духом умершего отца Бриндла, его не устроит. Вместо этого, не стесняясь лжи, она рассказала, что группа охотившихся Уродцев заметила основные силы Иллимани, и, по их оценке, там не меньше пяти тысяч человек.

— Где же этот громадный отряд? — недоверчиво спросил Бахат. Такое количество воинов было ошеломляющим, такой отряд не в состоянии были собрать ни Клан, ни другие племена, живущие по соседству.

— В паре дней пути от нас, — продолжала на ходу придумывать Рия. — Уродцы знают, где. Если мы подружимся с ними, вместо того чтобы сжигать заживо, они смогут провести нас…

— Подружиться с Уродцами? — переспросил Лигар. — Надеюсь, ты шутишь…

— Совсем не шучу. Хватит смотреть на них как на полулюдей. Они могут стать нашими союзниками. Нам понадобится любая доступная помощь…

— Но они так дурно пахнут. И говорить не умеют. Они тупые. Даже если все, что ты говоришь, правда, может, нам стоит поискать других союзников? Я бы предпочел дружить с медведями или носорогами. Да хоть с камнями.

— Я не шучу, Лигар. Они обладают… силой.

— Силой? Какой силой? — недоверчиво спросил Лигар.

Рия рассказала ему о невероятных способностях своих новых друзей и как они могут исцелять тяжело раненных.

— Но если они умеют исцелять, почему не помогли Хонду? — возразил Лигар.

— Они его исцелили! — воскликнула Рия. — Он умирал. Они вытащили его с края пропасти, но, чтобы он окончательно поправился, ему надо спать.

Рия поглядела на небо. На востоке занимался рассвет. До стойбища оставалось совсем немного.

— Он выздоровеет очень скоро, вот увидишь, — сказала она.

Племя Клана было большим и процветающим, оно насчитывало более двух тысяч человек. Но лишь после летнего солнцестояния и до равноденствия, когда здесь проходила миграция оленей, отдельные группы охотников собирались вместе в огромном стойбище у реки Змея. До равноденствия оставалась еще почти целая луна, и в стойбище находились практически все люди Клана, и сейчас они увидели, как Рию привели в качестве пленницы, посреди колонны воинов.

Внезапно она поняла, насколько устала, изголодалась и натерпелась, какая она грязная и измотанная.

Рия была уверена, что Григо не упустит шанса посмотреть на то, как ее будут унижать, но во главе колонны, где шел его отец, его не было. Уже достаточно рассвело, чтобы разглядеть, что его нигде нет. Похоже, ночью он куда-то ускользнул. Куда? И зачем? Единственное, в чем Рия была уверена, так это в том, что намерения Григо далеки от добрых.

Они прошли мимо потрепанных навесов и укрытий в южной оконечности стойбища, там, где заканчивался лес и начиналась открытая местность. В их сторону побежал маленький ребенок, но его мать мгновенно схватила его за руку, а потом Рия заметила старика по имени Гаранит, известного сплетника и злопыхателя.

— Убийца! Убийца! Убийца! — закричал он.

Когда они дошли до главной дороги, идущей через стойбище, уже окончательно рассвело. Вдоль дороги стояли обмазанные глиной хижины, из которых начали выходить люди.

— Убийца! Убийца! Убийца! — вопли доносились отовсюду. Кто-то визжал, что Рия — ведьма, кто-то призывал ее сжечь.

Сердце Рии заколотилось. Все что, с ума сошли? И откуда у Мёрха эта новая мысль — сжигать людей заживо? Не собирается ли он — да помешают ему в этом духи — сжечь заживо и *ее?*

Впереди виднелась дозорная башня, сложенная из связанных вместе огромных бревен. Этим утром на ней не было дозорных, но, подойдя ближе, Рия заметила, что на первый ярус

забралось множество детей. Младший брат Григо, восьмилетний сорванец Карст, тоже был среди них, и, когда она проходила мимо, он смачно плюнул ей прямо на голову.

Но самого Григо так нигде и не было.

В двухстах шагах на север от башни, посреди стойбища, находилась площадь, где обычно собиралось на совет все племя. Утоптанная площадка шириной в три сотни шагов, огороженная огромными бревнами высотой в три роста Рии, которые стояли в специально выкопанных для них ямах.

У нее были считанные мгновения, чтобы оценить ситуацию.

Когда они попали в засаду, Бриндла не убили. Скорее всего, погиб бедняга Бригли, а Бриндл был жив. Его вместе с Порто, Джергатом и Оплимаром привязали к шестам в центре площади и обложили огромной кучей дров и хвороста. Еще один родственник Григо, надоедливый дядюшка Грайн, стоял рядом, держа в руке тлеющий факел, готовый в любой момент поджечь костер. На безопасном расстоянии от них на табуретах из мамонтовой кости, используемых только во время суда, сидели пятеро старейшин. Они, как полагалось, расположились полукругом. Ротас, самый старший, находился в середине, слева от него — Торга и Отри, справа — Крант и Езида. Позади них стояли воины Клана.

— Помоги, Рия, — раздался в ее голове мыслеголос Бриндла, который она не слышала с ночи; он звучал грустно и недоуменно. — Боимся умирать от огня. Умоляю, попроси Клан проявить милосердие. Пусть нас убьют быстро…

Глава 42

Когда они достигли намеченного места и увидели там такси с мотором, работающим на холостых, Леони смогла вздохнуть с облегчением. Они нырнули на заднее сиденье, и вскоре машина уже была на 405-й трассе.

— Где ты так драться научился? — шепотом спросила она Мэтта. — Ты этих двоих просто на фарш разделал.

— Я пять лет прослужил в Ираке и Афганистане, — смущенно ответил тот. — С восемнадцати до двадцати трех. Прежде, чем… ну… — Мэтт призадумался. — Прежде, чем в моей жизни случились события, изменившие ее.

Леони чувствовала, что сейчас не время выспрашивать у Мэтта все подробности случившегося. На дороге был час пик, движение было очень плотное, и такси тут же затерялось среди машин. Леони придвинулась к Мэтту поближе, положила голову ему на плечо и прикрыла глаза. Начала засыпать с мыслями, что ей очень нравится запах чисто вымытых волос и ощущение крепкого, мускулистого тела рядом. Возможно, она даже слегка возбудилась, но пока не поняла, не зря ли.

Леони приснился странный сон. Она шла по сосновому лесу, по узкой тропе. Светило солнце. Лучи проникали сквозь густые кроны, но тропа была заросшая и едва заметная. В конце концов она вовсе исчезла. Леони обернулась, но деревья будто сомкнулись у нее за спиной, как вода за кормой корабля. Девушка испугалась, побежала сначала в одну сторону, потом в другую, спотыкаясь, иногда видя намек на тропу, но тут же теряя ее. Деревья, казалось, выросли еще выше, подавляя ее, не выпуская ее на свободу. Как бы быстро она ни бежала, она все время возвращалась на одно и то же место.

Когда ей стало совсем страшно, из-за могучей сосны вышла девушка и встала прямо перед ней. Даже во сне Леони вздрогнула, сразу узнав ее. Та самая девушка с загорелой кожей и каштановыми волосами, которую она видела после убойного укола кетамина. Девушка, которую она предостерегла насчет птиц-деревьев. Улыбнувшись, незнакомка взяла Леони за руку.

— Не бойся, — сказала она. — Вместе мы найдем дорогу.

Сердце Леони наполнилось необъяснимым теплом.

Наверное, это все равно что встретиться с любимой сестрой? Она внезапно проснулась.

Леса не было. И сестры тоже.

Солнце клонилось к закату, они ехали по Лос-Анджелесу. Такси катилось по выщербленной дороге между полуразвалившимися домами и заброшенными сараями. По углам стояли хулиганского вида молодые люди, недружелюбно на них глядевшие. Пронеслись три полицейские машины, сверкая маячками и завывая сиренами.

— Добро пожаловать в Южный Централ, — с ухмылкой сказал Мэтт.

Спустя несколько секунд они стояли на обочине. Дождавшись, пока такси исчезнет из виду, Мэтт повел ее по улице. Дойдя до конца, они свернули налево. Еще минут пятнадцать они бесцельно шли вперед, практически не разговаривая, а потом Мэтт остановил другое такси. Сказал, что им надо на Венис-Бич. Там процедура повторилась. Только когда они сели в пятую по счету машину и поехали в Уэст-Голливуд, Мэтт наконец-то расслабился.

— Я звонил Баннерману, когда ты спала, — сказал он. — Решил, что лучше всего будет встретиться с ним и решить, куда нам двигаться дальше.

— Это дом Баннермана? — с удивлением спросила Леони двадцать минут спустя, когда они въехали на длинную подъездную дорогу, ведущую к роскошному дому в итальянском стиле. — Не думала, что дядька так хорошо упакован.

Мэтт покачал головой.

— Это не его дом, а его спонсора. Просто мы назначили здесь встречу, — ответил он.

В огромном особняке никого не оказалось, кроме Баннермана и его друга Дэвида. Мужчины уже сидели за столом в столовой. Мэтт нашел в холодильнике вино и пиво. Они заказали пиццу и к девяти вечера начали решать, что делать дальше.

Прежде чем поделиться новостями, которые были совсем неутешительны, Баннерман настоял, чтобы Леони подробно рассказала о том, что пережила под воздействием ДМТ, делая заметки в желтом блокноте и подробно расспросив ее о нескольких моментах. Когда Леони описала манипуляции Синего Ангела с ее виском, когда у нее внутри оказался маленький кристалл, он озадаченно поглядел на нее.

— Ты же была в мысленном путешествии под влиянием ДМТ, куда же она его дела?

— Трудно объяснить. Я покинула тело, чтобы попасть в «землю, где все становится известно», так она называет тот мир. Но, когда я там оказалась, я ощутила, что вернулась в свое реальное тело. Поэтому у нее не должно было возникнуть никаких затруднений.

Баннерман все подробно записал.

— А она объяснила, зачем ей это нужно?

— Да, конечно. Сказала, что делает это для того, чтобы мои путешествия с помощью ДМТ проходили эффективнее, чтобы она могла отправить меня туда, куда считает нужным.

— Замечательно, — только и пробормотал Баннерман.

Леони описала вторую часть путешествия — жестоких людей с оружием времен Каменного Века, человеческие жертвоприношения, столкновение с Сульпой, его взаимосвязь с существом по имени Джек, чья тень висела над ней все ее детство, и о том, как Сульпа-Джек овладел телом Бекки.

— Ты ничего раньше не говорила про этого Джека, — укоризненно сказал Баннерман.

— Я и многого другого тебе не рассказывала, — призналась Леони. — Некоторые подробности личной жизни, моих взаимоотношений с родителями, которые связывают воедино все случившееся…

— Ну, думаю, расскажешь, когда будешь готова это сделать, — вздохнув, ответил врач.

Новости, о которых вначале упомянул Баннерман, были действительно плохими.

После нападения Бекки на Леони этим утром доктор Шапиро отменила все дальнейшие эксперименты с ДМТ. Она была уверена, что неординарное поведение Бекки спровоцировано воздействием препарата, и заявила, что нельзя быть уверенными, что остальные добровольцы не поведут себя подобным образом. Заявила, что, как врач, она ответственна за ситуацию, не может позволить продолжать эксперименты и будет вынуждена направить доклад о случившемся в руководство медицинского центра в Ирвайне. Не прошло и часа, как исследовательский проект был официально приостановлен.

Затем, днем, случился тот самый налет, свидетелями которого стали Мэтт и Леони. Агенты размахивали удостоверениями Управления по контролю за оборотом наркотиков, но выглядели и вели себя как настоящие бандиты. Шапиро и Монбьё насмерть перепугались, все еще опасаясь скандала в связи с утренними происшествиями, и не только позволили провести обыск, но и отдали всю документацию по проекту.

Наконец, всего пару часов назад из медцентра Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Баннермана известили, что он временно отстранен от работы, а спустя считанные минуты он получил письмо по электронной почте из Медицинской Комиссии штата Калифорния, где его информировали, что начато расследование по поводу возможных нарушений врачебной этики.

— Похоже, твои родители воспользовались какими-то очень мощными связями, чтобы заставить меня бороться за право работать врачом и отстаивать свою профессиональную репутацию, и все это только потому, что они рассчитывают помешать мне работать с тобой, Леони, — закончил Баннерман.

Девушку охватил страх. Ведь ей еще так много предстояло сделать.

— Что же ты планируешь делать дальше? — спросила она.

— Когда люди пытаются запугать меня, я стою до последнего, — ответил Баннерман. — Я не только хочу продолжить свои исследования, но и прекрасно понимаю, что ты в них слишком важное звено, чтобы я мог отказаться от тебя. У тебя невероятный потенциал; думаю, мы наткнулись на нечто… ну…

Врач задумался и продолжил:

— Честно говоря, думаю, мы наткнулись на нечто совершенно невероятное. Я ученый и всеми силами стараюсь сохранить объективность суждений, рациональность и практичность. Но феномен Синего Ангела, то, что она является разным людям, а также ее особое отношение к тебе… а еще этот Джек… Все это чрезвычайно взволновало меня. Я не могу объяснить все это с научной точки зрения — по крайней мере, пока. Возможно, это действительно нечто сверхъестественное. Я готов принять и это. И даже если твои родители разрушат мою карьеру, я уже не остановлюсь в поисках… — Баннерман снова задумался, подбирая слова. — А ты-то как? После всего этого, хочешь ли ты во всем разобраться?

— Все равно хочу. На миллион процентов, — не задумываясь, ответила Леони.

— Хорошо, — ответил Баннерман. — Я надеялся услышать это.

Он внезапно радостно потер руки.

— Хорошо, что тебе известно о Вине Мертвецов?

Глава 43

— Я не позволю им убить вас, — мысленно ответила Рия Бриндлу.

— Как ты сможешь помешать им? — Голос Бриндла в ее голове был полон страха. — Их так много.

— Верь мне, Бриндл. Не бойся. Я вытащу нас из этой передряги.

Наказания всегда привлекали всеобщее внимание, и внутри круга из деревянных колонн собрались не только воины, приведшие сюда Рию и Уродцев, но и огромная толпа прочего народу, не меньше тысячи человек. Оставшись под конвоем Вульпа, Бахата, Лигара и Бонта, Рия шла вперед. Мёрх, Кимп и Чард освобождали им дорогу. Пройдя последнюю сотню шагов, она очутилась перед советом старейшин. Глазами поискала Хонда, уверенная, что он полностью поправился и будет свидетельствовать в ее пользу, но в совете воинов, выстроившемся позади старейшин, его не было.

Зато появился Григо, протолкавшись сквозь толпу. Он был раскрасневшийся, видимо, быстро бежал, но Рия заметила в его поведении нечто странное. Возбуждение? Радость мести? Торжество? Но почему — с оттенком страха? Непонятно. Нервно глянув через плечо, он поспешно пошел к отцу.

Как старший из обвинителей, Мёрх должен был говорить первым. Он выглядел слегка растерянным, оказавшись перед лицом такого количества людей, но его грубая манера поведения от этого практически не изменилась. Он почти что *кричал* на старейшин.

— Уважаемые! — почти насмешливо крикнул он. — Почтенные вожди! Этой ночью мы сделали большое дело.

Повернувшись, он показал на Бриндла, Порто, Джергата и Оплимара.

— Мы поймали шайку Уродцев, убивших двух наших мальчиков, и привели их сюда, как и обещали. ЧТОБЫ КАЗНИТЬ ЧЕРЕЗ СОЖЖЕНИЕ, в присутствии всех людей Клана! — крикнул он.

Мёрх выпрямился во весь свой невысокий рост и после того, как нашел Рию, продолжил:

— Мы также привели сюда эту ВЕДЬМУ, на ваш суд. Ее застали за совершением запретного, ОНА СОВОКУПЛЯЛАСЬ с Уродцем.

Из толпы послышались гневные крики.

— Она приказала Уродцам убить Дюму и Вика.

В толпе ахнули от ужаса и отвращения.

— За эти преступления мы требуем БЕЗО ВСЯКОЙ ПОЩАДЫ СЖЕЧЬ Рию на костре вместе с Уродцами!

И тут толпа рассыпалась, то тут, то там начали вспыхивать споры, мнения людей разделились. По оценке Рии, примерно половина была за то, чтобы сжечь ее, другая половина страстно возражала. Девушка поняла, почему Мёрх и Григо хотели поскорее убить ее, не дожидаясь суда, как только поймали. В Клане у них было слишком много противников, и они могли повлиять на решение судей.

Наконец Ротас, старший из старейшин, потребовал тишины. Рослый, худощавый и угловатый, с суставами, скрипящими и щелкающими при каждом движении, он прожил, по словам других, уже восемьдесят лет и в юности был одним из величайших воинов. И, несмотря на густые седые волосы и окладистую бороду, его лицо все еще сохранило озорное выражение, и поэтому он выглядел много моложе своих лет. Сидя на табурете из мамонтовой кости, старейшина наклонился вперед и принялся что-то выговаривать Мёрху. Это давало Рии надежду. Ротас говорил с Мёрхом медленно, отчетливо и как с шаловливым ребенком.

— Во-первых, мы *не доказали*, что пленная — ведьма. Мы *не доказали*, что убийство Дюмы и Вика — дело рук этих Уродцев, или любых других из их народа, не говоря уже о том, приказывала это Рия или нет. Мы *не доказали*, что Рия совокуплялась с мужчиной из народа Уродцев. Мы собрались здесь, чтобы доказать либо опровергнуть эти обвинения. Предъявляй свои доказательства.

— У него нет доказательств! — взорвалась Рия. От громкого крика у нее заболели отбитые ребра, а руки, связанные по приказу Мёрха, скрутила судорога. Но она вскинула

голову, тряхнув волосами, и пристально поглядела на старейшин. — Все, что он говорит, — ложь, и я докажу это!

— Чепуха! — фыркнул Мёрх. Он протянул руку к Григо, который стоял в толпе с бегающими глазками, и вытолкнул его вперед, а затем снова обратился к старейшинам: — Вот мой свидетель. Мой старший сын. Юноша безупречной репутации. Он все видел СОБСТВЕННЫМИ ГЛАЗАМИ. Видел, как эта ведьма совокуплялась с животным. Видел, как совершались убийства. Ведь так, Григо? ГОВОРИ, мой мальчик!

— Подожди!

Его перебил Торга, прозванный Грифом за огромный крючковатый нос, тощую шею и лысую голову. Покинув свое место рядом с Ротасом, он доковылял до Рии.

— Повернись, девочка, — сказал он.

Рия повиновалась.

Торга прищелкнул языком.

— Почему она связана? — резко спросил он Мёрха.

— Потому, что она пленница, — парировал тот. — Потому, что она предала Клан. Потому, что она убийца. Как еще прикажешь обращаться с такой сучкой?

— Мы прикажем тебе поступать, как подобает. Издревле было заведено, что ни один мужчина или женщина Клана не предстают перед советом старейшин со связанными руками или ногами. Руки этой девочки связаны…

— Она отлично мечет камни, говорят, убить может…

— Ерундовый повод, учитывая, что здесь нет ни одного камня, — ответил Торга, показывая на утоптанную землю. — Будь добр, развяжи ей руки.

— При всем уважении, почтенные, я бы не стал этого делать, — огрызнулся Мёрх.

Теперь уже Ротас встал со своего места, щелкнув всеми суставами.

— Она должна предстать перед судом как свободная женщина, — рыкнул он. — Таков наш закон.

Вынув из-за пояса нож, Ротас подозвал Рию к себе, не обращая внимания на выкрики Мёрха, и разрезал веревку.

— Дитя, ты вымазана в крови, — заметил старейшина. — Как это случилось?

Рия размяла затекшие руки, с удивлением поняв, что готова разрыдаться, но сдержалась.

— Вчера я билась в бою, — еле слышно ответила она.

— Говори громче, я уже совсем глухой, — сказал Ротас, наклоняясь к ней ближе.

— Вчера я билась в бою и покрыла себя кровью наших врагов. Не этих бедных Уродцев, — громко проговорила Рия, показывая на привязанных к шесту, — а ужасных и жестоких чужеземцев, которых я еще никогда не видела в наших землях. И ГРИГО — ИХ ДРУГ! — крикнула она во весь голос. — Спроси его про Иллимани! Спроси его про Сульпу!

— Она пытается отвлечь нас, — фыркнул Мёрх. — Нет никаких чужеземцев. Единственный бой, в котором она участвовала, — вчерашний ночной. Она зарезала пару наших парней. Отсюда и кровь, их и ее собственная, а не от каких-то там вымышленных врагов…

— Где Хонд?! — заорала Рия. — Он тоже сражался с Иллимани. Он подтвердит мои слова…

Мёрх кивнул, явно ожидая этих слов. Он махнул рукой одному из своих сторонников, стоявших в первых рядах толпы. Тот подошел к нему, и они обменялись парой слов, шепотом. Когда мужчина вернулся, Мёрх торжествующе поглядел на Рию.

— Вынужден тебя огорчить, — ухмыляясь, сказал он. — Твой брат умер от ран этой ночью. По дороге. Просто не смог ее вынести.

— Ты кусок дерьма! — завопила Рия. — Убийца, дерьмо последнее!

Мёрх тут же обернулся к старейшинам:

— Вынужден попросить о том, чтобы обвиняемая молчала, пока мы представим уважаемым старейшинам наши доказательства.

— Это будет правильно, — согласился Ротас и повернулся к Рии: — Помолчи, девочка. То же самое я потребую от обвинителей, когда придет твой черед говорить.

Но Рия не слушала его, поскольку в ее голове зазвучал мыслеголос Бриндла.

— Мёрх лжет, — сказал он. — Я нес носилки, на которых лежал Хонд. Он не умер…

Ротас и Торга вернулись на свои места, а Григо начал свой рассказ. Рия мысленно обратилась к Бриндлу:

— Ты уверен, что Хонд жив?

— Был жив, когда мы прибыли в стойбище. Не просто жив, ему стало лучше. Наше лечение помогло ему…

— Это ничего не значит. Они могли убить его, потом…

— Он жив, Рия, я точно знаю.

Девушке отчаянно хотелось ему верить.

— Так почему же они говорят, что он мертв?

— Не знаю. Может, они *думают*, что он мертв?

Пока Рия вела мысленную беседу с Бриндлом, она упустила из виду Григо, который расхаживал перед старейшинами, выпятив грудь и громко излагая свою версию событий. Описал идиллическую картину охоты в лощине вместе с Дюмой и Виком, его лучшими друзьями, рассказал, как они наткнулись на Рию, совокупляющуюся с Уродцем, и гневно поглядел на пленников, привязанных к шесту. Показал пальцем на Бриндла.

— Вот с этим, с искалеченной ногой!

Сторонники Мёрха в толпе шумно вздохнули.

— Он засадил ей до отказа, — сказал Григо, неприличными телодвижениями показав, чем занималась Рия. — Но, когда мы попытались поймать их, появилось множество других Уродцев, и Рия приказала им убить нас. Они схватили Дюму и Вика, но мне удалось вырваться и сбежать, — сказал он, показав всем сломанные передние зубы.

Пару десятков ударов сердца стояла полная тишина. Затем Крант, морщинистый старейшина с большим животом, сидевший справа от Ротаса, прокашлялся.

— Откуда нам знать, что все это правда? — спросил он.

Похоже, Григо даже не сразу понял, что вопрос адресован ему.

— Откуда нам знать, что ты говоришь правду? — повторил вопрос Крант. Его голос дрожал от раздражения. — Не получится ли, что тут лишь твои слова против слов Рии?

— Но Рию *поймали* вместе с Уродцами! — тут же встрял Мёрх. — Это доказывает правоту Григо.

— Я бы сказал, что это ничего не доказывает, — подал голос Езида, миниатюрный сутулый старейшина с пронзительными, как у хищной птицы, глазами.

— Ну, это доказывает, что она некоторое время пробыла с Уродцами, и ничего больше, — добавил Отри.

— Итак, мы имеем свидетельство Григо против свидетельства Рии, — заключил Ротас. — А теперь я хочу выслушать девушку.

Рия начала понимать, что происходит. Помимо нынешней ситуации на карту была поставлена борьба за власть в Клане, которая, по древней традиции, принадлежала совету старейшин. Мёрх и его сторонники не скрывали своего неуважения к этой традиции и настаивали на том, что власть должна принадлежать совету воинов, в котором они занимали главенствующую позицию.

Мёрх был авантюристом. Он ожидал, что выиграет дело, хотя Рия пока и не понимала, каким образом, сыграв представление с охотой и расправой, затем сожжет Уродцев перед лицом всех людей Клана. Все пошло не по плану, когда Бахат и другие помешали ему и не дали свершить расправу без суда. Теперь, когда дело дошло до совета старейшин, вместо простого убийства беззащитных пленников, старейшины поняли, что им предоставляется возможность нанести ответный удар и, возможно, прилюдно опозорить своего главного противника.

Рия поглядела на друзей, привязанных к шесту посреди незажженного костра.

— Я выиграю этот суд, — мысленно сказала она им. — Не позволю сжечь вас. Докажу им, что вас надо отпустить.

Затем она обернулась к Ротасу и заговорила вслух:

— Я могу доказать, что Григо лжет.

— Как же, дитя? — спросил старейшина, снова наклонившись к ней, чтобы лучше слышать.

— Он сказал, что я совокуплялась с Уродцами, — сказала Рия, невольно покраснев. — Но я никогда в жизни ни с кем не совокуплялась. Я девственница.

Григо затравленно поглядел на нее, и Рия обрадовалась первой удаче. Когда этот безмозглый бандит в таких красках описывал ее совокупление с Уродцами, он, видимо, забыл, а теперь вспомнил, что в Клане есть женщины, которые обладают неоспоримым авторитетом в такого рода делах.

— Лживая сучка! — заорал он. — Уродец тебе все мозги протрахал!

Но это был чистейший блеф, и он знал это.

Рия уже собралась попросить позвать повитуху, чтобы та проверила ее, но вдруг краем глаза уловила движение. Мёрх дал знак Грайну, своему брату, затаившемуся за наваленными в кучу дровами и хворостом.

Грайн начал дуть на конец факела, пока тот не разгорелся, разбрасывая искры, а затем наклонился, чтобы ткнуть его в кучу хвороста.

Глава 44

Баннерман произнес странное слово, которое Леони никогда в жизни не слышала. Оно звучало примерно как «айяхуаска».

— Что-что? — переспросила она. — В жизни не слышала.

— Айя-хуаска, — произнес Баннерман. — Ай-я-ху-а-ска. На кечуа, языке инков, «айя» означает «мертвый», «хуаска» — «вино». Вино Мертвецов, или Вино Душ. Гадкое варево из двух растений, которое шаманы в Амазонии используют, когда хотят покинуть тело и отправиться в мир духов.

— Синий Ангел хотела, чтобы я пользовалась ДМТ, поэтому и вставила мне тот кристалл… — начала Леони.

Баннерман не слушал ее.

— Как я уже сказал, айяхуаска — отвар двух растений. Первое — лиана, об этом растении я расскажу тебе позже, если захочешь. Это тоже очень интересно. Но главное — второе, оно-то и отвечает за переход шамана в мир духов. Его научное название Psycotria viridis, в Амазонии его называют «чакруна». В его листьях содержится ДМТ, практически в чистом виде. В этом и смысл айяхуаски. Два растения, лиана и галлюциноген, отваренные в кипящей воде. На большей части территории Южной Америки ее употребление до сих пор разрешено. По сути, право на его употребление охраняется в рамках закона о свободе вероисповедания. Вот об этом я и подумал. Как насчет…

— Только *не говори* мне, что я отправляюсь на Амазонку, чтобы пить это — как ты сказал — ведьмино варево, а?

— Ты все правильно поняла, — ответил Баннерман.

Сколько она себя помнила, Леони всегда инстинктивно боялась джунглей. Адские насекомые. Ядовитые змеи. Экзотические болезни. Она не желала даже слышать об этом. Но, выслушав предложение Баннермана отправить ее в самые громадные джунгли на планете, она была вынуждена признать, что, в своем роде, в этом был заключен большой смысл. Они более не смогут проводить легальные эксперименты с ДМТ на территории Штатов, а нелегальное его применение подвергнет Баннермана еще большему риску. Если айяхуаска, по сути, тот же самый ДМТ и в Амазонии ее употребление разрешено законом, значит, Баннерман сможет продолжить исследования с соблюдением всех врачебных формальностей, точно так же, как он делал бы в Ирвайне. Это будет нестандартным способом получить научные данные, но, по крайней мере, они не будут нарушать законы.

Другим преимуществом было то, что все это можно было достаточно легко организовать.

У Баннермана был приятель, работающий в Перу, — американка-антрополог Мэри Рак. Она уже лет пять исследовала жизнь метисов, людей, произошедших от смешанных браков испанцев и индейцев. Эти люди зачастую жили в ужасающей нищете и составляли основную часть населения Амазонии. Особый интерес Мэри проявляла к использованию шаманами айяхуаски и стала экспертом в этом вопросе. Кроме того, она периодически организовывала эксперименты с айяхуаской для ученых, приезжающих в Амазонию, в специально построенном для этого приюте, на берегу Амазонки, в тридцати километрах выше по течению от города Икитос. Если убедить Мэри предоставить им этот приют, то там Леони сможет принимать айяхуаску под руководством опытного шамана.

— Так что ты думаешь? — спросил Баннерман.

— Думаю, да, — после некоторых раздумий ответила Леони. Перспектива отправиться на Амазонку пугала ее, но она поедет туда, если это нужно, чтобы снова встретиться с Синим Ангелом. — Единственное условие: Мэтт едет с нами.

Баннерман недоуменно взглянул на Мэтта, в его глазах было лишь явное недоумение.

— Хорошо, — ответил Мэтт.

— Что хорошо? — удивленно спросила Леони.

— Я расскажу тебе кое-что, чего ты еще не знаешь, — сказал Баннерман. — Мэтт не только доброволец в моих исследованиях с ДМТ. На самом деле, он и есть спонсор проекта.

Леони удивилась еще больше. Мэтт — *спонсор* Баннермана? Как такое может быть?

— Но ты же банкрот, — возразила она.

Дэвид расхохотался.

— Что тут смешного? — спросила Леони, повернувшись к нему.

— Сама мысль о том, что Мэтт банкрот, в любом смысле этого слова, — ответил Дэвид. — Он скромно выглядит, *но хорошо упакован*, — заговорщическим шепотом добавил врач.

Слово «упакован» могло иметь разные значения, но тут Леони вспомнила, что Баннерман говорил о спонсоре, как об «очень богатом парне». Мэтт что, миллионер? Мультимиллионер? Миллиардер?

— Меня обдурили, — сказала она.

— Я тебя не дурил, — возразил Мэтт. — Если ты сделала выводы обо мне по моему внешнему виду, дело твое. Я никогда не называл себя банкротом.

Леони задумалась.

— Уж точно, — сказала она. — Так сколько у тебя денег? — ухмыляясь, спросила Леони Мэтта.

Тот вздрогнул.

— Слушай, деньги у меня есть. Не то чтобы очень много, но я *совершенно* не желаю говорить об этом. Я очень рад перспективе продолжать исследования в Амазонии и считаю за честь, что ты позвала меня с собой.

— А, черт, — внезапно сказала Леони. — У меня же паспорта с собой нет. Плохо…

Но Дэвид уже махнул рукой, чтобы успокоить ее.

— Не беспокойся, — сказал он. — Когда я улаживал все формальности, чтобы вытащить тебя из Маунтин Ридж, я позаботился, чтобы Сэнсом отдал нам все твои документы. — Он достал из портфеля большой конверт. — Твой паспорт здесь.

Дэвид не мог сразу завершить свои дела, поэтому остался в Лос-Анджелесе, но Леони, Мэтт и Баннерман уже в шесть утра улетели из Лос-Анджелесского международного аэропорта рейсом в Перу.

По дороге Леони выложила Баннерману все то, что уже рассказывала Мэтту о своем детстве. Про изнасилования, про загадочную связь Джека и ее приемных родителей, про далеко идущие планы, которые были относительно нее у Синего Ангела.

С глазами, будто набитыми песком от недосыпа, они приземлились в Лиме, а затем отправились в Икитос на скрипящем всеми сочленениями аэробусе авиакомпании LAN. После того как они перевалили через Анды, сверкающие снегом под ярким голубым небом, начались джунгли. Они были со всех сторон, спереди, сзади, по бокам, до самого горизонта. Самолет начал снижаться, пилот объявил о заходе на посадку, по-испански и по-английски, и тут Леони увидела внизу огромную мутную реку. Это была Амазонка. От этого зрелища ей стало дурно. Ей и представлять не хотелось, сколько разных тварей, больших и маленьких, зубастых и беззубых, живет в этих мутных водах.

Самолет снова накренился, и их взорам предстал совершенно неправдоподобный ландшафт. На западном берегу реки, у излучины, где река была шириной в несколько миль и обтекала пару крупных островов, джунгли неожиданно расступились, и возник огромный город. Может, она слишком часто принимала наркотики, но сейчас Леони на мгновение показалось, что все эти дома, окрашенные в пастельные цвета, блестящие металлическими крышами, не воздвигнуты человеческими руками, а каким-то зловещим образом сами выросли из здешней земли, вместо деревьев.

Самолет пошел на посадку. Наклонившись через колени Мэтта, Леони снова выглянула в иллюминатор. С этого ракурса она увидела отражение Икитоса в водах Амазонки, так, будто здесь было два города, один на земле, сверху, а второй — внизу, под водой. Два разных города в двух разных мирах.

Она поежилась. В каком же из них она окажется, в конечном счете?

Глава 45

Вокруг Грайна началась суета, послышались крики и восклицания, и вдруг из толпы появился Хонд, обнаженный по пояс, с всклоченными каштановыми волосами и покрытый свежими потеками крови. Он поднял массивное копье с большим кремневым наконечником и ударил Грайна в плечо, сбив того с ног и пригвоздив к земле. Не прерывая атакующего движения, он сделал еще шаг и ударил поверженного пяткой в лицо, а потом наклонился и поднял факел, лежавший на расстоянии в ладонь от незажженного костра, и, выпрямившись, отшвырнул его в толпу.

Грайн не потерял сознания и лежал, визжа и трепыхаясь, как рыба на остроге. Хонд снова ударил его пяткой в лицо, на этот раз заставив его замолчать, выдернул копье и размашистым шагом пошел в сторону Мёрха, держа наготове копье, с острия которого капала кровь. Мёрх был ошеломлен происходящим и, казалось, замер от ужаса, но потом схватил Рию за руку и, едва не выдернув ей руку из сустава, поставил перед собой, а Милам, воин из числа его сторонников, ринулся на Хонда, размахивая боевым топором. Когда двое воинов сошлись, Милам утробно взревел, замахнулся топором и опустил его на голову Хонда. Рия затаила дыхание, но Хонд отпрыгнул в сторону, увернувшись от удара и подставив Миламу подножку. Противник с грохотом упал на землю.

Защитить Мёрха ринулись и другие воины. Они преградили путь Хонду и выставили вперед копья.

— Хватит! — заорал Бонт, и в три прыжка он и Лигар оказались рядом с Хондом. У Бонта оружия не было, но ему уже не раз доводилось убивать голыми руками, а проворный Лигар мгновенно скинул с плеча лук и наложил стрелу на тетиву.

Повисло молчание. Противоборствующие глядели друг на друга с таким напряжением, что ни один не увидел, как Ротас встал с табурета и вышел перед ними.

— Стоять! — крикнул он. Его лицо было ужасно. — Остановитесь, я приказываю! Опустите оружие!

Воины Мёрха не хотели подчиняться. Один из них ринулся на Хонда, сжимая в руке нож, но упал, как подкошенный, получив один-единственный удар в ухо от Бонта. В то же мгновение, извиваясь, как угорь, Рия освободилась от хватки Мёрха и метнулась в сторону. Лигар тут же нацелил стрелу прямо ему в сердце.

Утренний воздух, и так наполненный напряжением и злобой, казалось, был готов вскипеть.

— ПРЕКРАТИТЕ, Я СКАЗАЛ! — повторил приказ Ротас. — Шаг назад, опустите оружие.

Мёрх поглядел на нацеленную на него стрелу и натянутый в полную силу лук. Рия буквально ощутила ход его мыслей. Лигар не промахивался, тем более с такого расстояния. Так что она не удивилась, когда Мёрх дал знак своим людям отойти.

Рия тут же подбежала к Хонду и обняла его.

— Брат, ты жив! Я знала!

Руками она ощупала его бок, там, где его пронзило копье Иллимани. Колотой раны между ребер как ни бывало, не осталось даже шрама, только огромный черно-лиловый синяк на полгруди.

— Ты была права, — сказал он, целуя ее в лоб. — Уродцы — наши друзья. Они исцелили меня с помощью своего волшебства. Вернули меня в мир живых.

— Ты заявлял, что Хонд умер ночью, по дороге! — крикнул Бонт Мёрху. — Что все это значит?!

— Просто ошибся, — ответил тот.

— Ошибка, хрена себе! — крикнул Хонд и горько усмехнулся. Обняв Рию, чтобы подбодрить, он поглядел Мёрху прямо в глаза. — Ты навозная лепешка. Ты приказал убить меня.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — выпалил Мёрх.

— Лизин, Имдаг, Баба и Урас, — назвал Хонд по именам четырех громил Мёрха, известных всему племени.

Ты послал их убить меня. — Показал на потеки крови, еще не высохшие на его теле. — Вместо этого я убил их.

— В чем дело? — резко спросил Ротас. — Почему была пролита кровь Клана?

Хонд показал на табуреты старейшин из мамонтовой кости.

— Лучше скажите, за что судят мою сестру. — Он развернулся в сторону костра. — И зачем вы собрались сжечь этих Уродцев.

Старейшины пошептались, и Ротас кратко изложил обвинения, высказанные Григо.

— Это сплошная ложь, — сказал Хонд, когда старейшина закончил. — Рия невиновна. И Уродцы тоже невиновны. Жестокие дикари, называющие себя Иллимани, убили Дюму и Вика, убили моего брата Рила, а Уродцы сражались против них на нашей стороне. Многие из них отдали за нас свои жизни. В этом стойбище их должны приветствовать как героев, а не казнить как врагов. Клянусь, пока я жив, я не дам сжечь их!

Мёрх попытался перехватить инициативу и двинулся на Хонда, чтобы оттеснить его.

— Это ты лжешь! — заорал он, брызгая слюной. — Все же очевидно. Ты сделаешь все, чтобы защитить сестру.

— Есть способ это уладить, — парировал Хонд. И, по-волчьи оскалившись, отвесил старшему пощечину тыльной стороной ладони.

Хонд имел в виду поединок. Один из самых древних способов разрешения всех споров.

На суде разговоры могут длиться вечно, но если два воина называют друг друга лжецами и ни один из них не отступается от своих слов, традиция Клана гласит, что смертельный поединок покажет, кто прав. Рия поняла, что, нанеся Мёрху оскорбительную пощечину при таком скоплении народа, Хонд закрыл противнику путь к отступлению.

Мёрх подозвал Григо и что-то шепнул ему на ухо. Тот что-то шепнул в ответ.

Ротас встал, возвышаясь над ними.

— Тебе бросили вызов, Мёрх. Каков твой ответ? — спросил он.

Мёрх и Григо одновременно повернулись и посмотрели на юго-восток, поверх голов собравшихся, будто отвлекшись на что-то, происходящее за пределами площади. Потом посмотрели друг на друга. Рия заметила, что на их лицах появилось странное выражение.

— Конечно, я принимаю вызов, — пожав плечами, ответил Мёрх.

Поединки происходили в соответствии с определенными правилами чести. Никакого оружия, только руки и ноги. Никаких просьб о пощаде. Проигравший умирает, победитель признается правым.

— Огласи твои условия, — сказал Ротас.

— Уродцев сожгут, и Рию тоже, — ответил Мёрх и сплюнул кровью.

— Уродцев и Рию освободят, — произнес Хонд. И добавил, глядя на Григо: — Убив твоего отца, я убью и тебя.

Больше не требовалось никаких формальностей. Под возбужденный рев толпы бойцы встали друг напротив друга.

Рия была уверена в исходе поединка — она безоговорочно доверяла боевому мастерству брата. Хонд был подтянутым и твердым, на голову выше и шире в плечах, чем его противник, с мощными мышцами и в самом расцвете сил. Мёрх был старше на двадцать лет, коренастый и кривоногий. Но тут она поняла, что в борьбе короткие ноги Мёрха дают ему преимущество, он более устойчив; ну, а его могучему торсу мог бы позавидовать любой воин из Клана. Кроме того, неестественно длинные и мощные руки сводили на нет преимущество Хонда в росте.

Мёрх нырнул вперед и схватил Хонда за ноги. Они упали на землю, и старший тут же сомкнул мощные руки на горле молодого противника. Хонд принялся молотить его кулаками по голове, ударил коленом в живот и подмял под себя, но Мёрх не отпускал своей хватки, держа противника на вытянутых руках и продолжая сдавливать ему горло.

Хонд начал слабеть, его лицо побагровело, глаза выпучились.

Глава 46

Икитос оказался наполнен грязью и нищетой, но Леони это не волновало. Здесь она чувствовала себя свободной. Вне опасности. В тысячах миль от родителей и их прислужников, от ужасных психбольниц и наемных убийц.

И от Джека.

Утром после их прилета, когда Баннерман отправился на встречу с антропологом Мэри, своей знакомой, чтобы обговорить детали проведения экспериментов, она и Мэтт отправились бродить по этому странному увядающему городу, в котором было жарко и влажно, как в турецкой бане. Повсюду стояли полуразвалившиеся и заброшенные дома, с облупившейся краской, плесень покрывала стены, когда-то богато украшенные и роскошные.

Они остановились перекусить в людном кафе на площади Плаза де Армас. Мэтт взял себе только фрукты.

— Ты что, вегетарианец? — спросила Леони.

Мэтт ответил отрицательно и объяснил, что, согласно некоторым исследованиям, результаты которых он читал, перед работой с айяхуаской лучше придерживаться простой диеты, преимущественно вегетарианской, а первый эксперимент в принадлежащем Мэри Рак доме в джунглях был намечен уже на завтрашний вечер.

Леони тут же отменила свой заказ и не стала даже пробовать огромный гамбургер с сыром и беконом. Вместо него тоже съела свежих фруктов. Девушка долго разговаривала с Мэттом насчет природы реальности параллельных миров, но без особого успеха, лишь почувствовав себя никчемной и глупой. Познания Мэтта в физике были огромны, и она не понимала практически ничего. Такой умный парень, подумала Леони; наверное, он решит, что она не подходит ему просто по уровню образования.

Может, именно поэтому он до сих пор не проявил к ней никакого интереса как к женщине. Возможно, ему просто с ней скучно?

А еще Мэтт не любил рассказывать о себе. Все это утро он пресекал любые попытки Леони расспросить его об источнике его богатства и о подробностях его жизни.

К полудню жара и влажность стали совершенно невыносимы, и они вернулись в отель, чтобы провести сиесту в отдельных комнатах.

Леони попыталась задремать, но у нее не вышло.

Где-то в глубине сознания у нее сидела мысль, что ей что-то надо сделать сегодня, и в пять часов она вышла на улицу одна, поймала ярко раскрашенное трехколесное такси и

поехала в Белем, на главный городской рынок, где они уже побывали сегодня. Если бы ее спросили, что ей там надо, она бы не ответила. Просто знала, что ей необходимо туда попасть.

Хотя на улице стало попрохладнее, на прилавках лежало меньше товара, и людей на рынке было куда меньше, чем утром, когда она и Мэтт здесь прогуливались. Леони бродила туда-сюда по узким проходам между лавками с матерчатыми навесами, вдыхая приторный аромат свежей рыбы и ананасов, хлюпая ногами по неглубоким лужам.

В Пасахе Пакито, той части рынка, где продавались медицинские товары, было еще многолюдно. Здесь каждый прилавок благоухал связками разноцветных ароматных корней, листьев и трав, уложенных в большие пластиковые корзины. Лежали связки толстых сигарет мапачо, скрученных из листьев дикого амазонского табака. Говорят, он такой крепкий, что способен отгонять злых духов. А еще здесь были буквально тысячи стеклянных бутылочек с надписями от руки, обещающими исцеление от СПИДа, запора, диабета, метеоризма, импотенции, бесплодия, неудач в бизнесе, злых чар, наведенных колдунами, и кучи всего другого, как реального, так и воображаемого.

Леони не чувствовала в Икитосе никакой угрозы или опасности. Люди здесь были наивны, любопытны и добры, и даже дети, ходившие за ней повсюду и просящие милостыню, глядя печальными олеными глазами, не слишком-то ей надоедали.

Больше всего ей понравился одиннадцатилетний Рамон, невысокий крепыш с красно-коричневой кожей метиса, изогнутым носом, выбитым передним зубом и хитрой ухмылкой эльфа из джунглей. С тех пор, как она прилетела сюда вчера вечером, когда он первый раз подошел к ней, она уже отдала ему долларов двадцать мелочью и купила ему и его друзьям три огромные порции гамбургеров с картошкой фри. Она заметила его сегодня бегущим следом за ней, когда поехала на такси из отеля, и совсем не удивилась, обнаружив его рядом посреди Пасахе Пакито задыхающимся от долгого бега. Должно быть, он бежал следом за такси не меньше мили.

— Дай доллар, — тут же сказал он, широко улыбаясь и обнажая дырку между зубов.

Леони шутливо махнула кулаком в его сторону.

— Все время деньги, деньги, деньги… у тебя так всегда, а, Рамон? А если у меня денег не будет, ты за мной и трех метров не пробежишь?

Рамон снова ухмыльнулся.

— Дай доллар, леди. Папа нет, мама нет, кушать хочется.

Леони начала торговаться с лавочником за приворотное зелье, в шутку думая испробовать его на Мэтте, и тут что-то притянуло ее внимание.

Буквально *притянуло*.

Это было очень неприятно, так, будто кто-то залез пальцами ей в голову. Повернувшись туда, куда ее потянуло, она увидела странную фигуру, стоящую в дверях лавки. Рослый, крепко сложенный мужчина в элегантном белом тропическом костюме.

Леони прищурилась. Сначала он показался ей молодым, но его лицо было немного скрыто тенью, и со второго взгляда она решила, что ему скорее сорок, чем двадцать. Поймала непроницаемый взгляд темных глаз, разглядела желтоватую кожу, высокие скулы, клочковатую бороду и жидкие темные волосы, свисающие до плеч. Он долгое время не сводил глаз с Леони, и она снова почувствовала это странное *притяжение*, возникшее в ее сознании. А незнакомец развернулся к ней спиной и исчез в глубине лавки.

— Кто это? — спросила она Рамона, который все еще крутился вокруг нее, выпрашивая доллар.

— Кто, миссис? — спросил мальчишка. На мгновение на его лице появилось выражение испуга и растерянности, но Леони успела заметить это прежде, чем оно исчезло.

— Этот мужчина, в белом костюме, — продолжала она расспрашивать, показав на дверь пустого магазинчика. — Ты его *видел*, Рамон! Не делай вид, что нет. Он только что стоял здесь и смотрел на меня. Как его зовут?

Но Рамон закрыл рот на замок. Он явно был чем-то испуган. И его ответ, что он никого не видел, вовсе не удивил Леони.

Когда девушка подошла к магазинчику, оказалось, что его полки пусты и там никого нет. Она прошла через магазин. Задняя дверь, распахнутая настежь, вывела ее на соседний рыночный ряд.

Что происходит? Куда исчез этот загадочный незнакомец? И как ему удалось проникнуть внутрь ее головы?

Внезапно Леони почувствовала, что ей обязательно надо его найти. Что это он — причина тому, что она оказалась на рынке в это время, когда больше половины лавок были уже закрыты. И тут она поняла, что если она уйдет, не поговорив с этим незнакомцем, то потеряет что-то жизненно важное.

Она продолжала стоять на месте, выглядывая через заднюю дверь магазина. В одну сторону проход вел обратно в город, в другую — к реке. Повинуясь инстинкту, Леони побежала в сторону реки.

Рынок постепенно сворачивался; лоточники паковали товар, собираясь по домам. Темнело. Сотни маленьких лодок принимали пассажиров с их нехитрым скарбом. Леони обогнула трех рычащих собак, дерущихся из-за каких-то объедков, с плеском пробежала через дурно пахнущую лужу и краем глаза увидела впереди мужчину в белом костюме.

— Эй, ты! — крикнула она. — Мистер! Подождите минуточку!

Он не свернул в сторону и не обернулся, лишь пошел вперед еще быстрее, заводя ее все дальше в трущобы, протянувшиеся вдоль реки южнее причалов и рынка.

Дневной свет быстро угасал, все вокруг приобретало зловещий бархатный оттенок, теплый и влажный воздух наполнило жужжание ночных насекомых.

Леони остановилась и вздрогнула. Она уже не была уверена, зачем побежала в глубь трущоб следом за незнакомцем.

Посреди *Амазонии*.

Последние лучи солнца выхватили кусок белой ткани его костюма, блеснувшего в тенях между лачугами, крытыми жестью. Будто в ответ на ее взгляд Леони снова почувствовала это странное *притяжение*.

В конце переулка виднелся узкий деревянный причал, шириной чуть больше метра, стоящий на сваях, как и множество лачуг вокруг него. Он протянулся в воды Амазонки метров на пятнадцать. Света едва хватало, чтобы увидеть того самого человека, за которым побежала Леони. Он стоял на середине пирса и глядел на воду.

Леони почувствовала, как ее руки коснулась маленькая ладонь, и чуть не подпрыгнула от испуга, но, обернувшись, увидела Рамона. Глаза мальчишки были похожи на два блюдца.

— Лучше уходить, миссис, — прошептал он. — Этот человек нехороший.

Леони снова бросила взгляд на причал, но стемнело еще сильнее, и она уже не смогла рассмотреть мужчину в белом костюме.

Затем раздался тихий всплеск.

Он нырнул?

Прищурившись, Леони вгляделась в темноту, но было впечатление, что там никого нет и никогда не было.

Позднее, когда она вернулась в отель, внутренний голос подсказал ей, что лучше не рассказывать об этом ни Мэтту, ни Баннерману. Они ее друзья, но ведь не обязательно рассказывать им о каждой совершенной ею глупости.

Глава 47

Рия боролась с собой. Любовь и верность семье приказывали ей нарушить древний кодекс поединка и напасть на Мёрха, но честь заставляла ее оставаться на месте.

Честь… Что значит честь, если на карту поставлена жизнь Хонда?

Но она продолжала оставаться на месте, не вмешиваясь.

Если бы Рия вмешалась, правила кодекса были четкими. Поединок прекращается, Мёрха объявляют победителем, его условия — Уродцев сожгут вместе с Рией — будут тут же выполнены, а жизнь Хонда будет принадлежать ему, с правом выбора способа казни.

Так или иначе, помешает она Мёрху задушить Хонда или нет, им всем не жить. Рия смирилась с этой неизбежностью, намереваясь умереть с достоинством. И тут в ее голосе зазвучал мыслеголос Бриндла.

— Бой еще не закончился, Рия!

И ее брат восстал из мертвых.

Мёрх все еще продолжал душить его, держа на вытянутых руках, но вдруг, хрипя, Хонд с последним отчаянным усилием поднялся на ноги и потащил за собой противника. На мгновение хватка Мёрха ослабла, и Рия услышала, как Хонд судорожно вдохнул. Теперь брату Рии наконец-то удалось освободится от захвата за шею. Затем, пользуясь превосходством в росте, он обрушил на противника град ударов, быстрых и мощных — один из них, ребром ладони правой руки, разнес Мёрху челюсть, — а потом принялся колотить его в грудь. Опустил плечо ниже, будто пытаясь опереться рукой о землю, и, крутанувшись в другую сторону, двинул Мёрху локтем в лицо.

Они не стали сразу бросаться друг на друга. Хонд хватал ртом воздух. У Мёрха был сломан нос, по его лицу текла кровь. Двадцать ударов сердца они кружили, только приноравливаясь друг к другу.

Рия опасалась, что Мёрх все еще не потерял боевого духа, но с облегчением поняла, что это не так. Он хотел схватить Хонда за горло и задушить; это был единственный прием, который он знал твердо. Но это не вышло, и теперь Мёрх был просто более старым бойцом, у которого не осталось больше никаких идей для продолжения боя.

Они снова принялись кружить. Хонд пришел в себя, и когда Мёрх снова бросился ему в ноги, он шагнул в сторону и ударил противника ногой. Тот, промахнувшись и пропустив удар, споткнулся и упал.

Хонд спокойно выжидал, медленно и глубоко дыша, пока Мёрх снова не пошел в атаку. Тут он сам сделал шаг вперед и нанес три коротких, жестких удара в сломанный нос противника, превратив его лицо в месиво.

Мёрх с грохотом осел, оглушенный, и Хонд ударил его сбоку ногой по голове. Противник упал навзничь. Не теряя времени, Хонд сел поверх него, прижав его плечи коленями к земле, и принялся молотить кулаками по лицу. На этот раз он не ограничился тремя ударами и бил до тех пор, пока лицо Мёрха не превратилось в кровавую маску, а Рия не сбилась со счета, считая удары.

Таков был кодекс поединка. Один воин, без чьей-либо помощи, должен был убить другого голыми руками.

Увидев, как его отца забивают до смерти, Григо потерял самообладание. С утробным ревом он ринулся на Хонда. Воины бросились вперед, чтобы преградить ему дорогу, но парень был быстроногим и ловким и увернулся от них. Слишком поздно Рия заметила поблескивающий в его руке длинный кремневый нож Иллимани. Тот самый нож, которым

убили Рила. Тот самый, который она добыла в бою и который Григо отнял у нее, когда она попала в засаду. Она едва успела пробежать десяток шагов, когда Григо вонзил нож в спину Хонда с такой силой, что острие вышло из груди.

Все ахнули, и старейшины, и народ племени, когда Григо оттолкнул в сторону обмякшее тело Хонда, вскинул Мёрха на плечо и побежал прочь.

Рия увидела, что Мёрх не умер.

Лежа на плече сына, он приоткрыл один глаз и с ненавистью посмотрел на нее сквозь заливающую глаз кровь.

Девушка рухнула на колени рядом с братом и взяла в руки его голову, всем сердцем желая, чтобы он выжил, но сразу поняла, что надеяться не на что.

Хонд погиб. У нее отобрали его, потом вернули, только для того, чтобы снова отобрать, уже навсегда. Он перестал дышать, и теперь даже волшебство Уродцев не вернуло бы его к жизни.

Рия обратила лицо к небесам, чтобы завопить от горя, но на ее лице даже не было слез. Ее печаль была холодна и чиста, а мысли ясны, как горный ручей. Положив Хонда на землю, она встала и подала знак Бонту и Бахату.

— Схватите Григо и Мёрха прежде, чем они сбегут. Они нарушили кодекс, и я желаю их смерти.

Она поспешила к костру, чтобы скорее освободить Уродцев, когда увидела, что Грайн, брат Мёрха, тоже не сдался. С окровавленным плечом, в том месте, куда его ударил копьем Хонд, он собирал вместе воинов, сторонников Мёрха, и теперь четверо ринулись наперерез Бонту и Бахату, а остальные окружили Григо и Мёрха, открыто выражая неповиновение.

Старейшины замерли от изумления, не способные быстро реагировать на происходящие события и воспользоваться своей властью. Но когда Ротас наконец встал со своего места, приняв ритуальную позу со скрещенными на груди руками, на площади воцарилась тишина. Поза означала, что он готов огласить приговор.

— Поединок проводится в соответствии с четким кодексом, издревле принятым, — провозгласил он. — Коварным убийством Хонда Григо оскорбил кодекс чести, и решение может быть лишь одним. ХОНД ПРИЗНАЕТСЯ ПОБЕДИТЕЛЕМ, ВСЕ ЕГО УСЛОВИЯ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ИСПОЛНЕНЫ. Рия и Уродцы свободны. Жизни Мёрха и Григо принадлежат Рии.

— Хрен тебе, принадлежат! — завопил Мёрх. — Мы уйдем отсюда, и попробуй нас остановить!

Несмотря на жестокие побои, он снова стоял на ногах рядом с сыном, посреди группы своих сторонников, которых уже набралось не меньше тридцати. Он держался уверенно, так, будто знал какой-то секрет, неизвестный остальным, и уже начал что-то им приказывать, когда ниоткуда со свистом прилетел одинокий дротик и почти вертикально вонзился ему в макушку. Проткнув мозг, раздробив нёбо, разодрав язык и вырвав нижнюю челюсть, острие вышло вниз, покрытое кровавыми лохмотьями плоти, а затем вонзилось в землю у его ног.

— Не стреляйте! — завопил Григо, глядя поверх голов собравшейся толпы, будто обращаясь к кому-то, находящемуся вдалеке. — ВЫ ОБЕЩАЛИ ПОДОЖДАТЬ, ПОКА МЫ САМИ НЕ НАЧНЕМ!

Но в воздухе уже угрожающе засвистели дротики с зазубренными кремневыми наконечниками. Они сыпались сверху на площадь, убивая мужчин и женщин, детей и старейшин, воинов и охотников, пока земля не покрылась убитыми и ранеными.

Небо будто потемнело, и тут обрушилась вторая волна дротиков.

Рию ранило в бедренную мышцу, болезненно, но не смертельно. Выдернув дротик, она подбросила его в руке, проверяя баланс. Лигар и Вульп тоже ранены, но не серьезно, биться могут. Из старейшин погибли Торга и Отри, Крант был ранен в ступню, но Ротас и Езида остались невредимы.

Почти весь народ Клана собрался на площади, чтобы следить за судом над Рией, но теперь, после двух залпов со стороны невидимого противника, оставшиеся в живых, заляпанные кровью, начали орать и разбегаться, не дожидаясь следующего залпа.

Все, кроме Кимпа и Чарда, отцов Дюмы и Вика. Не обращая внимания на опасность, они забрались на огромную кучу дров и хвороста, собранную, чтобы сжечь Уродцев. В их руках были топоры, а глаза их горели жаждой мести.

Глава 48

Леони вышла из крытой пальмовыми листьями *малоки*, длинного сарая, служившего местом проведения ритуалов в джунглях, в обустроенном Мэри Рак приюте, сделала шага три и согнулась. У нее было ощущение, что сейчас ее вывернет наизнанку. Это продолжалось до тех пор, пока она не покрылась испариной и не начала судорожно хватать ртом воздух. Никогда еще в жизни ее так не тянуло блевать, но желудок не желал отдавать свое содержимое, и спазмы, казалось, тянулись целую вечность. Потом в горле у нее появился мерзкий вкус айяхуаски, живот снова свело, и ее наконец вырвало. Ей было стыдно, что другие, сидя внутри, вынуждены слышать эти неприятные звуки, но не слишком. Прочистить желудок оказалось таким облегчением! Наконец она выпрямилась, сделала еще пару шагов вперед, вытерла рот тыльной стороной ладони и посмотрела в бескрайнее небо Амазонии.

Облаков было немного, сверкали звезды, высоко взошел серп луны, освещая волшебным светом джунгли, очерчивая каждый листик и веточку серебристым ореолом. В воздухе висели густые ароматы орхидей, гнили и запаха речной воды. Леони слышала свист и трели ночных птиц, жужжание насекомых, хлопанье крыльев летучих мышей, глухие удары и треск, производимые более крупными животными, пробирающимися через подлесок.

Она кашлянула и сплюнула. Брр! По сравнению с айяхуаской чистый ДМТ внутривенно — все равно что свежий ветерок. Просто воткнули в руку иголку, задвинули поршень, ХЛОП! — и ты в другом мире.

Айяхуаска тоже должна была бы дать такой эффект — по крайней мере, все так говорят. Но у Леони от одной чашки не случилось никакого ХЛОП.

Спотыкаясь, она пошла обратно к входу в *малоку* и заглянула внутрь. Простое прямоугольное помещение, где-то шесть на четыре метра, освещенное единственной мерцающей свечкой, стоящей на столе шамана.

Судя по всему, несмотря на всю рекламу, айяхуаска — обычный наркотик, ничем не лучше других. Если не примешь достаточную дозу, эффекта не будет.

Хотя от одной этой мысли ей скручивало живот, Леони собиралась продолжить эксперимент.

Они проплыли километров тридцать вверх по реке от Икитоса. Баннерман сказал, что, поскольку исследование проводится частным порядком, вне Соединенных Штатов и на законных основаниях, он намерен участвовать в нем не только в качестве наблюдателя, но и как подопытный.

— Мне надо оценить это на собственном опыте, — признался он.

Теперь, когда Леони принялась пробираться по *малоке*, она увидела, что Баннерман лежит на тонком матрасе, принесенном ими с собой; его глаза были закрыты, а на лице застыло выражение крайней сосредоточенности. При свете свечи Леони даже не могла понять, дышит ли он, но решила не проверять и прошла мимо него.

Она и Баннерман должны были находиться по левую руку от шамана, Баннерман — поближе. Мэри Рак и Мэтт сели по его левую руку.

Шаман расположился на полу в середине задней стены хижины, скрестив ноги. Перед ним стоял низкий столик, а по обе стороны от него были свалены две стопки матрасов. Посреди столика, рядом со свечой, стояла чашка, полная сигарет *мапачо*, толстых, как ружейные пули. Помимо разных кристаллов и фигурок из дерева и кости на столе стоял пузырек «Агуа Флорида», местного дешевого одеколона. Наряду с табаком, как объяснила Мэри, этот запах должен был изгонять из хижины вредные энергии. Еще на столе лежали две *чакапы*, связанные пучки сушеных листьев, которые можно было трясти, производя ритмичный и гипнотизирующий звук.

В первый час ритуала шаман некоторое время распевал высоким голосом странные песни, *икаро*, и потряхивал *чакапами*. Теперь же он сидел на полу, неподвижный, как истукан, цвета коричневой обувной кожи, с прямой спиной и темными глазами, поблескивающими в свете свечи. Шаман был низкорослым, не выше метра пятидесяти, но было в нем что-то такое, что заставляло его казаться выше ростом.

Его звали дон Эммануэль Альваро, и Мэри долго рассказывала, какая удача, что он согласился «держать поле» на их церемониях. Ему было восемьдесят шесть лет, и он был не метисом, а чистокровным индейцем шипибо, варившим айяхуаску с четырнадцати лет.

Что ж, круто.

Если не считать, что это варево не оказывало на Леони никакого действия.

Когда она попросила вторую чашку, Мэри Рак подползла поближе, не вставая с матраса у ног дона Эммануэля, и напомнила Леони, что шаман ни слова не знает по-английски.

— Рановато догоняться, — сказала она. — Отвар действует не сразу. Может, еще часок подождешь?

Леони села рядом с ней.

— Не думаю, — шепотом ответила она. — Эта айя меня вообще не зацепила, а мне нужно, чтобы зацепила как следует. Похоже, и тебе это варево не слишком помогло, — добавила она, оглядев Мэри с ног до головы.

— Уже действует, — заверила ее Мэри. — Поверь. Но я пью ее уже лет десять. Со временем ты научишься легко перемещаться между мирами.

Несмотря на английское имя, женщина-антрополог, по ее словам, по женской линии происходила от индейцев, а выглядела как испанская дама. Ей было под сорок, она была фигуристой, сексуальной, со смуглой кожей и темными глазами, излучающими всемирную печаль, и густыми, черными, как вороново крыло, волосами, ниспадающими на плечи.

— Скоро подействует, — Мэри постаралась успокоить Леони. — Потерпи, и почувствуешь. С айяхуаской лучше не усердствовать.

Но Леони была непреклонна.

— Мне нужно выпить вторую чашку.

Она рассчитывала на поддержку антрополога. Ранее та поведала ей всю историю своей жизни, и теперь женщина дружески обняла ее за плечи, а потом сказала пару слов по-испански дону Эммануэлю, который жестом подозвал Леони поближе. В этот момент Мэтт встал, поспешно подошел к выходу и растворился в темноте. Спустя мгновение Леони услышала, как его тошнит.

Дон Эммануэль оглядел Леони оценивающим взглядом. Потом протянул руку к столу, взял грязную пластиковую бутылку с темным, почти черным, со зловещим красным отливом,

отваром айяхуаски, несколько раз встряхнул и отвинтил пробку. Раздалось тихое шипение, и в горлышке бутылки поднялась красно-коричневая пена, переливавшаяся через край. Дон Эммануэль позволил пене стечь на землю, а затем налил граммов сто отвара, все еще пенящегося, в заляпанную керамическую чашку. Поставил бутылку обратно на стол, завернул крышку. Прикурил сигарету *мапачо* от свечи, взяв в руку чашку, и пустил несколько клубов дыма на плошку, что-то бормоча под нос на непонятном языке. Потом вручил напиток Леони, держа обеими руками, и знаком показал, что можно пить.

Леони взяла чашку, и в нос ей ударил непередаваемый мерзкий запах айяхуаски. У нее перехватило горло. Уф! Поглядев на питье, она вздрогнула, глядя на красно-черную блестящую густую жидкость. Сморщив нос, поднесла чашку к губам и в два глотка проглотила ее.

Ух! Ну и вкус! Уф! Брр! Раз в тысячу хуже, чем первая. Тошнотворная помесь запаха прелых ног, нечистот, гнили, серы, уксуса и шоколада. Пищевод защипало, и жидкость плюхнулась ей в желудок, едкая, как кислота из аккумулятора.

Вернувшись на свое место, Леони заметила, что Мэтт уже закончил прочищать желудок и лежит на своем матрасе, глядя на нее.

— Она просто невероятная, — сонно произнес он.

— Кто… она? — навострив уши, тут же спросила Леони.

Но Мэтт, похоже, не слышал ее.

— Она занята всей планетой и все равно находит время для нас, — невнятно пробормотал он.

Затем он закрыл глаза и более ничего не произнес.

Леони легла на спину и уставилась вверх, в темноту. Ведь должны же прийти видения, после двойной-то дозы?

Но сколько ей еще ждать? Полчаса? Сорок пять минут? Она посмотрела на часы. Они начали ритуал где-то в девять вечера, а сейчас уже был двенадцатый час.

Голова и тело отяжелели. Закрыв глаза, Леони задремала и проснулась, когда дон Эммануэль снова принялся отсчитывать ритм, потряхивая *чакапами*. Потом пропел *икаро*, настолько тревожно и настойчиво, что Леони расплакалась. На нее плотным туманом опустилась меланхолия, и она принялась со всей самокритичностью вспоминать эпизоды своей жизни, во всей их неприглядности.

Чем больше она думала об этом, тем сильнее становилась ее уверенность в никчемности и бесцельности всего ее существования. Да, иногда у нее что-то круто получалось, но, в основном, ее жизнь шла псу под хвост все эти годы, по ее собственной воле. Она припомнила бесчисленные случаи своей подлости, предательства, лжи и поверхностного отношения к окружающим людям. И ее охватило невероятное ощущение стыда и жалости к себе.

Леони снова глянула на часы. Время опять странным образом пролетело, уже почти час ночи. Прошло почти два часа с того момента, как она выпила вторую дозу. Остальные лежали рядом, погруженные в собственные миры, и лишь она оставалась, будто прикованная к этому грязному матрасу.

Леони встала на ноги, и тут же накатили головокружение и тошнота. Собравшись с силами, с трудом подошла к столику дона Эммануэля.

— Ты в порядке? — тут же насторожившись, спросила Мэри.

Леони села рядом с ней.

— Можешь считать меня сумасшедшей, но я решила выпить третью чашку отвара. Ты знаешь, почему мне так важно это сделать. Пожалуйста, поддержи меня и попроси шамана дать мне ее.

Женщина снова обняла ее, а потом шепотом заговорила по-испански. В конце концов дон Эммануэль встал и снова прикурил *мапачо*. Безо всяких объяснений он жестом приказал Леони наклониться вперед и начал окуривать ее клубами крепкого сладковатого дыма. Затем знаком показал, что ей надо встать, и принялся окуривать ее туловище и ноги.

— Они ведь пользуются этим, чтобы отгонять злых духов? — спросила Леони.

— Тихо, — ответила Мэри. — Лучше пока помолчи.

Положив недокуренную дымящуюся сигару на тарелку, дон Эммануэль взял в руку *чакапу* и принялся, потряхивая, водить ею вокруг Леони, одновременно делая сметающие движения и распевая *икаро*. Закончив, знаком приказал ей сесть, сам сел на землю, скрестив ноги, поглядел ей в глаза и что-то сказал.

— Он спрашивает, нет ли у тебя врага-шамана, — перевела Мэри.

— Не думаю, — ответила Леони. — Я ни одного шамана-то не знаю, кроме него.

Эммануэль снова заговорил по-испански. Выслушав его, Мэри пожала плечами.

— В любом случае, он видит так, что какой-то шаман тебя сглазил. Дон Эммануэль считает необходимым предупредить тебя, что когда айяхуаска примет тебя, ты станешь уязвима для этого шамана. Сказал, что постарается защитить тебя, но путешествие все равно будет трудным. Ты согласна рискнуть?

Леони задумалась. Она уже знала, что путешествие вне тела может оказаться опасным, и не сомневалась, что злые силы поджидают ее.

— Я готова выпить третью чашку, — сказала она.

Глава 49

Рия со всех ног бросилась к костру, но Кимп уже подобрался к ее друзьям. Они так и остались привязанными к шесту и теперь оказались в его власти. Будь у нее в руке камень, она бы сразу сняла его, но копье, особенно это странное копье Иллимани, было не ее оружием. Она метнула его, но просчиталась с балансом. Вместо того чтобы лететь прямо, копье наклонилось в воздухе тяжелым наконечником, крутанулось в воздухе, ударило Кимпа древком по лицу и с грохотом упало на дрова. Злобно оскалившись, тот схватил Бриндла за волосы, наклонил его голову вперед и замахнулся топором, но тут другое копье, запущенное с огромной силой, пролетело над плечом Рии. Это было копье Клана, а не вражеское, и оно вонзилось Кимпу в середину грудины, опрокидывая его. Кимп упал замертво рядом с Бриндлом.

Чард, бежавший следом за Кимпом, тоже добрался до Уродцев, но едва он замахнулся топором, в левый глаз ему попала стрела с такой силой, что наконечник вышел из черепа с противоположной стороны.

Крутанувшись назад, Рия увидела, что стрелял Лигар, который уже наложил на тетиву следующую стрелу и теперь глядел на нее с легкой усмешкой. Она едва успела понять, что мощный бросок, спасший Бриндла, сделал не кто иной, как старейшина Ротас, когда небо снова потемнело и на них в третий раз посыпались копья Иллимани. Ее снова слегка ранило, кремневый наконечник вскользь резанул ее по плечу, а вот Кранта и Езиду копья сразили наповал. Бонта легко ранило в спину, но он тут же выдернул дротик. Бахат остался невредим. Из привязанных к шесту тяжело ранило альбиноса Порто, но Бриндл, Джергат и Оплимар тоже избежали ранений.

Поскольку залп дротиков был нацелен на площадь, а большинство уцелевших после первых двух залпов разбежались, то сейчас жертв было намного меньше, но Рия, стоя на куче дров, увидела, что вокруг лежат сотни погибших.

Она наконец-то добралась до Уродцев, схватила топор Чарда и лезвием принялась разрезать веревки.

Дротик вспорол Порто живот, он еще был жив, но, судя по всему, испытывал невыносимую боль и вскоре должен был умереть. Когда Рия разрезала опутывающую его веревку, он упал и скорчился, издавая страшные вопли. Его ум посылал окружающим лишь ощущение страха и горести. В глазах Бриндла был ужас, Джергат еле стоял, полуживой от жажды и усталости. Лишь коренастый Оплимар сохранил самообладание. Рия услышала его мыслеголос, четкий и ясный.

— Рия, Иллимани придут сюда, чтобы собрать копья. Нам надо немедленно уходить!

«Что с Порто?» — подумала Рия, но тут Бриндл очнулся от ступора, взял у нее из руки топор Чарда и одним ударом избавил друга от мучений. Рия почувствовала облегчение, что не понадобилось спорить насчет того, что делать в такой ситуации. Поглядела на небо. Четвертый залп вряд ли заставит себя долго ждать.

Но вместо этого над площадью повисла зловещая тишина, которую нарушали лишь стоны и крики раненых и умирающих.

Где же Иллимани?

Пока продолжалось зловещее затишье, Рия спешно повела Бриндла, Джергата и Оплимара от шеста и подвела к Ротасу, Бонту, Бахату, Лигару и Вульпу.

— Вы знаете, что Уродцы — мои друзья, — сказала она воинам Клана. — Я прошу принять их к нам в союзники. Вчера они сражались ради меня и Хонда, когда мы бились с теми, кто напал на нас сегодня. Они будут на нашей стороне и теперь.

Бонт поглядел на нее так, будто ему предложили съесть кусок дерьма, а потом переглянулся с Лигаром.

— Даже и не думай, — предостерегла она его. — Если мы не будем действовать заодно, никто из нас не выживет.

— Много вопросов требуют ответа, — сказал Ротас. У Рии замерло сердце. — Но это подождет, — продолжил он. — Возможно, сейчас самым умным будет объединить силы с Уродцами, чтобы биться против общего врага. — Требовательно поглядел на Бонта и Лигара. — С этим-то вы согласны?

Бонт уже собрался возразить, но первым заговорил Лигар:

— Вопросы будем задавать потом, Бонт.

Немного пошептавшись, они кивнули, соглашаясь.

— А вы? — спросил Ротас, поглядев на Вульпа и Бахата.

— Согласен, — проговорил Бахат.

— Я тоже, — кивнул Вульп.

Серые глаза старейшины оглядели Рию.

— Дитя мое, если тебе уже доводилось сражаться с этим врагом, что бы ты сейчас посоветовала нам делать?

Копья летели из леса, с юго-восточного направления, по крутой дуге, падая на площадь практически сверху. Они могут метать копья на такое расстояние благодаря тем копьеметалкам, которые Рия уже видела в действии. Но откуда они знали — а они точно знали, судя по выбранному прицелу, — что этим утром на площади соберется весь народ Клана?

Ответ был очевиден. Григо и Мёрх их оповестили. Григо бахвалился своим знакомством с Сульпой, Мёрх боролся за власть в Клане. Именно этого они хотели добиться, организовав это представление с судом. Все люди Клана в одном месте, словно на бойне.

Но зачем? Пусть Мёрх и боролся за власть со старейшинами, но какая ему выгода в полном истреблении всего племени? Или он рассчитывал, что все пойдет по-другому? Просто забрать власть у старейшин, воспользовавшись поддержкой Иллимани?

Если его план и был таким, то Иллимани не дождались условленного сигнала — дыма от костра. Они не дали предателю времени уйти; им было плевать, выживет он в этой бойне или погибнет. И все еще не закончилось.

Если залпы дротиков нанесли такой огромный урон Клану, то что же случится, когда Иллимани пойдут врукопашную? Смогут ли они их остановить?

Рия села на корточки у тела Хонда, на мгновение положила руку ему на волосы, а затем с усилием выдернула длинный кремневый нож, которым Григо пронзил его сердце.

Нож Иллимани, которым убили двоих ее братьев.

Она тщательно вытерла лезвие шейным платком, свернула окровавленную ткань и убрала в карман жилета, а потом заткнула нож за пояс. И, не оглядываясь, первой пошла к дозорной башне, стоящей в паре сотен шагов на юг от площади.

Площадь, окруженная вкопанными бревнами, находилась в центре стойбища, располагавшегося на опушке большого леса, в излучине реки Змея. Воды, в которых утонули мать и отец Рии, были быстры и глубоки, представляя собой непреодолимую естественную преграду, защищающую стойбище с севера и запада. Но теперь река превратилась в ловушку. Выжившие, собравшие всех членов своих семей, имели возможность бежать лишь на юг или восток, именно туда, откуда летели копья Иллимани.

Забравшись на башню, Рия и ее товарищи, кроме Джергата и Ротаса, которым не хватило силы забраться, поглядели на толпу беженцев. Сотни перепуганных мужчин, женщин и детей шли через южную оконечность стойбища. Самые быстроногие уже достигли спасительного края леса и вдруг побежали назад. Даже с такого расстояния было видно, что их охватил ужас. Началась давка, послышались крики и ругань.

И тут из-за деревьев выбежали Иллимани. Их было не меньше тысячи, обнаженных, кровожадно орущих; они набросились на дезориентированных и перепуганных людей Клана, разя их топорами, копьями, дубинами и ножами. Немногим удалось прорваться и сбежать; другие, которых тоже было немного, отбивались, пока не погибли; большинство же попадало на землю, прося пощады. Где их и убили, подобно животным.

Многих, но не всех.

Несмотря на всю свою жестокость, Иллимани оставили в живых детей.

Глава 50

Если вторая чашка была в тысячу раз хуже первой, то третья, в свою очередь, показалась Леони в тысячу раз хуже второй. Хотя она заранее зажала нос, чтобы не чувствовать запаха, проглатывая мерзкое варево, Леони закашлялась, скривилась, когда густая жидкость потекла по языку и зубам, и вздрогнула от отвращения, ощутив жуткий привкус во рту.

Шатаясь, она подошла к матрасу, легла на спину, раскинув в стороны руки и ноги, и снова поглядела в темноту. На этот раз все пошло по-другому. Желудок еще не успел принять третью порцию, но в голове уже закружились цветные вихри света и энергии. Видимо, наконец подействовали первые две.

Все сильнее и сильнее, куда мощнее, чем она когда-либо испытывала.

Наркотик завладел ее телом, и Леони рывком вылетела из него, под крышу *малоки*. Оглядела остальных, лежащих на полу. А потом услышала в голове голос Синего Ангела. Слова звучали как заклинание.

— Найдешь меня у реки. Я буду ждать тебя.

Второй раз звать не было необходимости. Леони поднялась выше, но вдруг увидела, что дон Эммануэль смотрит прямо на нее, и в его глазах застыла тревога. Неужели он видит ее бесплотное тело? Пролетев сквозь тростниковую крышу к ночному небу, она почему-то ощутила укол вины.

Увидела, что не перешла в странный параллельный мир, а все еще находится на планете Земля, над джунглями Амазонии, в тридцати километрах от Икитоса, прямо над *малокой* и остальными домами приюта Мэри Рак. Луна стояла высоко, все так же освещая каждый листок и цветок; казалось, они были наполнены собственным огнем и колыхались, как живые.

Леони уже знала, что ожидать от путешествий вне тела, поэтому не удивилась, увидев свои руки и ноги. Знала, что может проходить сквозь твердые предметы. Тем не менее она предпочла идти по той же узенькой тропе, ведущей к реке, по которой много часов назад она с друзьями шла к *малоке*, добравшись из Икитоса на моторной лодке Мэри.

Но теперь здесь все было по-другому. Земля на тропе была покрыта светящимися узорами, будто ходами древоточцев в дереве, а с веток свисали громадные разноцветные змеи с рубиново-красными глазами и белыми, как слоновая кость, зубами.

Леони удалось взять себя в руки, она успокаивала себя рассказом антрополога и шамана. Мэри и дон Эммануэль предупреждали, что под воздействием айяхуаски она увидит змей, но они являются всего лишь плодом воображения и не смогут причинить ей никакого вреда.

Несмотря на это, она продолжала ощущать уколы страха и не могла понять, чем же нынешняя ситуация так не похожа на весь ее прошлый опыт.

Леони чувствовала необъятный простор джунглей, чувствовала присутствие неведомых созданий, видела густой подлесок, скрывающий дорогу, и начала быстрее скользить к реке, гладь которой уже проглядывала сквозь огромные деревья, мощные, как дома, высокие, как небоскребы, росшие вплоть до самого берега.

Тропа привела ее к причалу, у которого стояла моторная лодка Мэри.

Но сам причал из досок и гвоздей превратился в змею, длиной метров пятнадцать, с остроконечной головой, оказавшейся вдали от берега. Что бы там ей ни говорили об этих созданиях, Леони не могла заставить себя ступить на ее широкую спину, покрытую огромной, как паркетины, чешуей, несмотря на Синего Ангела, ожидавшую ее. Спиной к Леони, в алом одеянии, сверкая в свете луны длинными черными волосами, как в яркий полдень, она ничего не говорила, просто стояла, как изваяние, на самом краю причала, глядя на землисто-коричневую воду огромной реки.

Леони занервничала. Почему Ангел не смотрит на нее?

И тут она с ужасом увидела, что фигура на причале начала стремительно меняться. Волосы потеряли бархатный блеск, стали короче и грубее, приобрели сероватый оттенок, кожа поменяла цвет с синего на желтоватый, прекрасное лицо удлинилось и огрубело, появилась клочковатая борода, тело приобрело мужские формы, а алое одеяние, засверкав всеми цветами радуги, превратилось в белый костюм.

Леони отлетела назад и вверх, но почувствовала, что ее что-то держит. Попыталась вырваться, но только сильнее запуталась, так, что едва могла двигаться. Ее охватил страх. Что же случилось с ее бесплотным телом?

Сначала она не могла разглядеть, что ее держит, но потом увидела тонкие волокна красного света, почти невидимые, образующие гибкую решетку.

Ее поймали, как рыбу сетью.

Глава 51

Иллимани было так много, а их нападение было таким жестоким и неожиданным, что людей Клана перебили с ужасающей быстротой. Когда добивали последних взрослых, с высоты дозорной башни Рия увидела, как сотни детей окружили и согнали вместе. Их погоняли грубыми криками и жестокими ударами, им связывали руки за спиной, а потом соединяли в цепочки за шеи.

У Вульпа, Бахата и Бонта там были ближайшие родственники, в том числе двое маленьких детей Бонта.

— Что они делают с детьми? — хрипло спросил могучий воин. Рана от копья в спине все еще кровоточила, покрывая его ноги кровью, но он не обращал на это никакого внимания.

— По крайней мере, не убивают, — сдавленно сказал Вульп. Рия видела, как он пытается бороться с обуревающими его чувствами. — Остальных они уже убили.

— Не всех, некоторые убежали в лес, — пытаясь их подбодрить, сказал Лигар.

— Мы должны спасти детей. Немедленно, — не слушая его, сказал Бонт. — Если не поможете, я пойду один.

— Он думает, что стоит целой армии, — раздался в голове Рии мыслеголос Бриндла, — что сможет сражаться с любым врагом. Но если я не залечу ему рану в спине, он скоро истечет кровью.

Рия оглядела побоище у границ стойбища. Далеко, почти тысяча шагов, их вряд ли заметят, если они не будут высовываться, но нельзя сидеть здесь вечно. В любой момент захватчики могут послать сюда отряд, чтобы осмотреть площадь и занять смотровую башню, которая является важным объектом в любой войне. И тогда их поймают.

А бежать некуда. На юге путь в лес преграждает орда Иллимани. На севере — река Змея.

— Мы обязательно тебе поможем, — сказала Рия Бонту и поглядела на остальных воинов Клана. Те явно поддерживали ее.

Она первой начала спускаться с башни по системе лестниц. Следом полез Бонт, с каждым шагом с его спины падали капли крови. За ними последовали Лигар, Вульп, Бахат и Уродцы.

Ротас ждал их у подножия башни, но Джергата нигде не было видно.

— Ты не знаешь, куда он пошел? — сказал старейшина. — Сначала лежал, будто без сознания, а возможно, он просто был мертв. Потом я на мгновение отвернулся, а когда посмотрел снова, его уже не было.

Рия переглянулась с Бриндлом; тот явно не испытывал никакого беспокойства по поводу Джергата. Затем рассказала Ротасу про нападение Иллимани и про все, что они увидели с башни.

— Мы собираемся спасать детей, — сказала она.

— Но это верная смерть! — воскликнул старейшина. — Если напавших действительно не одна тысяча, мы ничего не сможем. Нас убьют сразу же, как увидят.

— Нас убьют в любом случае, — буркнул Бонт. — Бежать некуда. Я иду спасать моих детей.

— Я с ним, — тут же поддержала его Рия.

— Похоже, другого выхода у нас нет, — подумав, согласился Ротас.

И вдруг со стороны площади появился Джергат. Он выглядел энергичным, полностью оправившимся от того, что испытал перед намечавшейся казнью. Джергат протянул Рие привычно и приятно тяжелый мешочек из оленьей кожи.

— Нашел твои камни, — мысленно сказал он ей. — Владычица Лесов показала мне, где искать…

— Синяя женщина?

— Разбудила меня, когда я спал, — ответил Уродец. — Сказала мне: «Эй, Джергат, у тебя есть дело, помнишь? Ты должен собирать камни для Рии».

Его мыслеголос сопроводил образ восхитительной женщины с темно-синей кожей и длинными черными волосами, той самой, которую Рия видела, когда отправилась в путешествие при помощи «Маленьких Учителей», чья сила спасла ее от ужасной реки в мире духов. Она предупреждала Рию об испытаниях. Затем появился другой образ: она увидела тело воина, подручного Мёрха, забравшего у нее мешочек с камнями этой ночью. Теперь его тело лежало на площади, пронзенное дротиком Иллимани, как и тело его хозяина.

Позади послышался гневный рык. Она обернулась и увидела, как Бонт со всей силы ударил Бриндла кулаком в лицо.

— Еще раз тронешь меня — убью! — заорал Бонт.

— Что такое, Бриндл? — мысленно спросила Рия.

— Говорил же, Бонта надо исцелить, иначе он умрет, — ответил Бриндл. Его скула начала опухать, кожа на ней была рассечена. — Попытался наложить руки, чтобы исцелить, но ему не понравилось.

Рия посмотрела на Бонта. Тот уже побледнел от потери крови, но все еще стоял, сжав кулаки. Его темные глаза, казавшиеся маленькими на огромном лице, глядели с подозрением. И тут, грозный, как готовый ринуться вперед носорог, он вдруг поскользнулся, колени его подогнулись, и он плюхнулся на землю. Но так и не потерял сознание.

— Слушай, Бонт, — сказала Рия. — Уродцы владеют даром исцеления. Дай им шанс, и они вылечат тебя прямо сейчас.

Сев, Бонт что-то невнятно забормотал.

— СЕЙЧАС НЕКОГДА! — заорала Рия и перевернула его на живот. Бриндл, Оплимар и Джергат тут же подошли ближе, встали на колени, соединили руки и начали свой ухающий распев.

— Что происходит? — тут же спросил Вульп. — Откуда нам знать, что они не убьют его?

— Даю тебе слово, — сказала Рия.

— И я тоже, — сказал Лигар, натягивая лук. — Исцелите моего друга, или я вас убью, — сказал он Уродцам.

Бриндл не обратил внимания на угрозу и положил ладонь на пузырящуюся рану в спине Бонта.

— Копье вошло слишком глубоко, — услышала Рия его мыслеголос. — Возможно, нас мало, чтобы волшебство сработало.

Но из его пальцев тут же заструился голубой свет, и область раны охватило волшебное сияние. Оно становилось все ярче, пока не стало ослепляющим. Тело Бонта задрожало, а затем поднялось примерно на ладонь над землей, так и не изменив положения.

Вульп отшатнулся, выругавшись и взмахнув рукой, будто защищаясь, Бахат сделал знак против дурного глаза, а Лигар натянул лук на полную и навел стрелу в голову Бриндлу. Спокойствие сохранил лишь Ротас. Скрипя суставами, он опустился на колени и провел рукой под телом Бонта, убедившись, что его ничто не поддерживает.

— Поразительно, — сказал он. — Я слышал о таком, так исцеляли в старину, но никогда не верил, что это правда.

Распев Уродцев достиг наивысшей точки и тут же прекратился. Тело Бонта опустилось на землю. Он был в сознании все это время и тут же перекатился на спину и сел, потирая голову.

— Кровотечение остановилось, — раздался мыслеголос Бриндла в голове Рии. — Дали ему энергию. Наполнили его тело волшебством. Рана исцелится.

— Он сможет бежать? — спросила Рия. — Сможет драться?

Но Бонт сам ответил на ее вопрос, тут же вскочив на ноги. Спустя мгновение Рия поняла, что заставило его это сделать. Вокруг площади стояло много хижин-мазанок. Там, где они заканчивались, в сотне шагов от дозорной башни, на открытое место выскочил десяток до зубов вооруженных воинов Иллимани. Они побежали на них, издавая утробные боевые кличи. Все воины были с ног до головы вымазаны кровью. У некоторых к поясам были привязаны свежеотрубленные человеческие головы, у других на шеях висели ужасные ожерелья из отрезанных мужских гениталий, а один даже был одет в снятую с человека кожу. Все они надвигались на небольшую группу воинов Клана и Уродцев, стоящих у подножия башни.

После массового бегства с площади повсюду валялось оружие. Рия достала из мешочка первый кварцевый камень, а Бонт схватил обоюдоострый боевой топор. Подбросив его в руках, он взмахнул им по широкой дуге и с ревом бросился на Иллимани.

Глава 52

Мужчина в белом костюме ухмыльнулся, глядя на Леони, и приоткрыл рот, наполненный загнутыми внутрь треугольными зубами.

Ей захотелось оказаться подальше от него, но улететь она не могла. Паутина из красного света, опутавшая ее бесплотное тело, крепко держала ее, и теперь демон быстрыми движениями начал подтягивать ее к себе, как рыбак, выбирающий сеть. Когда он заговорил с ней, его полузакрытые глаза хитро блеснули.

— Это волшебство сотворил я! — надменно заявил он. — Очень сильное, да?

Еще один рывок, и Леони оказалась с ним лицом к лицу.

— Видишь? Ты не можешь сопротивляться!

С этими словами он схватил зубами нити сети и нырнул в реку, таща ее за собой.

Только это была уже не мутная вода Амазонки, а какое-то странное прозрачное вязкое желе, больше походящее на огромный сгусток мутных соплей. А ее противник преобразился из мужчины в чудовищную белую акулу.

Леони почувствовала, что сходит с ума от страха. Если так будет продолжаться, вполне возможно, что она абсолютно *облажается*. С ней однажды уже такое случалось, во время неудачного опыта с кислотой.[2] Но сейчас это пленение, *похищение*, было куда страшнее, чем тогда: Леони чувствовала всю неизбежность происходящего. Она старалась постоянно напоминать себе, что здесь она вне тела, что если с ней что и случится, то ее физическое тело останется в полном порядке. Уведут только ее дух, освобожденный айяхуаской.

Леони подумала, что похитителем может оказаться Сульпа в одном из своих многочисленных обличий, но потом решила, что то восхитительное чудовище, которое она видела купающимся в крови детей, вряд ли станет похваляться своей магической силой, как сделало это.

Мощным усилием воли Леони обуздала панику и вгляделась в окружающую ее густую жидкость. Из реки та превратилась в океан, наполненный светящимися частицами. Огромная белая акула направлялась в бездну, водя из стороны в сторону массивным хвостом и таща за собой Леони при помощи световой сети. Девушке казалось, что они падают в пропасть.

Леони снова ощутила приступ сковывающего страха, но тут внезапно она заметила юркого изящного дельфина. Поразительно, но он был малинового цвета. Дельфин возник в облаке пузырьков. Мгновение он глядел на нее большими миндалевидными любопытными глазами, а затем исчез так же внезапно, как и появился. Что бы это значило, только и успела подумать Леони, когда из глубины начала подниматься змея, размером больше атомной

подводной лодки. Она была бородатая, как китайский дракон, а ее голова была украшена большим плюмажем из перьев, во лбу горел рубин размером с легковой автомобиль, глаза блестели, как аметисты, а зубы походили на огромные кристаллы кварца. Змея широко зевнула, открыв вращающийся водоворот в ее глотке.

Акула потащила Леони прямиком в пасть чудовища. Их закрутило бешеным водоворотом и втянуло в изгибающийся светящийся тоннель шириной с дом, стены которого были покрыты сверкающими самоцветами.

Леони поняла, что это тот же тоннель, приведший ее когда-то в «землю, где все становится известно». Несмотря на всю странность и очевидные отличия, похоже, все эти тоннели и водовороты были частью какой-то сложной системы за пределами ее понимания; она должна была обеспечивать путешествие из одной реальности в другую, из мира в мир, из настоящего в прошлое — если Мэтт был прав насчет Сульпы, — и даже из мира живых в мир мертвых.

После последнего мощного вращения Леони выкинуло на холодный каменный пол рядом с ее похитителем, снова принявшим человеческое обличье. Тоннель закрылся и исчез, так, будто его никогда и не было, не оставляя обратного пути. Одновременно Леони поняла, что снова находится в своем собственном теле и на ней все такая же простенькая одежда — точно такая же, как в «земле, где все становится известным».

Но оказалась ли она в том же самом мире теперь? Понять это было невозможно, поскольку они очутились в пустом прямоугольном помещении, едва освещенном каким-то невидимым источником, находящимся на уровне пола. В помещении не было окон, и оно было больше похоже на пещеру размером с собор. Колоссальные стены, состоящие из блоков красного гранита, терялись наверху в темноте.

Леони попыталась подняться на ноги. Черт! Сеть, опутывающая ее бесплотное тело, исчезла; ее заменила цепь на шее, присоединенная к кожаному поводку, который держал в руке ее похититель. Он тряхнул поводок, и звенья цепи зазвенели. Леони начала кашлять и задыхаться.

— Мне удалось очень хорошо провести тебя, очень ловко! — принялся бахвалиться мужчина. — Я, дон Аполинар, сделал это с помощью магии, и ты не смогла противиться ей. Что ты на это скажешь?

И он снова дернул поводок.

Леони схватила цепь обеими руками и резко дернула на себя.

— Ты задница, — прошипела она. — Вот что я скажу.

Аполинар зашатался от ее рывка.

Леони немного отпустила цепь, выставив указательный палец правой руки. Она не знала, зачем это делает, но из пальца вырвался поток энергии. У Аполинара расширились глаза, и он снова зашатался, будто от невидимого удара кулаком. Бросил поводок и отошел на несколько шагов назад.

— Значит, у тебя есть сила, — сказал он.

Леони шагнула к нему, он снова отступил. Еще один шаг. Снова отступил.

— Но ты не умеешь ей пользоваться!

Он выпрямил руку и сжал пальцы в кулак. Леони тут же потеряла способность двигаться и упала на гранитные плиты. Не могла ни сопротивляться, ни говорить. Дон Аполинар наклонился над ней и запустил пальцы ей в голову.

Глава 53

Расстояние между двумя группами сократилось до шестидесяти шагов, Иллимани быстро приближались. Бонт не раздумывая ринулся в атаку. Двенадцать против девятерых, но Рия намеревалась изменить это соотношение. Вздрогнув от боли в ребрах, она метнула первый

камень, прицелившись в мужчину, одетого в снятую с человека кожу, хлопавшую на его запястьях кусками плоти. Мразь! Кем они себя считают?! Камень попал врагу в голову, и тот упал. Схватив второй, Рия прицелилась в следующего воина, чья шея была украшена ожерельем из отрезанных членов. Камень угодил в нос. Кровь брызгами полетела в разные стороны, воин рухнул на колени, схватившись за лицо.

Когда Рия выхватила третий камень, рядом с ней мелькнула тень. Лигар натянул лук и всадил стрелу в глаз одному из врагов. Воин Клана тут же наложил на тетиву следующую и попал другому в живот. Могучий воин с воплем упал. Третья стрела Лигара вонзилась очередному Иллимани в грудь с такой силой, что наконечник вышел из спины. А Бонт уже подбежал к ним, с невероятной силой размахивая обоюдоострым топором и прорубаясь через врагов, как через кусты. Первому одним ударом снес голову, другому рубанул по туловищу, и из раны хлынул фонтан крови. Потом взмахнул топором в обратную сторону, попав третьему в лицо. Тот отлетел от удара так, что ноги его оторвались от земли.

С отчаянными боевыми кличами трое оставшихся ринулись на Бонта, тесня его и стараясь подобраться к нему так, чтобы он не смог защищаться топором. Лигар метался из стороны в сторону, пытаясь прицелиться, а Рия наконец метнула третий камень, сбив с ног еще одного Иллимани. На ногах остались двое огромных мужчин; у одного были привязаны к волосам члены, а другой украсил свой пояс отрубленными головами противников. Он-то и начал бороться с Бонтом.

Но Бонт, казалось, после исцеления был переполнен новой бурлящей энергией. Бешено заорав, он отшвырнул назад противников, взмахнул топором, держа его обеими руками, и попал одному из врагов в грудь. Второй принялся кружить, делая выпады длинным ножом, но Бонт плашмя ударил того по руке с оружием, прижал выпавший нож ногой к земле и с такой силой обрушил топор на противника, что разрубил тому голову до самого подбородка. В стороны полетели ошметки мозга, осколки костей и зубов.

Воин с грохотом рухнул на землю у ног воина. Бонт триумфально взревел, потрясая в воздухе окровавленным топором.

— КТО ЕЩЕ?! — торжествующе вскричал он.

Ответ на вопрос тотчас пришел. Могучий Иллимани, покрытый буграми мускулов и с головы до ног залитый кровью, держа в руках топор еще больше, чем у Бонта, вышел из прохода между хижинами на главную тропу лагеря, шагах в двухстах к югу от них. Он был лыс, но, будто в качестве компенсации, на его кожаном поясе болтались четыре головы жителей Клана, привязанные за волосы и слепо глядящие открытыми глазами. Головы были отрублены совсем недавно, из них все еще текла кровь. Что-то выкрикнув Бонту на резком гортанном наречии Иллимани, он развязал пояс, отбросив его в сторону, вскинул топор и решительно двинулся вперед, уверенно и угрожающе. Следом за ним из боковых проходов начали выходить остальные воины Иллимани, один за другим.

Рия поняла, что это следующая поисковая группа и их человек сорок. Плотной группой они пошли вперед, а затем, шагах в ста от них, остановились и выстроились в две шеренги.

Лигар выпустил стрелу и попал одному воину в горло. Рия схватила в обе руки оставшиеся два камня и побежала вперед. С восьмидесяти шагов кинула первый, попав в лоб лысому воину. Камень ударил в кость со звонким стуком и отскочил. Непонимающе глядя перед собой, Иллимани постоял, потом уронил топор, глаза его закатились, и он наконец упал.

Рия бежала вперед, а мимо нее со свистом летели стрелы Лигара. На земле оказались еще двое. Третий, получив стрелу в глаз, с воплем схватился за лицо и упал навзничь.

С сорока шагов Рия бросила второй камень и, попав в голову, свалила еще одного противника. Поняв, что слишком удалилась от своих, затормозила шагах в двадцати от врага и достала из-за пояса длинный кремневый нож.

Топая могучими ногами, к ней подбежал Бонт, не выпуская из рук огромного топора. Следом подоспел Лигар, но, мельком глянув на него, Рия увидела, что у него кончились стрелы. Положив на землю лук, он тоже достал из-за пояса нож.

Рядом с ними оказались Бриндл, Оплимар и Джергат, вооружившись подобранным оружием. Джергат держал короткое метательное копье Иллимани и зазубренный кремневый нож, отобранный у убитого Бонтом воина. Оплимар держал в правой руке большой боевой топор, а в левой у него был небольшой томагавк. Бриндл вооружился большой боевой дубиной, из навершия которой торчали острые куски кремня.

Следом встал в строй Вульп. Его длинные седые волосы развевались, а руки сжимали по длинному ножу. Вместе с ним подбежал и смуглый бородатый Бахат, размахивая боевым топором.

Последним подоспел Ротас. Он двигался медленно и с достоинством, держа в руках массивное боевое копье воина Клана с длинным листовидным наконечником.

На мгновение две группы воинов застыли. Тридцать с лишним против девятерых. В полной тишине они оглядывали друг друга, разделенные лишь узкой полосой утоптанной земли. Но вдруг вдалеке, от края стойбища, там, где держали плененных детей, раздался мощный крик остальных Иллимани — тысячи грубых хриплых голосов, в унисон повторяющих одно слово.

Суль… Па!

Суль… Па!

Суль… Па!

От этого имени, особенно выкрикиваемого с такой силой, шел холод по спине. Воины Иллимани прислушались, а потом на их лица, будто снег, свалилось выражение полного безразличия, и, заорав, они ринулись на Рию и ее товарищей.

Глава 54

Тело, в котором очутилась Леони — очутилась, жила, может даже и обладала им, — было вполне похоже на обычное земное, со всеми его функциями. Но с ним, как выяснилось, можно было делать то, чего даже в голову не придет в обычном мире.

Например, то, что произошло сейчас, отчего она лежала на каменном полу, полностью парализованная.

Встав на колени у ее плеча, дон Аполинар засунул свои толстые пальцы ей в голову и по-хозяйски шарил внутри, прямо в мозгу. Боль и обида были невыносимы. Все равно что изнасилование: лежишь, онемев, терпишь бесчестье, но остаешься в живых.

— Ты это не спрячешь, — сказал он. — При помощи моей магии я обязательно это найду.

«Спрячу что?» — только и успела подумать Леони, когда он прикоснулся ей к голове за ушами и запустил внутрь всю пятерню. Голова взорвалась новой болью.

— Говори, где оно, — зашипел Аполинар.

— Где твоя магия, ты, клизма? Я даже не знаю, о чем ты говоришь!

Аполинар задумался, и его лицо исказила гримаса оскорбленного мужского достоинства. Его пальцы на две фаланги проникли в голову девушки.

— Сокровище! — рявкнул он. — Которое она спрятала в твоей голове.

Пальцы погрузились глубже, и тут до Леони наконец дошло, что ему было нужно. Он говорил о кусочке кристалла, который Синий Ангел вставила ей в левый висок!

Зачем-то он ему нужен. Аполинар назвал его сокровищем. Может, именно за этим он ее и похитил.

Леони попыталась подавить мысли об операции, совершенной Синим Ангелом, и тут дон Аполинар удовлетворенно хмыкнул. Он читает мысли, поняла Леони.

— Как легко ты сдалась, — начал похваляться он. — Как ребенок. У тебя есть сила, но я превосхожу тебя.

Он коснулся рукой ее виска, прямо над тем местом, где находился кристалл. Сунул внутрь большой палец.

— О, я умен так умен, — продолжал он хвастаться. — Это *моя* магия, *моя*, что помогла мне найти сокровище!

Ткнул пальцами глубже, что-то поймал и удовлетворенно хмыкнул. Леони завопила, боль была невыносимой. Аполинар лишь усмехнулся.

— Да! Да! — заорал он так, будто у него случился оргазм. — Я получу его!

Леони поглядела в его глаза, темные, как закопченные зеркала. Будучи парализованной, она не могла воспрепятствовать ему забрать кристалл. Теперь он убьет меня, поняла Леони. Но, продолжая так же крепко держать кристалл, он вдруг на что-то отвлекся. Заколебался, наклонил в сторону голову, будто к чему-то прислушивался.

Леони тоже услышала этот звук. Еле различимая священная песнь *икаро*. Аполинар ослабил хватку. Оставив ее на полу, лежащую и беспомощную, он вынул пальцы из ее головы и вскочил на ноги. Гранитная стена треснула, и из трещины вылетел, как молния, небольшой коричневый орел. Он направлялся прямо к дону Аполинару, и тот пригнулся, чтобы увернуться, но орел располосовал ему когтями лицо и сел на пол рядом с Леони. Птица начала превращаться в человека, и Леони почувствовала прикосновение руки к плечу.

Конечно! Это же дон Эммануэль!

Паралич тут же отпустил ее. С трудом поднявшись на ноги, она сорвала с шеи цепь с поводком и бросила на пол.

Мужчины кружили друг напротив друга, глядя глаза в глаза, и между ними искрились потоки мощнейшей энергии.

Жестом дон Эммануэль приказал Леони отойти, и она встала позади него. Хотя девушка и понимала, что оба мужчины находятся здесь в телах-аватарах, наделенных способностями, невозможными на земле, она сразу почувствовала, что схватка неравная. И не потому, что один старый и низкорослый, а другой высокий и в расцвете сил. В этих мирах постоянных трансформаций подобное не играло никакой роли. Скорее, она почувствовала значительную разницу в *силе* между старшим и младшим. Вокруг дона Аполинара зависла зловещая аура злобы, кровожадности и зла, с которой дон Эммануэль был справиться не в состоянии.

Продолжая кружиться, они начали головокружительные превращения. Дон Аполинар превратился в медведя, потом в волка, а потом во льва. Дон Эммануэль становился последовательно оленем, удавом и кайманом. За превращениями было не уследить, образы слились в калейдоскоп мгновенных картинок, и тут они столкнулись, не переставая менять сущности. Превратившись в тигра, дон Аполинар вцепился в шею дона Эммануэля, преобразовавшегося в быка. Дон Эммануэль обернулся дикобразом, с легкостью освобождаясь от хватки, а потом обратно в быка, и отшвырнул тигра рогами. Но тигр уже был гигантской змеей, которая начала обвивать быка своими кольцами. Бык обернулся мышью и ускользнул, тут же превращаясь в злобного пса.

Бегая по краю, Леони не нуждалась в уговорах, чтобы держаться подальше от дона Аполинара, совершающего бесчисленные превращения. Дон Эммануэль снова обернулся орлом, но в его атаках уже чувствовалась усталость. Дон Аполинар преобразовался в белого ягуара, светящегося убийственной мощью. Прыгнул, выставив когтистые лапы, и поймал дона Эммануэля в полете. Когти пробороздили крыло, вырывая перья, брызнула кровь, раздался хруст птичьих костей, и орел рухнул на пол.

И тут мужчины вернулись в человеческий облик. Дон Аполинар торжествующе стоял, широко расставив ноги, над низкорослым шаманом племени шипибо, лежащим на полу. Из плеча шамана текла кровь, левая рука была наполовину оторвана и сломана в трех местах. Его расширившиеся глаза остекленели.

— Глупый ничтожный знахарь, — зарычал дон Аполинар, — твоя магия слаба, а моя сильна. — Он наклонился. — Наверное, надо убить тебя прямо сейчас, а? Может, сердце вырезать?

Ошеломленная Леони смотрела, как дон Аполинар достал из кармана белого костюма длинный тонкий нож.

Глава 55

Дубина вскользь попала Рии по плечу, и левая рука онемела, но она удержала равновесие, поднырнула под руки противнику, вонзила ему в живот нож и тут же вытащила с поворотом. Еще двое воинов ринулись на нее, сверкая бешеными голубыми глазами. Ей удалось увернуться от очередного удара, проскользнув между ними. Она ткнула ножом одного и резанула по горлу второму. Бриндлу тоже приходилось тяжко: трое воинов Иллимани теснили его, но он не звал на помощь. Никто не звал. Бахат уже упал, Лигар тоже… Рия увернулась от тычка копьем, но лезвие резануло ей по руке, и тут же что-то тяжелое ударило ей в голову сбоку. Внезапно будто гора обрушилась на нее. Девушка оказалась на земле, среди бледных и волосатых ног Иллимани. Попыталась подняться, махнула вслепую ножом, но на нее обрушились новые мощные удары, и Рия провалилась в темноту.

Когда сознание начало возвращаться, Рия почувствовала, что ее волокут по земле, крепко держа за волосы. Ее тело жестко ударялось о кочки и камни. Сердце колотилось; с той стороны, где она получила удар дубиной, звенело в ухе. Рия моргнула и поняла, что глаза залиты кровью. С трудом подняла руки и протерла их. Рослый молодой Иллимани тащил ее к площади с такой силой, что ей казалось, что еще немного, и ее скальп окажется в руке у Иллимани. И тут она разглядела у него за поясом нож — рядом с отрубленной головой, связкой членов и другими мерзкими трофеями.

Когда воин принялся протаскивать ее между двумя огромными бревнами из тех, что окружали площадь, она вскинула руки и крепко схватилась за его мощное предплечье, глубоко вонзив ногти, а затем дернула всем весом, попытавшись встать на ноги. От неожиданности воин споткнулся и ослабил хватку. Рия пошла в атаку: с воплем выхватила у него из-за пояса нож, вонзила ему в пах и снизу вверх вспорола живот. Завопив от боли, воин рухнул на землю, а Рия почувствовала, как ее сердце наполнила безумная радость. Где еще Иллимани, чтобы убить его? И тут большой кулак полетел ей прямо в лицо, и она снова упала на землю. Нож вырвали у нее из рук, в ушах звенело, перед глазами замелькали звездочки.

Поморгав, чтобы смахнуть с глаз кровь, Рия поглядела вверх. Голова кружилась. Над ней стоял Григо с ножом в руке, окруженный воинами Иллимани.

Она еще не пришла в себя, чтобы сопротивляться. Григо разрезал ножом ее штаны и сдернул их, обнажив ноги.

— Ты — часть моей награды, — сказал он, засовывая за пояс отобранный у Рии нож. — Владыка Сульпа отдал тебя мне. — Он нахмурился. — Думаю, ты не понимаешь, что это значит.

Наклонившись, роняя ей на лицо капающую с губ слюну, он схватил ее за волосы и рывком повернул на живот, а потом раздвинул ей ноги коленом.

— Это значит, СУКА, что я наконец-то тебя трахну. А потом сожгу, вместе с твоими друзьями.

Повернув голову, Рия увидела, что ее друзья еще живы. Их снова согнали вместе в центр незажженного костра на площади. У Бриндла текла кровь из большой раны на голове, и Бонт держал его в своих огромных ручищах, как ребенка. Бахат лежал на земле в луже крови, но шевелился, значит, еще был жив. Впрочем, судя по всему, это не должно продлиться долго. Лигар был ранен. Вульп, Ротас, Оплимар и Джергат выглядели получше, но тоже получили серьезные ранения.

Григо оперся правой рукой о шею Рии, и она почувствовала, как он, упершись коленом ей промеж ягодиц, вертится, пытаясь одной рукой развязать свои штаны. Похоже, сделать это одной рукой ему не удалось, и он убрал правую руку с ее шеи. Рии почему-то стало смешно.

— В чем дело, Григо? Член не можешь найти? — Она приподняла голову.

Собравшись в круг, нагие воины Иллимани, с оружием в руках и копьеметалками за плечами, начали что-то выкрикивать на своем грубом гортанном языке, видимо, подбадривая Григо. Хрюкнув, тот стукнул Рию по затылку и наконец-то снял штаны, открыв всеобщим взорам свой бледный обвисший член.

— Только поглядите! — засмеялась Рия, стараясь сдержать тошноту. — У него даже не встал!

Пятеро воинов, ближайшие от них, засмеялись следом за ней, и Григо пришел в бешенство.

БАМ! Кулак снова полетел ей в затылок, и она упала, повернув голову набок и широко открыв глаза. Григо был целиком занят своим вонючим, безвольно висящим органом — Рия чувствовала мерзкий запах даже на расстоянии, — а воины Иллимани были слишком увлечены зрелищем, поэтому только она заметила Дриффа, обнаженного, как и его соплеменники, проталкивающегося к ним с двумя томагавками в руках. Пройдя прямо сквозь кольцо воинов, прежде чем кто-то понял, что происходит, он подошел к Григо, рубанул ему томагавком по лицу, выдернул топор из раны и ногой отшвырнул насильника в сторону.

Сначала Иллимани никак не среагировали, будто предательство одного из их племени было вне их понимания. С бледным лицом Дрифф бросился на соплеменников, и в течение одного удара сердца трое уже лежали, вопя от боли и истекая кровью. На их место бросились двое других, но тоже упали под ударами томагавков. Теперь фактор неожиданности исчез, и на Дриффа ринулись остальные воины, охранявшие у костра пленников. Дрифф получил удар копьем в бок и скользящий удар дубиной по голове. Еще немного, и его сомнут.

Полунагая, побитая и окровавленная, моментально забытая остальными, Рия вскочила на ноги. Не обращая внимания на пронзающую тело боль, она вырвала нож из-за пояса Григо и ринулась в бой. Ткнула одного из напавших на Дриффа в спину, вонзив длинное лезвие между ребер, и выдернула его, резко повернув. Другому попала по горлу. Очутившись посреди воплей и толчеи ближнего боя, она принялась уворачиваться, подныривать и бить ножом. Убила еще одного врага. Пока Рии везло, но жить ей оставалось недолго, это она прекрасно понимала. Как и Дриффу. Какое безумие подвигло его попытаться спасти ее? И тут Рия краем глаза увидела шеренгу воинов, идущую на них в атаку.

Фыркнула и тряхнула головой, чтобы кровь не заливала глаза. Зачем это Иллимани понадобилась подмога? И тут разглядела, что к ним бегут не чужаки, а Уродцы во главе с Грондином. Их отправили в другую сторону, чтобы увести в Тайное Место жителей отдаленных стойбищ. Должно быть, они быстро управились или даже встретили своих по дороге, поскольку сейчас под началом Грондина в атаку шло не меньше сотни. После недавнего жестокого боя отряд Иллимани насчитывал меньше трех десятков, и их быстро перебили.

— Бриндл, ответь, — мысленно сказала Рия, бегом бросившись к своим товарищам. Но поняла, что ее друг без сознания. Его глаза закатились, кровь капала из огромной раны на голове.

— Ответь мне, Бриндл, — снова обратилась к нему Рия. Безуспешно.

— Он ушел очень далеко, Рия, — ответил Оплимар, — может и не вернуться.

— Вы можете вернуть его, — сказала Рия. — Можете исцелить его…

Внезапно посреди них очутился Грондин. Его огромная фигура нависла над остальными.

— Нет времени исцелять, — раздался его властный мыслеголос. Он махнул рукой в сторону южной части стойбища, где собрались основные силы Иллимани. Ветер доносил еле слышные крики, снова послышался угрожающий хор. «Сульпа! Сульпа! Сульпа!» Затем последовал одобрительный рев и завывание.

— Все хуже, чем мы думали, — продолжил Грондин. — Этих демонов больше семи тысяч. Они пришли в наши долины, чтобы убить нас всех. Дрифф рассказал нам об их планах.

— Но зачем это Дриффу? Не понимаю, почему он нам помогает, — сказала Рия, глянув на молодого Иллимани. Двое Уродцев вытащили копье, торчавшее у него в боку. Он вздрогнул от боли, но не закричал и не подал виду, что заметил взгляд Рии.

— Бриндл создал связь с ним, тронул его сердце, научил мыслеречи. После того как люди Клана схватили вас, он нашел нас, рассказал, что случилось, и привел сюда, чтобы вас спасти.

— А *ты* можешь с ним разговаривать?

— Немного. Достаточно, чтобы понять друг друга, но медленно.

— Я могу ему верить?

Грондин повернул огромную голову к Рии и посмотрел на нее умными глазами, в которых читалось удивление.

— Он тебя спас. Почему тебе ему не верить?

И Грондин поспешно зашагал прочь, чтобы оглядеть раненых воинов.

— Готовь своих людей. Нам надо уходить отсюда, — снова раздался в голове Рии его мыслеголос.

— Но куда? И как? — мысленно спросила Рия огромного воина-Уродца. — Иллимани нас заперли. За спиной река. Бежать некуда.

— Воспользуемся рекой, — ответил Грондин. — Как, ты думаешь, мы сюда попали?

Глава 56

Если аватара дона Эммануэля убьют в этом мире и у него вырежут сердце, что же случится с его телом и сознанием на Земле? Леони понимала, что ничем хорошим это кончиться не может. И она знала, что от нее требуется. Если у нее есть «сила», чем бы она ни была, то нужно использовать ее, чтобы ему помочь.

Дон Аполинар все еще стоял над побитым телом маленького шамана, но тут он резко крутанулся и поглядел на нее, прочитав ее мысли.

— Замри! — рявкнул он. — Я заточаю тебя!

Эффект был мгновенным. Леони осталась стоять и снова не могла пошевелиться, будто залитая алебастром. Ухмыльнувшись, дон Аполинар подошел к ней, помахивая ножом.

— Я вытащу сокровище из твоей головы, — сказал он. — Причиню тебе очень сильную боль. Твое тело в этом мире умрет. А дух попадет в Промежуток, и тебе оттуда никогда не выбраться.

Леони не могла говорить, губы не шевелились. Дон Аполинар снова повернулся к ней спиной, подошел к телу дона Эммануэля и сел на корточки, так, чтобы Леони могла без труда наблюдать, за тем, что он собирается сделать.

— Но сначала я убью тебя, глупый знахарь, — сказал он, поднимая нож. — Заберу твое сердце вместе с его магической силой.

Леони почувствовала, как в ней вскипает гнев. Гнев может быть оружием. Садизм этого подонка зародил в ней желание убить его, здесь и сейчас. Дон Аполинар взял нож двумя руками, острием вниз, и направил его в худую грудь дона Эммануэля. Гнев Леони взорвал ее. Ее тело вздулось, разрывая оковы. Дон Аполинар не успел среагировать. Леони выставила вперед указательный палец правой руки и пожелала ему смерти.

Она и не думала, что это сработает во второй раз, поэтому была совершенно ошеломлена, когда что-то зигзагообразное и сверкающее, как молния, вылетело из ее пальца и ударило дона Аполинара в грудь. Удар отшвырнул его от старого шамана. Дон Аполинар, ахнув от удивления, полетел кувырком и распластался на полу. Раны на его теле не было, но, к радости Леони, Аполинар не только был оглушен, но и выронил нож.

Со скоростью мысли Леони подняла левую руку и наставила палец на оружие, подзывая его. Нож пополз по полу, будто в руке у Леони был мощный магнит, а оказавшись ближе, взлетел в воздух, прямо ей в ладонь. Леони схватилась за рукоять. Теперь у нее появилось гораздо больше шансов убить Аполинара, если, конечно, получится.

Но тот уже встал на ноги. Махнул рукой в сторону девушки, и на нее полетело облачко, похожее на скопление мелких черных жужжащих точек. Леони отшатнулась влево, и они пролетели чуть вперед, но в мгновение ока развернулись и снова нацелились на девушку. Леони начала метаться по залу, пытаясь увернуться и отмахнуться от них руками. Но через несколько секунд они облепили ее, словно сотни пчел.

Только это были не пчелы, а крохотные механизмы со щелкающими металлическими челюстями. Они впились в ее плоть, и она упала на колени, заорав от боли.

Дон Аполинар торжествующе поглядел на нее.

— Я очень могущественный, — снова принялся бахвалиться он. — И очень умный. Моя магия очень сильна, а?.. Идите ко мне, малышки, — добавил он, поманив пальцем, и маленькие черные механизмы вылетели сквозь кожу Леони, снова заставив ее дернуться и заорать от боли. Ее тело покрылось мелкими кровавыми ранками. Аполинар снова взмахнул рукой, на этот раз в сторону дона Эммануэля, и черный рой ринулся к нему, влетая в ноздри и открытый рот. Тело шамана начало корчиться и извиваться, будто его пожирают изнутри.

— А теперь я заберу у тебя сокровище, — произнес дон Аполинар, сгибая пальцы.

— Нет! — заорала Леони. Видимо, этот негодяй настолько самовлюблен и уверен в себе, что забыл про нож, все еще остававшийся у нее в руке. Когда он сел рядом с ней на корточки, чтобы запустить пальцы ей в голову, она ударила снизу вверх ему в пах, сквозь белый костюм. Лезвие вонзилось глубоко и с толчком остановилось.

Если бы она сделала такое с кем-нибудь в ее родном мире, человек бы тут же умер, но дон Аполинар не собирался этого делать. Леони крутанула нож, чтобы причинить еще больше боли, но Аполинар, будто ничего не чувствуя, опять коснулся пальцами ее головы.

— Сокровище, — бормотал он. — Я должен его получить! Должен!

Голос у него был, как у наркомана в предвкушении очередной дозы.

Леони все еще стояла на коленях. Она снова вонзила нож в его тело, пытаясь хотя бы резким ударом отбросить его. Но крови из раны так и не появилось, и удар, судя по всему, не причинил никакого вреда Аполинару.

— Глупая! — фыркнул он, крепко хватая ее левой рукой за шею, и вновь приставил указательный и большой пальцы к ее виску, как пинцет. — Я мастер. Ты не можешь убить меня в этом мире.

— Да, — зазвучал другой голос. — Но *я* могу.

Аполинар замер, и Леони увидела, что его взгляд направлен вверх. Она перевела взгляд туда же. На них ползла огромная анаконда с аметистовой чешуей. Ее огромная голова раскачивалась из стороны в сторону, а в вертикальных темных прорезях зрачков янтарных глаз горел огонь.

— Владычица Леса! — ахнул Аполинар. Самодовольство сползло с его лица. — Клянусь жизнью, я не знал!

Огромная змея снова изогнулась и, быстро извиваясь, приняла человеческий вид. Через считанные секунды перед ними стояла Синий Ангел.

Шагнув вперед, она дважды ударила сгорбившегося Аполинара по лицу, и тот упал навзничь. Потом хлопнула в ладоши, и его тело поднялось в воздух. Аполинар извивался, пытаясь сопротивляться. Ангел отвела руки назад и резко выбросила их вперед. Аполинар обмяк, его тело взвилось под потолок, с хрустом ударилось о гранитную стену и рухнуло на пол.

Леони сразу вспомнила о доне Эммануэле и подбежала к нему. Тело шамана безжизненно лежало на полу, глаза были открыты и пусты.

— Он умер? — спросила Леони Синего Ангела.

— Он более не живет в этом мире. Его дух ушел в Промежуток. Его земное тело пребывает в глубоком сне.

— Сможет ли он вернуться из этого… Промежутка?

— Если он опытен, то сможет не заблудиться в Промежутке и пробудиться в своем земном теле.

— А с этим что? — спросила Леони, показывая на обмякшее тело дона Аполинара. — Он тоже сможет вернуться?

— Он опытен. И он вернется.

— Кто он?

— Человек, *мерзкий* ничтожный колдун из Амазонии, продавшийся злу и пошедший темным путем. Он оказался достаточно могущественен, чтобы обнаружить транспортное устройство, помещенное мной в твою голову. Для такого, как он, это настоящее сокровище. Остальное ты знаешь. Он выследил тебя, похитил твой дух и забрал сюда, в эту пыточную камеру. — Она огляделась. — Ты бы умерла здесь, если бы я вовремя не нашла тебя, а навыков, чтобы не заблудиться в Промежутке, у тебя пока нет.

— Он предстал в твоем обличье. Именно поэтому я позволила ему подобраться так близко.

— Он никогда не видел меня в этом обличье. Если бы видел, то не осмелился бы, рискуя навлечь мой гнев. Он просто выудил образ из твоего разума и принял его, чтобы завоевать твое доверие.

— Значит, он видел тебя лишь в образе змеи?

— Да, в образе Сачамамы, Владычицы Леса. Духа айяхуаски. Но у меня столько образов и имен…

Вздохнув, она крепко взяла Леони за руку.

— Пойдем. Мне надо многое тебе рассказать.

Глава 57

Когда Рия передала Лигару слова Грондина, раненый лучник горько усмехнулся.

— Через Змею? Они с ума сошли.

Он лежал на левом боку, время от времени вздрагивая от боли. В его правом бедре зияла глубокая колотая рана. Конечно же, он прав, со всей очевидностью. Через Змею *можно* перебраться, меньше полудня пути на восток, где река разливалась широко, спокойно обтекая огромные валуны. Там было мелко, и можно было без труда перебраться на другой берег. Но именно для того, чтобы избежать неожиданного нападения с севера, летнее стойбище Клана разместили здесь, где Змея была глубока, а течение — сильно, так что переплыть ее было практически невозможно. Что и подтвердила смерть родителей Рии, случившаяся семь лет назад. Река представляла собой смертельную ловушку.

Но не более смертельную, чем Иллимани. Рия решила, что надо следовать плану Грондина, чего бы это ни стоило. Лучше попытать счастья в стремительных холодных водах, текущих с ледника, чем погибнуть страшной смертью в руках семи тысяч ужасных дикарей.

Которые могут оказаться здесь в любой момент.

Ребра у нее все еще болели, в голове шумело и стучало, из раны на бедре и пореза на плече сочилась кровь. Но страх оставил ее, уступив место ненависти к Иллимани. Если они придут прямо сейчас, она будет биться с ними насмерть. Если сумеет сбежать, то обязательно вернется и сполна отомстит за то, что они сегодня совершили с людьми Клана.

Рия оглядела друзей. Смогут ли биться они?

Джергат был практически в порядке и сейчас обыскивал поле боя, подбирая метательные камни Рии. Вульп забрался на дозорную башню, чтобы следить за основными силами Иллимани, а Грондин и его воины готовили раненых к дороге. Бонт сидел на земле, скорчившись. Его снедал страх за его детей, оказавшихся в руках врага. Он согласился с тем, что сейчас их невозможно спасти, но Рия не была уверена в нем. Самоубийственная атака на основные силы Иллимани была невозможна.

Рия коснулась его плеча.

— Если ты позволишь им убить тебя, друг мой, то тогда твои дети точно пропадут. Не останется никого, кто стал бы сражаться за них.

Бонт оттолкнул ее руку.

— Ты должен жить, чтобы выйти на бой с Иллимани, но не сегодня.

Рия с удивлением поняла, что ее голос дрожит.

— Мы все должны это сделать.

Потом снова повернулась к Лигару. Этот вряд ли сможет идти без посторонней помощи, но если им удастся сбежать, то он будет исцелен. Рия подошла к Бриндлу. В бою тот получил удар топором, с его головы свисала длинная полоса кожи, обнажился кусок кости. Бриндл все еще был без сознания, но, судя по всему, череп не проломлен. Рия помогла Оплимару перевязать Бриндла и привязать его к наспех собранным носилкам.

Бахат лежал и стонал, парализованный, в луже собственной крови. Ужасный удар едва не перерубил его пополам, раздробив ему хребет. Он точно не выживет. Рия замешкалась. Сможет ли она нанести удар милосердия лучшему другу своего отца, точно так же, как Бриндл помог распрощаться с жизнью Порто?

Она не была уверена в себе, и Ротас решил проблему за нее. Подложив руку под седую голову Бахата, старейшина поглядел ему в глаза, видимо, ожидая знака согласия, а потом аккуратным движением перерезал ему горло. Кровь Бахата потекла на землю с новой силой, он натужно захрипел.

И тут крики Иллимани, раздававшиеся вдали, стали другими. Одобрительный гул заменили волчьи завывания.

— Они идут! — заорал Вульп, поспешно сбегая по ступеням дозорной башни. Его седые волосы развевались. — Их тысячи!

Уже рванувшись с места, Рия вспомнила про Григо.

С ножом в руке она подбежала к нему. Он все так же лежал на земле, раскинув руки и ноги, со спущенными штанами. Рия пнула его в ребра носком мокасина.

Как она и подозревала, он был все еще жив. С трудом дышал, с каждым его вдохом на его губах выступала кровавая пена. В глубокой ране от томагавка, тянувшейся от правого глаза до носа, пузырилась кровь.

— Григо, просыпайся, — прошипела Рия. Стащила с него штаны и надела их на себя. Великоваты. Затянула пояс потуже. Снова пнула Григо. — Очнись, ты, кусок дерьма.

Неповрежденное веко левого глаза задрожало, она увидела мутный от боли зрачок.

Хорошо. Он узнал ее.

Наклонившись, Рия схватила в горсть его яички и одним движением кастрировала его. Член отрезать не стала, чтобы он не умер от потери крови. Пусть живет.

Насладившись воплями Григо, она бросила яички ему в лицо и выбежала с площади, вскоре догнав воинов Грондина, быстро шагавших на север, в сторону Змеи.

Иллимани ринулись в атаку с юго-восточной оконечности стойбища, с расстояния более чем в тысячу шагов от дозорной башни, но Рия не знала, сколько еще им осталось, особенно после того, как она разобралась с Григо. Девушка хромала и спотыкалась. Побитое тело пронзала боль, и Уродец, один из новеньких, пришедших вместе с Грондином, протянул руку и помог ей бежать наравне со всеми.

Путь их отступления лежал через северо-западную часть стойбища, когда-то густонаселенную, расположившуюся между площадью и рекой. Плотные ряды мазаных хижин скрывали беглецов, но, судя по возбужденным воплям преследователей, те приближались. Рия все время поглядывала через плечо, ожидая, что на них обрушится дождь из дротиков, но этого не произошло. Может, Иллимани их уже все израсходовали, когда забрасывали ими площадь, и еще не успели собрать?

Спустя несколько мгновений Рия уже была на окраине стойбища. До реки оставалось еще шагов двести.

Поглядев вперед, она не поняла ровным счетом ничего. На берегу реки спокойно расположились Уродцы, а еще — стадо оленей, которые почему-то никуда не убегали. На спинах животных стояли деревянные платформы, собранные из прямых веток длиной в человеческий рост и толщиной в руку Рии. Каждая из платформ опиралась на четырех оленей. Лишь подбежав поближе, Рия поняла, что животные лишены голов и ног. Но, лишь когда коснулась одного из них рукой, поняла, что это плотно сшитая в мешок шкура, надутая воздухом.

Воины-Уродцы схватили одну из платформ в руки, прыгнули в реку и — что же это за волшебство — конструкция поплыла, несомая быстрым течением.

— Это называется джаала, — услышала Рия в голове мыслеголос Грондина и только потом почувствовала, что он стоит рядом. — Мы издревле знаем это волшебство.

Воины уже уселись на джаалу и плыли по реке, на ширину ладони над водой. Течение с большой скоростью несло их на запад, в сторону Тайного Места. У двоих воинов в руках были плоские куски дерева, которые они равномерно погружали в воду. Но Уродцы вовсе не хотели пересечь реку — напротив, старались держаться посередине. Внезапно Рия поняла, что имел в виду Грондин, говоря об использовании реки. Уродцы вовсе не хотели просто переплыть бурный поток — они собирались, используя быстрое течение, позволить реке отнести их к их убежищу.

Рия увидела, как следующая группа воинов схватила джаалу и прыгнула в воду. Потом еще одна. И еще.

— У нас двенадцать джаал, — сказал Грондин, — хватит всем.

Рия глянула на северную оконечность стойбища. Иллимани приближались, но Грондин не терял времени, уже привязав Бриндла к последней джаале. И тут, к своему ужасу, она и Грондин поняли, что нигде не видят Джергата. По сути, не видели его с того момента, как он отправился собирать метательные камни Рии.

— Он пошел собирать мои камни, — вспомнила девушка.

Грондин кивнул и наклонил голову набок.

— Жив, — сказал он, будто глядя внутрь себя, — бежит. Иллимани бегут следом. Он направляется к нам.

Бонт, Вульп и Ротас подошли к кромке воды и отшатнулись, о чем-то негромко переговариваясь. Рия могла понять их сомнения. Никто, в том числе и она сама, в жизни не видел такой штуки, как джаала. Ездить по воде! Сама мысль должна была повергнуть в шок любого из них. Но выбора не было. Либо так, и будет какая-то надежда спастись, либо остаться здесь на верную смерть.

— Некогда раздумывать! — крикнула она мужчинам Клана. — Залезайте на эту долбаную джаалу, *живо*!

Никто не стал возражать, разве что Лигар не позволил привязать себя так, как привязали Бриндла, уверяя, что, несмотря на рану, еще сможет защищаться. Оплимар, Грондин, Вульп и Дрифф опустили джаалу в воду и держали ее, дав возможность Лигару и Ротасу усесться, а потом запрыгнули и сами. Старейшину подводили ноги, и он был вынужден отползти на задний край платформы на четвереньках.

Рия ждала до последнего, оглядывая крайние хижины, в паре сотен шагов от них, мысленно обращаясь к Джергату: «Мы здесь, Джергат, мы здесь…»

И тут же ощутила захлестывающую волну страха — его страха. Словно по волшебству, из-за хижин появился худощавый невысокий Уродец, держащий в руках собранные на поле боя вещи. Он бегом несся к реке. Когда он поднял взгляд, Рия увидела в его глазах ужас. Следом из-за хижин выскочила добрая тысяча Иллимани, обнаженных, выкрашенных кровью, с расширившимися глазами и оскаленными зубами, издававших боевые кличи.

— Придется делать все быстро, — сказала Рия Грондину. Поставила одну ногу на покачивающуюся на воде джаалу, а вторую — на берег. Казалось, она бесконечно долго ждала момента, когда Джергат добежит до них. Но самые быстроногие из Иллимани не отставали. Сделав отчаянный рывок, один из них поравнялся с Джергатом и замахнулся копьем.

«Сзади, Джергат! — мысленно предупредила друга Рия. — Увернись влево».

Джергат тут же последовал ее совету, и вражеский воин, промахнувшись, споткнулся и упал.

Осталось всего десять шагов. Рия дала сигнал отплывать, а Джергат шагов с пяти прыгнул с разбегу и приземлился на четвереньки посреди товарищей, когда джаалу уже понесло течением. На мгновение она задрожала и крутанулась, будто собираясь сбросить седоков в воду, но выровнялась и поплыла по течению. Грондин и Оплимар взяли в руки куски дерева, чтобы управлять движением.

Среди собранного Джергатом на поле боя оказались лук Лигара и три стрелы.

— Дай их мне, — потребовал лучник. Превозмогая боль, он сел, наложил стрелу на тетиву и натянул лук.

Проследив за его взглядом, Рия увидела молодого Иллимани, обнаженного, как и все остальные, стоящего среди толпы воинов, облепившей берег. Его тело было крепким и

подтянутым, а рыжие волосы густыми волнами ниспадали ниже пояса. Его можно было бы назвать красивым, не будь он с головы до ног залит кровью.

Течение несло джаалу от берега, и расстояние увеличивалось. Скривившись, Лигар натянул лук до отказа и выстрелил. Рия видела, как стрела понеслась прямиком в цель, но молодой воин в последний момент молниеносно отшагнул в сторону, схватил стрелу прямо в воздухе и переломил ее пальцами.

Их вынесло на середину реки, и стрелять из лука уже было невозможно. Рия чувствовала, что от этого молодого красивого воина исходит ощущение исключительной силы, и внезапно поняла, что это и есть Сульпа.

Как ни странно, но в этот самый момент ей показалось, что он тоже узнал ее.

Молодой Иллимани следил за ней взглядом, глядя на удаляющуюся джаалу, а потом медленно, почти лениво, снял с плеча копьеметалку и выставил руку в сторону. С замиранием сердца Рия увидела, как один из стоящих поблизости воинов тут же протянул ему короткое метательное копье.

Дальше все произошло очень быстро. Молниеносным движением юноша отправил дротик в полет. Копье растворилось в лучах солнца, а затем упало на джаалу сверху. Вульп не увидел его, сидя спереди, на правом краю платформы, над одной из надутых оленьих шкур. Кремневый наконечник перешиб ему хребет, вышел сквозь пах и, пройдя между его ног, вонзился в поплавок, который с шумом начал выпускать воздух.

Джаала тут же осела в воде, зарываясь правой стороной в воду, и начала противно кружиться.

Воины на берегу восторженно загудели.

Глава 58

На мгновение, держа за руку Синего Ангела, Леони представила себе, что вдруг нашлась ее мать, которая ее любит, которой она дороже всего, чье присутствие снимет, как рукой, все ее страхи и чья сила столь велика, что никакие враги не смогут ей помешать.

Они вышли в центр огромного гранитного помещения, и в свободной руке Ангела появился длинный серебристый жезл. Коснувшись им гранитного пола, она начала медленно поворачивать Леони против часовой стрелки, пока не очертила вокруг них круг. Еще не будучи закончен, круг начал испускать яркий неземной свет, а затем пол под ними провалился, и они очутились в световом тоннеле.

Леони не чувствовала, где тут верх, а где низ. Но ведь она была вне тела, а рядом был ангел! Что может быть круче? Вокруг были непрозрачные светящиеся стены, и летели они быстро, куда быстрее, чем ей доводилось раньше. Но это не пугало девушку.

«Вот куда я хотела попасть, и вот тот, кого я хотела увидеть», — думала Леони.

Путешествие закончилось так же внезапно, как и началось. Пролетев через последний изгиб тоннеля, они затормозили и очутились в белой круглой комнате с высоким потолком, метров пятнадцать в диаметре. В ней не было никакой мебели, лишь пол был застлан толстой белой тканью, похожей на флис или шерсть. Из широких окон открывался круговой обзор на футуристический городской пейзаж, раскинувшийся где-то далеко внизу.

Леони снова оказалась в плотном теле, одетая в простенькую тунику и босая. Подошла ближе к окну и поглядела на два солнца земли, где все становится известным. Сразу узнала город. Он простирался вокруг посреди ярко-зеленой долины. Ангел показала ей эти башни, обелиски, зиккураты и каналы, прежде чем отправить к Сульпе.

— Я будто в компьютерную игру попала, — призналась Леони. — Сульпа, Джек, детство, мои родители, ты, дон Аполинар, все эти тоннели между мирами, чудовища, демоны… Ты наконец расскажешь мне, что происходит?

— Именно это я и хочу сделать.

Ангел махнула рукой, и высокие, от пола до потолка, окна разъехались в стороны, открыв выход на широкий балкон.

— Пошли, — сказала она. — Давай поговорим снаружи.

На балконе стояли два полосатых матерчатых шезлонга. Ангел уселась в один из них и жестом пригласила Леони расположиться в другом. Пару секунд они молчали, глядя по сторонам на странный пустой город, раскинувшийся далеко внизу.

— Что ты знаешь о проблеме зла? — наконец спросила Ангел.

— Я узнаю зло, как только вижу его, — ответила Леони. — Я вижу его всю мою жизнь. Оно приходило ко мне в постель. Если у зла есть лицо, то для меня это лицо моего отца.

— Да. Но как ты опишешь это зло? Что это такое? Зачем все это?

— Зло овладевает невинным ребенком, насилует его, снова и снова, а потом пытается убедить девочку в том, что все это она выдумала сама. Зло овладевает всем добрым, до чего может дотянуться, и старается испоганить. Берет того, кто хочет летать, и старается привязать к земле. Овладевает прекрасным и старается превратить в мерзкое. Пытается превратить правду в ложь. Терпеть не может любви и пытается превратить ее в ненависть. Вот что я знаю о зле.

— Значит, будет ли правильным сказать, что зло — отрицательная сила, которая старается все сделать хуже, чем оно есть на самом деле?

— Да, это так. Оно преднамеренно творит плохие, болезненные вещи с другими. Получает удовольствие от чужой боли. И… о, я не знаю, наверное, много чего еще.

— Другими словами, всевозможные ужасы и гадости? Такие, которые на Земле стали обычным делом?

— Да, похоже, что так, — призналась Леони.

— В этом и состоит так называемая проблема зла. Философы человечества выдвигают гипотезу о существовании зла как довод против существования Бога — всемогущего и всеблагого. Сама понимаешь, либо Бог хочет уничтожить зло, но не может, и тогда он не всемогущ, либо может, но не хочет, и тогда он сам есть зло.

— Отличное противоречие.

— Совершенно неуместное, как и многое другое из того, что приходит в голову людям. Ни из одного из миров нельзя окончательно удалить зло, а также не существует всемилостивого и всемогущего божества, которое могло бы сделать это. Скорее, во всех мирах, от самых материальных и до самых бесплотных, существуют действующие и властвующие в них духовные сущности. Некоторые из них служат добру и несут свет, другие предались злу и пытаются стать властителями тьмы.

— Значит, это вроде соревнования…

— …между добром и злом в духовной сфере, за души всех разумных существ. Оно идет с того момента, как оформилось измерение времени. Во многих мирах добро и зло делят власть почти поровну. В некоторых мирах добро берет верх, а в некоторых победило зло.

— А ты одна из тех, кто служит добру? — спросила Леони.

— А ты когда-нибудь в этом сомневалась?

— Никогда! Ты можешь вести себя пугающе, но я всегда знаю, что ты делаешь это ради добра, от начала и до конца. Точно так же, как знаю, что Джек — зло, как бы он там себя ни называл. Ты хотела, чтобы я это поняла, когда показала мне Сульпу? Который каким-то безумным образом одновременно является и Джеком? Он убивал детей, как на бойне. Потрошил их черным мечом. Это было ужасно.

— Ты должна была увидеть это, чтобы понять суть существа, которому мы противостоим. Чудовищные жертвоприношения, которых требует Сульпа, кровь, которую он

пьет и в которой купается, страх и страдание, которые он старается породить в людях, радость, которую испытывают поклоняющиеся ему от чужой боли, — все это служит одной ужасной цели.

— Ты уже знаешь, что он выследил меня, — перебила ее Леони. — Овладел телом молодой женщины и говорил ее устами. Но он уже не был Сульпой, он стал Джеком. Если бы ты не послала мне на помощь Мэтта, я бы прямо там погибла.

— Сожалею, что дошло до этого. Я не смогла предугадать, как быстро растет сила Сульпы. Он уже в состоянии посылать свой дух далеко в будущее, искажая и портя все на своем пути, и таинство, позволившее ему воплотиться в человеческом теле, уже почти готово к исполнению…

— Что ты имеешь в виду — «воплотиться в человеческом теле»?

Ангел, похоже, не слушала Леони.

— Осталось выполнить один грандиозный нечестивый акт, еще одно колоссальное убийство невинных, и возможность остановить его будет потеряна.

На прекрасном лице Ангела появилось какое-то неуловимое выражение — может, скорби, — и она замолчала.

— Если его не смогут остановить, если он… воплотится в человеческом теле, что он станет делать? — настойчиво спросила Леони.

— Уничтожит на Земле последние ростки добра, — еле слышно, почти шепотом ответила Ангел. — Земля станет адским миром, навсегда лишенным спасения. Я не могу этого допустить, Леони, но не могу и предотвратить — без твоей помощи.

Глава 59

— Тебе нужна *моя* помощь? — изумленно спросила Леони. — Но ты же — сверхъестественное существо. Как я могу помочь тебе?

— Погляди вокруг, — сказала Ангел. — Что ты видишь?

Шезлонги стояли в полуметре от массивных золотых перил, ограждающих край балкона. Леони встала, подошла к перилам, оперлась на них и нерешительно поглядела вниз.

— Вау! — воскликнула она.

С первого взгляда она и не поняла, насколько высоко они очутились. Оказалось, что комната располагалась на вершине цилиндрической башни головокружительной высоты, стоящей на вершине огромной серебряной пирамиды в геометрическом центре города Ангела. Квадратное основание пирамиды, размером с шесть кварталов Манхэттена, было окружено широким каналом, наполненным блестящей серебристой жидкостью. Вокруг него концентрическими кругами располагались еще четыре огромных канала, алого, синего, зеленого и золотого цветов, разделенные между собой садами, парками и кварталами фантастически красивых зданий. Каналы пересекали мосты, висящие в воздухе, казалось, без какой-либо опоры. Внешний канал был обрамлен стеной из красивого металла медного цвета, в десятки метров высотой и в несколько метров толщиной.

Чувствуя подвох в вопросе Ангела, Леони не торопилась.

Город был застроен колоссальными зиккуратами из прозрачного хрусталя, стоящими по четыре по сторонам прямоугольных площадей, и гигантскими замками из синего хрусталя, увенчанными готическими шпилями и башенками. Другие здания можно было бы счесть соборами, храмами или мечетями, изумрудного и гранатового цвета, увенчанными куполами и окруженными игольно-тонкими минаретами с золотыми макушками. Были здесь и громадные аркады, и арочные контрфорсы, и небоскребы целиком из стекла, без единого признака металла и камня, а также широкие эстакады, поднятые над поверхностью и соединяющие между собой все площади. Но самым впечатляющим была добрая сотня обелисков, каждый размером с Эмпайр Стейт Билдинг, которые словно были вырезаны из

цельного куска нефрита. Вместе они образовывали пятиконечную звезду, выстроенную вокруг круглого города.

Будто заметив присутствие Леони, обелиски начали светиться и стрелять яркими молниями прямо в безоблачное небо.

— Что ты видишь? — снова спросила Ангел.

— Невероятный город! Ого! В смысле, совершенно поразительный! Будто из «Волшебника страны Оз». — Леони снова огляделась. — Так вот в чем подвох? Реакция обелисков, на мой взгляд, заставляет думать, что все вокруг не очень-то реально. Это что, какое-то невероятно убедительное изображение? Это… это просто иллюзия? Вроде миража или чего-то подобного?

Леони вернулась к шезлонгу и села.

— Может, все это — одна большая галлюцинация? — пробормотала она. — Приняла какой-то гадкий наркотик — и очутилась в Изумрудном Городе…

Синий Ангел улыбнулась и покачала головой.

— Все это реально, — сказала она, сделав величественный жест рукой. — Но погляди…

Внезапно у нее в руке появился небольшой прибор, похожий на планшетный компьютер, такой, какой она использовала, чтобы отправить Леони к Сульпе. Экран зажегся.

— Эй! — предостерегающе воскликнула Леони. — Я больше никуда не отправлюсь, пока не получу ответы на некоторые вопросы.

— Не беспокойся, на этот раз я всего лишь кое-что тебе покажу.

Как и в прошлый раз, Ангел повернула диск на панели управления под экраном.

— Гляди, — сказала она, показывая на четыре хрустальных зиккурата вдали. Воздух вокруг них задрожал, и они исчезли.

— А как насчет такого?

Ангел снова повернула ручку, и зиккураты снова появились, но теперь они были пронзительно синего цвета.

— Я могу сделать и так.

Она в третий раз повернула ручку, и зиккураты превратились в четыре огромные сверкающие сферы, слившиеся в одну, еще большую; та поднялась в воздух на сотню футов и бешено завертелась.

Леони была озадачена и разочарована одновременно.

— Почему же ты говоришь, что все это реально? С реальными предметами такого не сделаешь. — Она наклонилась и повнимательнее посмотрела на устройство в руках Ангела. — Это, должно быть, изображение, а ты управляешь им с помощью твоего, типа, планшета, как цветом неба, когда я была здесь в прошлый раз.

Ангел снова покачала головой.

— Знаю, что так оно и выглядит, но это не то, что есть на самом деле. Все вокруг реально, в самом настоящем смысле этого слова. Пирамиды, зиккураты, обелиски и башни сделаны из вещества. Как и тело, в котором ты оказалась. Ты уже знаешь, что оно не подвержено таким ограничениям, как земное, но также знаешь, что оно чувствует боль и, как ты догадываешься — совершенно правильно, — может быть умерщвлено…

— Как ты убила дона Аполинара и как он убил дона Эммануэля?

— Да, в некотором роде. Совершенно отличаясь в других отношениях, фундаментальная структура вещества в том мире, где дон Аполинар построил свою пыточную камеру, практически идентична структуре вещества этого мира.

— Фундаментальная структура вещества? Если ты имеешь в виду атомы и все такое, то я ничего в этом не смыслю.

— Атомы — детские игрушки. Я говорю о куда более глубоком и фундаментальном уровне.

Леони уже хотела было возразить, но Ангел подняла руку, призывая ее к молчанию, и продолжила:

— Непоседа, тут тебе не экзамен. Я не жду, что ты одним махом освоишь знания, которые величайшим умам земного человечества еще предстоит осознать. Просто пытаюсь объяснить тебе, что мои возможности противостоять Сульпе в твоем мире ограничены. И, прежде всего, это определенные и неизменные закономерности Всеобщности. Именно поэтому я нуждаюсь в твоей помощи.

— Всеобщности? Неизменные закономерности? Я опять ничего не понимаю.

— Земля — отдельно взятая планета в отдельно взятой солнечной системе, среди триллионов других солнечных систем Вселенной. Вселенная же, в свою очередь, есть лишь крохотная крупица Всеобщности — невероятного множества всех возможных вселенных. И все миры, в них содержащиеся, в целом составляют реальность. Вещество и материя имеет многоуровневую организацию, проявляющуюся во всех этих бесчисленных мирах, от самых низких, плотных и овеществленных, до самых высоких, *бес*плотных и *не*вещественных.

Леони ущипнула себя за руку, топнула ногой по полу балкона, потянула за ткань шезлонга.

— Я ощущаю это как вполне вещественное.

— О, именно так. Но фундаментальная структура чудесно организованной материи этого мира находится практически на нижней границе того, где я могу действовать на физическом уровне. Есть другие миры, где материя резонирует на куда более низких вибрациях и где даже я не могу воздействовать на физическую реальность. В частности, на Земле.

— Это кое-что объясняет — то, чего я никогда не понимала. Ты приходила ко мне во снах, утешала меня, но никогда не пыталась помешать папе насиловать меня.

На лице Ангела появилось скорбное выражение.

— Помешать ему было не в моей власти, Леони. Ты понятия не имеешь, как много других, которые испытывали боль, лишения и страх куда большие, чем ты, и им я тоже не смогла помочь.

— Так ты вроде Бога, зажатого в тиски противоречия, о котором ты говорила? Хорошая, но лишенная власти?

— В измерении Земли — да. Практически бессильная.

— Практически, но не совсем?

— Иногда я могу совершать чудеса, — задумчиво, безо всякой гордости сказала Ангел.

— Чудеса? Как в Библии?

— По определению, это феномены, которые не могут происходить часто. Именно так можно описать мои попытки физически воздействовать на события в измерении Земли. Очень редко, путем магических действий, я способна снизойти в это измерение и совершить нечто необычное. Но, имея такой ненадежный способ воздействия на физическую реальность, я не могу влиять на сколько-нибудь значимые события той реальности. Мне приходится обращаться к людям в их снах и видениях, как я обратилась к тебе, чтобы добиться твоего внимания. Другими словами, я воздействую на реальность через человеческое сознание. — Она вздохнула. — К сожалению, это тоже создает огромные проблемы…

Леони рассмеялась, вспомнив, в каком состоянии пребывала до того, как очутилась на грани жизни и смерти; о том, что ценила и чем наслаждалась.

— Большинство нас живет, практически не приходя в сознание, — сказала она. — Я сама так жила, очень долго.

— Я не сказала бы «не в сознании». Сказала бы, что вы связаны условностями, ограничиваете сами себя, приземляете. Вы, люди, — духовные существа, облеченные в плоть и так глубоко павшие в плотную материальную реальность вашего мира, что это сковало ваше сознание. Вы не помните, откуда произошли, в чем смысл вашего воплощения. Совокупность того, что вы в состоянии познать своими ограниченными физическими чувствами и приборами, призванными расширить границы вашего восприятия, очень ограниченна, и это все, что вы пока в состоянии осознать. Вас легко убедить в том, что вы всего лишь тела, что нет такой сущности, как душа; либо вы верите, что душа существует, но слепо, в соответствии с догмами религий, а не на основе личного опыта. Вам надо понять, как тяжело мне, разумному и осознающему себя существу, состоящему из тонкой энергии, взаимодействовать с вами. За исключением редких чудес, я не могу физически проявиться в вашей реальности. Я легко могу общаться с вами на уровне сознания, но человечество настолько сильно сковало себя рамками материальности, что большинство вас просто не подпускают меня к себе.

— Но ты же связалась *со мной*.

— Есть потайные ходы. Природные вещества, спонтанные состояния в биохимии мозга, некоторые техники и практики, доступные любому человеку, способны освободить дух из заточения.

— Как айяхуаска, которую я выпила вечером?

— Да. Или состояние на грани жизни и смерти, ДМТ, грибы, содержащие псилоцибин, трансовые пляски бушменов… Когда люди входят в такие исключительные состояния сознания, я могу связаться с ними, как связалась с тобой…

— Но зачем ты хочешь всего этого? — спросила Леони. — Не понимаю. Почему ты считаешь, что тебе надо связываться с нами? Почему не оставить нас, порабощенных материальным, и отправиться куда-нибудь, где будет поинтереснее?

Ангел улыбнулась.

— Я могу путешествовать по Всеобщности, куда захочу и когда захочу, но ни один из миров не интересен мне больше, чем моя чудесная и драгоценная Земля, и нет других разумных существ, которых бы я ценила больше, чем моих чудесных, возлюбленных, парадоксальных и потерявшихся людей земного человечества.

— Насчет Земли я еще могу понять, — ответила Леони. В ее голове невольно возник образ Земли, синей, как кожа ангела, светящейся, плывущей в темноте космоса. — Она действительно прекрасна… а вот человечество? Что такого в нас чудесного? Мы же, по большей части, настоящие чудовища, Ангел. Ты это должна знать. Мы выдумываем бесконечно искусные и ужасные способы уничтожать и мучить друг друга, рвем друг друга на части. Мы убийцы и насильники, лжецы и воры. Больные на голову, жестокие и злобные убийцы.

— Да. Все это правильно.

— И все равно мы твои «возлюбленные»?

— А какие еще? — спросила Ангел. — Вы мои дети. Мои единственные дети, и я никогда не перестану любить вас.

Глава 60

Река около стойбища была шириной в два полета стрелы, и течение здесь было быстрее, чем бег взрослого мужчины. Рия хорошо знала это, поскольку раньше молодежь Клана часто развлекалась, бегая наперегонки с рекой. Просто бросали в реку ветку и бежали вдоль берега, стараясь не отстать. Берег реки был неровным, бугры чередовались с залитыми

водой заводями, и лишь самые быстроногие могли пробежать наравне с рекой тысячу шагов. И тогда уставали даже самые выносливые, но река не уставала никогда.

Так что Рия поняла, что план Уродцев вполне реален. Он уже сработал, если говорить об остальных, которые уже уплыли далеко вперед; сработал бы и у тех, кто отправился на последней джаале, если бы им не пришлось ждать Джергата.

Передний край надувного плота — там, где был пробит мешок из оленьей шкуры, — с плеском поднырнул, и деревянную платформу окатила волна ледяной воды. Убивший Вульпу дротик пригвоздил его к плоту, и вода шевелила его обмякшие руки и ноги, еще больше тормозившие ход плота. Из-за этого джаалу еще сильнее сносило к берегу, где ее поджидали Иллимани.

Бриндл все еще был без сознания, привязанный к левому переднему краю платформы. Грондин и Оплимар изо всех сил гребли деревяшками, пытаясь изменить курс джаалы, но без особого успеха. Сзади сидел Бонт, мрачно сжимая в руках огромный боевой топор. Все остальные были слишком ошеломлены, чтобы осознавать присутствие Иллимани, бегущих вдоль берега. Их было очень много, они издавали ужасные боевые кличи, жаждали крови и будто были окружены ореолом ненависти и насилия; казалось, что им удавалось подавлять сидящих на плоту даже на расстоянии.

Рия ощущала их злобу почти что кожей, но не позволила себе опустить руки. Скрипя зубами от боли в ранах, она, балансируя на ветках, из которых была собрана платформа, осторожно подобралась к переднему краю. Схватила обеими руками труп и попыталась его сбросить, но он даже не шелохнулся. Рия не видела, что на помощь ей уже идет Дрифф. Встав позади нее, он наклонился и запустил руку в поплавок, чтобы вытащить дротик. Наконечник выскочил, разодрав шкуру, и вдвоем они столкнули Вульпа с платформы. Его тело пошло на дно, длинные седые волосы развевались в струях воды.

Эти совместные осмысленные действия, казалось, помогли им освободиться от охватившего их злого морока. Освобожденный от веса Вульпа передний край джаалы на мгновение вынырнул из воды. Все вокруг будто очнулись и принялись за дело.

— Надо перейти назад, — услышала Рия в голове мыслеголос Грондина, который уже отвязывал Бриндла от платформы. — Скажи своим. Нужно перейти назад, чтобы поднялся нос джаалы.

— Зачем?

— Просто нужно, иначе мы все погибнем.

Вместе с Джергатом Грондин перетащил Бриндла назад и положил между Бонтом и Ротасом. Оплимар и Лигар и так сидели на корме, а теперь и Рия с Дриффом перебежали к ним. Правый угол джаалы снова показался над водой, на этот раз сильно выше, чем левый, да так и не опустился вниз. Плот снова пошел нормальным курсом, скользя по поверхности реки на оставшихся трех поплавках.

Пока плот был неуправляем, их снесло к берегу, но теперь Грондин и Оплимар смогли снова выйти на середину реки.

Преследователи на берегу разочарованно взвыли.

Рия впервые за сегодняшний день позволила себе понадеяться на лучшее. Представила себе, как самым жестоким образом сможет наказать Иллимани. И тут связанные ветки под ней перекатились, порвалась веревка, и она провалилась в образовавшуюся щель, очутившись в ледяной воде по самые подмышки. К ней тут же протянулись мозолистые руки Оплимара. Уродец схватил ее за волосы и за жилетку и тут же втащил обратно.

Эти рывки вызвали у Рии новые приступы боли в голове и в боку, но сейчас были заботы и поважнее.

Рия поняла, что их размещение на плоту губительно для них. Вздрогнула от холода. Получилось так, что для того, чтобы поднять над водой правый передний край, они скопились на левом заднем, и платформа искривилась. Если порвется еще одна веревка, то плот просто развалится.

Продолжая дрожать от холода, Рия глянула через плечо. Они едва выбрались на середину реки. Больше никто не кидал в них эти ужасные дротики — видимо, Иллимани действительно израсходовали их все, да так и не успели собрать. Большая часть врагов осталась позади, и лишь с десяток воинов продолжали преследовать плот вдоль берега, держась с ними наравне.

Можно было рискнуть и попытаться отремонтировать джаалу.

Приняв решение, что именно надо сделать, Рия и Грондин объяснили своим товарищам, как перегруппироваться на неустойчивой платформе, снова позволив переднему краю погрузиться в воду. Ход плота опять замедлился, и его снова начало крутить и нести к берегу.

Нужно было избавиться от пробитого поплавка и от части настила. Тогда передний правый край плота не будет зарываться в воду. На решение этой задачи они отправили Бонта, который принялся по одному отламывать куски веток, очень аккуратно, чтобы плот окончательно не развалился. Тем временем Грондин и Оплимар достали из своих заплечных мешков куски веревок и принялись плотнее связывать разошедшиеся в стороны ветки.

Они возились, пока не ссадили пальцы до крови, но постоянное вращение и тряска плота приводили к тому, что новые узлы тут же развязывались. Казалось, это никогда не кончится.

Глянув на берег, Рия затаила дыхание. Она так сосредоточилась на их отчаянных попытках починить джаалу, что не заметила, насколько близко их отнесло к берегу.

Слишком близко.

Иллимани, которых они было обогнали, снова были рядом и радостно кричали, продолжая бежать вдоль берега.

Рия испугалась было, что враги были от них на расстоянии броска копья, и ожидала слаженного залпа, но вместо этого с изумлением увидела, как дюжина воинов, взяв ножи в зубы, прыгнули в реку и поплыли к плоту. Двух… третьего… четвертого бурные воды реки утащили в глубину, но остальные плавали очень хорошо, лучше самых умелых пловцов Клана, и они начали медленно догонять крутящуюся, перекошенную джаалу.

Рия почувствовала, как Джергат пододвинулся ближе и протянул ей пять кварцевых метательных камней, завернутых в окровавленную тряпку. Взяв их у него, она переложила их в мешочек из оленьей шкуры, оставив один в руке. Встала.

— У тебя остались стрелы? — спросила она Лигара.

— Да, но от лука нет никакого толку. Тетива размокла. Я не смогу стрелять, пока она не высохнет.

Воины Иллимани приближались. Плыли они не хуже выдр. Если оставшиеся восемь доберутся до джаалы, они порвут ее на куски. Рии очень не нравилась перспектива потерять камни, но выбора не было. Надо попытаться обезвредить врагов, пока они в воде.

Один из воинов, опередивший остальных на два корпуса, пристально глядел на нее голубыми глазами. Его светлые кудрявые волосы блестели, мокрые от воды. Рия понимала, что попасть будет трудно из-за хаотического вращения и рывков джаалы. Соразмерив движения, она бросила камень. Судорожно вдохнула от боли, пронзившей раненый бок, но кварцевое яйцо попало воину прямо в лоб, и он скрылся под водой.

Семеро оставшихся настигали их. Смирившись с очередным поджидавшим ее ударом боли, Рия снова метнула камень над самой водой, попытавшись попасть в плывущего справа.

Раздался влажный шлепок, из носа воина хлынула кровь, глаза его закатились, и он ушел под воду, последовав за своим соплеменником.

Рия чувствовала, что мощь и эффективность ее бросков стали намного лучше. Она стала бросать сильнее. И точнее. Было ли это волшебство, вложенное Мериной в ее руки, или дело в самих камнях? БАХ! Еще один бросок, и третий воин пошел ко дну. ХРЯП! Четвертый камень попал воину в голову над ухом. Хлынула кровь, Иллимани качнулся в сторону и, раскинув руки, начал тонуть.

У Рии остался последний камень, подаренный Мериной. Она погладила его пальцами, отвела назад руку и кинула. ЩЕЛК! Пятый вражеский воин скрылся под водой.

Пловцов осталось трое, но они уже почти настигли джаалу, а Грондин, Оплимар и Бонт все еще лихорадочно чинили плот.

— Дрифф! — крикнула Рия.

Но тот уже осознал грозящую опасность и один за другим бросил оба томагавка, правой и левой руками. Вращаясь, топорики полетели вдоль поверхности воды. ЩЕЛК! ЩЕЛК! Их лезвия вонзились в две головы, торчащие над водой.

Рия взглянула на берег. Он нависал в опасной близости от них, и собравшиеся у воды Иллимани начали подвывать и размеренно отбивать ногами ритм. В этот момент последний оставшийся в живых пловец ухватился рукой за край джаалы. Но Бонт, как раз закончивший свою работу, взмахнул топором и одним ударом убил его.

Лишенная помех, джаала устремилась вперед. Грондин и Оплимар закончили вязать узлы, взяли в руки куски дерева и снова принялись грести. Все перегруппировались на платформе, которая после работы Бонта заметно уменьшилась в размерах.

Рия снова взглянула на берег. Они снова начали отрываться от преследователей. Что еще лучше, они приближались к большой излучине реки, которую она очень хорошо знала. Почва на берегу в этом месте была болотистая, изобилующая ловушками, а еще она была покрыта густыми зарослями терна, ежевики и ивы. Конечно, это не остановит таких воинов, как Иллимани, но они все равно не смогут двигаться так же быстро.

У Рии снова пропала надежда на лучшее, когда с неба на них упали два ужасных коротких метательных копья. Одно убило Ротаса, вонзившись ему между лопаток и выйдя наружу посередине груди; второе пролетело под рукой Бонта, не причинив ему вреда, но смогло проткнуть поплавок из оленьей шкуры, находившийся прямо под ним.

Теперь затопление джаалы стало неизбежно. Ветки начали перекатываться, веревки рвались, и платформа начала рассыпаться. Все сидевшие на ней очутились в ледяной воде реки, текущей с бешеной скоростью.

Рия посмотрела на Грондина и поняла, что пловец из него плохой. Он не звал на помощь, но с трудом удерживал себя и Бриндла над поверхностью воды. Бонт стремительно поплыл к ним, ухитрился обхватить обоих огромными ручищами, перевернулся на спину и прижал их к себе длинным древком боевого топора, позволив течению нести их дальше. Лигар тоже плыл с трудом, но Джергат и Оплимар подобрались к нему и подхватили с обеих сторон. Дриффу помощь была не нужна, и он оказался рядом с Рией.

Пенящаяся ледяная вода реки уже понесла их к повороту, когда Рия почувствовала странное покалывание в затылке.

И причиной тому был вовсе не холод.

Она повернула голову назад.

Глава 61

Леони недоумевала.

— Ты имеешь в виду всю расу людей?

— Да, именно так, — согласилась Ангел.

— Но как мы можем быть твоими детьми? Нас же миллиарды.

— Я не говорила, что родила вас.

— Ты усыновила нас?

— Нет, совсем не так.

— Слишком загадочно. Мы твои дети, но ты нас не рожала и не усыновляла. Что же тогда ты сделала?

— Я вас создала, — ответила Ангел. — Создала все живое на Земле.

— Ты снова говоришь так, будто ты бог.

Ангел рассмеялась.

— Я уже объяснила тебе, что во всей реальности не существует ни одного существа, всемогущего и всеблагого, такого, каким христиане описывают Бога.

— Предполагаю, мне придется поверить тебе на слово?

— Эффект лекарства скоро кончится, Леони, и ты вернешься домой. А мне еще так много надо тебе рассказать, так что, да, сейчас лучше поверь мне на слово. Так будет проще. Созидательные и разрушительные силы Всеобщности, создатели правды и лжи, добра и зла, являются такими же существами, как я, — разумной, сознательной формой нефизической энергии. Иногда нас называют богами и даже поклоняются нам, но нам лучше подходят придуманные людьми определения ангелов, духов и демонов. Мы начали свое существование вместе со Всеобщностью, но ни одному из нас не удалось с абсолютной точностью установить, как мы здесь появились и зачем. Мы обладаем силой, но отнюдь не всемогущи, особенно если учитывать все уровни реальности.

— Если ты была в состоянии создать жизнь, то ты весьма могущественна, Ангел.

— Разве я тебе не сказала, что время от времени творю чудеса? Четыре миллиарда лет назад именно я вдохнула волшебство духа в неживую материю Земли и написала законы развития ее жизни…

— Тебе четыре миллиарда лет?

— Много больше, — ответила Ангел. Экран ее компьютера замелькал калейдоскопом цветов, и Леони увидела будто из глубин космоса пустой и безжизненный мир, пылающий огнем.

Затем, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, цвета начали меняться. Сперва планету покрыла вода, сквозь нее проступила суша. Нагнувшись к планшету, Леони увидела, как постепенно зарождается фантастическая в своем разнообразии жизнь.

— После того как я сотворила простейшие организмы, должны были пройти миллиарды лет, прежде чем в измерении Земли смогли появиться создания, обладающие достаточным интеллектом, чтобы по своей воле делать выбор между добром и злом. Ими стали человеческие существа, — услышала Леони голос Ангела.

Внезапно она очутилась в школьном классе, за деревянной партой, перед огромным плоским монитором, висящим на стене. На нем в виде большого ветвистого дерева были изображены самые разные существа. Снизу были землеройки, потом — лемуры и обезьяны, выше — человекообразные обезьяны, а еще выше — ряд фигур, все более похожих на человеческие. Наверху дерево увенчивали две ветви, рядом с которыми тут же появились превосходно изображенные трехмерные фигуры людей. Первый, обозначенный как НЕАНДЕРТАЛЕЦ, был коренастым, очень мускулистым, практически без шеи и подбородка, с большим носом и с массивными надбровными дугами. Он был очень уродлив, слишком походя на обезьяну. Второй, обозначенный как КРОМАНЬОНЕЦ, был рослым, худощавым, с

красивыми мускулами и лицом, в его глазах светились разум и гордость. Он практически ничем не отличался от современного человека.

— Параллельно развивались две сходные, но в чем-то фундаментально различающиеся человеческие расы, — произнесла Ангел. — Одну ученые назвали кроманьонцами, анатомически они совпадают с современными людьми и являются твоими предками. Хотя среди них и были мистики, верящие во множественность миров, большинство настолько привязалось к физической реальности, что со временем они забыли о том, что являются духовными существами. Материальное стало для них преобладающим, и ангелы зла начали манипулировать ими, ведя по пути порока.

— Ангелы зла? — переспросила Леони.

— Если хочешь, демоны.

— Как Сульпа?

— Да. Сульпа — демон, но он из моей расы, разумное существо, состоящее из нефизической энергии. Его цель — единственная цель — взращивать зло и подчинять своей злой власти все возможные Вселенные во все времена. Чем чище и невиннее добрые существа, которых он уничтожает, чем больше боли и ужаса он порождает в процессе этого уничтожения, тем больше возрастает его сила. Именно поэтому он охотится за неандертальцами.

— Неандертальцами? Я смотрела передачу про них по «Дискавери». Разве они не были глупые? И моя раса просто их уничтожила?

— Правда в том, что неандертальцы меньше смыслили в материальной культуре, чем кроманьонцы. По сути, их не интересовали ни богатство, ни имущество. Но они далеко продвинулись в духовной эволюции и несли в себе чистое и невинное добро, наполнявшее теплом Всеобщность. Их доброта была силой, Леони, космической силой, но они использовали ее только для исцеления и телепатического общения друг с другом. Жили в гармонии с миром, не оставляя после себя следов своего пребывания. Твоя раса считала их уродливыми, но истинная красота и правда исходили от неандертальцев, как свет маяка.

— Неудивительно, что мы их истребили, — сказала Леони. — Наша раса терпеть не может, когда красоты и правды становится слишком много.

— Вот мы и подошли к сути дела, — сказала Ангел. — Потому что нельзя сказать, что именно вы их истребили. Вашим ученым известно, что последняя группа неандертальцев существовала на Пиренейском полуострове около 35 тысяч лет до новой эры, а затем вымерла. Но они не знают, почему это произошло. У них нет археологических свидетельств. Нет летописей. В таком случае приходится лишь говорить о вероятностях…

— О'кей, мы их истребили, не точно, но вероятно.

— Поэтому есть и другая вероятность. Что они вымерли по иной причине.

— Допустим, но почему это так важно? — пожав плечами, спросила Леони.

Ответ Ангела был еще более обескураживающим.

— Потому, что для каждого человека, живущего в твоем времени, исключительно важно, чтобы неандертальцы *не были* уничтожены кроманьонцами двадцать четыре тысячи лет назад. По сути, от этого зависит судьба всей человеческой расы…

Глава 62

За ними бросились в погоню новые пловцы из числа воинов Иллимани. Их разделяло расстояние в один полет стрелы, но враги быстро нагоняли беглецов. Рия прищурилась, глядя сквозь брызги ледяной воды. Всего шестеро. Но все шестеро — могучие мужчины, с кремневыми ножами, зажатыми в зубах.

Она услышала позади гневный рык. Дрифф тоже их заметил.

Бонт увидел приближающихся врагов. Он все еще плыл на спине, держа рядом с собой Грондина и Бриндла древком топора, так, чтобы их головы оставались над водой. Лигар, Джергат и Оплимар уже с трудом держались на плаву.

Дрифф стряхнул с лица промокшие черные волосы. В его глазах было то же бешеное напряжение, которое Рия видела у других воинов Иллимани, и оно ей не нравилось. Но что бы там Бриндл ни сделал, убедив его воевать против собственного народа, Рия, с того момента, как он ее спас на площади, ни разу не заметила в его глазах сомнения в правильности своего поступка.

Девушка снова оглянулась.

Преследователи плыли быстро и целеустремленно, они уже наполовину сократили разрыв. Однако позади них, на болотистом берегу, заросшем густым кустарником и деревьями, покрывавшими землю в широкой излучине Змеи, огромная толпа воинов Иллимани вынуждена была остановиться. Негодующе крича, многие, не меньше сотни, тоже схватили оружие в зубы и прыгнули в реку.

И тут Рия увидела Сульпу. Его худощавое мускулистое тело, залитое кровью, длинные золотисто-рыжие волосы было невозможно не заметить. Он неторопливо подошел к кромке воды и приставил ладонь ко лбу, чтобы прикрыть глаза от солнца. Похоже, его взгляд был направлен прямо на нее. Затем он неторопливо поднял руку и выставил палец.

Рия увидела, как в нее что-то очень быстро полетело. Не крупнее насекомого, но, когда этот предмет вонзился в воду рядом с ней, поднялись клубы пара. Пронзив воду, он впился ей в бедро с такой силой, будто это была выпущенная из лука стрела. Рия вскрикнула от боли, мучительной, такой, будто стрела горела огнем, но, когда она опустила руку вниз, то не нащупала раны, лишь какую-то припухлость под кожей.

Сульпа снова наставил на нее палец, но прежде, чем он успел выпустить в нее еще один маленький дротик, Рию и ее друзей унесло течением дальше, и их отгородили от врага высокие ивы, росшие у самой воды.

— Мы спасены, — услышала Рия мыслеголос Грондина. Спустя мгновение она поняла, что это именно так.

Течение несло их к небольшому пустынному островку посреди реки. Здесь, вне досягаемости Иллимани, воины-Уродцы причалили на своих джаалах и теперь стояли у воды, выставив руки и древка копий, чтобы помочь плывущим выбраться. У некоторых в руках были мотки веревки.

Рия начала было уже надеяться, что ей удастся спастись, как вдруг один из воинов Иллимани догнал ее и схватил за лодыжку. Она едва успела судорожно вдохнуть, прежде чем ее утащило под воду.

Но Рия не испугалась. После того, как утонули их родители, Хонд и Рил научили ее плавать настолько хорошо, насколько могли. Она умела задерживать дыхание и ныряла даже в ледяной воде горных озер. Гордилась тем, что могла оставаться под водой на время, за которое можно досчитать до двухсот. Поэтому не закрыла глаза. У нападавшего был нож в ножнах на поясе, но он не потянулся за ним, продолжая держать ее за лодыжку и тянуть вниз, а вторую руку протянул к ее горлу, оставив незащищенным бок. Рия быстро с силой ткнула его ножом, глубоко засадив лезвие ему между ребер. Услышала приглушенный водой крик, увидела пузыри из его рта, и противник ослабил хватку.

Она еще не успела всплыть, чтобы глотнуть воздуха, как над ней оказался следующий воин Иллимани, молотящий ногами по воде. Его волосатая подмышка оказалась прямо у ее лица. У этого нож был зажат в зубах, но он, как и первый, не воспользовался им, а лишь попытался ее схватить. Рия полоснула его ножом по животу, вода окрасилась кровью, и она освободилась от его хватки и вынырнула, судорожно вдыхая воздух и смахивая с лица волосы.

Четверо оставшихся Иллимани не обращали внимания на других и плыли только к ней. Единственное, что могла предположить Рия в этой ситуации, это только то, что Сульпа приказал им взять ее в плен живой.

Из последних сил она замолотила руками и ногами, пытаясь плыть поперек течения в сторону острова. Уродцы уже втащили на берег Бриндла, Грондина и Бонта, а сейчас помогали выбраться Лигару, Оплимару и Джергату. Борясь с врагами, Рия оказалась в стороне от Дриффа, но теперь он подплыл к ней, как раз в тот момент, когда четверо воинов Иллимани настигли ее. Один обхватил ее шею рукой, другой ухватил за бедро, третий — за волосы, и тут Дрифф врезался в них, болтая ногами и нанося удары кулаками. В этот момент река вынесла их к берегу острова, всей кучей, где их поджидали Уродцы. Рию и Дриффа мгновенно вытащили на берег, а воинов Иллимани забили насмерть, прямо на мелководье.

В спешке воины-Уродцы начали рассаживаться в джаалы, и Рию вместе с ее товарищами усадили на одну из них. Но их настигала следующая группа плывущих Иллимани; более двадцати воинов уже были совсем близко, готовые взобраться на джаалы. Наклонившись в сторону, Рия ткнула одного из них ножом в глаз. На подходе был следующий, и она, отчаянно вопя, нанесла ему режущий удар. Увидела, как Грондин и Бонт размахивают топорами, буквально прорубая путь в воде среди вражеских воинов. Уродцы на других джаалах делали то же самое. Наконец, уничтожив приплывших врагов, они двинулись дальше, выходя на середину реки.

Рия не стала оглядываться. Плывущие враги уже никак не могли догнать идущие по течению джаалы.

Она подползла к Бриндлу, который все так же лежал без сознания, и положила ладонь ему на грудь. Глаза его были закрыты, дышал он ровно; непохоже, чтобы он чувствовал боль или какое-то неудобство. Девушка снова посмотрела на рану на голове, убедившись, что череп цел.

— С ним все будет в порядке, — раздался в ее голове мыслеголос Грондина. — Он сейчас спит. Исцелим его в Тайном Месте.

Рия очень устала, и, поскольку делать на несущемся по реке плоту пока было нечего, она улеглась рядом с Бриндлом. И тут же перед ее мысленным взором предстал Сульпа, худощавый, залитый кровью, указывающий на нее пальцем.

Сунув руку под штаны, она ощупала правое бедро, там, где в нее попал этот маленький дротик.

Твердая опухоль под кожей пульсировала и была горячей на ощупь.

Глава 63

— Но это смехотворно, — возразила Леони. От услышанного у нее голова шла кругом. — Как мы можем повлиять на то, что произошло в далеком прошлом? Что бы там ни случилось, оно уже случилось, и мы ничего с этим не можем поделать…

Ангел улыбнулась.

— Время проявляет себя не совсем так, — сказала она, снова покрутив какие-то диски на своем компьютере. — Но тебе снова придется поверить мне на слово.

— Поверить на слово насчет чего?

— Что мы можем влиять на события в любой точке истории Земли, добиваясь нужных результатов, не связанные с существующими фактами и свидетельствами.

Она говорила настолько официально, будто цитировала какие-то юридические правила, но затем сменила тон разговора.

— В случае с неандертальцами существующие факты говорят лишь то, что они окончательно вымерли двадцать четыре тысячи лет назад, и произошло это на территории нынешней Испании. Но нет никаких фактов и свидетельств насчет того, как и почему это

произошло. Поэтому мы в состоянии повлиять не на само вымирание, являющееся историческим фактом, а на то, как и почему оно произошло.

— Ага, если у нас будет машина времени.

— Она есть.

Экран компьютера снова ожил, замигав всеми цветами радуги.

— Ты же должна была догадаться, что я отправила тебя в прошлое, когда ты увидела Сульпу?

— Не сразу, нет. Сначала мне это и в голову не пришло. Но потом, когда я нарисовала оружие, которое было у поклонников Сульпы, Мэтт предположил именно это. Хотя я все равно ничего не поняла.

— Как, по-твоему, течет время? — спросила Ангел и, показав пальцем на экран, попросила: — Нарисуй.

Вытянув руку, Леони провела зеленую горизонтальную линию слева направо. Слева с краю подписала «ПРОШЛОЕ», посередине — «НАСТОЯЩЕЕ», справа — «БУДУЩЕЕ».

— Ага, как стрела, — сказала Ангел. — Предшествующие события вызывают следующие.

— Ну, очевидно, типа…

— Либо не вполне очевидно. Возможно, время больше похоже на вот это.

Ангел махнула рукой, стирая нарисованную Леони линию, и коснулась экрана пальцем. Начертила непрерывную линию, но не прямую, а изгибающуюся и извивающуюся, по всему экрану, иногда свернутую петлей, иногда — спиралью, а иногда — даже завязывающуюся узлом.

— События происходят в разное время, в различных точках этой кривой, — начала она объяснять. — Есть множество пересечений временной линии, так что, строго говоря, не обязательно, что одно событие, повлекшее за собой другое, должно ему предшествовать. Такая точка зрения обычна для практически всех людей, но лишь потому, что вы очень привязаны к материальному. Достаточно покинуть физическое тело, выйти из потока земного времени, чтобы увидеть, что последовательность событий может развернуться из каждой точки…

— Значит, выйдя, ты можешь войти обратно в любой точке, по своему выбору?

— Либо тебя могут отправить туда, как послала тебя я, — ответила Ангел, коснувшись точки, где ее рисунок завязывался узлом.

— Но вне тела, правильно? Как я оказалась там, где Сульпа устроил весь этот шабаш? И, как я понимаю, это действует совсем не так, как когда я появилась в мире, где становится известно все, или же в подземелье дона Аполинара?

— Когда я отправила тебя в прошлое, у тебя не было физического аватара, — произнесла Ангел, снова касаясь экрана. — Ты представляла собой чистое сознание. Была духом.

Леони невольно посмотрела на линию, извивающуюся на экране, нарисованную поверх бурлящих вихрей темного цвета.

— Когда время делает изгиб и линия идет параллельно, как, например, здесь, — продолжила Ангел, показывая на то место, где две части линии шли рядом, почти касаясь друг друга, — или когда время делает петлю, как здесь, в этой точке пересечения, — добавила она, показав на одну из множества петель, — и, в особенности, где линия запутывается и переплетается, как здесь, — Ангел обвела самый плотный из узлов на планшете, — то возникают особые возможности как для добра, так и для зла. — Ангел пристально поглядела на Леони. — Возникают связи между разными эпохами, и судьбы отдельных людей сплетаются в неразрывный узел.

Девушка уставилась на экран. Цветовые вихри исчезли, она снова будто смотрела на Землю сверху, через открывшийся в небе люк. И увидела группу небольших плотов, отчаливающих от острова посреди широкой, быстрой и бурной реки. Плоты окружало множество пловцов.

Леони увеличила изображение. Люди на плотах бились с пловцами, прорубая себе путь на открытую воду боевыми топорами. Последнее усилие, и им удалось прорваться, течение вынесло их на середину реки.

Леони снова увеличила изображение — и внезапно оказалась на одном из плотов. Почти все, сидевшие на нем, были ранены, их тела кровоточили. Одни были коренастыми, почти без шеи и с тяжелыми надбровными дугами, очень похожи на трехмерное изображение неандертальца, показанное ей Ангелом. Строение других было схоже с ней. Вне себя от радости, Леони увидела среди них ту самую загадочную девушку, которую она предупредила насчет птицедеревьев. Девушку с каштановыми волосами и загорелой кожей, явившуюся к ней во сне, взявшую ее руку и сумевшую вывести ее из страшного леса, сказав, что вместе они найдут дорогу. Она лежала на плоту рядом с хромым неандертальцем, получившим тяжелую рану в голову. Девушка тоже была ранена. Ее крепкое худощавое тело было мокрым от воды, но Леони увидела несколько ран, из которых медленно сочилась кровь. Лицо девушки было покрыто синяками, но глаза ее сияли разумом и уверенностью. Леони поняла, что не ошиблась.

— Ее зовут Рия, — произнесла Ангел. — Она живет в каменном веке, в северной части той области, которая сейчас называется Испанией, на берегу текущей с ледника реки, пересохшей за тысячелетия до твоего рождения. Она из племени кроманьонцев, они называли себя Кланом.

— А остальные, что с ней?

— Некоторые — оставшиеся в живых люди Клана, остальные — неандертальцы. Обычно они не вступают в союзы, но в лице Сульпы они обрели общего врага.

Внезапно река исчезла с экрана, уступив место петляющей зеленой линии. Ангел указала на самый хитроумный узел.

— Хотя, в смысле линейного времени, ваши эпохи разделяют двадцать четыре тысячи лет, они пересекаются в этой точке, — сказала Ангел, показывая на одно из мест кривой. — Ты живешь в XXI столетии, согласно привычному тебе летоисчислению, а Рия — в каменном веке. Но, поскольку в реальности нет никакого прошлого и настоящего, события в этих пересекающихся линиях, по сути, происходят одновременно.

— Значит, то, что ты мне показала, эти плоты, река, эта девушка Рия — все это происходило двадцать четыре тысячи лет тому назад, но, в каком-то странном смысле, происходит и прямо сейчас?

— В некоем странном смысле — да.

Изображение на экране снова изменилось. Зеленая линия исчезла, и Леони увидела внизу обнаженных, залитых кровью светлокожих воинов, армию Сульпы.

— Они из племени кроманьонцев, из Восточной Европы, называют себя Иллимани, — продолжала рассказывать Ангел. — Сульпа овладел телом одного из их молодых воинов, убил вождя и сделал из них орудие зла. Он повел их в дальний поход, через всю Европу, так они добрались и до Испании. Для того чтобы мученически загубить последних неандертальцев на Земле. Но и все племена кроманьонцев, попавшиеся им на пути, подвергаются безжалостному уничтожению. В том числе и племя Рии.

— Она выглядит так, будто дралась в бою…

— Дралась. Чтобы спасти свою жизнь. Всего час назад, по их времени, на Клан напали. Всех взрослых убили; сбежать удалось лишь двум-трем десяткам, в том числе Рии. А сотни детей принесли в жертву Сульпе, чтобы удовлетворить его жажду в страданиях невинных.

— Зачем? Что с ним такое?

— Как я тебе уже говорила, чем чище и невиннее те, кого он уничтожает, чем больше ужаса и боли он порождает в процессе этого уничтожения, тем сильнее возрастает его могущество.

— Именно поэтому он приносит в жертву детей?

— Он не только пьет их кровь, он забирает их души… навсегда поглощает их сознание, так, что они уже больше никогда не смогут воплотиться. Он забирает все, чем они являются и чем могли бы быть, и скармливает живущему в нем злу. Та же самая жажда сожрать и уничтожить все чистое и невинное, но в тысячу раз большая, привлекла его внимание к неандертальцам. Еще никогда, во всей реальности, не существовало столь добрых и невинных существ.

Что-то мигнуло, и Леони снова поглядела на экран.

Там опять была зеленая линия.

Ангел снова показала на место, где время Леони пересекается с каменным веком.

— Видишь, какой плотный узел? Тут рядом проходят линии многих земных эпох.

Леони пригляделась. Увидела множество точек, соединенных лихо переплетенной кривой, образующей сложный орнамент, похожий на рисунок сумасшедшего художника.

— Чтобы понять уровень опасности, ты должна знать, *что* собирается сделать Сульпа.

— Разве ты не объяснила мне, что он просто хочет стать более могущественным, убивая хороших людей?

— Это всего лишь способ достижения более серьезной цели. — Прекрасный голос Ангела стал тихим, она перешла на шелестящий шепот. — Доброта и бескорыстие неандертальцев предоставили ему уникальный шанс. Если он уничтожит их, как и собирается, то психическая энергия, полученная во время их убийства, их уничтоженные души и жизненная сила позволят ему перенестись во времени и физически воплотиться в XXI веке.

— Он уже это сделал! — возразила Леони. — Воплотился физически. Разве Джек — это не Сульпа, просто под другим именем?

— Это он. Но ему еще не удалось окончательно обрести плоть. Сульпа смог отправить в будущее лишь часть себя, пользуясь пересечением двух линий времени, в эпоху науки и технологии, чтобы оказывать на людей развращающее влияние, склоняя их на темный путь; но это не живой человек, а, скорее, мыслящее облако энергии, неощутимое. Однако с каждым новым жертвоприношением, совершенным в каменном веке, его тень в XXI веке приобретает все больше сил и влияния на окружающих его людей. У него появляется все больше последователей. Все, что ему осталось, — совершить массовое жертвоприношение неандертальцев, и тогда он обретет в твоем времени полноценный физический аватар. Тогда он оседлает эти переплетающиеся линии и обречет на гибель добрых людей во все времена.

Ангел снова коснулась пальцем экрана.

— Поскольку в этом месте линия времени сплетена очень плотно, могут быть вовлечены и многие другие эпохи. Очень скоро он будет в состоянии все их опутать своими щупальцами. А тогда наступит угроза равновесию всей Всеобщности.

— Но если мы помешаем ему убить неандертальцев, ничего этого не произойдет, правильно?

— Да, ничего. Потому что только таким способом он может добиться физического воплощения Джека.

— Не хотела бы я дожить до этого дня, — прошептала Леони.

— Так станешь ли ты помогать мне предотвратить это массовое уничтожение? Поскольку именно для этого я избрала тебя.

— Да, — страстно прошептала Леони. — Да, всеми силами. Но как нам это сделать? Ты сказала, что сама не можешь вмешиваться на физическом уровне. И сказала, что и я, отправившись в прошлое, буду там лишь духом.

— Рия стоит на пути Сульпы к неандертальцам, и я переплела ваши жизни, — проговорила Ангел. — Вы сестры, разделенные лишь временем. Вместе вы найдете путь.

Леони взглянула на экран. Там снова начался водоворот цветов, которые, казалось, притягивали ее, и она почувствовала, что проваливается в пустоту.

Часть III

Глава 64

Проваливаясь сквозь цветовой вихрь экрана компьютера, Леони с ужасом испытала ощущение дежавю. В прошлый раз это привело к встрече с Сульпой. Теперь она снова оказалась во вращающемся тоннеле, то изгибающемся, то прямом, летя и падая. Казалось, это будет продолжаться вечно. ХЛОП! Она вылетела из тоннеля, невидимая, очутившись посреди тысяч воинов Иллимани, на берегу стремительной реки, той самой, еще раньше показанной Ангелом, вместе с Рией и ее товарищами, спасающимися бегством на плотах.

Насколько раньше?

Леони увидела, что положение солнца поменялось. Утро кончилось, наступил день; казалось, с того момента, как она начала переход, прошел не один час. Теперь найти Рию будет сложно.

Леони поднялась в воздух и повисла метрах в шести над возбужденно переговаривающимися воинами Иллимани. Они стояли, образовывая посередине пустое пространство, в котором находился один-единственный человек. Он находился спиной к Леони, но она узнала бы Сульпу с любого ракурса. Он снова выглядел так, будто с головой искупался в крови. Мерзкий злобный ублюдок. Демон что-то бормотал себе под нос, очень быстро, на незнакомом Леони языке. Но даже это бормотание, вырывающееся из его рта, ужаснуло девушку. Ей было и страшно, и одновременно она страстно желала знать, что будет дальше.

Сможет ли Сульпа почувствовать ее присутствие сейчас, когда не может так просто покинуть человеческое тело?

Пусть даже все это и происходит двадцать четыре тысячи лет назад?

Леони медленно парила в воздухе, пока не оказалась над головой Сульпы.

В его руках, выставленных вперед, лежали грязно-серые шары, так, будто он собрался ими жонглировать. Шары были размером с теннисные мячи и выглядели так, будто состояли из плотной пены, чем-то похожие на ее бесплотное тело, но не были прозрачны.

Леони все же рискнула опуститься чуть ниже. Внутри шаров клубился плотный дым, в котором время от времени прорисовывалось нечто угрожающее и непонятное. Вот это — крыло? А это — коготь? А это — нога?

Еще немного ближе, и…

Наконец она смогла понять, что происходит…

Будто собравшись из густого дыма, в шарах возникли ужасные маленькие чудовища, с мускулистыми, как у лани, ногами, когтистыми лапами и складчатыми кожистыми крыльями. Они были абсолютно одинаковы и больше всего смахивали на помесь летучей мыши,

птеродактиля и горгульи. Разинутые пасти были заполнены крошечными зубами, острыми, как иглы, а глаза цвета крови с обожанием смотрели на Сульпу.

Даже если их хозяин пока и не обнаружил ее, то уж эти твари увидят ее за пару секунд, поняла Леони.

Она уже начала подниматься вверх, когда обе твари, захлопав крыльями, вылетели из шаров и уселись на плечах Сульпы. Леони увидела, как они наклонили головы, слушая, что шепчет им хозяин, а затем резко взлетели вверх, направляясь в сторону реки.

С абсолютным спокойствием Леони поняла, что их послали за Рией. Стараясь держаться на безопасном, по ее мнению, расстоянии, она полетела следом.

Мелкие чудовища стремительно летели над самой водой, ровно посередине реки. Не проблема. Леони уже умела быстро летать. Она уже узнала по опыту прошлых перемещений, какое это захватывающее ощущение — находиться вне тела, это потрясающее чувство свободы и неограниченных возможностей… почти опьяняющее. Наступает уверенность того, что ты можешь все, что придет тебе в голову. На мгновение она направила себя на сотни метров вверх и радостно наблюдала прекрасную реку, окруженную увенчанными снежными шапками горами, зелеными долинами, сверкающими озерами и бескрайними лесами.

Эти места были домом Рии.

Ее сестры, отделенной от нее лишь временем.

Леони поспешно опустилась вниз, поближе к маленьким горгульям, сотворенным Сульпой. Они летели так низко над рекой, что, казалось, принюхивались к воде. Леони держала дистанцию метрах в тридцати выше и позади них, но существа двигались вперед, не оглядываясь, километр за километром. Они преодолели, наверное, с полсотни километров, когда внезапно свернули влево и полетели над уходящим вверх склоном в сторону виднеющихся вдали гор.

Леони не заметила ничего такого, что могло бы заставить тварей изменить курс, но они развернулись так уверенно, как будто были самонаводящимися ракетами, захватившими цель.

Видимо, Рия и ее товарищи бросили плоты где-то рядом с этим местом, предоставив их течению реки, а сами пошли в сторону, решив, что ушли от орды Иллимани на достаточное расстояние. Судя по всему, они умело заметали следы, но у шпионов Сульпы были свои действенные способы их обнаружить.

Леони ринулась следом и вдруг почувствовала тяжелый груз ответственности. Она должна, просто обязана как-то помочь Рии.

Внезапно воздух перед ней задрожал и все начало расплываться, но мгновение спустя все снова пришло в норму.

Леони знала, что это означает. Айяхуаска переставала действовать. В любой момент ее может выдернуть обратно, в ее время и пространство.

Леони заметила первые знаки того, что здесь прошло множество воинов. Пятна крови, сломанное копье, кусок кожаной сандалии, кучка дерьма. Сколько человек было на плотах? Полсотни? Сотня? Непонятно, но, судя по всему, чем дальше они оказывались от Сульпы, тем меньше заботились о том, чтобы не оставлять следов.

След привел ее к озеру у крутого склона горы, покрытого лесом. Горгульи сразу же метнулись туда, облетая деревья, и в считанные секунды настигли беглецов.

Это были неандертальцы, одни мужчины, одетые в шкуры и одежду из грубо сотканной ткани. Многих покрывала кровь из колотых и резаных ран. Некоторые были искалечены весьма серьезно. Но твари, созданные Сульпой, не интересовались ими. Они летели вперед все быстрее и выглядели все более возбужденными. Огибая деревья, они оказались на

поляне, усеянной трупами — здесь что, был бой? — и прямиком полетели к небольшой человеческой фигуре, которую несли на носилках неандертальцы и люди.

Рия! Когда Леони видела ее перед этим, на плоту, девушка была покрыта ранами и синяками, но в сознании, с ясным взглядом; однако теперь она, скорчившись, лежала на носилках, ее загорелая кожа слегка побледнела, а вокруг глаз залегли темные круги. Большинство ран уже перестали кровоточить, но кожаные штаны на ней разрезали, обнажив зловещую темную опухоль на правом бедре.

Леони поняла, что именно эта опухоль вела горгулий на их путь.

Очевидно, что ни неандертальцы, ни люди не могли видеть маленьких тварей, и те тут же сели на ногу Рии. Сложив кожистые крылья, они впились зубами в опухоль, издавая мерзкие чавкающие и хлюпающие звуки. Как тошнотворно! Твари пришли в экстаз, их глаза закатились. Чавк. Хлюп. Чавк. Хлюп. Видимо, что-то в опухоли им очень нравилось.

Воздух снова задрожал. На мгновение на Леони опустился кромешный мрак и замельтешил фейерверк огней. Она ничего не видела, то ли летя, то ли падая. Когда зрение прояснилось, несущие Рию вышли из леса и пошли к склону горы, а вампирчики оторвались от опухоли и резко поднялись вверх.

Леони направилась следом за ними и, когда они вышли на ровный полет, примерно метров тридцати от земли, оказалась прямо над ними.

Впереди небольшой группы, несущей Рию, другой отряд неандертальцев вытянулся в длинную колонну и пересекал огромный луг, раскинувшийся за лесом. Первые уже приближались к протянувшимся на несколько километров утесам, за которыми начиналась горная цепь. Судя по всему — конечная цель их путешествия.

Леони увидела, как первые в строю отодвинули в сторону плотные ветви подлеска у основания утеса, за которыми оказался тайный проход.

Поглядела вниз. Твари, посланные Сульпой, тоже его заметили.

Воздух снова задрожал, а через мгновенье успокоился. У Леони остались считанные секунды, ну, не больше минуты, — и она исчезнет отсюда. Рия и ее друзья не узнают, что шпионы Сульпы следили за ними и нашли их укрытие. В течение дня он приведет сюда всю свою армию и уничтожит их.

Леони понимала, что не может допустить этого. Выход был только один. Она должна уничтожить этих горгулий.

Это было рискованно. Леони была вне тела и не имела никакого представления, что могут с ней сделать эти летучие твари. Она точно знала, что даже бесплотное тело можно схватить, можно ранить, можно утащить — так, как сделал с ней дон Аполинар, поймав в свою сеть. Она отлично помнила ту боль, когда билась с Сульпой. Леони вспомнила, как врезалась в него. Удар был сильный, потрясший ее целиком, — совсем не похоже на туман, прошедший сквозь туман. Если здесь действуют те же правила, то она сможет причинить этим мерзким мелким чудовищам ощутимый вред.

Девушка быстро полетела вниз, стараясь оказаться между ними, и ей удалось схватить горгулий за чешуйчатые шеи. Она почувствовала ощутимый шлепок, очень реальный. Леони потащила их вниз, твари завизжали, хлопая крыльями. Девушка бросилась вниз, к земле, в сторону Рии, лежащей на носилках.

Хорошо… что она может хоть что-то сделать для сестры.

Леони еще крепче сжала шеи тварей и почувствовала, как они впиваются когтями своих мускулистых лап в ее бесплотное тело. Их крылья резко били по воздуху, но вырваться они не могли.

ШМЯК! Она с силой ударила их мерзкие головы друг о друга.

ШМЯК! Еще раз, на всякий случай.

ШМЯК! ШМЯК! Они и в самом деле безмозглые. Внутри их крохотных черепов оказался лишь дым.

ШМЯК! ШМЯК! ШМЯК! ШМЯК!

Бесплотные тела тварей начали распадаться, испаряться и разлетаться на ветру, и вскоре в руках у Леони уже ничего не было.

Снова задрожал воздух, еще сильнее, потом зрение прояснилось, и она снова увидела потрепанную колонну неандертальцев. Не считая Рии, Леони заметила лишь троих людей: одного, так же как и Рию, несли на носилках, двое других шли сами, невзирая на ранения.

Леони попыталась понять, какие события привели к таким последствиям, незримым свидетелем которых она стала. Рия и ее друзья сражались вместе с неандертальцами против Сульпы. По крайней мере, так сказала Ангел. Сульпа пришел в их земли во главе с армией Иллимани, чтобы выследить и уничтожить этих вот неандертальцев — последних, оставшихся на Земле. И все потому, что ему было необходимо стереть с лица земли самых добрых и невинных существ этого мира.

Значит, эта группа беженцев, стоящая у подземного хода в склоне горы в северной Испании, слишком ценна и важна для истории мира Леони. А если так, их надо защитить любой ценой.

Она взглянула на Рию. Ее подняли на носилках уже на десятки метров вверх по склону, к тайному входу, и скоро она будет в безопасности.

И тут в голову Леони пришла ужасная мысль. Она убила этих крохотных шпионов, но то, что находится в ране на ноге Рии и что привело их к ней, осталось на месте. Это «что-то» необходимо извлечь, иначе Сульпа пошлет новых шпионов, которые найдут ее, где бы она ни находилась.

Леони ринулась вперед. Надо как-то предупредить раненную, лежащую без сознания девушку.

Воздух вокруг нее снова предательски задрожал.

Глава 65

Рия резко открыла глаза. Она пришла в сознание и сразу же поняла, где находится.

— Стойте! — попыталась крикнуть она, удивившись, насколько слабым стал ее голос. — Стойте! Пожалуйста, — повторила она мысленно.

Грондин шел спереди, держа ее носилки. Оглянулся и посмотрел на нее.

— Мы должны быстро уходить в Тайное Место. Останавливаться очень опасно. За нами могут следить, — произнес он.

— Мы должны остановиться! Сульпа чем-то выстрелил в меня, и это осталось у меня в ноге.

— Только не сейчас. Многие нуждаются в исцелении. Все хотят быстрее попасть в Тайное Место.

— НЕТ! Ты не понимаешь. Сульпа чем-то выстрелил мне в ногу. Оно все еще там. Если мы принесем это в Тайное Место, то он может нас обнаружить.

— Откуда ты знаешь? Ты так долго спала.

Прежде чем ответить, Рия огляделась, приподняв голову. Они были в горах, у утеса, у самого входа в тоннель, ведущий к Тайному Месту. Слишком близко к нему. Первые из колонны Уродцев уже были внутри. Сзади носилки нес чокнутый Иллимани Дрифф. Рядом могучие воины Грондина по двое несли на носилках Бриндла и Лигара. Рия не смогла скрыть своего волнения, увидев, что Бриндл все еще без сознания. Джергат и Оплимар шли сами, Бонт — тоже, нянча в руках свой топор, словно ребенка. Его тело покрывали порезы и

синяки, но от раны в спине, нанесенной копьем и исцеленной Уродцами, почти не осталось следов.

Чередуя слова и образы, Рия попыталась рассказать Грондину про потрясающую девушку с золотистыми волосами, которая только что приходила к ней во сне. Та же самая девушка, которая предупредила ее о птицедеревьях в мире духов. Но сейчас она была прозрачной, будто соткана из воздуха или воды. Она была очень возбуждена и встревожена. Как и прежде, что-то кричала на незнакомом Рии языке. Но в этот раз ее слова сопровождались яркими образами и эмоциями, и Рия четко поняла их смысл. Внутри опухшей раны, нанесенной брошенным Сульпой маленьким дротиком, скрывается нечто страшное и необъяснимое. Пока оно там, Сульпа всегда сможет найти ее. Потом девушка исчезла, а Рия проснулась.

— Сны и видения — не одно и то же, — сказал Грондин. — Не всегда следует верить им.

— Я уже однажды видела эту девушку, — ответила Рия. — Мне помогли встретиться с ней «Маленькие Учителя». Тогда я была в опасности, и она меня предупредила. Поэтому я верю ей и теперь.

Грондин остановился. Вместе с Дриффом они поставили носилки на землю. Рия никак не могла привыкнуть к дикому взгляду голубых глаз Иллимани, не могла и понять, что за чувства в них скрываются, но как можно вообще надеяться хоть когда-то понять, что за мысли в голове у такого дикаря? Остальные продолжали идти вверх, в гору. Грондин присел рядом с ней, держа в руке маленький острый разделочный нож. Рия поглядела на опухоль на бедре.

— Вскрой ее, — сказала она. — Надо выяснить, что там внутри.

Боль, пронзившая Рию, когда Грондин начал копаться ножом в ране, была такой, какой девушка не испытывала еще никогда в жизни. Хотя она старалась сдержаться, но ее крики огласили все вокруг, по лбу потек пот, а с губ потоком летели ругательства. Дрифф тоже сел рядом и крепко держал ее, а Грондин продолжал резать. Затем из раны будто что-то выскочило, а следом хлынули кровь и гной.

Грондин потрогал рану пальцами. Болело куда меньше.

— Внутри ничего нет, — сказал он.

— Нет! Есть! Режь глубже!

— С ума сошла, — ответил Грондин.

Обливаясь потом, дрожа, с кружащейся от боли головой, Рия стряхнула с себя руки Дриффа и резко села, схватив Уродца за жилет.

— Ты должен резать глубже, — мысленно приказала она, пристально глядя ему в глаза.

— Боюсь повредить тебе ногу. Ты можешь стать хромой. Там ничего нет, — нерешительно ответил Грондин.

Раздраженно вздохнув, Рия выхватила у него из рук нож.

— Тогда я сама это сделаю.

Грондин аккуратно забрал у нее нож. Рия чувствовала, что ему нелегко совладать с эмоциями.

— Еще раз разрежу, — согласился он.

— А-А-А-А! — заорала Рия, когда нож вошел в рану. Боль была невыносимой, но, когда она осознала, что больше не может терпеть, нож наткнулся на нечто, глубоко засевшее в ее ноге.

Нечто *извивающееся*.

Наклонившись вперед, Грондин поглядел в рану, снова коснулся ее ножом, хмыкнул и внезапно резко повернул руку в запястье. Внутри раны что-то снова изогнулось и резко дернулось, и Рия ахнула от нового взрыва боли.

Потом поглядела вниз.

На кончике ножа Грондина извивался черный червь, то ли опарыш, то ли какая-то личинка длиной с человеческий язык. Нож проткнул его, но он все еще был жив. Червь вцепился в плоть Рии одним концом, утолщенным и покрытым мелкими крючками. Рия ошеломленно глядела, как Грондин принялся аккуратно вытаскивать его, отцепляя крючки один за другим, пока не раздался влажный шлепок и тварь окончательно не отцепилась от ее ноги.

Положив червя на булыжник, Грондин разрезал его пополам. Но каждая половина тут же начала жить своей жизнью, так, будто вместо одной личинки стало две.

Дрифф в ужасе глядел на них.

— Сульпа? — прошептал он.

Судя по интонации, это был вопрос. Видимо, в суматохе бегства он не видел, как его недавний владыка бросил в нее маленький дротик.

— Да… они — творения Сульпы, — ответила Рия, с трудом вставая и превозмогая боль.

Извивающиеся черви уже подползли к краю булыжника, оставляя за собой кровавые следы. Нельзя было позволить им доползти до мягкой земли. Но прежде, чем избитое тело подчинилось Рии, Грондин шагнул вперед и жестко ухватил тварей пальцами. Рия почувствовала, как он мысленно разговаривает с Дриффом, но не поняла о чем. Дрифф мгновенно подбежал к деревьям и принялся сооружать небольшой костер, так, чтобы ветви и листья деревьев рассеяли его дым.

Грондин пошел к нему, следом похромала Рия. Она подошла как раз когда Грондин бросил тварей в огонь и прижал их палками. Они начали извиваться, потом испустили стон, похожий на человеческий, раздулись до размера кисти руки взрослого мужчины, корчась и трепыхаясь, а потом с громким хлопком лопнули, оставив после себя клубы едкого черного дыма. Мелкие остатки их черной плоти затрещали и обуглились, и вскоре в костре ничего не осталось, кроме пламени и рдеющих углей.

Рия поглядела вверх, на кроны деревьев, где, казалось, все еще висел дым. Все кончилось или нет? Или следы тварей, созданных Сульпой, так и останутся здесь и помогут ему выследить их? В любом случае, больше они ничего сделать не могут. Рия развернулась в сторону гор, и тут у нее закружилась голова и потемнело в глазах. Она начала падать, едва осознав, что сильные руки Дриффа подхватили ее прежде, чем она коснулась земли.

И провалилась в забытье.

Глава 66

— Слава Богу, — послышался голос Баннермана. — Похоже, она возвращается.

Леони снова была в собственном мире. Она еще не открыла глаза, но четко понимала, где находится. В душном темном помещении, на матрасе, на ноги наброшено легкое одеяло. Она слышала жужжание насекомых, их стук в оконное стекло. Баннерман и тот, с кем он разговаривал, сидели рядом с ней, и один из них мягко держал ее за руку.

Она открыла один глаз.

Здорово, это же Мэтт!

Полсекунды Леони радовалась, пока к ней не вернулась память обо всем, что произошло в мире Рии.

Девственные горы и равнины.

Ужасная угроза, исходящая от Сульпы и Иллимани.

Удалось ли ей предупредить сестру насчет маячка в ее ноге?

Или она, на хрен, облажалась?

Леони была довольна тем, что ей удалось убить тварей, посланных Сульпой, но если ее лихорадочная попытка в последний момент передать девушке это простенькое послание потерпела неудачу, то все это будет напрасно.

Ей надо вернуться. Немедленно!

Леони окончательно открыла глаза и села, судорожно вздохнув. Мэтт поспешно убрал руку, будто обжегшись. Баннерман встал так стремительно, что упал его стул.

— Леони! — с облегчением сказал он. — Ты в порядке?

Девушка моргнула и огляделась. Они были в одном из домиков, стоящих рядом с *малокой* — помещением для отдыха, с десятком кроватей, на которые они побросали свои рюкзаки и где переоделись в свободную одежду, прежде чем пойти в *малоку* вчера вечером. Ее кровать — видимо, ее перенесли сюда, пока она была без сознания, — стояла ближе всех к двери. Другие пустовали, но были не прибраны; судя по всему, на них до этого спали. Хотя снаружи и светило солнце, окна были плотно занавешены, и внутри дома царил полумрак.

— Ты в порядке? — снова спросил Баннерман.

Леони уловила напряжение в его голосе. Вероятно, он опасался, что она спалила себе мозги, приняв столько наркотиков.

— Не знаю, — ответила она. — Я провела очень странную ночь…

— Ты очень далеко зашла с айяхуаской. Мы не могли разбудить тебя.

Леони положила ладонь на руку Баннермана.

— Мне придется снова выпить ее, — прошептала она. — Прямо сейчас. Меня выдернуло из того места, куда привела меня айя, слишком рано. Кое-кто в опасности, и я должна помочь ей…

— Полегче, Леони, — подняв руку, перебил ее Баннерман. — Подожди. Какое место? И кто в опасности?

— Не важно, — едва не срываясь на крик, ответила Леони. — Объясню потом, хорошо? А сейчас мне надо еще выпить айи. Я должна сделать это. А вы должны помочь мне.

— С этим у нас возникли проблемы, — строго поглядев на нее, ответил Баннерман.

Проблема заключалась в доне Эммануэле.

— С ним плохо, — произнес Мэтт. — Этим утром он проснулся совершенно не в себе. В смысле, реально не в себе.

— Совершенно неожиданная и странная реакция у такого опытного практика, — добавил Баннерман.

Вошла Мэри Рак. Глянув на Леони, улыбнулась.

— Добро пожаловать домой! — воскликнула она, садясь рядом с Леони и обнимая ее. — Ты совершила большое путешествие.

Известие насчет дона Эммануэля встревожило Леони, и она спросила у Мэри о его состоянии. Женщина помрачнела.

— Ночью, после того как ты выпила третью чашку, дон Эммануэль тоже выпил одну. Как и ты, он ушел очень далеко. Я бы сказала, он перенес… назовем это тяжким душевным испытанием. С шаманами иногда такое случается. Когда он очнулся пару часов назад, он был… травмирован.

— Обезумел, — поправил ее Мэтт.

Мэри бросила на него раздраженный взгляд.

— Ну, по крайней мере, сейчас ему стало намного лучше. Я только что от него, он в *малок*е. Он бодрствует, но пока не рассказал нам, что произошло.

— Я знаю, что с ним случилось, — нетерпеливо прервала рассказ Леони. — Меня поймали и утащили в другой мир.

Этим людям можно было сказать правду, рассчитывая, что они поверят и поймут ее.

— Он пришел туда, чтобы меня спасти, но его тело было уничтожено…

— Убито? — широко открыв глаза, переспросила Мэри. — Кем?

— Шаманом, который пленил меня. Доном Аполинаром. Они превращались в разных зверей и дрались. У дона Эммануэля не хватило сил, чтобы победить его.

— Дон Аполинар! — повторила Мэри и присвистнула. — Черт!

— Ты его *знаешь*?

— Он *брухо* — колдун. В Икитосе его все боятся. Но если надо применить черную магию, чтобы убить соперника или превратить врага в зомби, все идут к нему. Он страшный человек.

Мэри и Баннерман были непреклонны, несмотря на все просьбы Леони. Они считали своим долгом защищать ее и заботиться о ней и не могли позволить девушке продолжить эксперимент прямо сейчас.

— Ритуал должен контролировать шаман, — настаивала Мэри. — Ты видела, какие опасности могут подстерегать тебя в чужих мирах, и должна понимать, почему это обязательное правило. Если дон Эммануэль придет в себя, он даст тебе отвар сегодня вечером… В любом случае, у нас и так хватает работы.

Леони проснулась около трех часов дня. К шести, после скромного обеда, когда на джунгли снова начала спускаться бархатная тьма, все собрались в *малоке* и сели в круг, обсуждая результаты прошедшего ритуала. За исключением некоторых фраз, уже сказанных Леони, это был первый раз, когда каждый из участников в подробностях слышал о пережитом другими. По настоянию Баннермана в течение дня они не обменивались никакой информацией. Дон Эммануэль не принимал участия в этом «обмене», как назвала процедуру Мэри. Миниатюрный шаман-шипибо сам выпил чашку айяхуаски и теперь тихо лежал на матрасе в углу.

Первым заговорил Мэтт, рассказав о том, что увидел и пережил под влиянием наркотика. Потом Баннерман, а потом и Мэри. Несмотря на различие в деталях, всем им было ясно, что происходит нечто необычное.

Айяхуаска унесла Баннермана, по его словам, «как смерч». Он попал в небесный мир и встретился с величественной крылатой женщиной, восседающей на золотом троне. Ее кожа цвета индиго была покрыта золотыми звездами. «Защищай Леони», — сказала она ему.

Мэтт очутился посреди безбрежных джунглей, у подножия громадной капироны, лицом к лицу с лазурного цвета ягуаром, который заговорил с ним женским голосом. «Защищай Леони», — услышал он.

Мэри унесло в хрустальную пещеру, жилище Сачамамы, глубоко под землей. Перед ней появилась гигантская анаконда, покрытая аметистовой чешуей. «Защищай Леони», — приказала она.

Во всех случаях люди чувствовали не только необычность ситуации, но и громадную значимость происходящего. Они поняли, что обязательно должны выполнить то, о чем их просят. Теперь защита Леони является не только их первоочередной задачей, но и прямым предназначением.

Но что же все это значило?

И настала очередь Леони рассказывать о своем путешествии.

— Значит, суть в том, — подытожила Мэри час спустя, — что есть девушка Рия, живущая двадцать четыре тысячи лет назад, и она оказалась единственным человеком в мире, у которого хватило духу встать на пути Сульпы и помешать ему истребить неандертальцев. Это имеет значение и для нас, поскольку, если демон сможет уничтожить неандертальцев, а сила их врожденной доброты будет проглочена злом, то сможет не только переместиться в XXI век, но и физически воплотиться здесь. Наше тайное оружие — Рия и Леони. У нас имеется сверхъестественный союзник, Синий Ангел. В Амазонии она носит имя «Владычица Лесов», но мы знаем, что это существо может принимать множество обликов. Древние назвали бы ее богиней. Как я понимаю, она использовала свою силу, чтобы сплести воедино судьбы Леони и Рии, за счет каких-то сложных явлений в квантовой области, которые мы пока не понимаем. Вместе они имеют возможность победить Сульпу. Поскольку Владычица Лесов также является и Духом Айяхуаски, неудивительно, что она использует для связи измененные состояния сознания людей. Я бы сформулировала нашу задачу так. Мы должны обеспечить Леони возможность регулярно возвращаться к Рии, что означает дальнейшее применение айяхуаски, а также защитить ее физически и духовно, пока она будет там находиться.

Следующим заговорил Баннерман:

— Не стану утверждать, что понимаю надличностный опыт, который все мы получили; также скажу, что не понимаю, как могут пересекаться прошлое и настоящее, а самое интересное — как в так называемых галлюцинациях один и тот же персонаж может давать одинаковые указания разным людям. — Он глубоко вздохнул. — Как ученый, я могу годами копаться во всем этом, что, на самом деле, я и намереваюсь сделать, но, что бы здесь ни произошло, оно настолько экстраординарно, что цели науки должны отойти на второй план.

Врач внимательно посмотрел на Леони.

— Несмотря на трудное путешествие, которое тебе пришлось пережить этой ночью, думаю, нашим решением будет продолжить твою работу с айяхуаской, а тем временем мы постараемся обеспечить тебе безопасное место для этих… экспериментов. Я готов согласиться с тем, что это именно то, что тебе нужно. — Баннерман огляделся. — Думаю, как и все остальные, — добавил он.

— Именно это мне и нужно, — произнесла Леони. — Я даже объяснить не могу. Мои чувства к Рии… Но я не позволю Сульпе добраться до нее, любыми возможными средствами.

— Единственное, о чем я беспокоюсь… — начал Баннерман.

— О чем?

— Меня беспокоит, как на тебя подействовала вчера вечером айяхуаска. Я изучал медицинские труды на эту тему. В целом этот отвар безопасен. Но у некоторых отмечалась особая реакция. Была даже пара смертельных случаев. Несколько людей, имевшие до этого проблемы с психикой, сошли с ума…

— Я не верю, что Синий Ангел или мои так называемые путешествия сведут меня с ума, — перебила его Леони. — Это первое, что я сделала стоящего за всю мою жизнь, и я не собираюсь останавливаться.

Из угла, где лежал дон Эммануэль, послышался громкий стон. Шаман сел, завернутый в одеяло, и произнес несколько фраз по-испански.

Леони навострила уши, услышав свое имя, а затем имена Аполинара и Джека.

Странно.

Она не помнила, чтобы дону Эммануэлю кто-нибудь рассказывал о Джеке.

Глава 67

Мало-помалу сознание возвращалось к Рии — так, будто она глубоко нырнула во тьму, а теперь медленно поднималась обратно. Все выше, выше и выше, к свету. Сначала начала

слышать звуки, шаркающие шаги, треск костра, храп и мычание оленей вдалеке. Чтобы точно понять, где она, даже не было нужды открывать глаза, и Рия не испугалась, почувствовав, как небольшая морщинистая рука коснулась ее лица и убрала с него волосы. Это прикосновение было мягким и полным сочувствия, так, как если бы ее давно ушедшая мать вернулась, чтобы утешить ее. В животе заурчало от запаха жаренного на костре кролика.

В памяти всплыло будоражащее воспоминание о золотоволосой девушке-духе, предупредившей ее о мерзкой твари, созданной Сульпой и угнездившейся в ее ноге. Рия ощупала место, где Грондин сделал глубокий разрез разделочным ножом, но рваной раны там уже практически не ощущалось, как и болезненной опухоли.

И тут воспоминания нахлынули на нее. Ужасная гибель Рила и Хонда. Показательный суд. Предательство Мёрха и Григо. Невероятное в своей быстроте истребление Клана. Демоническая армия Сульпы убила всех дорогих ей людей, как животных.

Должно ли это было произойти? Как это вообще могло случиться в реальности? Ведь все это должно оказаться просто ночным кошмаром, правда? А не по-настоящему.

Только не по-настоящему.

Открыв глаза, Рия увидела, что лежит на мягких шкурах. Над головой раскинулись кроны могучих дубов, сквозь листья проникал свет утреннего солнца. Мерина, волшебница Уродцев, сидела рядом, печально глядя на нее.

— Клана больше нет, Рия. Тебе придется смириться с этим…

Рия сжала зубы, чтобы не взвыть.

— Кто-то выжил, я найду их.

— Если есть выжившие, мы поможем тебе найти их, — ответила Мерина. — Найти и привести сюда.

Опершись на руку, Рия приподнялась и поглядела на волшебницу.

— Где Бриндл? — мысленно спросила она, опасаясь худшего. — И двое моих соплеменников из Клана, Бонт и Лигар? Они в порядке? Что с Джергатом и Оплимаром? И Дриффом, юношей-Иллимани? В бою они все получили ранения.

— Их всех исцелили, — успокоила ее Мерина. — Все чувствуют себя хорошо. Скоро к нам придут.

Ее карие глаза моргнули.

— Более всех в исцелении нуждалась *ты*, Рия. Мы сделали это, пока ты спала. Слишком много ран для такого маленького тела. Но ты сражалась с воплощенным злом! И выжила, чтобы воевать и дальше… Мало кто может сказать о себе такое.

— Я ничего не сделала, Мерина. Это все Грондин. Он пришел к нам с сотней воинов и спас нас.

— Ты сделала многое! Грондин сам мне рассказал. И Бриндл. И Оплимар с Джергатом. Ты умна. Ты проявила отвагу в бою и сохранила ясный рассудок. Ты молода, но старшие ждут, что ты возглавишь их. Духи избрали тебя для борьбы с воплощенным злом, так сказал отец Бриндла.

— Не верю, что кто-то мог меня выбрать.

— Мне сказали дать тебе пять метательных камней, Рия из Клана, тебе, и никому другому. Ты *избрана*! И с этим тебе тоже придется смириться.

— Я потеряла их, все пять, — виновато призналась девушка, однако почему-то не опустила головы.

— Не горюй о них, — улыбнувшись, ответила Мерина. — Я слышала, что ты смогла их отлично использовать. Кроме того…

В голове Рии появился образ женщины с синей кожей.

— …у Владычицы Лесов есть другие подарки для тебя. Этим вечером ты должна отведать «Маленьких Учителей».

Сотня воинов, спасшие Рию и ее товарищей, были из отдаленных стойбищ. Грондин встретил их на южном берегу Змеи, уже движущихся к Тайному Месту. Пока воины вели бой с Иллимани, а затем спасались бегством по реке, старики, женщины и дети завершили путешествие по лесу. В результате население убежища Уродцев больше чем удвоилось по сравнению с тем, что видела Рия два дня назад. Но места в Пещере Видений с избытком хватило на всех.

Рия расположилась на почетном месте рядом с Бонтом, Лигаром, Дриффом, Джергатом и Оплимаром, Бриндлом и Грондином. Как и сказала Мерина, Уродцам удалось их всех исцелить, и даже серьезные повреждения заживали буквально на глазах. Лигар, получивший глубокую рваную рану в бедро, уже мог ходить и даже бегать. Бриндл, впавший в глубокое беспамятство от удара топором по голове, пришел в себя и вел себя вполне бодро и оживленно. Боль в ребрах уже не беспокоила Рию. Остальные раны, в том числе и на бедре, там, где Грондину пришлось вырезать впившуюся тварь, затянулись и выглядели так, будто она дралась несколько месяцев назад, а не вчера.

Несмотря на печаль, Рия была рада снова увидеть Бриндла живым и здоровым и тоже ощущала заряд бодрости, несмотря на раны и усталость последних дней.

— Исцеление наполнило тебя жизненной силой, — объяснил Бриндл. — Конечно, это не могло тебя не взбодрить.

После вчерашнего боя с Иллимани, бегства и чудесных исцелений, свидетелями и объектом которых они стали, Бонт и Лигар сильно переменились. Все, что им рассказывали об Уродцах, оказалось полной чепухой, признались они Рии. Ее соплеменники поняли, что находятся не среди кровожадных тупых дикарей, а у добросердечных и разумных человеческих существ, не только спасших их жизни, но и приведших в свое самое тайное убежище. Когда Рия предложила двум мужчинам Клана присоединиться к вечернему ритуалу видений, они согласились, поверив ее обещанию насчет того, что грибы, которые Уродцы называют «Маленькими Учителями», не причинят им никакого вреда.

Дрифф сел рядом с Рией. После исцеления воин Иллимани был в приподнятом настроении, как и воины ее Клана. Рия знала от Бриндла и Грондина, что они научили его мыслеречи и общались с ним, но у нее это пока что не получалось. С тех пор, как он спас ее от верной смерти, Рия уже была готова простить ему то, что он — Иллимани, но пока не была уверена, что этот воин ей хоть как-то нравится. Он красивый, быстроногий, хорошо сложенный, а вчера он сражался…

Как демон.

Но все равно ему еще очень далеко до того, чтобы Рия считала его другом.

Вскоре девушка ощутила, что «Маленькие Учителя» начали творить свое волшебство. Глубоко вдохнула. Она была готова.

Закружилась голова, но Рия с усилием встала на ноги и подошла к той же самой белой, как кость, блестящей проплешине в скале, притянувшей ее три дня назад. Снова встала перед ней и наклонилась как можно ближе, не сводя взгляда со сверкающих бликов. Опять накатило головокружение. Осев на пол, Рия почувствовала, как вновь покидает тело и проходит сквозь скалу, в скрывающийся за ней тоннель воды и воздуха. Отдавшись воле потока, Рия позволила ему вынести ее из тьмы пещеры в мир духов, где царил день. В небе, как и в прошлый раз, горели два светила.

Рия ждала, что снова попадет на луг, заросший зелеными цветами. Но в этот раз, несмотря на то, что она оказалась в точно такой же странной одежде, тоннель вынес ее в другое место, на холм, возвышающийся над большой долиной. Посреди долины было стойбище, но такое, которого она никогда в жизни себе и представить не могла. В тысячу раз

больше стоянки Клана, оно состояло из огромных сооружений из дерева и камня, расположенных в форме правильного круга и окруженных громадной изгородью.

В паре шагов ниже по склону, боком к ней, стояла женщина-дух с темно-синей кожей — та, которую Уродцы называли Владычицей Лесов. Она была ошеломляюще красива, и на ней была чудесная одежда, сверкающая и меняющая цвета при каждом ее движении.

— Я помогу тебе победить Сульпу, — глубоким и сильным голосом проговорила она. — Он мой враг, точно так же, как и твой.

— Ты дух, — произнесла Рия, подходя к ней и вставая чуть выше по склону, чтобы их глаза были на одном уровне. — И, похоже, могущественный. Почему ты сама не победишь его?

— Я не могу побороть его в твоем мире.

— Это я слышала. Мой друг Бриндл сказал, но я не поверила.

— Тем не менее это правда…

— Да, сама могла бы догадаться! Ведь Уродцы не лгут, никогда… — Рия задумалась, а потом продолжила: — Бриндл сказал, что Сульпа — демон.

— Один из худших среди демонов.

— И что ты заточила его на долгое время, но ему удалось сбежать.

— Он сбежал, вселившись в человеческое тело, и мы потеряли над ним власть. Будучи в этом теле, он уничтожит твой мир, если его не остановить.

— Я хочу остановить его.

— В этом я уверена. Именно поэтому я избрала тебя… и еще одного человека, она будет сражаться вместе с тобой. И это первый из трех даров, которые у меня есть для тебя сегодня.

Словно из ниоткуда, в руках синей женщины появилась странная деревянная рамка размером две на две пяди, а внутри было нечто похожее на гладкую блестящую поверхность воды.

— Погляди, — сказала она, разворачивая рамку.

Сначала Рия ничего не увидела и даже не поняла, что тут можно видеть, но на блестящей поверхности медленно появилось лицо золотоволосой девушки.

— Я знаю ее, — прошептала Рия и выгнула шею, чтобы заглянуть под рамку. — Она спасла мне жизнь. Она тоже дух? Как ты?

— Она человек. Как ты. Ее зовут Леони. Она тоже сражается с Сульпой.

— Тогда почему я вижу ее только во снах и видениях?

— Потому, что она еще не родилась.

— Не понимаю.

— Она живет в будущем, спустя тысячу поколений после тебя…

— Все равно не понимаю.

— Не обязательно понимать, достаточно действовать. Ты не сможешь победить Сульпу без помощи Леони, а Сульпу нельзя уничтожить в ее времени, если ты не справишься с ним в своем. Вместе вы обладаете великой силой, такой, какую ни одна из вас и представить себе не может. Уж лучше вам встречаться в снах и видениях, чем вообще не быть знакомыми друг с другом.

— Мне кажется, ты нас используешь, — проговорила Рия. — Обеих. Чтобы мы вели бой вместо тебя.

— Разве я не объяснила? Сульпа в теле человека, и поэтому, естественно, воевать с ним должны люди…

Рия гневно поглядела на синюю женщину.

— Я видела тебя вместе с моими родителями. В прошлый раз, когда отведала «Маленьких Учителей». С моей матерью и отцом, они были как живые, хотя я знаю, что они мертвы. Что тут происходит?

— Есть мир, в котором твоя мать и отец продолжают жить.

— Я могу снова увидеть их?

— Возможно, у нас будет на это время.

— Если всего лишь «возможно», тогда зачем ты показала их мне в первый раз? Ты хочешь свести меня с ума?

— Это было испытание. На равновесие между любовью и рассудком. Я должна была убедиться в том, что правильно избрала тебя для войны с Сульпой.

Рия начала злиться. Почему это существо считает, что имеет хоть какое-то право ее испытывать? И решать, кому и с кем сражаться?

Но потом девушка вспомнила Хонда и Рила и смирила свою гордыню. Правда в том, что она и сама хочет биться с Сульпой. Уничтожить его. Любыми средствами.

— Так ты сказала, что у тебя сегодня для меня три подарка.

Синяя женщина выставила вперед руку со сверкающим кристаллом, размером меньше желудя, но с тысячами крохотных граней.

— Это второй подарок, — сказала она, держа кристалл указательным и большим пальцами. — Примешь его — и сможешь не только понимать, но и говорить на любом языке.

Рия подумала о Дриффе. Было бы неплохо знать язык Иллимани. Тогда можно будет получше расспросить его о том, как можно справиться с Сульпой.

Подумала о соседних племенах людей, живущих в ближних и отдаленных долинах. Ри, Джикак, Мерел, Кинжал, Навин, Шер, Йона, Поплавок, много других, имен которых она и вспомнить не могла. Айне, племя, странствующее по берегам Великого Моря, свирепое горное племя Кош, охотящееся на мамонтов далеко на востоке… Все эти разные люди, живущие отдельно друг от друга, обычно враждебные к чужакам, не знающие чужих языков, все они в огромной опасности перед лицом Сульпы, а некоторые, возможно, уже разделили судьбу Клана. Рия не сомневалась, что Сульпа перебьет все эти племена по одному, и тут же осознала, что ее задача — объединить всех против него. А это будет сделать намного легче, если она сможет разговаривать на их языках.

— Только дурак от такого откажется, — буркнула она.

Женщина-дух резко выпрямила руку и с быстротой броска змеи глубоко воткнула кристалл в висок Рии.

— Теперь у тебя есть дар знания языков, — сказала она. — Воспользуйся им правильно.

— Ай! — вскрикнула Рия. Боль была просто мучительной. Но, приложив руку к виску, она не ощутила никакой раны.

— Боль пройдет, — сказала женщина. — Теперь, пожалуйста, погляди сюда. Вот мой третий подарок.

Она подняла рамку. На этот раз вода не была спокойной — она кружилась, похожая на водоворот. Рия почувствовала, как ее затягивает внутрь, а потом начала падать.

Вокруг снова царила ночь, не было никаких признаков того мира, где она разговаривала с женщиной. Луна почти полная, высоко в небе. Рия летела в воздухе, вне тела, над горами и долинами своей родной земли.

Поглядела на руки и ноги, поняв, что они прозрачные и сквозь них видна земля, далеко внизу. Она стала прозрачной, как ночной воздух. Невидимой! Легкой, как утренний туман! Передвигающейся быстрее любой птицы, и ей не нужны крылья, она может просто лететь куда вздумается.

Придя в себя от первоначального изумления, Рия огляделась. Прямо под ней был густой лес; она узнала высокий крутой утес, с которого с грохотом стремительно падали воды Змеи. Безлюдное место, права на которое не заявляло ни одно племя, его называли Вратами Рога. Целый день трудного пути вверх по течению реки от стойбища Клана, Рия пару месяцев назад была тут с братьями на охоте.

Ее взгляд уловил движение.

Впереди группа людей, человек двадцать-тридцать, поспешно шла через открытое место, отбрасывая длинные тени в ярком свете луны.

Рия тут же камнем пролетела вниз, ближе к ним, опустившись до самых крон деревьев. Мужчины и женщины. Дети. Она начала узнавать их лица, и ее охватила радость. Это выжившие люди Клана, им удалось скрыться от Сульпы! Она опустилась среди них, радостно крича, пытаясь обнять их, но они не видели и не слышали ее.

Выглядят перепуганными. Конечно, ведь им только вчера удалось сбежать от вражеской орды, и они идут среди ночи, спасая свои жизни. Многие ранены, все очень устали, дети и старики все больше отстают.

Бесплотная и невидимая, Рия остановилась, провожая взглядом столь дорогих для нее людей.

Позади, в сотне шагов от остальных, шла женщина с двумя маленькими детьми. Может, потому, что волосы с одной стороны ее головы были опалены, или потому, что один ее глаз отек и почти закрылся, или из-за того, что мальчик и девочка были все в грязи, Рия не сразу поняла, кто перед ней.

Но тут она все поняла. Это была Сабет, жена Бонта, с Нибо и Маурой, его сыном и дочерью.

И тут непреодолимая сила подняла Рию в небо.

К самым звездам.

У ее ног разверзлась дыра, и она провалилась в вертящийся тоннель.

Когда Рия очнулась на полу Пещеры Видений, вернувшись в свое собственное тело, она точно знала, что делать дальше.

Глава 68

Мэри начала переводить, то и дело останавливаясь, переспрашивая дона Эммануэля.

Тот объяснил, почему, несмотря на пережитое прошлой ночью, он снова выпил отвар.

Во-первых, он шаман. Если бы он испугался необходимости выпить айяхуаску, то был бы обязан оставить свое призвание, а к этому он еще не готов. Ему надо было доказать самому себе, что он сможет справиться со страхом.

Во-вторых, он хотел проследить за доном Аполинаром. При помощи отвара он смог выйти из тела и попасть в дом *брухо* в Икитосе. Он был готов к тому, что Аполинар может почувствовать его присутствие.

Но шаман застал врага посреди ритуала вызова духа, колдун не обращал внимания ни на что вокруг. Сделавшись мельче мухи, Эммануэль устроился в сторонке и стал наблюдать.

Аполинар сидел на деревянном стуле с высокой спинкой посреди едва освещенной комнаты. Он был здесь один, но в полуметре от него стояло в полный человеческий рост старинное, богато украшенное зеркало с поцарапанной и немного потускневшей поверхностью. Оно стояло под углом, так, чтобы Аполинар не видел в нем своего собственного отражения. Колдун быстро и тихо повторял одно слово, глядя на его поверхность.

Там было одно слово — «Джек».

По словам Эммануэля, он смог понять и разглядеть того, кого вызывал *брухо*.

За поверхностью зеркала заклубилась бесформенные сгустки тумана; казалось, что сквозь него прорывались отблески молний. И, по словам шамана, он был готов выплеснуться в комнату.

— Зачем ты звал меня? — раздался из зеркала властный голос.

— Чтобы предупредить тебя, Властитель… есть девочка. С помощью моего волшебства я проник в ее мозг и узнал ее мысли. Она хочет уничтожить тебя, — выпалил Аполинар.

— Многие хотят уничтожить меня, — ответил голос, но уже тише.

— Эта — особенная. Она обладает силой. И ее защищает Владычица Лесов.

Грозовое облако в зеркале колыхнулось.

— ИМЯ ДЕВОЧКИ?

— Ее зовут Леони. Дай мне силы, и я отведу тебя к ней.

— У тебя есть нож, дон Аполинар? — еле слышно прошептал голос из зеркала.

Брухо явно удивился вопросу.

— Да…

— Покажи.

Эммануэль описал, как, радостно улыбаясь, Аполинар достал из кармана белого костюма длинный узкий нож.

— Хорошо, — сказал голос, — превосходно. Теперь, пожалуйста, перережь себе горло.

— Горло? Но…

— Один глубокий разрез, от уха до уха.

Аполинар пытался сопротивляться, но, судя по всему, его тело ему не подчинялось. Медленно, борясь с инстинктом самосохранения, он подвел лезвие ножа к горлу и проколол кожу. Струйка крови потекла на воротничок рубашки и на плечо, заливая белый костюм.

— От уха до уха, дон Аполинар. *Быстро*, давай!

Еще один порез, глубже. Кровь потекла сильнее.

— Но я могу помочь тебе, — всхлипывая, заговорил *брухо*. — Я твой раб…

— *Дай мне силу, и я приведу тебя к ней*, — передразнил голос из зеркала слова Аполинара. — ТЫ НЕ СМЕЕШЬ ТОРГОВАТЬСЯ СО МНОЙ, РАБ! — внезапно оглушительно загрохотал неизвестный. — ТЫ ПРОСТО БУДЕШЬ ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО Я СКАЖУ.

— Да, хозяин, да! Даю слово. — Пиджак Аполинара уже покрылся красными потеками крови, крупные капли падали на пол вокруг стула. — Все, что пожелаешь! Умоляю, только не убивай меня! Я и мое волшебство — в твоей власти!

— Твое волшебство? Ха! МНЕ НЕ НУЖНЫ ТВОИ ФОКУСЫ С ВЫЗЫВАНИЕМ. ТЫ — ЧЕРВЬ.

— Тогда позволь червю отвести тебя к девочке, хозяин… Я хорошо знаю джунгли, я буду полезен.

— Может ли быть полезен червь? — задумчиво произнес голос. — Возможно. Возможно, в конце концов, у меня найдется применение… для червя из джунглей.

Лезвие ножа все еще врезалось в горло Аполинара, но теперь, по словам Эммануэля, *брухо* позволили опустить руку и выронить нож. Облако в зеркале продолжало клубиться и колыхаться. И снова послышался голос:

— Когда завтра мои слуги придут к тебе, отведешь их к девочке. Они знают, что с ней делать.

Аполинар сидел на стуле обмякший, хрипло дыша. Медленно, будто тяжелый газ, облако в зеркале начало рассеиваться и вдруг с ошеломляющей скоростью снова вернулось.

Эммануэль почувствовал, как его будто обожгло взглядом Джека. Аполинар поспешно повернул голову туда, где он прятался, и Эммануэлю ничего не оставалось, как сбежать из комнаты.

Больше старый шаман ничего не мог рассказать.

Дона Эммануэля не слишком-то информировали о ситуации, в которой оказалась Леони, но дальше скрывать было просто глупо. Неразрывные связи между Джеком и Сульпой, Леони и Рией, роль Синего Ангела, известного ему под именем «Владычицы Лесов», трагическая история жизни Леони и необходимость и дальше продолжать эксперименты с айяхуаской… Старому шаману рассказали абсолютно все.

— Мы в смертельной опасности, — подвел черту под повествованием дон Эммануэль, когда Мэри изложила ему все это на испанском.

Джек и Аполинар узнали о том, что он подслушал их разговор, и, хотя «слуги» Джека и не могли прибыть к Аполинару раньше завтрашнего дня, *брухо* ничто не мешало нанять банду убийц из местных и уже вечером привезти их сюда на быстроходном катере.

Икитос был своеобразной крепостью Аполинара, так что возвращаться в город не имело никакого смысла.

Но была и другая возможность.

В трех сотнях километров южнее, на берегах Укаяли, притока Амазонки, находилось племя шипибо, откуда родом был сам дон Эммануэль. В этих землях не было ни дорог, ни электричества, ни водопровода. Люди жили в небольших деревнях, некоторые у самой реки, другие — у ручьев и заводей.

— Там можно спрятаться, — поведал им дон Эммануэль, и добавил: — Так, что никто нас и не найдет. Там мы можем продолжить работать с айяхуаской.

Старый шаман виновато поглядел на Леони. Извинился, что не смог защитить ее в мире духов. *Брухо* оказался слишком силен. Но среди шипибо есть шаманы куда более могущественные, чем он, идущие путем света, и они соберут круг, чтобы сделать защиту сильнее.

— Нам противостоит зло, но его можно победить, — дон Эммануэль, как мог, попытался разрядить обстановку в *малоке*.

Все необходимые припасы у них были — бензин для подвесного мотора лодки, вода, еда и лекарства. Они ощущали, что собираться надо как можно быстрее, но все равно погрузка и крепление всех грузов заняли часа два. Когда они отчалили, уже миновала полночь.

Плотные облака затянули небо, скрыв луну; теплая темнота, будто одеяло, окутала Леони. Когда лодки свернули на юг, против течения, она посмотрела назад, на север, в направлении Икитоса, и увидела вдали вспышку света.

А потом еще одну.

Мэтт проследил за взглядом девушки.

— Катер, — сказал он. Свет мигнул третий раз, отразившись от воды. — Скоростной катер. Идет сюда.

Глава 69

Никто не усомнился в третьем подарке Рии, в истинности видения, полученного в мире духов.

Выжившие люди Клана, в том числе жена Бонта с детьми, сбежали в лес на востоке, как раз в сторону пустынных холмов, покрытых лесами. Те места называли Вратами Рога. Надо было попытаться спасти их.

Ни одно племя не заявляло о своих правах на Врата, и, по давнему соглашению, охотиться там мог любой. Самый прямой путь туда из Тайного Места лежал через земли Клана, но это было слишком опасно, поскольку там хозяйничали тысячи воинов Иллимани. Другим вариантом было двинуться южнее, а потом свернуть на северо-восток, но при этом придется пройти через земли Мерел и Навин, племен, враждебных Клану и друг другу. Рия оценивала их как самых последних из кандидатов в союзники в борьбе с Сульпой. Но начинать собирать армию все равно придется, и нельзя терять времени. Кроме того, можно было не сомневаться в том, что Иллимани наводнят окрестные земли, убивая всех на своем пути и повсюду оставляя следы своего жестокого владычества, так что главной задачей было на них не наткнуться.

Рия решила, что Бриндл должен обязательно участвовать в этом походе. Вместе они прошли через многое, и она рассчитывала на него. И для нее стало настоящим ударом, когда, выходя вместе с ним из Пещеры Видений, она услышала, что на этот раз ее друг должен остаться.

— Да, думаю, ты прав, ты теперь вождь, у тебя есть и более важные дела, — произнесла Рия, стараясь скрыть обиду и недоумение.

— Нет, — возразил Бриндл, — не поэтому.

Он передал Рие образ синей женщины.

— Есть четвертый дар, — начал объяснять он. — Владычица Лесов вчера вечером одарила тебя тремя, а четвертый был получен мной. Поэтому я должен остаться. Она хочет, чтобы я сразу построил это, прямо здесь, в Тайном Месте. Это поможет нам бороться с Сульпой.

— Я не понимаю…

На мгновение Бриндл даже показался ей раздраженным.

— Четвертый дар — идея, — сказал он. — Образ, вложенный Владычицей Лесов мне в голову.

Одновременно с мыслеречью он передал ей образ, который с невероятной силой ворвался в голову Рии. Она ахнула, увидев красочную картину трех огромных кругов из внушительных камней. И все это она видела как бы с птичьего полета.

— Вот это я должен построить. Что скажешь?

Рия поняла, что может мысленно обойти нарисованную Бриндлом картину, чтобы оглядеть ее с разных сторон, так, будто она находилась прямо перед ней. Это было чрезвычайно странно и непривычно. Даже образ этого сооружения, казалось, излучал молчаливую грозную силу.

Рия насчитала тридцать серых камней во внешнем круге, огромных, в два человеческих роста, широких в основании и плотно вкопанных в землю. Форма у них была неправильная, они не были обработаны, несли на себе следы воды и ветров и были покрыты лишайником, как обычные скалы. Но то, что они были поставлены в правильный круг в сто шагов в поперечнике, явно служило какой-то цели. Второй круг, из двадцати черных камней ростом с Рию, находился точно внутри первого и был пятьдесят шагов в поперечнике. В центре был третий круг, его размер достигал двадцати шагов, и состоял он из восьми гигантских белых конусообразных валунов в четыре человеческих роста.

— Прекрасно, — сказала Рия, когда поразивший ее образ исчез. — Я никогда ничего подобного не видела. Но как это поможет сражаться с Сульпой?

— Это каменные врата…

— В смысле?

— Владычица мне не сказала. Просто попросила их построить.

Для Рии вся эта загадочная задача выглядела невыполнимой и сверхъестественной. Где вообще найти столько больших камней, не говоря уже о том, чтобы притащить их сюда?

— Владычица сказала мне, где их найти, — ответил Бриндл на ее мысль. — Объяснила, как Уродцы смогут поднять и поставить их. И объяснила, где я должен все это построить.

— Где?

Бриндл обернулся, показывая на вход в огромную пещеру позади них.

— Внутри Пещеры Видений. Они должны быть именно там.

Бриндл хотел отправить с Рией сотню воинов, чтобы они помогли им найти и защитить беженцев, но Рия отказалась.

— Нам надо двигаться как можно незаметнее, — произнесла она. — Сотня воинов — слишком много для такого дела и слишком мало, если нам придется биться с врагами, Иллимани намного больше.

И, несмотря на все возражения Бриндла, она сумела доказать, что для успешного похода требуется лишь небольшая группа, и добавила, что уже знает, кого возьмет с собой.

— Дай мне только Грондина. Он будет мне опорой, — произнесла Рия. — Вместе с Джергатом и Оплимаром. Естественно, я возьму с собой Бонта и Лигара. И Дриффа. Всего получается семеро. Мы пойдем быстро, не оставляя следов, найдем спасшихся и вернемся назад как ни в чем не бывало.

— Хорошо, Рия, — ответил Бриндл. — Я уже привык, что ты все делаешь по-своему.

И решил сменить тему.

— Ты теперь доверяешь Дриффу? — спросил он.

Рия задумалась лишь на минуту.

— Видимо, да. Но я его до сих пор не понимаю. Что ты с ним сделал? Как ты убедил его предать свой народ?

В глазах Бриндла мелькнуло выражение легкой досады.

— Дрифф — первый из Иллимани, начавший поступать правильно. Это не значит, что он предатель. Возможно, он просто герой. Все, что я сделал, — помог ему увидеть истину.

— Было бы здорово, если бы таких стало побольше, тогда осталось бы меньше тех, кого придется убить.

Бриндл обдумал ее слова, а потом попытался объяснить.

— Помнишь, я обрел связь с Дриффом? Тогда он считал тебя безумной женщиной, обуреваемой единственным желанием — убить его. Я встал на его сторону, защитив от тебя. Он понял, что я веду себя как друг. Так я смог пробиться к нему, а потом и поговорить. Договориться так с другими Иллимани будет сложно. Если мы не можем общаться с ними, то и связи возникнуть не может.

Внезапно смутившись, Рия обняла Бриндла.

— Хорошо, делайте эти каменные круги, для чего бы они там ни были нужны. — А потом, спрятав улыбку, нарочито строго приказала другу: — Хочу, чтобы они были готовы, когда я вернусь.

После ночи, проведенной в Пещере Видений, Бонт и Лигар обрели способность к мыслеречи и начали понемногу общаться с Уродцами. Возможно, этот способ общения был одним из эффектов действия «Маленьких Учителей», или же потому, что синяя женщина сделала все, как и обещала, вставив кристалл в голову Рии, но девушка вскоре смогла обмениваться образами с Дриффом, а потом и просто разговаривать. Когда подходило к

концу первое утро их похода, они уже могли свободно беседовать при помощи мыслеречи, иногда спонтанно переходя на обычный разговор. К удивлению окружающих, Рия использовала гортанный язык Дриффа, чужой, непонятный и даже пугающий для всех остальных. Но девушку это нисколько не волновало, а вскоре она перестала обращать внимание и на то, как странно это выглядит со стороны, и начала вовсю пользоваться своим новым даром, чтобы побольше узнать о врагах.

Как рассказал Дрифф, до появления Сульпы Иллимани были воинственными кочевниками, рассматривающими остальных людей как добычу, которую следовало заполучить силой или обманом. Они забирали у других все, что им нужно — женщин, рабов, вещи, — и двигались дальше. Так было испокон веков. Когда Дриффу два года назад исполнилось шестнадцать лет, среди них появился Сульпа.

— В смысле, просто так вот пришел в ваше стойбище? — спросила Рия.

— Нет, не так.

Воин Иллимани по имени Бече, известный своей красотой и силой, был смертельно ранен во время набега на соседнее племя. Его принесли в стойбище, и ночью он умер. На рассвете, по обычаю Иллимани, его тело положили на погребальный костер, но прежде чем загорелись дрова, он внезапно открыл глаза. Кожа его все так же была бледна, зрачки глаз закатились, ноги дергались так, как будто это была лишь кукла в руках шамана. Но уже через секунду раны затянулись, на щеках появился румянец.

— Бече больше не существует, — проревел он, так и не сойдя с кучи хвороста. — Теперь вы будете звать меня Сульпа.

Дрифф своими глазами видел это и все то, что произошло потом.

Бече спрыгнул с кучи хвороста. Но он уже не был прежним человеком, будто кто-то переделал его на свой лад. И хотя Бече внешне не изменился, свидетели его воскрешения отметили его новую невероятную силу и мощь. Он вытянул вверх руку, и прямо из воздуха появился огромный черный меч из обсидиана. Бече, если, конечно, это был он, с легкостью крутанул его над головой, прошел пять шагов к тому месту, где стоял вождь племени, и одним ударом разрубил его пополам.

— Теперь я ваш вождь, — крикнул он толпе Иллимани, не обращая никакого внимания на поток теплой крови, оросившей его ноги. Трое сыновей вождя, могучие воины, попытались было оспорить его право, но в рукопашном бою он убил их всех, и больше никто не осмелился ему перечить.

После этого набеги на другие племена стали другими. Раньше убивали лишь воинов, Иллимани забирали имущество поверженных врагов и оставляли в живых женщин, детей и рабов. Теперь уничтожали всех подряд. Убийство, прежде служившее лишь для устрашения врагов, теперь стало основной целью. И смерть для Иллимани обрела новые лица. Все без исключения, кто попадался им на пути, кого они могли поймать, умерщвлялись. Истреблялись целые племена, причем по возможности наиболее мучительными и долгими способами. Любой из Иллимани, не угодивший Сульпе, точно так же подвергался медленной мучительной казни.

— Он Пожиратель Душ, — закончил свой рассказ Дрифф. — Он питается болью и смертью.

С того дня, как Сульпа завладел телом Бече, он постоянно говорил о новой цели, приведшей Иллимани в земли Клана. Обещал воинам, что создаст из них могущественную армию, обещал, что они будут сильнее любого другого племени, поскольку боги возложили на их плечи священную обязанность. Им выпала честь стереть с лица земли Свет на Западе. И теперь это долг всех Иллимани перед высшими силами.

Сульпа не объяснял им, что это за «Свет на Западе», но шли месяцы, и они поняли, что он ведет племя к западу, к ледяным пустыням и лежащим за ними неизведанным землям.

Перед тем как пересечь ледяные пустыни, племя Иллимани насчитывало почти тридцать тысяч мужчин, женщин и детей. Когда они закончили этот поход, их осталось чуть больше двадцати тысяч, из которых семь тысяч — опытные, закаленные в боях воины. Они набрасывались на мирных обитателей здешних долин, как хищные звери, уничтожая все на своем пути, захватывая земли и оставляя в стойбищах своих жен и детей.

«Свет на Западе» уже был близок, — так сказал им Сульпа, и поэтому отправил вперед армии разведчиков. Прошло еще месяца три, и он повел семь тысяч воинов в сторону земель Клана. Они убивали всех, кто попадался по пути. А ежедневные массовые жертвоприношения детей уже вошли в привычку воинов Иллимани. Сульпа сам убивал их длинным черным ножом из обсидиана, купался и пил кровь невинных жертв.

Рия ахнула от ужаса, вспомнив, как Иллимани оставили в живых детей, когда напали на стойбище Клана.

— Да, — сказал Дрифф, увидев пришедший ей в голову образ. — Так нас… — Он задумался. — Их… — Склонил голову. — Так нас учили. Не убивать детей на поле боя. Окружить и отвести к Сульпе, чтобы принести в жертву.

— Но зачем? — спросила Рия.

Девушка никак не могла понять смысла всего этого кровопролития. Как кто-то может опуститься до такой мерзости, чтобы убивать детей и пить их кровь?

— Он — Пожиратель Душ, — повторил Дрифф, так, будто это все объясняло. — Он убивает добрых и невинных, чтобы увеличить свою силу. Поэтому мы и оказались здесь… на земле твоего клана…

Дрифф оглянулся на товарищей-Уродцев, шедших рядом, — Грондина, Оплимара и Джергата.

— Он привел нас сюда, чтобы уничтожить их, — добавил он, чтобы у Рии не осталось никаких сомнений. — Мы должны убить *всех* Уродцев. Поскольку они и есть Свет на Западе. Это священный долг Иллимани.

К полудню они уже были на территории племени Навин и, продвигаясь вдоль горной реки по каменистому ущелью, неожиданно увидели впереди кружащих воронов и грифов.

Очень много воронов и грифов.

Вряд ли их привлекла простая туша оленя.

В воздухе висел запах дыма.

Как и большинство здешних племен, Навин жили охотой, рыбной ловлей и собирательством, кочуя небольшими, по двести-триста человек, группами из одного временного стойбища в другое. Напали на одно из таких, находившееся за ближайшим поворотом, — несколько конических типи, стоящих среди деревьев в узкой пойме, на берегу реки.

Многие типи уже догорали, оставшиеся шатры стояли как-то уж совсем неправильно, и даже чужаку было ясно, что их перенес кто-то неизвестный путникам. Дым подымался вверх, но Рия и ее товарищи не заметили ни единого человека, кругом царила тишина, казалось, что не только люди, но и птицы покинули это скорбное место. Никто не стоял в дозоре, не было слышно детского плача или глухого стука обрабатываемых кремней. Похоже, перед отрядом Рии было стойбище мертвых.

Но, лишь приблизившись, они с ужасом поняли истинный смысл этого слова. Судя по оставшимся на земле следам и ранам на погибших людях, захваченные здесь Навин — около

двух сотен человек — сдались, не оказав сопротивления. Так и не нашлось ни одного боевого топора или сломанного лука. Но люди не погибли от стрел или удара боевого топора. Все, кого обнаружил отряд, были зверски замучены.

Одни были прибиты к деревьям, окружавшим небольшую поляну со стойбищем. Их руки и ступни были прибиты к стволам острыми длинными кусками кремня; остальных повесили на ветках, будто украшения сумасшедшего шамана. На одном из самых высоких деревьев Рия насчитала человек двадцать; их рты были открыты в безмолвном крике, а глаза уже выклевали вороны, и грифы отведали их плоти. Страшный лес человеческой боли и страдания. Друзья Рии обнаружили только троих чудом оставшихся в живых.

Даже Уродцам пришлось признать, что раны, полученные Навин, смертельны и они ничем не могут помочь этим несчастным. Если вытащить кремневые острия, то это причинит им нестерпимую боль, и они погибнут от потери крови. Было куда гуманнее просто избавить их от страданий.

Двоих мужчин, уже потерявших сознание, быстро добили Бонт и Дрифф. Женщина, прибитая к дереву вниз головой в центре стойбища, потерявшая один глаз, оказалась самой крепкой. Взгляд ее был полон безумием, а потрескавшиеся губы в кровавой пене все повторяли и повторяли одну и ту же фразу на языке Навин. Рия даже не удивилась, когда поняла, что именно она шепчет.

— Они забрали наших детей… Помогите нам, духи… Они забрали всех наших детей…

Рия попыталась расспросить женщину. Сколько воинов напали на них? Когда? Куда они ушли? Но женщина больше ничего не смогла ответить. Наконец девушка, нерешительно скривившись, достала нож, чтобы избавить ее от невыносимых страданий, но тут из-за дымящегося шатра раздался хриплый мужской голос:

— Тронь ее, и умрешь!

Лигар одним движением наложил стрелу и натянул лук, Бонт скинул с плеча боевой топор, и тут на них двинулась дюжина охотников-Навин, семеро — с натянутыми луками, остальные — с копьями и томагавками. Они окружили их со всех сторон, выйдя из-за деревьев.

Глава 70

Катер Мэри Рак был шесть метров в длину, с двумя скамьями на шесть пассажиров под брезентовым тентом на корме и открытым грузовым отсеком на носу. Мэри села сзади, взявшись за ручку большого подвесного мотора «Ямаха».

— В нем две сотни лошадиных сил, — сказала она, выжав ручку газа, и лодка рванула вперед. — Думаю, нам удастся от них уйти.

— Хороший движок, — согласился Мэтт. Он, Леони и Баннерман сидели рядом с Мэри, на задней скамейке. — Но, при всем уважении, ваша лодка чуть больше, чем обыкновенная ванна, а мы даже и предположить не можем, что есть у тех парней. А самое неприятное, мы даже не знаем, кто они. Мы *думаем*, что это дон Аполинар, но это может быть и кто-то другой. Которому вовсе нет до нас никакого дела.

Леони снова обернулась, — огни приближались.

— У тебя есть другие предложения? — закричала Мэри. Ее едва было слышно за ревом мотора и плеском воды, рассекаемой носом лодки.

— Да, — крикнул в ответ Мэтт. — Немедленно сбрось газ, нам надо укрыться на берегу, живо! Вот тут, среди деревьев… вот это место подойдет.

— Давай, Мэри, — подбодрил коллегу Баннерман.

— Здесь мы сможем немного переждать, — продолжил Мэтт. — Сохранять полную тишину, не включать никаких фонарей. Если они промчатся мимо твоего причала и пойдут дальше вверх по течению, мы будем знать, что они здесь не ради нас. Если остановятся…

было бы неплохо беззвучно спуститься обратно по течению реки. Я предпочел бы затопить их лодку, пока они обыскивают приют.

Мэри уже сбросила газ и развернула катер к берегу.

— Выглядит опасно, — пробормотала она.

— Но мое предложение менее опасно, чем оставить их у нас на хвосте, — ответил Мэтт. — Если у них есть оружие, то на открытой воде мы станем для них отличной мишенью.

Джунгли подступали к самому берегу. Гигантские ветви папоротников висели, как опахала, над ними возвышались громадные деревья, с их ветвей причудливо свисали лианы и мох. Мэри заглушила мотор и позволила течению снести катер на ближайшую отмель под огромной пальмой, упавшей в воду. Встав на носу катера, дон Эммануэль перекинул веревку через ствол и пришвартовал к нему катер.

Огни неизвестных были уже достаточно близко, Леони и ее друзья уже слышали утробный рев мотора катера чужаков. «Они бы нагнали нас в пять минут», — подумала Леони.

Судя по всему, пристань была метрах в четырехстах ниже по течению, и незнакомый катер был уже совсем близко. Леони взмолилась, чтобы он прошел мимо, но вместо этого услышала, как мотор сбросил обороты, и огни двинулись к берегу.

— О’кей, с этим ясно, — сказал Мэтт. — Все со мной согласны?

Теперь уже никто не сомневался, что никакого шанса спастись, уходя вверх по течению, не было. Как только они завели бы мотор, их услышали бы и быстро поймали. Ничего другого Леони в голову не приходило.

— Я согласна, — сказала она.

— И я, — сказал Баннерман. — Это рискованно, но больше ничего не остается делать.

Мэри и Эммануэль переговорили по-испански и согласились. Альтернативы у них не осталось.

— Если тебя зажал в угол голодный ягуар, лучше самому напасть на него, — прошептал дон Эммануэль.

«Времени у нас в обрез, — думала Леони, пока течение несло их обратно к пристани. — Аполинар, не обнаружив их катера у причала, очень скоро поймет, что они сбежали. С другой стороны, шаман должен будет обыскать приют, чтобы двинуться дальше. Даже мужчины, быстрым шагом или бегом, будут добираться до приюта минут пять. Еще пять минут, чтобы обыскать приют и выяснить, что там никого нет, и еще пять, чтобы вернуться на катер».

Значит, у Мэтта на все не больше пятнадцати минут…

На минуту сквозь просвет облаков выглянула луна, ярким лучом осветив пристань в полусотне метров от Леони и ее компании. И хотя небо вновь затянуло облаками, они успели разглядеть у пристани большой скоростной катер с двумя моторами. Пришло время действовать. Подруливая коротенькими деревянными веслами, Эммануэль и Баннерман быстро развернули лодку к берегу, и Мэтт бесшумно соскользнул в воду.

За несколько секунд до этого Леони пыталась отговорить его. Разве нельзя что-то сделать, не залезая в воду?

— Нет, — ответил Мэтт. — На катере должны были кого-нибудь оставить. Это единственный способ добраться до него так, чтобы он не услышал.

До того, как они покинули Икитос, Леони воспользовалась ноутбуком Баннермана и посмотрела в Гугле информацию об Амазонии. В результате она знала, что огромная река и ее основные притоки населены ужасными тварями — мерзкими крокодилами, которых

называют кайманами, вырастающими в длину до шести метров, анакондами размером с пожарный шланг, пираньями и даже бычьими акулами, приспособившимися жить в пресной воде.

Нырять в такую реку было чистым самоубийством. Она поглядела на светящиеся стрелки своего «Ролекса». Мэтта не было уже семь минут.

Где он, черт его дери?

Леони глянула на Баннермана и Мэри, сидящих на корточках по обе стороны от нее и вглядывающихся в темноту. Их напряженные лица были освещены лунным светом, пробившимся сквозь облака. Эммануэль остался на носу, в руках у него была веревка, удерживающая их катер на месте. В любую секунду он был готов сняться с якоря. Только один сигнал Мэтта…

Но его не было.

Восемь минут…

Девять…

Он погиб?

Его сожрал один из этих долбаных кайманов?

Его захватил в плен или убил тот, кто охранял катер Аполинара?

Люди проклятого шамана, ушедшие обыскивать приют, должны вот-вот вернуться, и, даже если Мэтт жив, будет слишком поздно что-то делать. Леони начала непроизвольно считать секунды, глядя в темноту.

— Давай, Мэтт! Давай! Давай! — шептала она одними губами.

Глава 71

Охотники-Навин глядели на них расширившимися от ужаса глазами, обезумевшие от постигшего их горя, но, тем не менее, Рия видела, что они готовы сражаться. Просто чудо, что в ее отряд еще не полетели стрелы.

— Остановитесь, братья, — произнесла Рия на языке племени Навин. — Мы вам не враги.

Она знала, что Уродцы никогда не начнут бой без ее приказа, и мысленно обратилась к Дриффу, Бонту и Лигару, призывая их опустить оружие.

— Не надо торопиться. Я хочу попросить вас отпустить нас.

Рия только сейчас убрала в ножны длинный кремневый нож, обвела рукой горящее стойбище и увешанные телами деревья, а потом и свой отряд.

— Нас всего семеро. Нам не по силам сделать такое!

Она кивнула на женщину, прибитую к дереву головой вниз; та все еще судорожно дышала и не сводила обезумевших от боли глаз с Рии и ее отряда.

— Я всего лишь хотела освободить ее от страданий, мы не сможем спасти ее.

Ближайший из охотников, тот самый, который несколько мгновений назад кричал на Рию, опустился на колени рядом с умирающей, коснулся ее лица и тихо спросил:

— Любовь моя, кто сделал с тобой такое? Где наши дети?

Он протянул руки к тому месту, где ее кисти и запястья были прибиты к дереву. Его пальцы дрожали, не решаясь прикоснуться к окровавленным камням. Поглядел наверх. Ноги женщины были прибиты к дереву тремя крупными кремневыми шипами, раздробившими ей лодыжки и разорвавшими суставы. Охотник-Навин только теперь осознал, что не сможет ее спасти. Он судорожно вздохнул, провел дрожащей рукой по глазам.

— МЕСТЬ! — заорал он. — Я ОТОМЩУ ЗА ЭТО!

После этого он достал из-за пояса нож и перерезал женщине горло. Встал на колени и молча смотрел, как жизнь покидает его любимую.

Охотник был рослым широкоплечим мужчиной лет тридцати, с густой черной бородой, крючковатым носом, желто-коричневыми, как у волка, глазами и обветренной загорелой кожей. Он оглядел поляну, перевел взгляд на Рию.

— Ты! — зашипел он. — Ты говоришь на нашем языке. Кто ты такая? Что ты здесь делаешь? И почему с тобой Уродцы?

Рия огляделась. Охотники-Навин продолжали окружать их. Некоторые были молоды и неопытны и могли сделать что-нибудь сгоряча. У лучников уже дрожали руки, они устали удерживать натянутую тетиву.

— Скажи своим, чтобы опустили луки. Тогда поговорим, — сказала она. — Если они случайно выстрелят, начнется драка, а от этого никто не выиграет. Хватит смерти на сегодня.

— Если дойдет до драки, мы убьем вас всех.

— Убьете. Вас больше. А сколько ваших погибнет в этом бою? Вот в чем вопрос. И зачем? Мы такие же, как вы. Мы потеряли тех, кого любили, и в этом виноваты те же люди, что спалили вашу стоянку и убили ваших женщин. Нам надо объединиться против них. А драться друг с другом — полное безумие.

Волчьи глаза охотника смотрели на нее десять мгновений.

— Похоже, враги украли наших детей, — проговорил он. — Ты знаешь зачем?

— Когда твои люди опустят луки, я расскажу вам все, что мы знаем, — ответила Рия.

Охотника звали Ааркон, и он был не единственным из группы Навин, чьи мертвые родственники висели на деревьях. Все они потеряли здесь родных, у всех увели детей, младших братьев и сестер. Поэтому они страстно желали понять, что произошло. Но, когда Рия рассказала им об уничтожении Клана ордой Иллимани и про то, как Сульпа забирает детей для жертвоприношения, их лица помрачнели.

— Надо догнать их, — угрюмо сказал Ааркон. — И попытаться спасти наших детей.

— Это стойбище разгромил большой отряд, — возразила Рия. — В нем должны были быть сотни воинов, а общее число воинов Иллимани — больше семи тысяч. Что сможете вы, двенадцать человек?

— Мы должны попытаться…

— Чем бросаться своими жизнями, лучше присоединяйтесь к нам, — настойчиво сказала Рия. — Мы хотим собрать армию, иначе никогда не сможем их победить.

Ааркон оглядел отряд Рии, людей и Уродцев.

— Армию, чтобы сражаться с тысячами воинов? — почти издевательски сказал он. — Под командованием девчонки?

Рия сделала вид, что не заметила его сарказма.

— Да. Армию, чтобы сражаться с тысячами воинов. Почему нет? Просто нам надо объединиться. Уродцы, люди Навин, Клана, Мерел… Без разницы. Мы победим лишь тогда, когда забудем старую вражду.

К ночи две группы разошлись, двинувшись разными путями. Ааркон и его люди отправились по следу отряда Иллимани, а Рия с товарищами продолжили идти к Вратам Рога.

— Если у нас все получится, мы будем возвращаться этой же дорогой через пару дней, — сказала Рия Ааркону. — Если передумаете и решите присоединиться к нам, или вам понадобится укрыться в безопасном месте, ждите нас здесь.

Луна была почти полной, дорогу было хорошо видно, и хотя Рия и ее друзья были здесь впервые, двигались они достаточно быстро, все еще ощущая потоки энергии, исцелившие их в Тайном Месте. Рия шла посередине между Бонтом и Лигаром. Дрифф, Грондин, Джергат и Оплимар замыкали отряд.

— Где это ты научилась всем этим языкам? — спросил Бонт.

— Каким еще языкам? — невинно спросила в ответ Рия.

— Сама знаешь. Говоришь с Дриффом на иллимани, с Аарко
ном — на навин… Что происходит? — Бонт сморщил лоб. — Сдается мне, это какое-то колдовство.

— Не отказался бы я от такого колдовства, — заявил Лигар. — Представь себе возможность любезничать на двух десятках языков.

— Это дар, — коротко ответила Рия. У нее сейчас не было желания обсуждать, что произошло с ней в Пещере Видений. — Он полезен, вот и все.

Она немного отстала от друзей. С того момента, как перебили ее соплеменников, она все больше ценила и любила Бонта и Лигара, но иногда они казались ей абсолютно невыносимыми.

Долгое время они шли в тишине по холмистой местности. Потом прошли перевал и начали спускаться в долину по длинному пологому склону. Луна, оказавшаяся позади, скрылась за гребнем.

И тут отряд Рии услышал пронзительный женский крик.

Глава 72

Леони первой заметила условный сигнал Мэтта — три короткие вспышки маглайтовского фонарика, который он взял с собой, сунув в водонепроницаемый пакет. И снова вспышки — раз, два, три.

Дон Эммануэль скинул швартовочную веревку с ветки и подбежал к Баннерману, хватаясь за весло. За считанные секунды, несомые течением и веслами, они добрались до пристани.

— Привет, — сказал Мэтт. — Почему задержались?

Он стоял у борта скоростного катера с брезентовым мешком в руке, и с него все еще стекала вода. Отдав мешок Баннерману, он прыгнул в лодку.

— Думаю, нам надо немедленно убираться отсюда, — добавил Мэтт.

И тут все услышали грубые мужские голоса и увидели отблески факелов на тропе, ведущей от приюта.

— А их катер? — спросила Леони. — Я думала, ты его потопишь.

— Я и потопил.

— Что-то незаметно.

— Поверь мне, он уже никуда не поплывет.

Раздался громкий хлопок, за которым последовал оглушительный рев. Мэри завела мощный подвесной мотор и начала выводить катер на середину реки. Практически в тот же момент луна вышла из-за облака и вокруг стало светло, почти как днем.

В их сторону бежали пятеро рослых мужчин, во главе с Аполинаром.

Черт! Оружие!

Двести лошадиных сил в моторе «Ямаха» внезапно показались Леони чем-то несущественным. У нее было впечатление, что катер словно полз от пристани, и на мгновение ей показалось, что Аполинару достаточно прыгнуть, чтобы оказаться среди них. Но расстояние медленно увеличивалось, а этого все не происходило.

Пули взметнули фонтанчики воды вокруг них; некоторые вонзились в борт, грохоча, как отбойный молоток. Но кто-то стрелял и *с лодки*, в ответ! Леони пригнулась и, повернув голову, увидела, что это Мэтт, сидящий на корточках рядом с Мэри; в его руках была автоматическая винтовка. Откуда он ее взял?

Стрельба с берега прекратилась, луну снова закрыли облака, беглецов поглотила ночная тьма.

Мэтт тоже убрал руку со спуска, а Мэри продолжала выжимать газ на полную.

В этот момент на пристани кто-то включил мощный фонарь. Зарычали оба мотора, и катера преследователей рванулись на середину реки.

— И это ты называешь «потопил»?! — крикнула Леони Мэтту.

Тот не ответил. На мгновение на его лице появилось выражение неуверенности и крайнего удивления.

Вражеский катер быстро разогнался, за считанные секунды сократив отставание вдвое, и теперь мчался следом за ними, сверкая всеми огнями. Леони уже пригнулась, ожидая следующего дождя пуль, когда мощный рык моторов неожиданно стих. Катер преследователей резко сбросил скорость и закачался, его огни высветили небо, джунгли, а потом прочертили неровные полосы по воде, метрах в тридцати в стороне от Леони и ее товарищей. Девушка уже собралась было закричать «ура», но радостный крик застрял у нее в горле, когда она услышала, что моторы снова заработали. Скоростной катер выровнял курс и рванул вперед, но тут моторы опять сбросили обороты, и катер снова затормозил, явно погрузившись глубже в воду. Свет его огней так и не нащупал беглецов. Раздались три громких хлопка, моторы в третий раз взревели, сбросили обороты и окончательно заглохли.

— Извиняюсь, — сказал Мэтт. — Это заняло немного больше времени, чем я рассчитывал.

Люди на скоростном катере принялись стрелять, но течение сносило их вниз, и, похоже, у них не получалось развернуть катер, поэтому они палили в темноту наугад.

Леони привстала, чтобы получше разглядеть происходящее. Мэри вела лодку вверх по течению, выжав газ на полную, и они быстро удалялись от преследователей.

— Я бы сказал, что мы уже вне зоны обстрела, — объявил Мэтт. — В любом случае, у них сейчас прибавилось других забот.

В это время в просвет между облаками выглянула луна, и Леони увидела, что катер дона Аполинара тонет. Весь его экипаж сгрудился на носу — единственной части, оставшейся над водой. Один из них даже успел выстрелить, и тут все они оказались в воде.

— Теперь я поняла, что ты имел в виду под утоплением, — сказала Леони, поглядев на Мэтта.

Мэтту достался автомат «АК-47», но он так и не рассказал подробности, каким образом ему удалось заполучить оружие, объяснив только, что забрал его у парня, охранявшего катер.

— А там что? — спросила Леони, показывая на брезентовый мешок.

Подняв мешок, Мэтт положил его девушке на колени. Мешок был тяжелый, внутри что-то брякало. Открыв его, она увидела четыре изогнутых магазина к «АК-47» и два короткоствольных пистолета.

— Гм, целый арсенал.

— Ну… я решил, что нам он может пригодиться.

Сидящая позади них Мэри продолжала держать румпель мотора, сбросив обороты до средних. Катер неторопливо шел по реке.

— Ты нас чуть не угробил, Мэтт, — произнесла она.

Баннерман, сидевший на скамейке рядом с Леони и погруженный в свои мысли, встрепенулся.

— Не согласен, — сказал он. — Я бы сказал, что Мэтт *спас* нас от гибели. Если бы не он, нас бы преследовали вооруженные люди на куда более скоростном, чем наш, катере.

Мэри задумалась над его словами.

— Ты прав, — сказала она и повернулась к Мэтту: — Прошу прощения. Это было… глупо и неблагодарно, с моей стороны. Ты вел себя отважно. Просто все произошло слишком внезапно… А еще это оружие, сам понимаешь. Затонувший катер… Есть большая вероятность, что кто-нибудь из банды Аполинара утонул. Все это случилось слишком быстро…

За ночь Мэтт и Баннерман несколько раз сменяли Мэри у румпеля. К рассвету они ушли километров на восемьдесят вверх по течению Укаяли, притока Амазонки.

«Сложно здесь находиться, не опасаясь за свою жизнь», — подумала Леони.

Она отлично могла представить, кто скрывается в этой мутной воде, — кайманы, бычьи акулы, пираньи и огромные анаконды. Страшный мир, кишащий чудовищами, от которых их отделяет лишь тонкий борт катера.

Они остановились у прибрежной деревни племени шипибо. Пара десятков небольших прямоугольных домов, стоящих в полуметре над землей на сваях, крыши крыты пальмовыми листьями. Смеющиеся детишки, собравшиеся шумной толпой, отвели их к большой *малоке*. Она тоже стояла на сваях, а ее стены из кокосовых циновок были скатаны наверх, чтобы пропускать прохладный ветерок с реки.

Здесь все хорошо знали дона Эммануэля, и вокруг них, похоже, собрались практически все жители деревни. Им улыбались, махали, что-то оживленно обсуждая. Больше всего индейцам понравились густые светлые волосы Леони, и полдеревни поздоровались с ней, пожимая руку, как какой-нибудь знаменитости. Им приготовили завтрак — жареных речных черепах и утиные яйца, — но Леони так и не смогла заставить себя все это съесть, ограничившись бананами и чашкой горячего сладкого чая из жестяной кружки. После еды девушке стало намного легче.

Спустя час они снова двинулись дальше, на юг, в глубь земель шипибо, по сказочно красивому и опасному лабиринту водного мира Амазонии. Да, здесь действительно трудно чувствовать себя в безопасности, и не только из-за чудовищ, таящихся под водой. Все, что окружало беглецов, было подавляюще огромным — река, иногда шириной в несколько миль, безбрежное небо, удивительные растения и деревья. От невероятных пейзажей у Леони дух захватывало. Однако в том, как здесь жили люди, в небольших деревнях и селениях на берегу, иногда состоящих из членов одной-двух семей, было что-то очень естественное, гармонирующее с окружающим миром. Они чувствовали себя здесь ничуть не хуже, чем Леони в знакомой обстановке мегаполиса, с его небоскребами и пробками на дорогах.

Убаюканная ровным ходом катера и плеском воды о борта, девушка задремала — и вдруг увидела себя сидящей на краю двуспальной кровати в убого обставленной полутемной комнате. Что-то типа дешевого мотеля. Она понимала, что спит, но почему-то все вокруг казалось ей слишком реальным.

У противоположной стены находился старенький телевизор, изображение мерцало и прыгало.

Внезапно из динамика телевизора послышался голос. Шепот.

— Убей себя, — приказал неизвестный. — Сделай это, быстрее.

— Но я не хочу! — возразила Леони. — Я хочу жить!

— Слишком поздно. Ты должна совершить самоубийство. Чем быстрее, тем лучше. Другого выхода нет.

Леони почувствовала, что это правда. Она не хотела умирать, но выхода действительно нет.

— Как мне это сделать? — всхлипнув, спросила она.

— Об этом не беспокойся, — прошептал голос. — Я покажу тебе.

Леони открыла глаза, судорожно вдохнула и выругалась. Сердце девушки бешено колотилось от пережитого кошмара. Рядом с ней сидел Мэтт, поддерживая ее, точно так же, как и прошлой ночью. Она ничего не имела против. Мэри, Баннерман и дон Эммануэль не сводили с нее глаз, даже не стараясь скрыть страх. Леони тряхнула головой и огляделась. Пока она спала, их лодка ушла с середины реки и свернула на ее боковой приток с невероятно крутыми берегами. Речушка была настолько узкая, что деревья, росшие по берегам, смыкались наверху кронами, образуя над их головами высокую арку. До захода солнца осталось не более часа.

— ЧЕРТ! — На носу катера спокойно сидел незнакомый человек. Леони чуть не подпрыгнула. — Кто это?!

— Это племянник дона Эммануэля, — успокоил ее Мэтт. — Его зовут дон Эстебан. Мы подобрали его в его деревне час назад. Ты спала как убитая.

Леони вздрогнула от такого сравнения, и Мэтт умолк, глядя на нее.

— Он должен показать нам дорогу к самому могущественному шаману шипибо; надеюсь, тот сможет нам помочь, — добавил Мэтт и продолжил секунду спустя: — Знаешь, не хотел тебя пугать, но ты должна знать это…

— Знать что? — требовательно спросила Леони. Она чувствовала, что у Мэтта плохие новости.

— Менее чем за два часа до нас к деревне Эстебана причаливал скоростной катер, набитый *гринго*, белыми людьми, очень нехорошими и опасными. У них были проводники-метисы, и они искали нас.

Глава 73

Тишину ночи снова прорезал женский голос, полный ужаса и боли, а затем к нему добавился и мужской хриплый вопль. Мужчина кричал хрипло и отчаянно, но вместе с этим Рия уловила угрозу и одновременно мольбу. Хотя Рия и была слишком далеко от него, чтобы разобрать слова, она уловила в голосе оттенок страха.

— Подождите, — сказала она, остановившись.

Все остальные тоже замерли: Грондин и Дрифф — слева от нее; Бонт, Лигар, Оплимар и Джергат — справа. Раздался еще один душераздирающий крик. Он становился все громче, а потом затих, сменившись плачем и стонами. А затем — грубый мужской хохот. Трое, может, четверо мужчин. Иллимани?

— У нас два варианта, — сказала Рия. — Можем пройти мимо или попытаться что-то сделать. Я бы предпочла спасти этих несчастных.

— Это не наше дело, — воинственно ответил Бонт. — Мы уже потеряли чуть не полдня из-за Навин. Ведь именно ты сказала, что Сабет и дети еще живы. Я просто хочу добраться до Врат Рога и найти их.

— Я тебя понимаю, Бонт, но подумай хорошенько. Просто представь, что сейчас пытают *Сабет*. Предположи, что мимо проходили бы люди, которые могли бы ее спасти. И сказали бы: «Это не наше дело, у нас нет времени». И ушли. Тебе бы такое понравилось?

— Я был бы готов убить их… — прищурив глаза, ответил Бонт.

— Вот именно! Это означает, что просто бесчестно оставить их без помощи. Мы совершим очень большую ошибку, если просто пройдем мимо.

Потом Рия взглянула на Уродцев.

— Поможем или пойдем?

— Мы обязаны им помочь всем, чем можем, — ответил мысленно Грондин. — Зло вокруг нас, в наших долинах. Наша обязанность — сражаться с ним.

Снова раздались крики и грубый смех.

— Если смеются Иллимани, то я бы их всех убил, — тихо сказал Лигар. — Они хохочут, как гиены. Кроме того… — Он скинул с плеча лук и натянул тетиву, пристально глядя в лощину. — …Я не тот человек, который оставит в беде женщину.

Бонт недовольно вздохнул.

— Хорошо, хорошо, понял. Давайте спасем незнакомцев. — Он бросил короткий взгляд на Рию. — Хотел бы я, чтобы кто-нибудь так поступил и с Сабет.

Дно лощины было залито призрачным лунным светом. Было видно небольшую речушку, на ее берегу росли деревья и кусты.

За одной из рощиц, шириной не больше сотни шагов, поблескивал огонь костра. Крики доносились именно оттуда.

Решив, что делать, Рия объяснила это остальным. Они принялись спускаться по склону. Никаких разговоров вслух. Надо окружить рощицу и одновременно пойти со всех сторон в направлении костра. Если враги превосходят их числом, будет возможность отступить, не ввязываясь в бой. Тогда спасти никого не удастся. Но если есть шанс победить, то они вступят в бой и попытаются сделать все возможное, чтобы вызволить из беды неизвестных.

Пока они не дошли до рощицы, план был вполне неплох и легко выполним. Но лишь подойдя ближе, Рия начала сомневаться. Допустим, это вообще не Иллимани. Или это они, но их там десятки. Что, если они поставили часовых? Она не теряла связи с остальными, пользуясь мыслеречью.

— Теперь-то вы меня не подведете? — обратилась она к Уродцам. — На этот раз — никакой пощады.

— Они примут от нас смерть, — ответили ей.

Снова раздались мужские и женские крики, а за ними последовал хохот, подобный лаю гиен. По голосам Рия поняла, что среди неизвестных точно были Иллимани.

Протянула руку к новенькому мешочку из оленьей шкуры, приторoченному к поясу. Его дал ей Бриндл вместе с пятью хорошими метательными камнями. Конечно, они ни в какое сравнение не шли с кварцевыми, но для дела вполне сгодятся.

Впереди среди деревьев они заметили блики яркого пламени и фигуры, движущиеся вокруг него. В воздухе висел тошнотворный запах горелой плоти. Звуки становились все громче. Крики. Сопение. Шлепки. Что они делают с бедной женщиной? Почему стонет мужчина, о чем умоляет? Продолжая ползти вперед, Рия внимательно прислушалась. Мужчина говорил на языке мерел. Она начала различать отдельные слова, но они звучали невнятно, и смысла она понять не могла.

Наконец она смогла разглядеть всех, кто находился у костра.

Над костром был закреплен вертел.

А на вертел было насажено тело маленького мальчика.

Один из Иллимани, счастливо улыбаясь, медленно вертел его, внимательно следя, чтобы не подгорел ужин. Узкое худое лицо воина было раскрашено черными и белыми красками и более всего походило на голый череп. Его член был в возбужденном состоянии, и он, блестя глазами, жадно глядел на происходящее в двух шагах от костра. Там двое воинов Иллимани насиловали молодую худенькую женщину, чье тело было покрыто потеками крови. Один, рослый, с огромными мускулистыми руками, прижимал ее к земле, одной рукой хватая за грудь, а второй держал за горло так, что крики временами переходили в хрипы. Другой, коренастый, с покрытым густым волосом телом, крепко держал ноги женщины и насиловал ее. Толкал раз за разом, похрюкивая от наслаждения.

Рия почувствовала, как в ее груди вскипает гнев. Через мысленный контакт с друзьями она знала, что они тоже все увидели и готовы действовать.

— Стойте! — мысленно приказала она.

Подобралась еще на пару шагов ближе. Может, это простая засада? Вдруг вокруг затаились другие Иллимани, готовые атаковать их, как только они покажутся?

Но с другой стороны костра было всего двое. Один, в накидке цветов Мерел, лежал на земле, избитый и окровавленный. Второй, толстый Иллимани, чья задница и спина были покрыты причудливыми татуировками, трясся от хохота, стоя над поверженным, и что-то ему предлагал.

Рия прищурилась.

Дым от костра мешал ей разглядеть все как можно подробнее, пришлось приблизиться еще на один шаг. В руке у Иллимани была детская ручка — видимо, того ребенка, чье тело жарилось на костре. Воин предлагал ее лежащему на земле мужчине — попробовать. И тут Рия все поняла. Скорее всего, связанный мужчина — отец ребенка. Женщина — его жена. Иллимани решили сыграть с ними мерзкую шутку. Видимо, обещали мужчине Мерел, что перестанут насиловать жену, если он съест своего сына?

Кто же поверит таким «обещаниям»!

Глава 74

Убей себя. Чем быстрее, тем лучше.

Именно этот голос, услышанный во сне, пытался заставить сделать Леони, и на мгновение она была вынуждена с ним согласиться.

Видения могут быть истинными. Это раньше у Леони были сомнения. Но теперь она точно знала, что видения — дверь в сверхъестественные миры, где время и материя ведут себя иначе. Пройдя сквозь эти двери в погоне за загадками, находящимися по ту сторону, она стала уязвима перед психическими нападениями. Такими, как нападение Сульпы, когда она попыталась помешать ему уничтожить души принесенных в жертву детей. Как похищение ее доном Аполинаром.

Вступая на путь видящего, принимаешь это, и Леони была готова к этому всякий раз, как отправлялась в подобные путешествия. Но то, что аналогичная опасность может подстерегать просто во сне, очень ее напугало.

В мрачном и жутком сне.

Может, просто сон, не более того? Ведь подсознание постоянно работает, соединяя фрагменты информации. Вполне логично, что голос шел сквозь помехи в телевизоре, точно так же, как, по словам дона Эммануэля, дон Аполинар общался с Джеком через зеркало. А приказание убить себя вполне согласовывается с ее так называемой «попыткой самоубийства», когда она нанюхалась оксиконтина.

По крайней мере, ей очень хотелось верить именно в это.

По-настоящему тревожным было известие о том, что, несмотря на то, что катер дона Аполинара затонул вчера вечером, преследователям удалось нагнать их с потрясающей

быстротой. Они разминулись всего на два часа, в деревне дона Эстебана. Джек сказал, что его «слуги» уже в пути, но, чтобы добраться сюда так быстро, они должны были миновать Икитос и сразу начать поиски из Пукальпы, городка на берегу реки посреди земель шипибо.

Такой эффективности можно было только позавидовать.

Усилием воли Леони заставила себя переключиться на окружающий ее пейзаж. Сумрачные берега притока Укаяли, в который они вошли, пока она спала.

Возможно, это было всего лишь отголоском сна, но извилистая река, проложившая свое русло через неизведанные джунгли, казалась ей пугающей и загадочной. Шириной метров в шесть, она была похожа на настоящий лабиринт, постоянно извивающийся и пересекающий сам себя. Леони представила себе, как он мог бы выглядеть с воздуха — лабиринт со стенами из высоких, в двадцать-тридцать метров, деревьев. Храни ее бог очутиться здесь одной, она бы *никогда* отсюда не выбралась. И могла лишь поражаться, с какой легкостью дон Эстебан, племянник дона Эммануэля, худощавый седой мужчина, которому самому уже было за семьдесят, находил здесь дорогу, всегда зная, куда именно надо повернуть.

День перешел в вечер, солнце клонилось к закату, над головой нависали деревья. Темнело. В воздухе роилась ночная мошкара, неутомимо ища, где бы поживиться кровью. Отмахиваясь от облака москитов, Леони услышала птичий крик на длинной плавной ноте, постепенно возрастающий и резко заканчивающийся повторяющимся глухим звуком. Этот звук издавала черно-желтая птица. Мэтт объяснил, что она называется кассик-оропендола. Ее пение было таким жалобным и тоскливым, что Леони моргнула, сдерживая слезы.

Мэтт сидел рядом, держа румпель. Мотор работал на низких оборотах, и Мэтт рулил, прислушиваясь к указаниям сидящего на носу лодки дона Эстебана. Река стала еще уже, метра четыре, в воде было много гнилых стволов и листьев. Вскоре они уперлись в дерево, целиком перегородившее реку наподобие моста. Дон Эстебан несколько раз умело махнул мачете, припасенным им на такой случай, срубил ветки, и они смогли протиснуться под деревом.

Прошли еще километра три. На джунгли опустилась ночь. Дон Эстебан дал Мэтту знак сворачивать в левый рукав, еще более узкий, едва шире катера. Еще несколько протоков, и группа Леони оказалась в широкой лагуне, заросшей огромными кувшинками.

Небесный свод окрасился в цвет лилового бархата, едва осветленный красными лучами заката, вода лагуны была похожа на темное зеркало. Леони понравилось ощущение свободы и простора, и она лишь скрипнула зубами, когда они пересекли лагуну и начали с трудом продираться сквозь кувшинки, входя в следующую узкую протоку. Она поглядела через плечо на Мэтта.

— Не знаю, как эти люди, которые на нас охотятся, собираются нас здесь искать, — проговорила девушка. — В таком-то лабиринте…

Хотела бы Леони быть такой же уверенной, как и ее слова.

Мэтт кивнул.

— Для этого нужно очень хорошее знание этих мест, каковым, я надеюсь, наши противники не обладают… так ведь, Мэри?

Мэри Рак прикусила губу.

— Я не настолько в этом уверена. Если сам Аполинар и не знает этих мест, наверняка у него здесь есть союзники.

Она заговорила по-испански с доном Эммануэлем, а затем перевела остальным его ответ.

— У шипибо тоже есть *брухо*, темные колдуны, которые, скорее всего, помогут Аполинару. Но шаман, чьей защиты мы ищем, могущественнее их всех, вместе взятых.

Только в середине ночи, руководствуясь лишь неверным светом луны, они подошли к крохотной деревеньке, расположившейся у излучины протоки. Леони увидела на берегу небольшую *малоку*, крытую банановыми листьями и поставленную на короткие сваи посреди островка, не превышающего размерами теннисный корт; вокруг него плотной стеной стояли непроходимые джунгли.

На полдороге от плавно спускающегося к протоке берега их ждал невысокий сутулый мужчина, поднявший руку в приветственном жесте. Мэтт заглушил мотор, катер по инерции прошел последний метр и уткнулся в берег. Зазвучали приветствия на языке шипибо. Мужчина на берегу явно ожидал увидеть Эстебана, но, заметив дона Эммануэля, явно обрадовался и побежал ему навстречу, чтобы помочь сойти на берег.

Леони, Мэтт, Баннерман и Мэри не представились дону Леонсио Ампаро, пока он не провел их в *малоку*, где зажег несколько парафиновых ламп и поднял боковые занавеси, чтобы ветер мог свободно гулять по комнате.

Этот шаман был, на взгляд Леони, не слишком привлекателен. Босой, в заляпанных грязью хлопчатобумажных штанах и драной рубашке, небольшого роста, некрасивый лысеющий мужчина. Его лицо смахивало на лягушачье — плоский нос, выпученные карие глаза, коротенькие худые ноги, сутулая спина, — неприглядная картина. Единственное, что не вписывалось в образ, — мускулистые руки и широкие плечи. Угадать его возраст было сложно — может, лет пятьдесят, — но от его взгляда на Леони снизошло спокойствие, и она почувствовала себя уютно и безопасно. У нее было такое впечатление, что она наконец вернулась домой. И эти чувства полностью перекрыли физическую непривлекательность шамана.

Он идеально говорил по-английски — и тут же подметил сходство их имен, имевших в основе корень «лев». Шаман обладал низким и рокочущим голосом, со странным акцентом жителя Новой Англии. Когда Леони похвалила его знание английского, он ответил просто:

— Протестанты хорошо меня выучили.

— Протестанты?

— Миссионеры. — В его голосе проскользнуло недовольство. — Американцы. Они наводнили весь бассейн Укаяли, как будто у них личные счеты к нашей культуре. Пытаются убедить нас, что наш духовный путь — зло, подкупить нас деньгами, едой, в конце концов, школами для наших детей — и все для того, чтобы мы приняли Христа.

— Похоже, *вас* они не подкупили.

— Нет. — Шаман криво улыбнулся. — Я от них сбежал.

Он посмотрел на дона Эммануэля.

— Я прошел через испытания. Этот великий человек принял меня в ученики, и я вступил на путь шамана. Выяснилось, что для меня этот путь — самый правильный.

Тем временем Мэри перевела его речь на испанский для дона Эммануэля. Тот тоже что-то буркнул в ответ, и Мэри перевела на английский.

— Ученик давным-давно превзошел учителя.

Видимо, невероятная дисциплина, настойчивость, сила воли и долгое время, проведенное в джунглях в одиночестве в поисках истины, в видениях с помощью айяхуаски, превратили дона Леонсио в шамана высочайшего уровня. Он никогда не хвастался своими умениями и девять месяцев в году странствовал по джунглям, от деревни к деревне, исцеляя людей и принимая в оплату лишь пищу, ночлег и скромные дары крестьян. Остальные три месяца он проводил в своей деревеньке, в совершенной глуши, ведя отшельнический образ жизни. Лишь дон Эстебан и еще один близкий друг знали, где его найти.

Леони и ее друзья быстро поужинали рыбой и бананами. И ни слова о причинах их приезда. Девушке показалось странным, что до сих пор никто даже не упомянул об истинной

цели их приезда. Это было можно объяснить только правилами гостеприимства племени. Но… «Какого черта, — подумала она, — давайте ближе к делу! Я здесь лишь затем, чтобы выпить айяхуаски вместе с доном Леонсио и снова отправиться на помощь Рии!»

Но Леони не стала говорить этого вслух. После ужина дон Эммануэль отвел дона Леонсио в сторонку, и они уселись, скрестив ноги, у стены *малоки* и заговорили на шипибо. И Леони успокоилась. Она не понимала, о чем они говорят, но несколько раз расслышала свое имя и чувствовала, как разговор становится все напряженнее и серьезнее. Должно быть, дон Эммануэль ввел дона Леонсио в курс дела.

Леони вдруг почувствовала усталость, так, будто не спала целую неделю, и, свернувшись калачиком, улеглась в гамак, висящий между двумя шестами, поддерживающими крышу *малоки*.

Она слышала размеренный гул голосов, плеск воды, тихий смех.

Леони не собиралась закрывать глаза, но за считанные секунды провалилась в сон и оказалась все в той же самой комнате дешевого мотеля, сидя на краю кровати и глядя на мерцающий экран телевизора. От него все так же исходил ужасный хриплый тихий шепот.

— Убей себя… сделай это. Ты знаешь, что так надо.

Несмотря на то, что она вовсе не хотела этого делать, ее снова одолело чувство неизбежности и правильности этого приказа, Леони не только не хотелось протестовать и что-то доказывать, она была в абсолютной власти этого голоса.

— Я готова, — ответила она.

— Есть ли вокруг другие? Они смотрят на тебя?

— Да.

— Джунгли близко?

— Да. Очень близко.

Повисла тишина. Голос перешел в тихий шелест, девушка едва могла уловить смысл слов, заглушенных помехами и шипением сломанного телевизора.

— Когда все вокруг заснут, ты пойдешь в джунгли. Иди тихо, так, чтобы тебя никто не увидел и НИКТО НЕ ОСТАНОВИЛ…

В этот момент плеча Леони коснулась рука, и девушка тут же проснулась. Дон Леонсио, Мэтт, Баннерман, Мэри и дон Эммануэль стояли вокруг ее гамака. Леони была вся в поту, к холодному лбу прилипли пряди волос. И она никак не могла унять дрожь в руках. Натужно всхлипнув, девушка резко поднялась, пытаясь успокоиться. Она чувствовала себя так, как будто ей пришлось бежать марафон, воздуха не хватало, а ногу свела судорога. Чтобы прийти в себя, Леони с силой вдохнула.

Дон Леонсио попросил остальных отойти. Затем достал большую *мапачо*, прикурил ее и принялся распевать странную *икаро*, совершенно неземную, окуривая Леони клубами ароматного дыма. Ей стало немного легче. Спустя полчаса она собралась с силами и смогла рассказать о том, что случилось.

Похоже, проспала Леони совсем недолго. Однако за эти краткие мгновения дон Леонсио почувствовал — «Я выработал в себе эту способность!» — что какая-то злая сущность пытается воспользоваться ее пограничным состоянием.

— Эта сущность разумна, но это не человек…

— Это Джек, — простонала Леони, выбираясь из гамака. — Хренов демон. Он пришел ко мне во сне. Убедил меня в том, что я должна покончить с собой.

— Хренов демон, да? — кашлянув, переспросил дон Леонсио. — Не тот ли, о котором рассказал дон Эммануэль? В каком виде он предстал перед тобой?

— Никак он не выглядел. Пока что это лишь бесформенная тень. Разве дон Эммануэль тебе не сказал? Он говорил со мной сквозь помехи на экране телевизора.

— Что он сказал? Вспомни как можно точнее.

Леони попыталась все вспомнить.

— Он все время убеждал меня, что я должна совершить самоубийство. Спросил, есть ли вокруг люди. Даже спросил, есть ли поблизости джунгли.

Лицо Леонсио расплылось в широкой улыбке, и он стукнул кулаком по ладони.

— Так и знал! — воскликнул он. — Он не знает, где ты.

— Почему ты так уверен? — спросила Леони. — Он же был здесь, прямо в моем сне.

— Он потерял контакт с тобой, когда я тебя разбудил. Теперь, если он обратит на нас свой взор, я это почувствую. — Шаман перестал улыбаться. — Но не следует его недооценивать. Даже то, что он нашел тебя в мире снов, свидетельствует о его немалом могуществе…

— Джек *могуществен*, — сказала Леони, — я это и так знаю.

Леонсио задумался.

— Тогда возникает вопрос — не хочу никого обижать, — почему столь могущественный демон вообще заинтересовался тобой? Разве у него нет, как это вы говорите, более крупной дичи на примете?

— Я лично его не интересую. Напрямую. Но есть кое-кто еще — девушка, живущая двадцать четыре тысячи лет назад, с которой я связана… вот она ему действительно нужна.

Неизвестно, много ли Леонсио успел узнать от Эммануэля, но теперь он попросил Леони рассказать все заново. Девушка попыталась, чтобы ее рассказ был максимально коротким. Про то, как Джек издевался над ней в детстве, про связь между Джеком и Сульпой, про ее пребывание на грани жизни и смерти, а также опыт применения айяхуаски и других снадобий; про встречи с Синим Ангелом, Владычицей Лесов, и про то, как ее судьба переплетена с судьбой Рии и неандертальцев. Описала свое последнее путешествие под воздействием айяхуаски, свою отчаянную попытку спасти Рию от тварей-шпионов, посланных Сульпой. Тут дон Леонсио вскочил и принялся хлопать себя по лбу.

— Конечно! — воскликнул он. — Я должен был догадаться…

Леони взглянула на него, открыв рот.

— Мы должны задаться вопросом, почему Джек так возится, чтобы найти тебя, после всего того, что было в прошлом? Почему именно сейчас?

— Потому, что мои родители — последователи культа? — предположила Леони. — Может, он опасается, что я раскрою, что они со мной делали?

— Фу! — махнув рукой, ответил дон Леонсио. — Вот на это ему точно наплевать. Подумай сама. Есть нечто новое, и он этого никак не мог предвидеть, вот чего он действительно боится.

— Моя связь с Рией! Синий Ангел сказала, что вместе мы обладаем огромной силой, и добавила, что мы должны не только обрести, но и использовать ее.

— Чтобы уничтожить Сульпу…

— Да.

— И, тем самым, Джека…

— Да.

— Вот и ответ. Если ты готова, то этой ночью нам придется принять бой с врагом…

Глава 75

Рия вложила в первый бросок весь свой гнев. Камень ударил в висок врага, насиловавшего женщину, и тот упал, не закончив очередного толчка. Второй воин Иллимани, державший несчастную женщину, тут же вскочил на ноги, но стрела Лигара, выпущенная практически в упор, пронзила его сердце прежде, чем он успел сделать хоть шаг. Иллимани, крутивший вертел, хрипя, упал замертво от размозживших его череп томагавков Дриффа. Татуированный толстяк бросил издеваться над пленником и даже успел выхватить нож, но из темноты, размахивая боевым топором, выскочил Бонт и двумя мощными ударами уложил его.

— Ну, все оказалось просто, — сказала Рия вслух. Ей даже не пришлось бросать второй камень, а Уродцам — вступать в бой. Людям удалось обойтись без их помощи.

— Извини, что мы не так быстры, как ты, Рия, — раздался в ее голове мыслеголос Оплимара.

— Незачем беспокоиться, — ответила она. — Вы учитесь. И мы тоже. Мы все теперь живем в другом мире.

Она подбежала к женщине-Мерел и вместе с Грондином оттащила в сторону тело Иллимани, застреленного Лигаром. Тот, которому она попала камнем в голову, еще был жив. Его веки задрожали и открылись. Рия выхватила нож, чтобы перерезать ему горло, но тут ей в голову пришла другая мысль. Она позвала Уродцев, и те оттащили его к дереву, крепко связав ему руки и ноги.

Иллимани окончательно пришел в себя и теперь с интересом разглядывал Рию. Кроме ненависти и жажды крови, в его глазах не было ничего.

— Я вернусь, — пообещала она.

Враг изумленно уставился на нее; объяснить себе, откуда эта девчонка знает его родной язык, он не мог.

А Рия вернулась к женщине.

Бонт настаивал на том, что им следует немедленно уходить, но Рия не могла с ним согласиться. Спасенные люди были сильно избиты, и, прежде чем отправляться в путь, их необходимо было исцелить, чтобы у них появилась хоть небольшая надежда вернуться в стойбище Мерел.

— Мне без разницы, выживут они или нет, — заявил Бонт; по его лицу стекала кровь убитого им врага. — Мы спасли их, так? А теперь надо убираться отсюда на хрен.

— Твоя проблема в том, что ты не думаешь о будущем, — ответила Рия. — А мы должны думать о нем, все мы, иначе нам не выжить.

Бонт лишь закатил глаза, но Рия была непреклонна в своем решении.

— Нам надо будет заключить союз с Мерел, — заявила она твердо. — Это будет намного легче сделать, если завтра эти двое уйдут к своим и расскажут о нас вождям Мерел. Ведь мы дали им повод сделать это? Ты понимаешь, о чем я?

Бонт промолчал.

У Рии было ощущение, что она говорит с малым ребенком, но выхода у нее не было, и она терпеливо продолжила:

— Однако есть проблема. Если мы уйдем прямо сейчас, как хочешь ты, оставив их здесь, они точно никуда не уйдут. Просто умрут здесь, среди этих деревьев, и никто не узнает, что мы им помогли… И мы не сможем извлечь из этого никакой пользы, так ведь?

Бонт застонал.

— Я не знаю, что тут полезного. Я не знаю, что тут бесполезного. Я просто хочу вернуть Сабет и детей. Думать больше ни о чем не могу… только это меня и мучает, не дает жить.

Рия сочувственно положила ладонь на огромную руку Бонта.

— Понимаю. Мы *обязательно* найдем их. Но сначала пусть Уродцы исцелят этих невинных людей.

Поскольку Уродцев в отряде было слишком мало, исцеление заняло очень много времени. Уже начало светать, когда они закончили. И мужчину, и женщину избили до полусмерти; женщину неоднократно грубо насиловали на глазах у мужа; а еще им пришлось смотреть, как Иллимани убили и поджарили на костре их ребенка. Их души были травмированы куда хуже, чем тела. Все это объяснил Грондин, а еще добавил, что такие раны не поддаются их лечению.

Теперь они сидели у догорающего костра, а между ними лежало тело их сына, завернутое в оленью шкуру.

— Они смогут идти? — спросила Рия Грондина.

— Да, если захотят. Мы смогли исцелить лишь их тела.

На взгляд Рии, мужчине было лет сорок, но она не была в этом до конца уверена. Ему сломали нос, выбили зубы, а один глаз почти полностью заплыл. В его густых черных волосах, кудрями спадающих на широкие плечи, проступила седина.

Жена была куда моложе его, лет шестнадцати-семнадцати, как и сама Рия. Худощавая, с длиннющими ногами, поджатыми под себя, она была похожа на нахохлившуюся птицу. У девушки была бледная веснушчатая кожа, а темно-рыжие волосы доходили почти до пояса. Огромные зеленые глаза, наполненные болью и ужасом, метались, будто она ждала, что в любой момент на них снова нападут.

Рия подошла к ней, взяла за руку и помогла встать.

— Пойдем, — сказала она на языке Мерел. — Тебе кое-что надо сделать.

Она подвела женщину к воину-Иллимани, который так и лежал между корнями могучего дерева, крепко связанный друзьями Рии. На его виске наливалась красным огромная шишка, именно там, куда угодил камень Рии, но в остальном он был невредим. Агрессия, злоба и похоть исходили от него, словно дурной запах. Рука женщины-Мерел, которую держала Рия, мгновенно вспотела. Она всхлипнула, ее тело задрожало от боли и горя, и слезы покатились по ее лицу. Нельзя было сказать, что это очень возбуждающее зрелище, но член воина-Иллимани пробудился. Враг громко захохотал.

— Мне тебя еще ублажить, сука? — процедил он сквозь зубы на грубом каркающем языке Иллимани. — Иди сюда, пососи.

И он поглядел на свой член.

Рия не стала переводить его слова.

— Этот подонок слишком многое отнял у тебя, — спокойно сказала она женщине. — Теперь возьми и ты. Боль не исцелит, но, может быть, поможет.

Глядя на нее сквозь слезы, женщина смутилась. Она так и не спросила Рию, откуда та знает ее язык. Вместо этого лишь вскинула на девушку глаза и спросила:

— Что же я могу забрать у него?

— Его мужское достоинство, — ответила Рия и, достав из ножен длинный нож, вложила его в руку женщины.

Это была ужасная смерть.

Женщина не стала торопиться, а когда она закончила, нож взял ее муж и вырезал еще бьющееся сердце из груди Иллимани.

— Не нравится мне это, — раздался в голове Рии мыслеголос Грондина. — Нехорошо убивать связанного пленника.

— Даже после того, что случилось этой ночью? — ответила Рия. Она так и не смогла до конца понять логику Уродцев. — Ты же сам сказал, Грондин. Иллимани убили ее ребенка. Насиловали ее на глазах мужа. Что может быть ужаснее? Эти люди жаждали отомстить. И им это удалось. Считай это моим вкладом в их исцеление.

Рия увела спасенных от залитого кровью места трагедии, усадила и принялась расспрашивать их, рядом с завернутым в шкуру трупом их ребенка, глядя на поляну.

Мужчина рассказал, что его зовут Себитту и он один из семи Говорящих. По его словам, это высокий пост. Несмотря на побои и оскорбления, перенесенные им этой ночью, он держался с достоинством, как человек, привыкший приказывать.

Его юную жену звали Тари. До того, как изувечила Иллимани, она выглядела хрупким и совершенно сломленным созданием, но теперь, после волшебного исцеления, синяки почти прошли, она снова стала высоко держать голову.

Как и Навин, Мерел обычно разделялись на кочующие группы, по паре-тройке сотен человек, которые могли поставить свои типи где угодно, оставаясь на одном месте год, месяц или день, как сложится охота. Таких групп было семь; соответственно, было и семь Говорящих.

Таковы были знания Клана об обычаях Мерел.

И Рия принялась расспрашивать Себитту о его группе.

Их звали Лисами, сказал он; их было меньше трех сотен, мужчин, женщин, детей, стариков и младенцев. Плохая охота вынудила их сняться со старого места и искать новое.

Вчера, в пути, они попали в засаду. На них напали странные воины. Они уничтожили всех женщин и мужчин и взяли в плен только детей. Среди немногих, кому удалось убежать с поля боя, были Себитту, Тари и их годовалый сын, но к вечеру их уже выследили и поймали. Остальное Рия уже знала.

— Мы обязаны вам жизнью, — сказал Себитту. — Если бы не отвага, твоя и твоих друзей, мы были бы уже мертвы.

Когда Себитту умолк, Рия рассказала ему о судьбе Клана, о Навин, описала Иллимани и Сульпу, демона, командующего ими, и ужасную правду о том, что они делают с плененными детьми.

— Он уничтожает нас поодиночке. Чтобы победить его, нам надо объединиться.

Глубоко посаженные серые глаза на избитом лице Себитту глянули на нее оценивающе.

— Кто же сможет объединить племена? — спросил он недоверчиво. — Эта задача по силам только тому, кто может передвинуть горы или осушить море.

— Я смогу, — ответила Рия. После беседы с Ааркономом она понимала, как нелепы и наивны ее слова. Но наступившие времена заставляли рисковать. Кроме того, она уже продемонстрировала, на что способна. — Я собираю армию, чтобы воевать с Сульпой. В ней не будет племен — просто все люди наших долин, объединившиеся для борьбы со Злом.

Себитту и Тари быстро переглянулись.

— Ты из Клана, — сказал Себитту. — Кто научил тебя так хорошо говорить на языке Мерел?

— Никто не учил меня…

— Ты говоришь и на языке Иллимани?

— Это подарок, — пожав плечами, ответила Рия. — Когда я слышу чужой язык, я начинаю на нем говорить.

— Ценный дар, должен сказать. Его можно было бы назвать даром богов. Возможно, ты действительно сможешь объединить племена.

Помня, что рядом ее ждет нетерпеливый Бонт, Рия встала.

— Я хочу попытаться. Было бы хорошим началом, если бы Мерел присоединились к нам.

— Если кто-то из наших остался в живых, — ответил Себитту, вставая и помогая подняться Тари. — Мы идем на юго-восток. Последнее, что я слышал, это что там разбили лагерь Рыси и Волки. Надеюсь, что на них еще не напали…

— А что, если напали?

— Будем искать выживших. А ты? Куда вы теперь пойдете?

— К Вратам Рога.

Рия снова заметила, как Себитту и Тари тайком переглянулись. Они что-то скрывают? Пускай.

— Желаю вам удачи; она вам пригодится, чтобы найти своих, — сказала она. — Присоединитесь вы к нам или нет, не важно, но если вам понадобится безопасное убежище, у нас оно есть. Мы будем завтра здесь проходить. Можете встретить нас по дороге.

Тари прислонилась к Себитту, и они пошли на юго-восток. Несмотря на исцеление, худенькая молодая женщина шла с трудом. Муж поддерживал ее. Им еще многое предстояло сказать друг другу.

Рия с товарищами отправилась на северо-восток, к Вратам Рога. Они шли в гору, держась плотной группой. Солнце взошло высоко, они не спали ночь, а Уродцы были измотаны обрядом исцеления. Лигар хорошо знал эти места и вел их; он предупредил, что им предстоит идти еще целый день, прежде чем они достигнут Врат.

— Значит, пойдем без остановок, — буркнул Бонт. — Я хочу найти Сабет и детей прежде, чем наступит завтрашний день.

С собой у них было сушеное мясо и мехи с водой, так что есть и пить они могли на ходу, и вскоре отряд перешел на размеренный широкий охотничий шаг. Горные пики становились все ближе, но места были труднопроходимые. Оказавшись между утесов и коварных болот, они были вынуждены идти по выцветшим пустошам. Если бы поблизости оказались разведчики Иллимани, они бы без труда их заметили, и Рия вздохнула с облегчением, когда они наконец достигли густого леса.

Но чувство воодушевления оказалось недолгим. Пройдя пару полетов стрелы, они наткнулись на тело старого мужчины, который был прибит верх ногами к ветке огромного дерева.

Глава 76

Вскоре стало ясно, что именно имел в виду дон Леонсио. Леони должна сейчас же выпить айяхуаски и вернуться к Рии, чтобы помочь ей, «поскольку это именно то, что желает Владычица Лесов, и то, чему старается помешать демон».

Баннерман возразил, сказав, что они только что ужинали.

— Не лучше ли будет подождать до завтра и выпить айяхуаску натощак?

Но Леони не сомневалась ни секунды.

— Я готова, — сказала она дону Леонсио. — Мое место рядом с Рией. Надеюсь, ты поможешь мне до нее добраться.

Через сорок минут, заставив себя выпить кружку горького отвара, Леони куда быстрее, чем в первый раз, начала чувствовать, как залитые лунным светом джунгли меняются.

Сначала не происходило ничего особенного. Край неба, дерево, столбы *малоки* медленно поплыли, а потом стали растворяться. Постепенно процесс ускорился, изменяя все вокруг, а через пару секунд Леони очутилась в световом пузыре, окруженном разноцветными вихрями, будто реальность рассыпалась на экране на множество цветных пикселей.

Извивающиеся световые узоры и солнечный свет превратили ночь в день, на месте джунглей экваториальной Амазонии появился лес из высоких сосен, а вместо крытой банановыми листьями деревянной хижины дона Леонсио взору Леони открылся ад. Стоящие на берегу речки полсотни крупных типи, почти сгоревшие, от них остались лишь каркасы из жердей. Повсюду лежат изувеченные тела мужчин и женщин, их около сотни, светлокожие и рыжеволосые, некоторые нагие, на других — обрывки грубо сплетенных накидок. Их сложили штабелями, а поблизости догорал огромный костер, наполненный обугленными человеческими останками.

Хотя в этот раз девушка так и не оказалась в уже привычном световом тоннеле, Леони не требовалось особых подтверждений тому, куда она попала. Она тут же увидела оружие с кремневыми наконечниками, тела несли на себе следы ужасных пыток. Несложно понять, что все это сотворили Иллимани, и Леони оказалась в мире Рии. Хотя Синего Ангела не было, и она не посылала ее сюда, как в предыдущие разы. Видимо, она где-то незримо управляет временем и пространством. Леони вспомнила ее слова: «Рия стоит на пути Сульпы к неандертальцам, и я сплела ваши судьбы. Вы теперь как сестры, разделенные временем. Вместе вы должны отыскать правильный путь».

Эти слова отпечатались в памяти Леони, но она не понимала, что нужно для этого сделать, и даже не знала, удалась ли ее последняя попытка предупредить Рию о невидимых посланниках Сульпы. Хотя разве все, что она до сих пор делала, не служило достижению этой цели? Все ее путешествия во времени нужны для того, чтобы помочь сестре. Или Ангел имела в виду что-то другое, говоря, что вместе они обладают великой силой?

Невидимая, посреди догорающего стойбища, Леони почувствовала, как ее охватывает страх. В конечном счете, удалось ли ей предупредить Рию о маячке в ее ноге? Или Иллимани все-таки добрались до Рии и то, что она сейчас видит — результат ее поражения?

Но страхи Леони сразу же исчезли, когда она увидела выходящую из леса Рию. Вместе с ней были еще шестеро мужчин. Хотя их губы не двигались, похоже, они каким-то странным образом общались друг с другом, и Леони показалось, что она улавливает их разговор, хотя слова были произнесены на незнакомом языке и были похожи на шепот листвы, потревоженной ветром.

Трое из сопровождавших Рию были неандертальцы, трое других — обычные люди. Один из них держал в руке натянутый лук с наложенной на тетиву стрелой с кремневым наконечником. Лет двадцати с небольшим, худощавый, почти изящный, он был одет, как и остальные, в кожаный жилет, штаны и грубо сшитые мокасины. Парень слева от Рии, темноволосый, с бешеным взглядом голубых глаз и двумя томагавками в руках, мог сойти даже за Иллимани; поди пойми… Справа от названой сестры Леони шел косматый гигант, чуть ли не вдвое выше ростом всех остальных. Он был вооружен обоюдоострым каменным боевым топором, а ширине его плеч могли позавидовать чуть ли не все знакомые Леони мужчины.

Видимо, эти семеро составляли одну, хорошо сработавшуюся команду. Они практически не обращали внимания на трупы, готовые в любой момент вступить в бой. Рослый парень

скинул с плеча топор. В левой руке Рии был зажат камень, а в правой — кремневый нож. Неандертальцы тоже держали оружие наготове.

Но Леони так и не заметила никакой опасности. Бойня случилась явно не сегодня, может, даже и не вчера, и убийцы были уже далеко отсюда. Усилием мысли Леони поднялась высоко над деревьями и принялась глядеть по сторонам. В непосредственной близости от стойбища никого не было, но вдали густой сосновый лес вполне мог скрывать большую группу воинов, устроивших засаду.

Леони снова опустилась вниз, чтобы поглядеть на Рию. Бедро, там, где ей в ногу попал дротик Сульпы, было скрыто штанами, но сквозь них не проступало никакой опухоли, и Рия двигалась легко и уверенно. Когда Леони в последний раз ее видела, худощавое, загорелое до черноты тело Рии покрывали боевые раны, но все они, судя по всему, полностью зажили, оставив после себя только синяки и еле заметные шрамы.

Еще одна загадка среди множества остальных.

Глядя на Рию вблизи, Леони поняла, что та не просто хорошенькая, по-мальчишески, а потрясающе красива — особенной, необузданной первозданной красотой. На ее лице читались горечь потерь и боль, отвага и целеустремленность, опыт и мудрость, холодный расчетливый ум; все это совершенно не вязалось с ее юным возрастом. Ее наполняла сила, сила личности, воли и целеустремленности. Но, превыше всего этого, в ее глазах горел внутренний огонь, нечто беспощадное и неукротимое. Было видно, что остальные без колебаний признали ее лидерство.

Отряд Рии пересек речку, уходя с прогалины, и пошел по утоптанной тропе, ведущей в лес. Леони зависла прямо перед ними и, по какому-то наитию, попыталась коснуться плеча Рии. Девушка тут же остановилась как вкопанная, так, будто почувствовала прикосновение, и поглядела прямо туда, где находилась Леони.

У нее были завораживающие глаза, большие, с яркими белками, карими зрачками с вкраплениями золотых и фиолетовых точек, и Леони даже позавидовала ее длинным и густым ресницам.

Леони удержалась от желания отлететь на несколько метров вверх и осталась на месте. Интересно, видит ли ее девушка?

Рия тоже не двигалась. На ее лице появилось напряженное выражение. Ее друзья тоже остановились и с интересом смотрели на своего вожака. Вытянув вперед руку, Рия провела ею в воздухе, а потом тряхнула головой. С ее лица сошло выражение неуверенности и интереса, и она, махнув головой, снова пошла вперед, сквозь Леони, не оглядываясь.

Значит… ее не могут видеть.

Но чувствуют.

Определенно чувствуют.

Это дар, их связь, поняла Леони, которая нарушает правила существования бесплотного тела в физической реальности. Именно благодаря ему, несмотря на все свои страхи, Леони все-таки смогла предупредить Рию о маячке, оказавшемся в ее ноге вместе с дротиком Сульпы.

Вместе вы обладаете великой силой.

Леони метнулась вперед над их головами, оставляя позади людей и неандертальцев, углубляясь в лес. Если она сможет общаться с Рией, тогда сможет послужить им разведчиком, предупреждать об опасностях. И из нее уж точно получится отличный разведчик.

Она может принести пользу.

Она будет незаменимым союзником.

Леони полетела вдоль тропы, до самого края леса, но нигде не увидела ничего опасного. Никого, ни людей, ни животных, ни птиц, ни даже насекомых.

Открытая холмистая местность за лесом была покрыта небольшими перелесками. По мнению Леони, это были отличные места для засады. Дорога постепенно уходила вверх, к перевалу, километрах в трех впереди. Леони долетела до перевала, но убедилась, что за ним все точно так же.

И никакой опасности.

Полетела дальше.

Миля.

Две.

Пять.

Ничего.

Но, миновав следующий перевал, она наткнулась на Иллимани. Большой отряд, с полтысячи человек, они шли по склону лощины, прячась за стволами могучих деревьев. Нетрудно было разглядеть командиров — двух рослых могучих воинов, шагающих в первом ряду. Они были очень похожи — видимо, близнецы. Волосы у них грязными космами свисали до пояса. Отличить их можно было лишь по пугающим украшениям на головах: у одного — огромные кривые бычьи рога, у другого — скалящийся череп огромного медведя.

Если все так будет и дальше, то скоро они выйдут прямо на отряд Рии.

Сделав в воздухе сальто, Леони помчалась обратно, чтобы предупредить названую сестру.

Глава 77

Висящее на дереве тело уже окоченело и начало дурно пахнуть — значит, этого человека убили не сегодня. Если им повезет, то Иллимани, сделавшие это, уже ушли дальше, в поисках новых жертв.

С другой стороны, возможно, они еще были где-то поблизости.

Во главе с Лигаром, знавшим дороги в этих местах, Рия и ее товарищи пробирались сквозь лес. Везде валялись трупы, по большей части обнаженные, но на некоторых были обрывки накидок, такие, какие носят Мерел. К деревьям прибили не всех. Многих привязали к длинным деревянным шестам, с некоторых, судя по всему, заживо содрали кожу. Остальных забили насмерть камнями или поджарили на медленном огне в стороне от тропы. Повсюду висел густой запах смерти.

Впереди, в прогалине, рядом с речкой, виднелись остатки большого стойбища Мерел. Картина разрушений была ужасна. От полусотни типи остались лишь обгорелые жерди, штабелями лежали мертвые тела, в пепле огромного костра были свалены обугленные человеческие кости.

Они не стали останавливаться, чтобы пересчитать убитых, но, судя по всему, здесь уничтожили более четырех сотен мужчин и женщин. И, как обычно, нигде не было останков детей.

Когда Рия с товарищами наконец вышли из леса, солнце склонилось к закату. Раскинувшиеся перед ними холмы и перелески купались в мягком вечернем свете.

На такой холмистой местности за очередной горкой или перевалом могла скрываться хоть целая армия, которую не заметишь, пока не столкнешься с ней нос к носу. Ощущение близкой опасности и уверенность, что им следует идти максимально скрытно, буквально

захлестнули Рию. Впрочем, это было, скорее всего, естественным логическим выводом в данной ситуации.

А еще…

Как будто тихий голос настойчиво шептал Рии: «Прячьтесь!»

Она ничего не видела, но была почти уверена, что это та самая золотоволосая девушка, которую синяя женщина назвала Леони — ее союзница из будущего, явившаяся, чтобы помогать ей в войне с Сульпой. Рия постоянно чувствовала чье-то присутствие, но старательно убеждала себя в том, что ей это просто кажется. Но теперь, когда у нее волосы на затылке зашевелились, она поняла, что пора действовать.

Они подымались на перевал по склону, заросшему луговиком. Позади справа, в тысяче шагов от них, Рия увидела небольшую рощицу старых узловатых дубов и показала на нее товарищам.

— Нам надо там укрыться. И чем быстрее, тем лучше.

— Нет, Рия, я пойду дальше, — мрачно ответил Бонт.

— Если пойдешь, нас всех убьют. Я чувствую… нет, я уверена, что должно случиться что-то крайне неприятное. — Она, оскалившись, посмотрела на Бонта и прошипела: — Поверь мне, Бонт, ЧТО-ТО ОБЯЗАТЕЛЬНО СЛУЧИТСЯ.

Гигант изумленно моргнул. Рия ждала, что он взорвется, зная его вспыльчивый характер, но вместо этого Бонт пожал плечами и согласился. Все поспешно побежали вниз по склону, в сторону рощицы.

Рия добежала до укрытия последней и оглянулась.

На перевале показалась колонна вооруженных людей, обнаженных, со спутанными волосами. Они шли сплошным потоком по склону, на котором совсем недавно была Рия и ее друзья.

Плюхнувшись на живот, она отползла в подлесок и снова выглянула из-под зарослей ежевики и папоротника. Возвышающиеся над ней могучие дубы плавно покачивались под вечерним ветерком, что-то шепча листьями. Рия чувствовала страх и напряжение, охватившие ее товарищей. Если хоть один из воинов заметил ее прежде, чем она скрылась, то все кончено.

Но удача была на их стороне.

Иллимани продолжали спускаться с перевала, колонной по десять человек в ряд, и явно не обратили никакого внимания на рощицу, продолжая идти, как и прежде. Они пройдут шагах в ста к северу от рощицы, поняла Рия. Сорок пять, сорок шесть, сорок семь, считала она про себя ряды в колонне, по мере того как воины проходили через перевал. Сорок восемь, сорок девять, пятьдесят.

Пятьдесят рядов по десять воинов.

Колонна из полутысячи воинов, будто огромная многоножка, двигалась вперед.

Имея в своем распоряжении семь тысяч воинов Иллимани, Сульпа вполне мог разослать вокруг дюжину таких отрядов, чтобы уничтожить кочующие племена, такие, как Мерел и Навин. Поскольку сами племена делились на группы, меньшие числом, чем эта, уничтожить их не представляло сложности. Ни одна из них не смогла бы противостоять боевому отряду из полутысячи опытных и безжалостных воинов.

Внимание Рии привлекли люди, идущие в голове колонны; они были на расстоянии меньше полета стрелы. В середине первого ряда шли двое воинов, обнаженные, как и все Иллимани, похожие друг на друга, как близнецы. Должно быть, так и было. Они возвышались над остальными, превосходя их ростом, у обоих были мясистые красные лица и злобная улыбка. Торс каждого из них мог сравниться со стволом самого мощного дуба в рощице, укрывшей отряд Рии. На их руках и ногах играли мощные мышцы, но, несмотря на массивное

телосложение, оба шли мягкой уверенной поступью опытных воинов. Светлые волосы неряшливыми прядями достигали пояса, а головы венчали впечатляющие украшения: у одного — рога тура, у другого — череп пещерного медведя. Воины были вооружены обоюдоострыми обсидиановыми боевыми топорами.

— Вон тот, с турьими рогами — Марту, — послышался в голове Рии мыслеголос Дриффа. Это имя означало «бык», сообразила она. — Он командует полутысячей; все знают, что он любимчик Сульпы. Говорили, что тот собирается поставить его во главе всей армии. Другой — Саккан, его брат. — Это имя означало «медведь». — Главный палач Сульпы. Если духи услышат мои мольбы, то мои томагавки лишат его головы.

Глянув влево, Рия увидела Дриффа, затаившегося в ближайшем подлеске. Его голубые глаза горели ненавистью. Поскольку мыслеречь полностью передавала не только слова, но и чувства, Рия ощутила силу этой ненависти.

Обжигающей ненависти.

Будто в его сердце полыхал костер.

Она еще раз глянула на Иллимани, а потом снова на Дриффа.

— Что такое? — мысленно спросила она.

— Сульпа объявил моего отца и мать предателями. Саккан пытал их, а меня заставили помогать ему, а потом убить их своими руками.

Рия снова поглядела на плотный строй воинов. Босые ноги, натоптанные в дальних дорогах, громыхали по земле, как повторяющиеся удары барабана. Они не сворачивали и должны были пройти в сотне шагов от рощицы, как она сперва и предполагала.

— Пусть духи услышат твои мольбы, но не сегодня, — ответила она Дриффу.

И тут Саккан вышел из строя и пошел в их сторону.

Мог ли могучий Иллимани услышать их мысленный разговор? Конечно же, нет. Он никого не позвал с собой и не выглядел как воин, заметивший врага. Внезапно остановившись, он сосредоточенно поглядел прямо перед собой, отставил ногу в сторону и громко выпустил воздух.

Может, он просто отошел в сторону, чтобы испражниться?

Рия знала, что она хорошо спряталась, как и Дрифф. Мыслеречь позволяла ей видеть глазами ее товарищей, и она отлично знала, где они укрылись: Бонт и Лигар — справа от нее, Грондин, Джергат и Оплимар — шагах в десяти позади.

— Всем не шевелиться! — мысленно приказала она. — Ни слова, ни вздоха, иначе все мы умрем!

— Мы можем убить его, — взорвался в ее голове голос Дриффа.

— Это было бы самой страшной глупостью. Подумай сам. Если он не вернется на свое место в строю, сколько пройдет времени, прежде чем все полтысячи воинов примутся искать его? У нас не останется ни малейшего шанса.

Саккан подошел к краю рощицы, а колонна Иллимани продолжала идти в полусотне шагов от него. Воин зашел за дерево. Его правая ступня, огромная и грязная, опустилась на расстоянии ладони от головы Рии, но он пошел дальше, в небольшую прогалину, разделявшую Рию и Уродцев.

Удовлетворенно вздохнув, Иллимани воткнул топор лезвием в землю, присел, опершись огромной рукой о колено, и снова выпустил газы, на этот раз с высоким тонким писком. Рия с трудом сдержала смех, поняв, что даже такой могучий и на первый взгляд непобедимый воин может попасть в неловкое и чрезвычайно уязвимое положение. Глянула в сторону, туда, где

едва различимой тенью прятался Дрифф. Его глаза сверкнули нестерпимым голубым блеском. Он встал на корточки, готовый в любой момент кинуться на врага.

Глава 78

— Нет, Дрифф! — мысленно вскричала Рия. — Нет! Всех нас погубишь!

Через мысленную связь она ощутила наполняющую его тело бешеную силу, красную пелену в глазах, затмившую разум.

— Нет! — снова закричала она. На этот раз ее мысленный крик был как пощечина. — Ложись, Дрифф! Быстро!

Рия почувствовала, как он сперва замер, а потом сдался. К этому примешивалось какое-то другое, странное чувство, которое Рия была не в состоянии объяснить. Дрифф бесшумно опустился на землю.

Саккан тужился и кряхтел, поэтому ничего так и не заметил. Его волосатая задница раскачивалась из стороны в сторону над самой травой. Застонал, еще пару раз пискляво перднул и навалил огромную зловонную кучу. Потом схватил с земли горсть листьев и сухой травы и подтерся. Встал, вскинул на плечо топор и спешно зашагал прочь.

Еще долгое время никто из товарищей Рии не двигался. Затем из кустов, зажимая нос, появился Лигар. Все это время он был на расстоянии в длину руки от кучи дерьма. С отвращением поглядел вслед Саккану.

— Этот человек жрет протухшее мясо, — прошипел он.

Отряд Иллимани покинул рощу в лучах заходящего солнца, и Рия с товарищами снова пошла в сторону Врат Рога. Бонт был молчалив и мрачен, взбешенный постоянными задержками. Лигар пошел рядом с Уродцами. Почему-то получилось, что Рия снова шла рядом с Дриффом.

— Значит, дело не только в Бриндле, — сказала она ему. — Сульпа и Саккан заставили тебя пытать и убить отца и мать, поэтому ты был готов встать на нашу сторону. Любой поймет тебя.

— Для меня Сульпа был богом, а Сакканом я восхищался. Я был рад и горд, что во имя их убил отца и мать! До того дня, когда вы взяли меня в плен, я ни разу не задумывался над тем, что сделал. Но Бриндл проник в мою голову. Показал, в чем отличие добра от зла. Объяснил, что они ИСПОЛЬЗОВАЛИ меня. Сульпа, Саккан, Марту, все они. Они всегда так делают. Погружают тебя во зло настолько, что ты уже никогда не сможешь из него выбраться. И тогда ты принадлежишь им, навечно…

Замолчав, он поглядел на нее бешеным взглядом голубых глаз.

— Я хочу рассказать тебе о том видении, посетившем меня тогда, когда мы съели «Маленьких Учителей».

— Да, давай. Рассказывай, — кивнув, ответила Рия.

— Мне показали всех, кого я убил, — начал Дрифф. Потер лоб длинными сильными пальцами левой руки. — Всех невинных, замученных мною. Я даже и не осознавал, что их так много. Они пришли ко мне, Рия, один за другим. Стыдили меня…

— Но ты *действительно* отнял у них жизни, — Рия даже не старалась скрыть своих чувств.

— Сказали, что будут ждать меня, пока я не умру. — Дрифф вздрогнул. — И заставят отдать долг, за каждую отнятую жизнь. — Он мягко коснулся руки Рии. — Как же мне отдать долг мертвым?

— Спасать живых, — не задумываясь, ответила Рия. — Помочь нам уничтожить Сульпу. И тогда духи помилуют тебя.

Когда Дрифф убрал руку, Рия почувствовала облегчение. Хорошо бы, чтобы он не воспылал к ней чувствами. Сейчас она была совершенно не в настроении решать и эту проблему.

Наступил летний вечер, местность, расстилавшаяся перед ними, стала еще более неровной; повсюду были валуны, глубокие овраги, заросшие утесником и ежевикой. Наконец они подошли к грохочущему водопаду в верхнем течении Змеи, над которым висела радуга водяной пыли. Обогнув водопад, они направились на восток, вверх по течению реки, попав в узкую лощину. Им оставалось совсем немного до того утеса, показанного Рии могущественным духом, совсем немного до Врат Рога. Там они смогут начать поиски родных Бонта и других уцелевших людей Клана.

Рия и ее товарищи прошли совсем немного, когда наперерез им из чащи выскочила косуля. Рия убила ее одним броском камня. Остальные быстро освежевали животное, Грондин взвалил тушу на плечи, и они двинулись дальше.

Солнце еще не достигло горизонта, а маленький отряд все шел и шел вперед, несмотря на усталость и трудную дорогу. Когда стемнело, а до восхода луны оставалось еще много времени, они были вынуждены замедлить шаг. Сначала Оплимар, а потом и Бонт споткнулись и упали, сильно ударившись. Выругались. Ноги никто не сломал, но Рия вздрогнула, подумав, что это легко могло бы случиться.

Однако это было не единственным поводом для отдыха. Все очень устали, и не только из-за этих двух дней пути без сна и отдыха, но и из-за щемящего беспокойства за родных и близких.

Рия решила, что пора сделать привал, и даже Бонт, прихрамывающий после падения, не стал возражать.

Они оказались на широкой тропе, петляющей между деревьев, шагах в сорока от реки. В сотне шагов слева от них во тьме едва виднелся скалистый утес. Найдя место, где тот нависал над землей, они разожгли костер, так, чтобы его было трудно обнаружить. Начали жарить косулю, и от аппетитного запаха заурчали животы. Не слишком крупная добыча, но к концу трудного дня у Рии потекли слюнки в предвкушении вкусного ужина.

Они еще не успели обглодать кости, когда небо закрыли плотные тучи и полил дождь. Скальный выступ закрывал их, а костер согревал, несмотря на холод. Со смесью огорчения и облегчения Рия поняла, что тут уж ничего не поделаешь, и остается лишь одно: то, в чем они более всего сейчас нуждаются.

Все легли спать. Первым сторожить вызвался Джергат. Потом его должен был сменить Лигар, а Лигара, в свою очередь, — Рия. Если облака рассеются и проглянет луна, то часовой должен разбудить остальных, и они пойдут дальше.

Казалось, миновало несколько ударов сердца, когда Рия почувствовала, как ее плеча коснулась рука Лигара. Она поспешно села, и Лигар приложил палец к губам.

— Слушай, — мысленно сказал он ей.

Костер потух. С края утеса все еще падали капли воды, но дождь уже кончился. Сквозь редкие облака просвечивала луна, над землей клубился туман.

Вдалеке, на тропе, со стороны Врат Рога, послышались грубые мужские голоса. В интонациях была слышна злоба.

И они говорили на языке иллимани.

— Сколько? — мысленно спросила она Лигара.

— Сложно сказать, — неуверенно ответил тот. — Пятеро, может, шестеро. — Он коснулся пальцем лука. — Надо ли нам напасть на них?

Рия снова прислушалась и наконец решила, что врагов намного больше, чем Лигар: восемь, а может, и все десять. Иллимани о чем-то ожесточенно спорили, голоса приближались, но она все еще не могла разобрать слов.

Все это Рии не нравилось. Времени организовать засаду нет, тем более не зная, сколько там врагов. Разве не важнее спасти выживших, чем затевать бой в темноте?

— Нет, — наконец ответила она. — Лучше их пропустить.

И тут снова раздались грубые крики, еще ближе, и детские голоса, плачущие, перепуганные и полные отчаяния. Некоторые из детей умоляли пощадить их. Рия услышала, что они говорят на языке Клана.

— Буди остальных, — мысленно приказала Рия Лигару. — Надо выяснить, в чем тут дело. Не забывай, что переговариваемся только мысленно, и жди — *жди моей команды!*

Лунный свет, проникающий сквозь облака, становился то ярче, то тусклее. Девушка бесшумно побежала в сторону тропы, перебегая от дерева к дереву. Небо на востоке едва начало сереть; судя по всему, скоро рассветет.

По дороге ей попалась поваленная бурей огромная сосна. После нее осталась большая яма, укрытая могучими ветвистыми корнями. Отличное укрытие, чтобы наблюдать за тропой. Убрав в мешочек два метательных камня, Рия забралась внутрь, спрятавшись за корнями, и устремила взгляд на тропу.

Иллимани, чей спор услышал Лигар, вышли из-за деревьев меньше чем в сотне шагов от нее. Спереди шли четверо воинов; позади них плелись тридцать, может, сорок детей. Одни плакали, другие шли молча. По бокам от них шли другие Иллимани, по двое с каждой стороны. Замыкали колонну еще четверо.

Воины продолжали яростный спор, и Рия наконец-то поняла, о чем. Они захватили детей вчера и, согласно приказу, должны были доставить их к Сульпе, чтобы принести в жертву; но большинство воинов уже были готовы нарушить приказ и убить детей прямо сейчас.

— Они слишком сильно мешают нам в пути, — рявкнул один. — У нас впереди еще столько битв…

— Мы служим Сульпе, — напомнил ему другой.

— Мы послужим ему лучше, если найдем этот Свет на Западе, а не будем лазать по горам в темноте с толпой сопливых детишек.

— Все равно, ведь *мы* взяли их в плен. Сульпа даже не узнает об этом. Мы можем сделать с ними все, что захотим.

Этого Рие было достаточно.

— *Ко мне!* — мысленно приказала она товарищам, доставая нож. — Ко мне! Двенадцать врагов, надо убить их.

А после послала товарищам отчетливый образ того, что видела перед собой.

— Бонт, Лигар. Атакуете спереди, убиваете тех, кто во главе колонны. Грондин, Оплимар, Джергат — обходите сзади и атакуете замыкающих. Никакой пощады. НИКАКОЙ ПОЩАДЫ! Дрифф, твои — те, что справа, мои — слева.

Первые Иллимани и большая часть детей уже миновали ее наблюдательный пост. Облака рассеялись, лунный свет становился все ярче, и, вздрогнув, как от боли, Рия заметила Нибо, семилетнего сына Бонта, и его пятилетнюю дочь Мауру.

Это могло означать только одно.

Отряд Иллимани побывал у Врат Рога и нашел уцелевших людей Клана, — именно тех, кто был в ее видении. Значит, они уже убили взрослых. Сабет погибла.

Внезапно воин, шедший в первом ряду, приказал остальным остановиться. Невысокий и коренастый, он был старше остальных, с гривой седых волос и тупым вздернутым носом, он оглядел товарищей.

— Ладно, парни, — рявкнул он так, чтобы его слышали и замыкающие. — Мне надоели ваши стенания. Вот подходящее место, чтобы избавиться от этих сопляков. — Он достал нож и со злобной ухмылкой поглядел на детей. — И никто не мешает нам позабавиться, делая это, а?

Рия глянула вниз. Практически прямо под ней один из шедших слева воинов радостно рыкнул, скидывая с плеча топор. Дети заголосили.

— Готовы? — мысленно спросила Рия товарищей.

В ответ в ее голове раздалось дружное «да».

— Тогда в атаку! Сейчас же!

Глава 79

Вне своего тела, летая где-то далеко от места и времени, в котором она находилась, Леони успокоилась, увидев, что Рия почувствовала ее предостережение и вместе с товарищами спряталась в небольшой рощице. Снова забеспокоилась, увидев, как огромный воин, которого она мысленно прозвала Медвежий Череп, зашагал в сторону рощицы, чтобы испражниться. Но, сделав свои дела, он ничего не заметил и вернулся на свое место во главе колонны.

Леони полетела вслед за возглавляемым Медвежьим Черепом отрядом Иллимани. Она насчитала, что в нем было не меньше пятисот человек. Вскоре они приблизились к тому самому лесу, откуда недавно вышла Рия с товарищами. Воины, шли ровно, соблюдая жесткую дисциплину, и выглядели как единый, хорошо отлаженный механизм. Создавалось впечатление, что Иллимани абсолютно непобедимы. А ведь это лишь часть той армии, которую собрал у реки Сульпа, чтобы уничтожить Клан…

Где же остальные?

Леони ринулась вверх, на сотни метров над землей.

Со всех сторон в небо поднимались зловещие столбы дыма. Вдали она увидела еще одну колонну на марше, крохотную, похожую на скопление муравьев. Значит, Иллимани повсюду, их множество, и они убивают всех на своем пути.

Последние ряды отряда Медвежьего Черепа скрылись в лесу. Рия и ее товарищи вышли из рощицы и двинулись в противоположном направлении, вверх по склону. За перевалом начиналась пересеченная местность, испещренная холмами и прорезанная оврагами, постепенно уходящая вверх, к горам. Оттуда пришли Иллимани. Вдалеке виднелись увенчанные снежными шапками вершины гор. Путь через эти места будет непростым.

И можно быть уверенным, что где-то дальше скрываются Иллимани в еще большем количестве.

Леони уже метнулась вперед, чтобы разведать это, как вдруг неожиданно и совершенно некстати возник извивающийся световой тоннель, прямо посреди неба. Могучая сила потянула ее внутрь. Девушка пыталась сопротивляться, но безуспешно… Бросив последний взгляд на исчезающую картину прошлого, она увидела, как Рия решительно и безбоязненно идет навстречу своей судьбе.

Сознание Леони возвращалось в ее собственное земное тело неудержимо; она была подобна ныряльщику, погружающемуся в воду. Нет! Слишком рано! Слишком рано! Леони охватила волна страха, раскаяния и боли. Покинув Рию сейчас, оставив ее незащищенной в этих диких местах, она почувствовала, что предает ее.

Но затем резкий кашель разодрал ее горло, и обычные чувства вернулись к ней.

Приближался скоростной катер. Злобный рев мотора, торжествующий рык цивилизации раздирал на части тихий вечер в джунглях.

Леони сидела на небольшой скамейке, на которой устроилась в начале ритуала, а Леонсио стоял позади нее, положив ладонь ей между лопаток. В другой руке он держал тлеющую терпким дымом кадильницу. Девушка снова закашлялась. Так вот что вернуло ее назад! Головокружение от быстро прерванного Леонсио путешествия прекратилось. Мужчина рывком убрал кадильницу и помог ей встать.

Звук мотора приближался.

— Нам надо бежать, — сказал дон Леонсио. — В джунгли. Мэри уже собрала твой рюкзак…

— Но почему? Как?

— Твой демон нас нашел. Он еще могущественнее, чем я думал. Его люди уже рядом. Нам надо уходить, немедленно.

Баннерман стоял на коленях на полу *малоки*, перекладывая вещи в своем рюкзаке. Выбросил большую часть одежды, книг, полотенце и ботинки. Сунул внутрь фонарь, компас, швейцарский складной нож, легкий дождевик и кучу коробок и тюбиков с лекарствами, которые возил все это время в отдельной коробке. Мэри разливала чистую воду из большой бутылки, взятой из приюта, по литровым налгеновским пластиковым фляжкам. Дон Эстебан паковал в заплечный мешок сушеную рыбу, полоски вяленого мяса и пучки бананов. Мэтт еле заметно, как тень, стоял у дороги к протоке. В свете заходящей луны в его руках едва поблескивал «АК-47».

Внезапно он обернулся.

— Катер не один, — заявил он. — Может, два, а, может, и три… времени нет.

Показались огни катеров, неровными полосами порезавшие ночную тьму. Леони поняла, что преследователи уже вошли в протоку, их катер уже за последним поворотом.

Мэри закончила возиться с фляжками и раздала их по две каждому. Первым пошел Леонсио, позади шел Мэтт, в середине Баннерман, который все еще не закончил возиться со своим рюкзаком и теперь поминутно спотыкался на неровной тропинке.

Леони попыталась взять себя в руки, глубоко вздохнула, поглядела на светящиеся стрелки «Ролекса» на руке. Начало четвертого. Луна все еще светит. Слишком ярко светит. До рассвета меньше трех часов. Мощный рык мотора позади умолк. Она услышала крики. Очень много мужских голосов. А затем увидела лучи фонарей, пронзивших темноту.

Леонсио уверенно шел вперед, но если здесь и была тропа, то Леони ее не заметила. На ней были прочные джинсы и хорошие туристические ботинки, которые спасали ноги от царапин, но хлопчатобумажная рубашка с коротким рукавом совершенно не защищала грудь и руки, и они быстро покрылись болезненными царапинами и ссадинами.

И тут она врезалась лбом во что-то твердое, сильно ударившись, и с приглушенным вскриком упала лицом в кусты, облепленные какими-то кусачими мошками, а те, в свою очередь, тут же облепили ей лицо и волосы. Баннерман, шедший следом, мгновенно кинулся к ней.

— Тише, Леони, тише, я тут, не бойся, — зашептал он, стараясь успокоить ее, взял за руку и помог подняться на ноги.

Вдруг со стороны протоки раздались выстрелы. Пули засвистели вокруг них. Леони вскрикнула; ей показалось, что одна из них скользнула по ее руке. И тут Баннерман страшно захрипел и начал заваливаться прямо на нее, придавив всем своим весом.

Глава 80

Рия соскользнула с переплетения корней прямо на спину одного из вражеских воинов и, обхватив его ногами за пояс для устойчивости, мгновенно полоснула ему ножом по горлу, разрезав артерию. Хлынул фонтан крови, воин уронил топор, зашатался и рухнул на землю. Все так же, не слезая с хрипящего тела, Рия огляделась по сторонам.

Слева от детей было два воина. Где же второй? Отвлекшись на разбегающихся в стороны орущих детей, она едва не пропустила его атаку, уловив движение лишь краем глаза. В последний момент ей удалось увернуться от мощного удара копья. Рия выхватила камень и, сделав сальто, резко отпрыгнула в сторону, скрывшись в темноте.

Спереди и сзади слышались крики и удары, вопли детей, но сейчас она ничем не могла помочь товарищам. Хрипло дыша, второй воин бросился на нее, выставив копье. Выругался, когда она снова увернулась от удара. Рия нырнула в густые кусты, шипы оцарапали ей кожу, и ей снова пришлось изогнуться, чтобы избежать следующего мощного удара Иллимани. Продравшись сквозь кустарник, она выскочила с противоположной стороны. Пытавшийся преследовать ее воин запутался в ветках шиповника и вынужден был остановиться. К тому моменту, как ему удалось освободиться от колючих ветвей, Рия была уже в тридцати шагах от него, за деревом, готовая к бою.

В свете луны она хорошо разглядела лохматого дикаря, с которым столкнулась. Остановившись шагах в двадцати от нее, он ринулся на кусты и не глядя ткнул копьем, а потом еще раз… Но тут Иллимани наконец сообразил, что потерял ее, и двинулся обратно, очень осторожно, в ту сторону, где уже стихли звуки боя. Рия услышала в голове обеспокоенные мыслеголоса Дриффа и Грондина. Они пытались найти ее.

— Я жива, — мысленно ответила Рия и вышла из-за дерева. — Эй, говнюк, — тихо сказала она воину-Иллимани на его родном языке.

Воин резко обернулся и заметил кремневый нож у нее в руке, блеснувший в лунном свете. Видимо, он только что понял, что сражается с молодой девушкой, и теперь, оскалив подпиленные зубы и мерзко ухмыляясь, ринулся в атаку. Рия бросила камень с левой руки, целясь промеж глаз, но в этот момент облако закрыло луну. Она услышала громкий стук, но поняла, что промахнулась. И тут рычащий Иллимани врезался в нее и сбил с ног. Оказался верхом на ней, мускулистый, дурно пахнущий. Рия ощутила под собой древко копья. Хорошо. Но воин прижал ее к земле, скача на ней так, будто уже занялся с ней любовью. Схватил ее за горло и откинулся назад, чтобы захват был сильнее. Его пальцы сжимались на ее горле, но Рия так и не выпустила нож. Луна вышла из-за облака, и тут она резко выбросила руку вверх, попав в потную подмышку с такой силой, что длинное лезвие ее ножа вышло в верхней части плеча воина-Иллимани. Враг хрипло вскрикнул, плюясь кровью, но не отпустил Рию даже тогда, когда она крутанула нож в ране, выдергивая его. Тогда девушка попыталась нанести новый удар. Воин отдернул левую руку от ее горла и перехватил ее запястье, продолжая душить ее правой, впиваясь большим пальцем ей в гортань. Рия уже перестала надеяться на спасение, когда из темноты вылетел Дрифф и мгновенно убил врага.

Похоже, все сделали свое дело, и двенадцать Иллимани были мертвы. Но что дальше? Попадутся ли им на пути другие? Не идут ли они следом? Рия осознала, что, пока их было семеро, они могли двигаться быстро и спрятаться в любой момент. Но теперь, когда им надо будет доставить в Тайное Место почти сорок детей, они станут отличной мишенью, скрыться от воинов Иллимани им не удастся.

Вернувшись обратно на тропу вместе с Дриффом, Рия увидела Бонта, вопящего от радости и обнимающего Нибо и Мауру. Но мыслеречь не могла скрыть ничего, и она ощутила охватившую его боль и тоску, хотя гигант и пытался скрыть эти чувства от остальных. Сабет погибла, и он сразу понял это.

Другие спасенные ими дети нерешительно переминались с ноги на ногу, так и не сойдя с тропы. За редким исключением, они больше напоминали стадо перепуганных животных. Самому старшему не больше одиннадцати, половине — и того меньше, не больше семи; все были покрыты синяками и ссадинами после долгой дороги в темноте. Некоторые едва не падали от усталости и страха. Все они стали свидетелями смерти своих близких. Некоторые настолько запуганы, что вздрагивают от малейшего звука. Другие плачут и зовут погибших родителей. Остальные просто молчат и не отводят от Рии широко распахнутых от ужаса глаз.

Считая Нибо и Мауру, лишь восемь детей были из Клана. Остальные двадцать восемь — из других племен, ближних и отдаленных, в основном Мерел и Навин, но некоторые — из Ри, Джикак, Поплавка и даже Кош. В предрассветных сумерках Рия ходила от одного к другому, разговаривая с каждым на родном языке. Кого-то гладила по голове, кому-то клала руку на плечо. Некоторым спасенным детям удалось слабо улыбнуться на ободряющие слова девушки.

Все они рассказывали одно и то же. Иллимани напали внезапно, посреди исконных земель племени; они едва успели сбежать, перепуганные, целыми семьями. Все пытались укрыться у Врат Рога, на ничейной земле, думая, что там будут в безопасности. Тут их и поймали, одного за другим. Взрослых убили на месте, а детей оставили в живых, чтобы потом принести в жертву. И все это удалось сделать лишь двенадцати воинам Иллимани, которые получили отпор только сейчас, на этой тропе.

Рие ничего не оставалось, как попытаться узнать, видели ли дети других воинов. А может, по пути сюда, хотя бы вдалеке, заметили большие отряды Иллимани. Никто ничего толком не ответил. Просто не знали. Но со страхом глядели туда, откуда пришли.

Первым желанием Рии было бежать. Немедленно. Но она понимала, что дети слишком устали, изголодались и перепуганы. Путь до Тайного Места неблизкий, и они не выдержат, если она не найдет способа ободрить и накормить их. Дело рискованное, но Рия приказала всем уйти с тропы обратно к скале, где до этого они разбили небольшой лагерь. Начинался новый день. Развели костер и хорошенько позавтракали, приготовив кролика, дикого гуся и поджарив кабаний бок — все те припасы, которые Иллимани приготовили для себя и заставили детей нести всю дорогу.

Хотя дети и видели, что среди спасших их воинов были и Уродцы, они все равно подозрительно глядели на них и даже не пытались скрыть страха. Это объяснялось старыми сказками родителей, объяснивших, что это племя чудищ-людоедов. Но Рия позвала Джергата и Оплимара, встала рядом с ними и попыталась убедить их, что они не опасны, и вскоре дети успокоились. В облике Оплимара, толстого, с рыжей бородой, морщинистым лицом и прищуренными глазами, было нечто комичное, не передаваемое на словах, а худощавый и изящный, по меркам Уродцев, Джергат сам был не прочь повеселить детей. Он сел посреди тех, кто помладше, дал им себя потрогать руками, подергать за спутанные волосы. Прошло немного времени, и маленький мальчик из Навин и девочка из Поплавка уже уселись ему на плечи.

Пока остальные ели, Уродцы принялись исцелять наиболее пострадавших, а Рия обратила внимание на тех немногих, которым удалось выстоять и не пасть духом. Ей приглянулись четверо детей; она посчитала, что они подойдут лучше всего для избранной ею цели. Нужно было как-то управлять остальными и поддерживать их на протяжении двух дней пути, а может, и трех. Сколько им потребуется, чтобы добраться до Тайного Места, Рия не знала. Для младших такая дорога была бы трудной и в обычные времена, но сейчас им предстоит двигаться наперегонки с отрядами Иллимани, в том числе с огромным отрядом из полутысячи воинов под командованием Марту и Саккана. Рия знала, что они неподалеку и рыщут в поисках легкой добычи.

Дарза, девятилетний мальчик, был родом из Клана. Рия так и не вспомнила его родных, но хорошо знала его самого как отъявленного сорванца, постоянно лезшего в драку со старшими детьми, дразнившими его из-за огромного родимого пятна, скрывшего всю левую сторону его лица. Миниатюрный и хрупкий, он вел себя спокойно и серьезно и не выглядел испуганным, как остальные.

Следующим был Энту, мальчик родом из Навин, крупный для своих десяти лет. У него была свежевыбритая голова — видимо, вшей выводили; от этого он выглядел коротышкой, но на его силу можно было положиться. Кроме того, Рия подметила, что он хорошо обращается с младшими.

Бирсинг, рослая одиннадцатилетняя девочка родом из Мерел, с жестким лицом, густыми рыжими волосами, зелеными глазами и бледной веснушчатой кожей, была типичной представительницей своего племени. Сразу же после боя она что-то быстро затараторила высоким чистым голосом, так быстро, что Рия едва разбирала слова. Девочка что-то говорила о пророчестве. Потом умолкла и больше не проронила ни слова. Ее зеленые глаза сверкали враждебно и гневно, но Рии это даже нравилось.

Последним был Паланан из племени Кош, тоже одиннадцати лет от роду. Худощавый и темнокожий, с напряженным немигающим взглядом, единственный из детей, вступивший в бой, когда Рия с товарищами напала на их стражей. Он шел в конце колонны, когда Уродцы напали на замыкающих Иллимани, и, по словам Грондина, схватил одного из врагов за ноги и помог прикончить его.

Каждому Рия поручила командовать восемью детьми.

— Теперь вы мои командующие, — сказала она им. — Если вы сможете хоть как-то поддерживать порядок в ваших группах, у нас появится шанс добраться до безопасного места.

Утренний воздух был свеж после прошедшего ночью дождя, но солнце поднималось все выше, и жара усиливалась. Младшие из детей, как бы их ни подталкивали Дарза, Энту, Бирсинг и Паланан, как бы их ни пытался развеселить Джергат, шли все медленнее. Когда они подошли к вчерашнему водопаду, Рия вынуждена была приказать остановиться, и они укрылись в тени деревьев, чтобы немного отдохнуть. В противном случае половина детей просто упала бы от изнеможения.

Им приходилось делать привалы все чаще, хотя они и шли под гору тем же путем, что и вчера, но времени на это уходило гораздо больше. Рия послала вперед Лигара и Джергата разведать обстановку. Уже был день, когда она подошла к Паланану, мальчику из племени Кош, и пошла рядом с ним.

— Расскажи мне о мамонтах, — попросила она.

Мальчик поморщился.

— Очень большие, пасутся стадами, мясо вкусное. Что тут еще скажешь?

— Что будет, если мамонт нападет на человека?

— Человек умрет.

— Но почему он умрет? Как мамонт убьет его?

— Ты *вправду* никогда не видела мамонтов? — изумленно спросил Паланан.

— Нет, никогда.

Эти создания уже очень давно не заходили на запад, в охотничьи угодья Клана. Никто из соплеменников Рии даже не мог вспомнить, когда видел их в последний раз. Эти животные для большинства были лишь хорошей сказкой, рассказанной на ночь родителями.

— Они высотой в два человеческих роста, а весом в двадцать человек, — начал объяснять Паланан. — Если захотят убить человека, могут просто затоптать, сесть на него или проткнуть своими бивнями…

— Бивнями? Это теми, из которых получается слоновая кость?

— Это зубы мамонтов, просто они очень длинные. Еще длиннее, — показал он, расставив руки в стороны. Торчат у них изо рта, по одному с каждой стороны. Они ими дерутся и роются в земле.

— Но ведь вы, Кош, на них охотитесь, так? Торгуете их шкурами, мясом и… бивнями, да?

— Мы знаем все их повадки, знаем, как их можно убить…

— А сможешь поймать мне такого, если попрошу? Не убивая?

— Мы можем поймать его в ловчую яму. Но зачем он тебе живьем?

Рия не ответила.

Вдалеке она увидела бегущих навстречу Лигара и Джергата.

Глава 81

Когда они упали, Баннерман оказался сверху, и Леони залило лицо и волосы горячей густой жидкостью. Кровь! Это его кровь!

Леони закричала и повернула голову в сторону, пытаясь отплеваться. Тошнота подкатила к горлу. По лицу стекала вонючая вязкая масса. Леони попыталась выбраться, не обращая внимания на звуки выстрелов; ей казалось, что они повсюду. Услышала шаги и подумала, что настал ее смертный час.

Но это был Мэтт. Он молча, быстро подошел к ней, сбросил с нее Баннермана, просто оттолкнув его в сторону, обхватил Леони свободной рукой и поставил на ноги. В правой у него был зажат «АК-47», и он выпускал в сторону протоки короткие очереди. Вспышки выстрелов осветили все вокруг, как стробоскопы на дискотеке, только желтого цвета. Глянув на Баннермана, Леони увидела у него на затылке белые осколки кости, сгустки крови и комки мозга. Пуля снесла ему полголовы.

Охваченная ужасом, девушка не заметила, как из-за деревьев выбежали две темные фигуры и рванулись к ним. Мэтт выпустил короткую очередь из «АК-47» в одного, и тот упал, но затем автомат щелкнул, видимо, заклинив, и второй противник настиг их. Мэтт отпустил Леони и схватился с ним врукопашную. Раздался рев, сменившийся отчаянным воплем. Только не Мэтт, пожалуйста, только не Мэтт! Напавший упал, позади послышался шорох, и Мэтт резко крутанулся в сторону. В его руке блеснул длинный охотничий нож.

Но это оказался дон Леонсио.

— Быстро! — прошептал шаман, жестом показывая, куда идти. Леони хотела опуститься на колени рядом с телом Баннермана, но Мэтт опять рывком поставил ее на ноги.

— Ему уже ничем не поможешь! — рявкнул он.

И они побежали в глубь джунглей, в полной темноте лавируя между деревьями.

Тело и волосы Леони атаковала какая-то мошкара, некоторые кусались, а на лице и шее застывала ужасная смесь из крови и мозга Баннермана, стекая ей между груди и по животу. Но она едва замечала все это, судорожно дыша, с бешено колотящимся сердцем, обращая внимание лишь на звуки погони.

Много людей. Сколько? Двадцать? Тридцать? Они ломились сквозь подлесок следом за ними, пронзая темноту лучами фонарей, перекрикиваясь грубыми голосами. Леони почувствовала, как джунгли словно сжимаются вокруг нее. Раздалась длинная очередь, потом несколько отдельных выстрелов. Замелькали вспышки. Пара пуль пролетела близко, но остальные ушли сильно в сторону.

Леонсио продолжал идти вперед ровным шагом, Леони снова шла позади него. Опять не видела тропы. За ноги цеплялись колючки и лианы, и Мэтт взял ее за руку, помогая идти дальше, не сбавляя темпа.

— Ниже, — прошептал Леонсио, лег на землю и пополз вперед. Мэтт и Леони опустились на землю вслед за ним.

— Сюда, — шепнул шаман.

Протиснувшись под нависшими ветвями, оплетенными лианами, они выбрались к заболоченному руслу ручья и спешно спустились в него.

Соскользнув вниз, порядком испачкавшись и намокнув, они оказались у ног Мэри, которая ждала их здесь вместе с доном Эстебаном и доном Эммануэлем. Мэтт снова пошел позади всех, сжимая в руках «АК-47».

Разговаривать было нельзя, но Леони, шатаясь, обхватила Мэри руками.

— Мне очень жаль. Джон погиб. Они его застрелили, — прошептала она. — Он пытался спасти меня. Это я во всем виновата.

Приглушенно застонав, женщина оттолкнула ее.

Оторвались ли они от преследователей, спустившись в русло?

Шум погони становился все тише, судя по всему, преследователи ушли в сторону, но Леонсио это не устраивало.

— Если у них есть хорошая ищейка, они за считанные минуты выйдут на наш след, — прошептал он. — Надо идти быстрее. Ни о чем не спрашивайте, просто идите за мной.

— Куда мы пойдем? — шепотом спросила Леони.

— Далеко, — прошипел в ответ Леонсио. — В деревню, я там знаю многих. Там мы будем в безопасности. Ты будешь пить айяхуаску. Хорошую айяхуаску. Мы вернем тебя к твоей Рии…

Они шли друг за другом на расстоянии в полтора метра. Леонсио снова был впереди, задавая быстрый темп, следом шли Мэри, Эстебан, Эммануэль и Леони. Мэтт опять шел замыкающим. Он разобрал и собрал «АК-47», перезарядил его, а за пояс сунул оба пистолета, взятые с катера Аполинара.

За время этого долгого бегства Леони где-то потеряла свой «Ролекс», поэтому даже понятия не имела, который сейчас час. Но вскоре деревья окрасились первыми лучами солнца. В листве над их головами уже начали скакать рыжие ревуны, встречая рассвет громким ревом и криками, с вершин деревьев доносились высокие трели большеклювых туканов.

Хотя в тени деревьев все еще было достаточно темно, Леони уже видела достаточно, чтобы не натыкаться на корни могучих деревьев. К сожалению, она видела и свежие пятна крови — их не смогла смыть даже вода ручья, по руслу которого они прошли. До этого момента вокруг происходило слишком много других событий, позволивших ей не вспоминать бедного Джона Баннермана, погибшего посреди амазонских джунглей, но теперь, увидев на себе его кровь, она будто снова погрузилась в ужас произошедшего.

Воспоминания о событиях последней недели захлестнули ее с новой силой, но Леони старалась держать себя в руках. Он спас ей жизнь дважды. Первый раз — в реанимации, а второй раз — этой ночью, заслонив собой от пуль, которые точно убили бы ее.

Леонсио пробивался вперед. Становилось все светлее.

Сколько времени они шли без остановки? Час? Два? Три? Понять было сложно. Но внезапно солнце оказалось уже над деревьями, и сквозь плотную листву их озарил мягкий изумрудный свет. Скоро наступит день, влажность и жара будут просто невыносимы.

Леони часто отпивала воды из одной из двух бутылок, врученных ей Мэри еще в деревне, и вдруг с ужасом поняла, что воды осталось на донышке. А что она будет делать, когда кончится вторая бутылка? Будет пить из Амазонки и заработает амебную дизентерию?

Леони поглядела вниз. Ступни горели, ноги дрожали от усталости и напряжения. Ужасно болела голова, тело было покрыто ссадинами и царапинами. Как ни странно, дон Эммануэль в свои восемьдесят, дон Эстебан в семьдесят и дон Леонсио в пятьдесят, казалось, скользили по невидимым рельсам безо всяких усилий, не спотыкаясь о лианы и ветки, и даже москиты облетали их стороной.

Стиснув зубы, девушка заставила себя не отставать, пытаясь подражать их легкой скользящей походке, и вдруг услышала позади звук, совершенно чужой в этих джунглях.

Дон Леонсио остановился и прижал палец к губам. Все остальные замерли.

Снова тот же звук.

Лай охотничьих собак.

Глава 82

Джергат и Лигар вернулись с хорошими новостями. Впереди были люди, много людей, но не Иллимани. Это были Мерел, ведомые Себитту и Тари, той самой семейной парой, которую они спасли два дня назад.

— Они говорят о пророчестве, — сказал Лигар.

Рия скривилась.

— Один из детей тоже говорил об этом. Кто-нибудь знает, о чем речь?

— Понятия не имею, — сказал вслух Лигар. — Если честно, мне кажется, что они с ума сошли, шепотом добавил он.

Солнце клонилось к вечеру, и его лучи освещали их лица. Они только что миновали перевал. В паре полетов стрелы был тот самый лес, куда ушли вчера Марту и Саккан с пятьюстами воинами. А теперь из леса выходили Мерел. Их было не меньше тысячи. Расстояние уменьшалось, и Рия разглядела, что многие вооружены, а в первых рядах аккуратно построенной армии шли лучники. Они остановились в двадцати шагах от них, и вперед вышел Себитту. Рия тоже вышла вперед, сочтя, что это будет правильно. Они встали всего в паре шагов друг от друга.

На мгновение повисла тишина. Затем все спасенные дети племени Мерел, в том числе Бирсинг, которую Рия назначила старшей, выскочили вперед, где их подхватили на руки рыдающие от счастья родственники. Но Бирсинг не встретил никто, и она ходила из стороны в сторону, пока к ней не подошла Тари, жена Себитту.

— Я собрал выживших из четырех отрядов, — сказал Рии Себитту. — Среди них нет Говорящего, поэтому командую ими я. Вчера ты предложила мне убежище для народа Мерел. Предложение остается в силе, учитывая наше количество?

— Конечно, остается. Идемте с нами, мы отведем вас туда.

— Сначала надо уладить еще одно дело, — произнес Себитту.

Вожак Мерел дал знак Тари, и та вывела вперед Бирсинг.

— Говори, девочка. Мы слушаем твой рассказ.

Бирсинг обвела взрослых яростным взглядом зеленых глаз.

— Когда дикари разгромили наше стойбище, моя мать и я скрылись у Врат Рога. С нами был и мой брат Дженго.

Она говорила совершенно бесстрастно, ровным голосом.

— Мы встретили там других, сбежавших от тех же самых дикарей, но пришли новые воины. Они убили всех взрослых и подростков, даже Дженго, хотя ему не было и

четырнадцати лет. Остальных оставили в живых и взяли в плен. Заставили нас идти всю ночь, а когда мы устали, решили, что мы для них обуза, и собрались убить нас.

Ее лицо просветлело, и она бросила благодарный взгляд на Рию.

— А затем с неба спустилась Рия из Клана с шестью отважными воинами. — Девочка показала на Бонта, Лигара, Дриффа, Грондина, Оплимара и Джергата. — Ха! Видели бы вы, как они бились! Они убили всех дикарей и спасли нас от неминуемой смерти.

Выйдя вперед еще на пару шагов, Бирсинг остановилась прямо перед Рией, глядя на нее горящими глазами.

— Ты — та, о которой было пророчество, — произнесла она. — Я сразу поняла это, когда вы спасли нас. Когда ты сошла с небес. Я видела, как ты убила первого врага. Быстро и красиво. Я хочу тоже так уметь.

Протянув руку, она взяла за руку Рию и поцеловала ее. В толпе ахнули. Потом она вернулась назад и встала рядом с Тари.

— Девушка из пророчества? — переспросила Рия.

— Бирсинг рассказала то, во что верим все мы, — ответил Себитту.

Рия непонимающе поглядела на него.

— Прости, ты так хорошо говоришь на нашем языке, что я забыл, что ты не знаешь наших преданий. С древних времен мы храним пророчество, данное нам Владычицей Лесов…

Владычица Лесов. Так Уродцы называют эту синюю женщину-духа! Неужели Мерел стали частью сети, раскинутой ею в прошлом и будущем?

— Сначала я не был уверен, что в пророчестве говорится именно о тебе, — продолжал Себитту, — но теперь у меня не осталось никаких сомнений.

Звенящим голосом он начал произносить слова предания.

Во времена тьмы явится вестник света.

Она вступит в бой с воплощенным злом ради будущего всего мира.

По знакам узнаете ее…

В толпе начали вторить ему, сначала немногие, но вскоре их были уже сотни. Все Мерел начали повторять слова пророчества, все громче и громче, с каждой новой фразой.

Она придет с востока, от Врат Рога, защитница детей.

Будет наделена великой отвагой и умением вести битву.

Будет говорить на языках всех народов.

Станет той, что объединит все племена…

Рия не знала, как и когда синяя женщина оставила это пророчество Мерел. Да и не задумывалась об этом. Самое главное — использовать это предание для благой цели.

Дальше все случилось еще быстрее.

Себитту преклонил перед ней колено.

— Воплощенное зло пришло в наши долины, имя ему — Сульпа. Его воины жгут наши стойбища, насилуют наших женщин, крадут наших детей, и мы верим, что ты не случайно явилась именно сейчас, явилась с востока, защитница детей…

Оглядевшись, Рия увидела, что все Мерел преклонили перед ней колени.

— Нет сомнений в том, что пророчество исполнилось, — продолжал Себитту. — Владычица Лесов избрала тебя для сражения с воплощенным злом. Ты уже предложила мне и моему народу убежище, и я его принял. В ответ я предлагаю тебе лучников Мерел, чтобы они воевали под твоим командованием, пока мы не уничтожим Сульпу. Что ты ответишь?

— Я отвечу согласием.

А что еще можно было сказать?

Глава 83

Дон Леонсио и остальные шли слишком быстро, чтобы Леони могла поспевать за ними, а теперь они побежали, удвоив скорость. Девушка не смогла выдержать такого темпа и спустя несколько секунд согнулась пополам и сошла с тропы, судорожно хватая ртом воздух. Пот насквозь пропитал ее грязную одежду.

Нагнувшись, Мэтт подставил плечо ей под живот и поднял с земли, как профессиональный спасатель. Потом он трусцой побежал вперед, туда, где его ждали Леонсио и остальные. Дождавшись его, они снова побежали.

— Буду нести столько, сколько смогу, — предупредил Мэтт. — Восстанавливай дыхание, оно тебе понадобится.

Неудобно, когда тебя несут, как мешок с картошкой, да еще бегом, но это лучше, чем бежать самой. Леони прислушалась к лаю собак. Судя по всему, четыре. Две еще далеко, а вот две другие все ближе.

Прошло минут пять, и Мэтт опустил ее на землю. Леони изо всех сил старалась двигаться наравне со всеми, чтобы не быть обузой, но у нее это плохо получалось. Тело обмякло и не слушалось; голова все еще кружилась от путешествия, совершенного ночью под воздействием айяхуаски, а от звука лая собак живот скручивался в твердый комок.

Мэри тоже выдохлась. Кожа дона Эммануэля, обычно темно-коричневая, побледнела и покрылась каплями пота. Даже Мэтт начал уставать. Жара и влажность были просто нестерпимы — все равно что заниматься бегом в сауне. Сердце Леони билось как бешеное.

— Мне надо остановиться, — задыхаясь, проговорила она и снова согнулась пополам. — Не могу… не могу… я не могу…

Не говоря ни слова и практически не замедляя шаг, Мэтт снова вскинул ее на плечо и побежал, неся ее вперед. Бежал долго. Сильный как бык, подумала Леони. Но собаки все равно настигали их. Наконец, крякнув от натуги, Мэтт поставил ее на ноги, шагнул в сторону и вскинул «АК-47», направив его на тропу.

Все остановились, обернувшись и судорожно хватая ртами воздух. Но Леонсио, поняв, что происходит, спешно подошел к Мэтту и положил руку на автомат.

— Это всего лишь собаки, — прошептал он. — Давай не будем открывать их хозяевам наше местоположение раньше, чем надо.

Он достал из-за пояса мачете, и тут же на него коричневой молнией кинулся пес, помесь питбуля и мастифа, рычащий и брызгающий слюной. Вцепившись ему в руку, он опрокинул дона Леонсио на землю.

Мэтт мгновенно прыгнул следом и вонзил охотничий нож собаке под хвост и провернул лезвие. Тварь взвизгнула и отпустила дона Леонсио, который, в свою очередь, быстро рубанул мачете по ее шее. Но тут из джунглей появился второй пес. Еще не поднявшись, Мэтт загородился плечом от броска, нацеленного ему в горло, и вонзил собаке нож между ребер по самую рукоять. Пес упал замертво.

Рука дона Леонсио была прокушена и кровоточила. Мэри стояла бледная как полотно. Дон Эммануэль тоже едва не падал, и дон Эстебан держал его под руки.

Леони поняла, что первых двух собак спустили наобум, в надежде, что те причинят хоть какой-то вред беглецам. Что они и сделали. Вдалеке хрипели, надрываясь от лая, две другие, а их уже держали на поводках. Сквозь лай послышались и крики людей.

В случае с Джеком вариант капитуляции не рассматривался. Прежде, чем они все умрут, Леони решила извиниться перед Мэри.

— Прости, что впутали тебя во все это, — сказала она.

— В этом нет твоей вины, — ответила женщина, немало удивив Леони ответом. — Мы все взрослые люди.

— Прости, что я так резко среагировала, когда ты сказала про Джона. — Она подошла ближе и обняла Леони. — Все это — изумительный жизненный опыт, и я не променяю его ни на что другое в мире.

Но все оставались на месте.

— Пойдем, — сказал Леонсио. — Вон туда!

Он сошел с еле заметной тропы и повел сквозь самую гущу джунглей, прорубая дорогу через лианы и колючие кусты.

— До реки метров сто пятьдесят, — объяснил он.

— Реки? — переспросила Леони. Она не понимала, какая сейчас польза от реки.

— Приток Укаяли. Если переправимся, будем в безопасности.

— А как переправляться?

— Плыть.

Позади продолжали лаять собаки.

Сто пятьдесят метров — непростой путь в девственных джунглях. Когда они достигли крутого берега реки, заросшего кустами и папоротником, раздались громкие крики преследователей. Они нашли трупы собак, поняла Леони. Секундная задержка — и преследователи снова побегут следом за ними, в сторону реки. Присев и оглянувшись, Мэтт, казалось, чего-то ждал. Потом выпустил из «АК-47» длинную очередь, отцепил пустой магазин, прицепил новый и снова стал стрелять.

— В воду! — крикнул Леонсио. Его голос был едва слышен сквозь грохот автомата. — Скидывайте рюкзаки и держитесь друг за друга.

Леони поглядела на бурлящие мутные воды реки шириной с футбольное поле. Чудовища, подумала она. Река полна чудовищ. Я не могу туда прыгнуть. Увидела, как в воду прыгнули Эстебан и Эммануэль, услышала, как свистят вокруг пули. Раздался свист и щелчок. Голову обожгло, и по волосам потекла струйка крови. Она приложила руку к голове, боясь, что ей вышибли мозги, как Баннерману, но нащупала лишь неглубокую кровоточащую борозду, наискось идущую по макушке. Вскрикнув, сбросила рюкзак, схватила Мэри за руку, и они спрыгнули в реку, с громким плеском войдя в темную воду.

Течение тут же вынесло их на середину, туда, где Эстебан помогал держаться на плаву дону Эммануэлю. Мэтт выпустил из «АК-47» последнюю длинную очередь, бросил на землю автомат и рюкзак и присоединился к остальным.

Спустя секунду на берег выбежал огромный коричневый мастиф с челюстями, напоминающими капкан. Спрыгнув с берега, пес быстро, словно выдра, поплыл за Мэттом, нагоняя его. Леони и Мэри, держа друг друга за руки, продолжали плыть, ошеломленные этим зрелищем, но за мгновение до того, как мастиф настиг Мэтта, тот крутанулся в воде, выхватывая пистолет. БАХ! БАХ! Он всадил псу две пули в голову.

Собака погрузилась под воду, и вдруг раздался приглушенный вскрик. Руку Мэри будто выдернуло из руки Леони, и вода около нее забурлила. Обернувшись, Леони с ужасом увидела, что женщина оказалась в пасти огромного черного каймана. Тварь начала трясти ее из стороны в сторону, как терьер, поймавший крысу.

Глава 84

Из тысячи Мерел, пришедших к ним во главе с Себитту, большинство были слишком стары или слишком молоды, чтобы воевать, другие получили тяжелые раны в предыдущих схватках с Иллимани. Но Рия насчитала сто восемьдесят семь воинов, способных сражаться.

Для них это существенная подмога. Все они имели обычное вооружение — копья, дубины, булавы, топоры, томагавки и ножи, — но главным их достоинством было то, что у ста девяти воинов были мощные охотничьи луки и колчаны, полные стрел.

Этого мало, чтобы победить Марту и Саккана, совсем мало, но Рия надеялась, что наличие такого количества лучников заставит Иллимани дважды подумать, прежде чем напасть. Во главе лучников она поставила Лигара, остальными семьюдесятью восемью должен был командовать Бонт. Кроме того, Лигар немного знал язык Мерел, а в обеих группах были те, кто немного знал язык Клана, достаточно, чтобы выполнять краткие приказы нового начальника. Такое устройство отряда обещало быть эффективным.

Затем настал черед женщин. Многие были ранены, стары или немощны, но с помощью Тари Рия выбрала две сотни наиболее здоровых и отвела в сторону. Женщины Мерел так или иначе умели обращаться с оружием. Их задача, объяснила Рия, — служить последней линией обороны, защищая детей и стариков. Во главе их она поставила Тари.

С половиной своих воинов и десятком лучников Бонт должен был возглавить колонну, вместе с Себитту, Дриффом и Рией. Грондин, Оплимар и Джергат вызвались идти в конце. Рия отправила туда вторую половину воинов Бонта и еще десяток лучников. Остальные лучники под командованием Лигара должны были защищать колонну с флангов. В зависимости от местности они могли растягиваться или идти плотнее, но общее построение должно было сохраняться. Самых быстроногих послали вперед, на разведку, чтобы избежать столкновений с врагом и неожиданных ловушек.

Кроме того, Рия решила, что спасенные дети должны идти вместе и дальше, в том же порядке, как и раньше. Бирсинг, Энту, Паланан и Дарза остались за главных, и она объяснила, что у каждого должно быть хоть какое-то оружие, будь это острый осколок камня или палка, годящаяся в качестве дубины. Эти дети должны были составить костяк небоеспособных членов отряда. Рия объяснила им, чего ждет от них: они должны будут драться, в отличие от остальных, от которых не было толку.

— Деритесь насмерть. Вы видели, что творят Иллимани, когда одерживают победу.

— Это правда, что их вождь пьет кровь плененных детей? — спросила Бирсинг.

Слух об этом уже разошелся.

— Да, это правда, — призналась Рия.

Бирсинг вздрогнула.

— Но ты ведь его остановишь, да? Ведь так гласит пророчество.

— Конечно, мы остановим его, — улыбнувшись, ответила Рия.

Бирсинг ей поверила, но девушка почувствовала на плечах новый груз ответственности. Ее переполняли сомнения. Все в ее жизни менялось так быстро, что она с трудом могла припомнить, каким человеком она была всего несколько дней назад. Теперь Рия стала героем для каждого мальчика и девочки, пусть даже они были моложе ее всего на пару лет. На ее ум и силу возлагало надежды целое племя.

Им надо идти всю ночь, не останавливаясь. Так будет меньше риск столкнуться с большим отрядом Иллимани. А потом целый день. Если духи помогут ей, она будет в Тайном Месте уже завтра вечером.

Обратный путь через лес начался, когда последние лучи летнего солнца покинули небо. Стемнело, до восхода луны еще было далеко, и темнота сгустилась вокруг них, словно кровь. Но этот лес был родным для Мерел, и разведчики уверенно вели их вперед. Колонна двигалась, хотя и очень медленно.

Рия шла в первом ряду, рядом с Себитту, Бонтом и Дриффом. Грондин, Оплимар и Джергат были неподалеку. Себитту подробно рассказывал о том, как они поклоняются Владычице Леса, и о пророчестве, данном им давным-давно и исполненном теперь Рией. Это

сказание передавалось из уст в уста, из поколения в поколение, каждый Мерел знал его с детства. Выяснилось, что в нем есть и другие стихи, лишь подтверждающие слова Себитту. В одном говорилось, что посланницей будет незамужняя девушка шестнадцати лет. В точности как Рия. В другом — она окажется «сиротой, родом из Клана». В третьем — что бок о бок с людьми в армии посланницы света будут сражаться Уродцы. Так что присутствие Грондина, Оплимара и Джергата послужило для Мерел еще одним подтверждением исполнения древнего пророчества.

Все оказалось так странно, подумала Рия. Видимо, именно так и действует эта синяя женщина, окольными путями, управляя людьми, чтобы те за нее воевали с Сульпой, создает все новые и новые поводы и находит новых союзников. Рия пока не рассказывала Мерел о своих встречах с Владычицей Лесов, посчитав, что это могло быть воспринято как похвальба, тем более после того, как они и так объявили ее той, о ком сказано в пророчестве. Просто поднять руку и сказать: «Да, я встречалась с вашей богиней. Она одарила меня способностью понимать речь всех племен».

Хотя, похоже, они и так уже приняли это как факт.

Их медленное продвижение по лесу подходило к концу. Взошла луна, и тут начались новые, неожиданные события. Группы беженцев, преимущественно женщин и детей, хотя иногда с ними были и воины, начали одна за другой появляться из чащи. Они шли следом за колонной, прося защиты, а иногда и просто пищи. Из самых разных племен, никого не было лишь из Клана. Люди рассказывали схожие истории: нападение Иллимани, кровавая бойня, вызывающая жестокость чужаков, отчаянное бегство…

Рия никого не отсылала прочь, даже охотника-Навин с бегающими глазами, одетого в потрепанную шкуру, насчет которого у нее сразу возникли нехорошие подозрения. Колонна разрасталась, и Рия почувствовала, что Грондин начал беспокоиться.

— Духи даровали Уродцам тайное место, чтобы скрыться от вашего народа, — мысленно передал он, когда к ним присоединилась очередная большая группа людей. — А теперь мы ведем туда больше тысячи…

Все это они уже обсуждали с Бриндлом перед походом. Обо всем договорились. Несмотря на большой риск для Уродцев, нужно принимать всех, кто бежит от Иллимани, людей любого племени. С тех пор ничего не изменилось, но Рия понимала, насколько пугает Грондина воочию видеть такое количество беженцев и по доброй воле пускать их в столь тайное место.

— Кто сказал, что они не убьют нас просто потому, что их больше? — спросил Грондин.

— Это говорю *я*, — ответила Рия. — И повторю сотни раз. Пока Сульпа не разгромлен, я правлю этими людьми, и все они будут уважать Уродцев.

Сквозь редкие облака начало проглядывать серое предрассветное небо. Над землей повис туман, по грудь взрослому человеку. Колонна в молчании прошла мимо наполненного тошнотворным запахом смерти стойбища Мерел у горной реки.

Вскоре они вышли из леса, на широкие пустоши, и только теперь стало ясно, сколько беженцев присоединилось к ним за ночь. Еще почти четыре сотни, среди которых Рия насчитала около шестидесяти воинов. Она распределила их, часть послав в голову колонны, под начало Бонта, а другую — назад. После дней, проведенных в скитаниях, каждый желал присоединиться к сильному войску, способному дать отпор общему врагу. Никто не оспаривал главенства Рии.

Но поздним утром им навстречу вышло больше сотни воинов Навин, которые как-то ухитрились не попасться на глаза разведчикам. Они появились на вершине холма и

двинулись наперерез. Хотя луки и висели у них на плечах, они держали копья выставленными вперед и двигались бегом.

Лигар приказал лучникам не натягивать тетиву, но быть наготове, пока Навин не выстрелят первыми.

— Мы хотим, чтобы эти люди стали нашими союзниками, — сказала Рия. — Давайте вести себя дружелюбно.

Глава воинов Навин был без лука, однако нес в левой руке три копья. Он был рослым и мускулистым, настоящий гигант, как Бонт или Грондин. Высокие скулы, массивная челюсть, крючковатый нос и яростные раскосые глаза придавали ему грозный вид. На первый взгляд Рия дала бы ему лет сорок, но он все еще был быстр и проворен. Самым заметным в его внешности был гладко выбритый череп и хвост черных длинных волос на макушке, доходящий до его лопаток.

Он построил своих людей в ряды по двадцать человек прямо на пути колонны, и все были вынуждены остановиться.

— Приветствую вас в землях Навин, — сказал он Себитту, в совершенстве владея языком Мерел. — Меня зовут Балаан.

Он оглядел колонну, увидел расходящихся в разные стороны обтрепанных беженцев и кивнул.

— Наши долины тоже захватил враг, — продолжил он. — Но некоторые из нас готовы отомстить ему. — Кивнул на своих воинов и продолжил речь: — Если я присоединюсь к вам, мы станем сильнее. Но взамен я требую совместного командования.

— Это не ко мне, — тут же ответил Себитту, поглядев искоса на Рию.

— Я слышал, что у вас тут командует какая-то девка, — презрительно заявил Балаан.

Рия разглядела прячущегося позади воинов охотника с бегающими глазами, того самого, которого подметила еще ночью. Еще один из Навин, хорошо говорящий на языке Мерел. Хотя, на самом деле, их языки мало чем отличались; видимо, они произошли от одного корня. Очевидно, этот подозрительный охотник, проведя немного времени в колонне, оценил воинскую силу, набрался разных слухов, а потом сбежал и обо всем доложил вождю племени Навин.

— Что за долбаная трата сил, — фыркнула Рия, показывая на шпиона. Повернулась к Балаану: — Ты мог бы в любой момент подойти к нам сам и спросить обо всем, что тебя интересует, — крикнула она. — Ты можешь сделать это и сейчас. У нас общий враг.

Глава Навин долго молча разглядывал ее, за это время можно было сосчитать до тридцати. Жесткими, как кремни, глазами оглядел ее тело.

— Я не имею никаких дел с девками, — заявил он. — Итак, совместное командование, да или нет? — продолжил он, обращаясь к Себитту. — Ты и я. Но девка отправится прочь, вместе с женщинами и детьми, иначе нам не договориться.

Рия сделала шаг вперед.

— Здесь командую я, — сказала она Балаану. — Я, и никто другой. Еще раз назовешь меня девкой — будем драться.

Глава 85

БАХ! БАХ! БАХ! Мэтт трижды выстрелил в упор в покрытое прочной чешуей тело каймана, но это, похоже, не причинило твари никакого вреда. Тяжелый хвост бил о темную воду реки, взбивая мутную кровавую пену. Один из ударов, и хвост вскользь задел Леони по левому боку. Девушка с головой ушла под воду. Вынырнула, кашляя и отплевываясь от мутной речной воды. Челюсти твари сжимали Мэри посередине, загнутые зубы вонзились в ее тело, словно крючья мясника. Текла кровь, но она еще была жива, с перекошенным от страшной боли лицом, все еще пыталась вырваться. БАХ! БАХ! БАХ! Мэтт стрелял снова и

снова. Кайман молотил воду хвостом, будто стальным кнутом, резко дергая мордой из стороны в сторону. Тело несчастной Мэри болталось в его зубах, больше всего похожее на куклу. Внезапно тварь резко крутанулась, сделав два полных оборота, подняв тучу брызг, и тело Мэри практически разорвало пополам. Хлынула кровь, в воду вывалились внутренности. Леони в последний момент поймала взгляд Мэри, застывший от боли и ужаса. Тварь утащила тело под воду, оставив на поверхности лишь кровавые разводы.

Теперь Леони оставалось думать только о спасении собственной жизни.

Вокруг столько крови, что надо поскорее выбираться из этой долбаной реки, пока из глубины не вынырнул другой кайман или ее не обглодала до костей стая пираний. У Леони пошел мороз по коже, ее захлестнула истерика, и она начала лихорадочно молотить по воде руками и ногами, пытаясь доплыть до ближайшего берега.

— Леони, нет! — заорал ей вслед Мэтт. — Не туда!

Он поймал ее за лодыжку и дернул с такой силой, что ее голова ушла под воду. Она тут же вынырнула, визжа и отплевываясь. Мэтт схватил ее за плечи и повернул в нужную сторону. В этот момент раздался грохот выстрелов автоматических винтовок, и вокруг них засвистели пули, с плеском вонзаясь в воду.

Леони оглянулась. В том самом месте, где они прыгнули в воду, метрах в ста от них, на берег выбежали преследователи. Хорошо хоть течение отнесло Леони и Мэтта на достаточное расстояние. Врагов было не меньше десятка, некоторые — белокожие и светловолосые, это можно было разглядеть даже с такого расстояния. Но никто из них не намеревался прыгать в воду, да и преследовать беглецов вдоль густо заросшего берега тоже охотников не наблюдалось. И они просто продолжали стрелять.

— Ныряй! — заорал Мэтт. — НЫРЯЙ! — Он жестко схватил ее за руку. — Задержи дыхание и ныряй!

Пуля задела ухо Леони, и Мэтт потащил ее вниз. Она нырнула. Хрен с ними, с пираньями. Поплыла вперед вслепую, уже ни о чем не думая.

Они вынырнули за спасительным воздухом — и опять ушли на глубину.

Вынырнув в следующий раз, Леони увидела впереди только дона Леонсио, но Эстебана и Эммануэля нигде не было.

— ЕЩЕ! — заорал Мэтт.

Задержав дыхание, Леони снова нырнула. Когда они вновь показались над поверхностью воды, стрельба уже прекратилась. Люди на берегу стали крохотными точками, течение уносило Леони и Мэтта все дальше от них, а река делала изгиб, и вскоре они оказались вне поля видимости врагов.

Они выползли из воды на узенький песчаный пляж в полусотне метров от излучины, на противоположном от преследователей берегу. Леонсио выбрался на берег несколько раньше их.

Леони поискала глазами Эстебана и Эммануэля.

— Они не выбрались, — сказал Мэтт. — В них попали первой же очередью. По крайней мере, умерли быстро, не так, как бедная Мэри.

— Я начинаю чувствовать себя долбаным Ангелом Смерти, — задыхаясь от слез, произнесла Леони. — Все, кого я знаю, все, хоть как-то сумевшие мне помочь, умирают. — Сквозь слезы она поглядела на Мэтта и Леонсио. — Вы уверены, что хотите и дальше быть вместе со мной?

— Принять участие в великом сражении вселенских сил, а может, и ускорить победу Света — чего еще может желать истинный шаман? — торжественно и мрачно ответил

Леонсио. — Кроме того, в борьбе с тьмой все мы потеряли лучших друзей, и сдаться сейчас — значит, оскорбить их память.

— Я еще никогда в жизни не был настолько уверен в правильности своего выбора, — тихо проговорил Мэтт. — И потом, я же обещал защищать тебя.

Мужчины, как ни странно, не пострадали, а вот Леони лишилась кусочка правого уха размером с десятицентовую монету; на макушке — след от пули, а ее бок от плеча до бедра украшала цепочка синяков, полученных от удара хвоста каймана. Но девушка понимала, что должна благодарить всех известных ей богов и ангелов, позволивших ей остаться в живых.

Мэтт на мгновение обнял ее за плечи, ничего не говоря, но его прикосновение придало ей сил.

И они пошли дальше.

Леони начала думать о Рии. Она оставила ее в беде, посреди незнакомой местности, полной отрядов Иллимани. Что с ней случилось с тех пор? В этом мире миновали ночь и день. Сколько времени прошло в мире Рии, что у них случилось? Жива ли она еще? Или воины Сульпы поймали ее и убили?

Не обращая внимания на пульсирующую боль в боку, Леони зашагала вперед. Единственный способ найти ответы на все эти вопросы, единственная возможность хоть как-нибудь помочь Рии — добраться до деревни, о которой говорил Леонсио, и снова выпить айяхуаски.

У них не осталось рюкзаков, а следовательно, и никаких припасов. По сути, практически ничего, кроме двух пистолетов за поясом у Мэтта, в одном из которых была полная обойма, двух ножей, мачете и кожаного мешка с бутылочками настоек и другими непонятными вещами, который Леонсио как-то ухитрился сохранить во время безумного бегства.

Были и хорошие новости. По словам шамана, они находились на нужном им берегу, именно здесь и была расположена та самая деревня, и двигаться дальше будет намного легче, поскольку деревья здесь выше и растут на большем расстоянии друг от друга.

— Ты вообще знаешь, где мы? — спросила Леони, оглядываясь. Насколько видел глаз, вокруг беспорядочно росли пальмы и высоченные широколиственные деревья. Тот же самый мягкий изумрудный свет, проникающий сквозь кроны, спасительная тень, в отличие от обжигающего солнца у реки. И все та же ненормальная влажность. Леони была готова к тому, что спустя пару минут снова начнет обливаться потом.

Леонсио успокоил ее, рассказав, что часто бывал в этих лесах, охотясь и собирая лекарственные растения, так что потерянные рюкзаки, конечно, жаль, но это вовсе не трагедия. Здесь достаточно чистых ручьев, а еду он найдет, собирая по дороге съедобные плоды и коренья.

— Я три года прожил здесь, сам по себе. Думаю, мы вполне продержимся и доберемся до деревни, — закончил шаман.

— Сколько это займет? — спросила Леони.

— Еще часов тридцать, — ответил дон Леонсио.

— *Тридцать часов?* — ошеломленно переспросила она.

— Да. Может, чуть больше, может, чуть меньше.

Перед закатом начался дождь. Вода крупными каплями падала с крон деревьев. Леонсио помог Мэтту и Леони соорудить небольшие укрытия из пальмовых листьев, положенных поверх веток, которые они прислонили к стволу огромного дерева, но результат Леони не понравился. Шалаши были слишком малы. И если Леонсио и Мэтт ухитрялись каким-то

непостижимым образом лежать неподвижно, у нее так болели все суставы и связки, что она и пары секунд не могла находиться в одном положении. Пару часов она ворочалась, но затем ночная прохлада, пробравшая ее до костей, принесла неожиданное облегчение. Ладно, заснуть ей не удается, но уж, по крайней мере, к ней не подберется Джек.

Задолго до рассвета они позавтракали, съев странных фруктов с острым вкусом, утолили жажду, попив из ручья, и пошли дальше.

Леони старалась просто переставлять ноги, раз за разом, и продвигалась вперед, как заведенная кукла.

Наконец ближе к вечеру они вышли на широкую тропу, Леонсио в полуметре впереди, за ним — Мэтт и повисшая на нем Леони. Сквозь кроны деревьев на них причудливыми пятнами падал солнечный свет. Стайка пестрых попугаев, зеленых с желтыми головами, вспорхнула с огромного орехового дерева. Они отвлекли внимание Леони буквально на секунду, а когда она снова поглядела на тропу, то увидела группу обнаженных людей, темнокожих, коренастых, с плоскими настороженными лицами; они с подозрением разглядывали их, наставив на пришедших духовые трубки.

Глава 86

— Еще раз назовешь меня девкой, и будем драться.

Выкрикнув эти слова на языке Мерел, Рия повторила их на Навин, чтобы все воины Балаана тоже их поняли.

Она решила публично вызвать его на бой, чтобы оскорбить, но вождь только рассмеялся в ответ.

— Ты? Драться со мной? Скорее комар будет драться с мамонтом. Не приставай, малявка. — Он снова громко обратился к Себитту, так, чтобы услышали все: — Повторяю свое предложение. Избавиться от ДЕВКИ и объединить наши силы.

Рия увидела, что поддерживающие ее Мерел выжидательно глядят на нее, ожидая, что их «вестник Света» подтвердит свой авторитет. Поражение лишит ее всего, но победа укрепит ее авторитет среди всех, кто здесь есть — и Мерел, и остальных. Ради этого стоило рискнуть жизнью.

— Я вызываю тебя на бой, Балаан! — заорала Рия. — Если у тебя хватит на это смелости. — Достала из мешочка один метательный камень, показала его противнику и всем остальным. — Мои камни против твоих копий.

Балаан расхохотался до слез.

— Камни! Ха! Ха! Ха! И что ты собираешься сделать этими мелкими штучками?

— Они покрупнее, чем у тебя яйца, — ответила Рия, отводя назад руку с камнем, и повторила свои слова на языке Навин.

Один из воинов Балаана засмеялся было, но тут же умолк, когда вождь гневно поглядел на него. Затем хохот раздался позади Рии, среди ее сторонников. Балаан побагровел и скрипнул зубами.

— Хорошо, сука! — рявкнул он. — ХВАТИТ!

Он ринулся на нее, выставив копье, но вперед выбежал Бонт, сбил острие копья в сторону, плашмя ударив топором, и встал лицом к лицу с Балааном, провоцируя того на следующий удар.

— Уйди с дороги, Бонт, — рявкнула Рия на языке Клана. Потом обратилась к нему мысленно: — Болван, я должна сама биться с этим человеком. Неужели не понимаешь?

Бонт крутанул топором, держа Балаана на безопасном расстоянии.

— Он убьет тебя, вот и все, — мысленно ответил он Рии.

— Убирайся с дороги! — заорала она вслух. На этот раз Бонт послушался, покачав головой и сделав шаг в сторону.

— Мои камни против твоих копий, — повторила вызов Рия. — Если у тебя хватит мужества на это, ты, кусок дерьма.

Мясистое лицо вождя Навин побагровело от злобы и еле сдерживаемого гнева. Презрительно рыкнув, он смачно плюнул в Рию, но промахнулся. Потом отошел назад и переложил одно из копий из левой руки в правую.

— Отойдите, — мысленно сказала Рия Бонту и Дриффу. Остальные уже отбежали назад. Запустив левую руку в мешочек, она достала второй камень.

Балаан все еще шел. Пройдя полсотни шагов, он резко развернулся и с яростным ревом кинул первое копье. Это был хороший бросок, быстрый и мощный, но Рия доверяла своему глазомеру. В последний момент она качнулась в сторону, и копье пролетело мимо, вонзившись в землю позади нее.

Среди Мерел раздался восхищенный вздох.

— Ты плюешься лучше, чем мечешь копья, — крикнула Рия Балаану, который уже потрясал вторым копьем.

Он дважды сделал обманное движение — этот вождь был талантливым воином и отлично умел сражаться, — но когда он все-таки бросил копье, Рии снова удалось увернуться.

— Ты бросаешь копья как девка! — крикнула она.

Это оскорбление окончательно взбесило Балаана, на что и рассчитывала девушка. Он бегом бросился на нее, сжимая в руке последнее копье. Рия тут же бросила первый камень, с правой руки. БАМ! Камень отскочил от его головы, попав в ухо. Спустя удар сердца Рия метнула второй камень, с левой, целясь в ту же точку. ЧВАК! Еще одно хорошее попадание.

Остановившись шагах в тридцати от нее, Балаан коснулся головы. Из раны шла кровь. В толпе ахнули, видя, что он спотыкается и едва не падает.

Но Балаан был крепким мужчиной и не собирался сдаваться, продолжая надвигаться на Рию.

Девушка достала из мешочка следующий камень и бросила его с правой руки, изо всех сил. ШМЯК! Камень попал противнику промеж глаз. Балаан лишь оступился. Он все так же надвигался на нее, просто шел, выставив вперед копье, не обращая внимания на кровь и боль.

Что с ним такое? У него что, голова сплошь из кости? Рия достала последние два камня. Балаан встряхнулся, разбрызгивая кровь в разные стороны, и побежал. Рия как можно быстрее метнула оставшиеся камни. ХРЯСЬ! Один из них попал в висок; этого было бы достаточно, чтобы убить обычного человека. ХРЯСЬ! Последний раздробил вождю нос. Балаан был уже в шаге от девушки. Глаза его заливало кровью; было видно, что еще минута, и он упадет, но он нашел в себе силы для последней атаки, делая выпад копьем. Рия отскочила в сторону и, выхватив кремневый нож, вонзила его противнику между ребер и резко выдернула. Балаан по инерции полетел вперед.

Когда он с грохотом упал на землю, Рия даже не оглянулась. Она знала, что попала ему в сердце.

Солнце еще не достигло зенита, когда колонна продолжила свой путь, увеличившись еще больше за счет воинов Балаана. Они согласились с тем, что их бывший вождь погиб в честном бою, и поклялись служить Рии, признавая, что теперь она стала вождем их племени. Судя по легкому замешательству на их лицах, они начали верить в слова Мерел о ее

избранности, о том, что она — вестник Света, избранный духами, чтобы возглавить племена во времена тьмы.

Рия не считала нужным их разубеждать. Теперь под ее началом было почти четыре сотни воинов. Это уже похоже на реальное войско, теперь они могут сражаться с Сульпой.

Но, помимо них, Рия должна была заботиться о тысяче женщин, детей, стариков и тех, кто не мог биться. И всех их надо было отвести в безопасное место. Рия глянула на солнце. Хотя такой большой отряд и не мог двигаться быстро, но после схватки с Балааном всех охватило воодушевление, и они уже долгое время шли без задержек. Просто шли, соблюдая достаточно хороший темп, и на пути им больше так никто и не встретился. Свежий восточный ветер ослабил жару, и ближе к вечеру Рия уже начала надеяться, что им удастся достичь Тайного Места до рассвета следующего дня.

Когда они вошли в заросшую зелеными цветами лощину, из крохотной пещеры на склоне выскочили три молодые женщины-Навин. Они плакали и рвали на себе волосы. Несчастные были избиты, из ран сочилась кровь, глаза были безумны, волосы свалялись колтунами, а одежда была изодрана в клочья.

Рия приказала людям остановиться и послала к женщинам нескольких воинов Навин, чтобы те смогли успокоить их и выяснить, что случилось.

Когда женщины немного пришли в себя, Рия смогла поговорить с ними.

И услышала ужасные вести.

Женщин звали Муараг, Аранчи и Норо, они были из большой группы Навин, числом больше тысячи человек, чье стойбище находилось в половине дневного перехода на юго-востоке. Будучи столь многочисленными, они считали, что без труда отобьют нападение любого врага, но сегодня рано утром, когда почти все спали, Иллимани напали на них, вынырнув из тумана. И началась настоящая бойня. Из путаного рассказа женщин стало ясно, что это войско Марту и Саккана.

Большую часть Навин оставили в живых, а затем всех пожилых мужчин и женщин окружили и отвели в загон, сооруженный Иллимани из вырванных с корнем кустов терновника. Во второй загон согнали женщин и девочек старше двенадцати лет, в том числе и Муараг, Аранчи и Норо, грубо отобрав у них плачущих детей. В третий загон попали женщины с грудными детьми и дети всего стойбища.

Некоторое время люди так и не поняли, зачем надо было делать три загона, и даже обрадовались, что грудничков не оторвали от матерей. Значит, захватчики не настолько жестоки, как кажутся, если оставили в живых невинных младенцев. Не понимали, зачем их самих разлучили с их детьми, но пока ничего страшного не происходило, и многие успокоились.

А тем временем Иллимани заставили плененных мужчин рубить деревья и делать из них колья. Площадь собраний племени окружили кольями в человеческий рост, посреди них острием вниз воткнули другие, в два человеческих роста, более толстые, обложив их внушительными связками дров, заготовленных Навин на зиму.

Когда работа была закончена, пленных связали и начали сажать на острые колья, те, что покороче. Все это происходило на глазах всего отряда Иллимани в пять сотен воинов. Они смеялись и ревели от восторга, слушая ужасающие крики умирающих. Иллимани уже нашли подземное хранилище, где Навин хранили в бурдюках сторл, опьяняющий перебродивший сок яблок, и множество воинов-победителей были пьяны.

— Именно тогда, — прошептала темноволосая темноглазая Аранчи, — они поняли, зачем женщин согнали в отдельный загон. Там была пара сотен женщин, и они завизжали от ужаса, когда десяток залитых кровью Иллимани неожиданно ворвались внутрь, открыв

ворота, схватили за волосы двух первых попавшихся и выволокли наружу. Женщин избивали руками и ногами, насиловали, а потом порубили на куски топорами.

У ворот появилась следующая группа воинов, от которых разило сторлом, и наружу выволокли еще двух женщин. Началась паника.

Судьба мужчин и пожилых женщин в первом загоне оказалась еще ужасней. По приказу огромного воина, голову которого украшал череп медведя, их разделили на группы, от трех до полусотни человек, и подвергли всем тем пыткам, о которых Рия уже хорошо знала. Их сжигали, привязав к шесту, сажали на колья, заживо сдирали кожу, прибивали к деревьям. Все это делалось очень медленно, так, чтобы те, кто еще не дождался казни, были вынуждены смотреть на происходящее. Некоторых начало от страха тошнить. Стало понятно, что Иллимани получают истинное наслаждение, не только причиняя страдания, но и приводя в ужас тех, кто еще ожидает своей участи.

Но детей, кормящих матерей и младенцев пока не трогали.

Следующая ватага пьяных воинов ворвалась в загон, где находились женщины. Началась паника, и часть ограды из терновника опрокинули. Муараг, Аранчи и Норо оказались теми немногими, которым удалось сбежать. Через некоторое время они смогли добраться до этой лощины.

Аранчи сказала Рии, что они чувствуют на себе вину, сбежав оттуда.

— Но что еще нам оставалось делать? — всхлипывая, сказала одна из них. — Что еще?

— Мы должны были остаться там, — не переставая плакать, жалобно проговорила Муараг. Ее простоватое полное лицо хранило серьезное выражение. — Нечестно, что мы покинули своих родных и близких.

— Нет, — уверенно сказала Рия, крепко сжав ладонь Муараг. — Вы бы ничего не достигли, оставшись там и погибнув. По крайней мере, теперь вы живы, а я совершенно уверена, что ваши дети тоже живы.

— Живы? — с надеждой переспросила Муараг.

— Живы? — повторила за подругой Норо, откинув с лица кудрявые каштановые волосы. Она не сводила тревожного взгляда с Рии.

— Да, живы, — повторила Рия, переходя на шепот. — И я собираюсь вернуть их вам.

Глава 87

— Благодарение духам, мы добрались, — сказал Леонсио.

Тем временем коренастый низкорослый плосколицый индеец с черными прямыми волосами до плеч опустил духовую трубку и произнес несколько слов, прищелкивая языком. Как показалось Леони, это был не язык шипибо, хотя она и не была в этом уверена. Суровое лицо мужчины, покрытое сложным узором из черных и красных линий, расплылось в радостной улыбке. Он не смог скрыть ни своего удивления, ни радости от встречи с дорогим гостем. Он кинулся вперед и обнял Леонсио. Они продолжили говорить все на том же странном щелкающем языке. Другие индейцы тоже опустили духовые трубки и подошли ближе. Они были изукрашены тонкими черными и красными узорами, и Леони почувствовала горький и дымный запах, исходящий от их тел. И Леони с облегчением заметила, что из глаз пропала настороженность и враждебность.

— Все хорошо, — заявил Леонсио. — Мы у Тарахануа, а деревня уже поблизости.

Вчера вечером, когда они устроились в наспех сооруженном шалаше, Леонсио немного рассказал им о Тарахануа, небольшом племени, к чьему селению они должны были добраться. Хотя эти индейцы и не избежали столкновения с цивилизацией, они упорно отстаивали свою независимость и приверженность традициям, уходя в джунгли все глубже,

по мере того как посланные перуанскими властями христианские миссионеры все больше досаждали им. Они выращивали бобы, кукурузу, маниоку и бананы, ловили рыбу в неглубоких реках, охотились на тапиров, пекари, оленей, капибар, броненосцев, обезьян и птиц, чтобы обеспечить себя мясом. Они старательно избегали всех чужаков и пользовались услугами посредников, меняя шкуры ягуаров и оцелотов на зеркала, горшки, керосин, ткани, мыло и, иногда, — дробовики. В остальном они старались свести к минимуму контакты с внешним миром.

— Если не считать внешним миром меня самого, — объяснил Леонсио. — Я многие годы поддерживал с ними дружеские отношения. У них есть два шамана, они очень могущественны и многому меня научили.

Леонсио объяснил, что Тарахануа варят особенно хорошую айяхуаску, добавляя в нее дурман, способствующий не только путешествиям в другие миры, но иногда доводящий длительность пребывания в иных мирах до двенадцати часов. Самые глубокие переживания, испытанные им, случились именно во время ритуалов с Тарахануа, и он был уверен, что с помощью их шаманов Леони сможет завершить дело, к которому она призвана.

— Ты же понимаешь, что ты призвана, так ведь? — спросил Леонсио.

— Призвана для чего?

Дождь все капал на пальмовые листья, дробный стук капель успокаивал беглецов, позволяя им немного отдохнуть. Дон Леонсио замолчал, задумавшись.

— Айяхуаска дарована Владычицей Леса всему человечеству, — наконец произнес он. — Это врата в иные времена и миры. Но лишь один из миллиона, если не из десяти, может правильно воспользоваться этим чудесным даром. Одни так пугаются и путаются, потрясенные отрывом от материального мира, что не обретают никакого полезного опыта. Другие настолько привязаны к материальному, что вообще не могут оторваться от него. Многие совершают «переход», как ты это называла, получая доступ к иным мирам, но ведут себя пассивно, так, будто все вершится помимо их воли, никак не влияя на события. И лишь немногие, среди которых и ты, могут прочно обосноваться по ту сторону, сохранить рассудок и способность действовать, разрешать возникающие ситуации, преодолевать подстерегающие их там опасности и даже обрести власть над духами. Именно такие становятся шаманами. И только единицам удается стать *великими* шаманами…

— Извини, позволь уточнить. Ты сказал, что я одна из таких?

— Требуется долгая подготовка и обучение, но действительно я сказал, что ты *рождена*, чтобы странствовать в иных мирах. Ты обладаешь потрясающими способностями. Если бы у тебя их не было, Владычица Лесов не избрала бы тебя для такого трудного дела.

Еще несколько километров пути, с болью в коленях, вверх и вниз по заросшим лесом холмам — и они дошли до деревни Тарахануа. Еще не дойдя до деревни, Леонсио начал расспрашивать Леони о ее последнем путешествии с айяхуаской, которое он вынужден был прервать из-за нападения на его ферму.

Когда они были еще в джунглях, Леони смогла рассказать ему все, что могла вспомнить, но теперь Леонсио интересовало, что она собирается делать дальше.

— Из того, что ты сообщила, следует, что Рии угрожает нападение этих Иллимани… — проговорил шаман.

— Да, это может случиться в любой момент.

— Но это чудо, просто потрясающе, что ты оказалась способна общаться с ней. Это непросто, сама понимаешь. Я думаю, что ты и представить себе не можешь, насколько сложно не просто общаться с материальным существом из мира духов, но и преодолевать временной барьер.

— Синий Ангел, Владычица Лесов, объяснила это тем, что наши судьбы переплетены.

— В таком случае я бы посоветовал тебе искать и другие возможности, проистекающие из этого странного союза, — сказал Леонсио. — Вряд ли они ограничены только общением…

— Не понимаю.

— Ты можешь, а скорее, даже должна пробудить новые способности и объединить свои умения с Рией. Именно этого и добивается от вас Синий Ангел. Это и является ключом к победе над Сульпой. Только так вы сможете победить Сульпу и Джека.

Деревня Тарахануа называлась Апо, что на их языке означало просто «дом». Она расположилась на расчищенной посреди джунглей поляне и состояла из десятка высоких хижин, похожих на ульи; их крыши были покрыты банановыми листьями. Вокруг были огороды, на которых индейцы выращивали овощи. С воздуха деревню обнаружить было невозможно благодаря кронам могучих деревьев. Рядом протекала небольшая речка, шумные дети с горящими глазами бегали вокруг, а взрослые начали один за другим выходить из хижин, сначала глядя на *гринго*, а потом радостно приветствуя дона Леонсио. Вокруг него собралось столько улыбающихся людей, что стало ясно — его здесь все любят.

Байдо, охотник, возглавлявший группу обнаруживших Леони и ее друзей, отвел их к самой большой хижине. Высотой больше десяти метров, практически столько же в ширину, она имела выпуклую крышу, переходящую в стену, в которой была прорублена невысокая дверь. Наклонившись, они вошли внутрь.

Внутри хижины было темно и дымно, справа и слева горели два небольших костра, но высокая крыша создавала ощущение простора. Несколько женщин, некоторые — с маленькими детьми, занимались приготовлением нехитрой еды. На шестах были подвешены гамаки, а в дальнем конце дома на земле, скрестив ноги, сидел старик. Его лицо было освещено солнечными лучами, проходящими через отдушину в крыше, служащую еще и вытяжкой.

Байдо, не говоря ни слова, подвел Леони к нему. Подойдя ближе, девушка поняла, что старик слеп, его глаза закрыла молочно-белая пленка катаракты. Морщинистое лицо выглядело так, будто этому человеку уже миллион лет. Наклонившись, Леонсио обнял его. Последовал долгий разговор на щелкающем языке. Потом Леонсио подозвал Леони.

— Это Бурайя, вождь Тарахануа, — сказал он. — Я собираюсь представить ему тебя.

Еще несколько фраз на щелкающем языке, и Леонсио сказал девушке, что надо пожать вождю руку. Она удивилась, насколько уверенным и крепким было его рукопожатие. Вождь что-то коротко произнес. Его голос был похож на шуршание осенних листьев.

Затем Бурайе представили Мэтта, а потом Байдо вывел их наружу, где им подали огромную деревянную чашу странного перебродившего бананового напитка, очень вкусного и бодрящего.

— Что он сказал? — спросила Леони, отхлебнув из чаши.

— Хорошая новость, — ответил Леонсио. — Он призовет шаманов племени, и сегодня вечером ты снова выпьешь айяхуаски…

— Но в конце он сказал что-то, относящееся лично ко мне. Что он сказал?

— Я рассказал ему о нашем бегстве. Он ответил, что если демон, с которым ты сражаешься, так озабочен тем, чтобы остановить тебя, значит, ты действительно очень опасна для него.

К полуночи они собрались в той же самой прокопченной *малоке*, где встретились с Бурайей. Высокий худощавый Руапа и низкорослый коренастый Байяконди, опытные шаманы Тарахануа, совершили ритуал очищения, окурив хижину дымом огромных сигар, свернутых из листьев дикого табака, и начали распевать *икаро*.

— Я рассказал им о Джеке, — прошептал Леонсио, — и они предприняли особые меры предосторожности. Теперь он не сможет уследить за нами.

К удивлению Леони, *малока* понемногу начала наполняться людьми, и вскоре здесь оказалось все население деревни — более сотни мужчин, женщин и детей. Все уселись на полу, скрестив ноги. Еще более ее поразило, что все, *все до одного*, в том числе и дети, судя по всему, собирались пить айяхуаску. Леонсио объяснил, что собрание всего племени обеспечивало большую магическую энергию ритуала.

— Все, находящиеся здесь, помогут тебе завершить задуманное, — объяснил Леонсио.

Некоторое время Леонсио и Байякомди перешептывались на щелкающем языке, а потом коренастый Тарахануа зачерпнул деревянным половником хорошую порцию айяхуаски из помятого котла и вылил ее в тыкву-горлянку, которая должна была послужить для Леони чашкой.

Взяв горлянку двумя руками, Леони поглядела на красно-коричневый блестящий отвар. Желудок дернулся, а глаза заслезились, когда она почувствовала его запах. Но когда пришло время выпить его — а все собравшиеся начали пить одновременно, по знаку Руапы, — Леони удалось не оставить ни капли драгоценного напитка. Она понимала, что это единственный шанс встретиться с Рией.

Ужасный вкус остался во рту, густая, как патока, жидкость обволокла гортань, навязла в зубах и обожгла горло, опускаясь в желудок. На мгновение девушка почувствовала, что сейчас ее вырвет, но она знала, как с этим справиться. Отпив глоток воды, чтобы прополоскать рот, Леони не стала выплевывать ее, а тоже проглотила, чтобы не пропало ни капли айяхуаски.

Пользуясь затишьем, пока ветер времени не унес ее, она представила себе лицо Рии.

Глава 88

Слушая рассказ трех женщин, Рия почувствовала, как в ее сердце рождается холодная ярость. Она все больше понимала, что задач, требующих немедленного решения, становится все больше.

До этого момента Рия думала только о том, как довести ее разношерстное «племя» из пятнадцати сотен людей на северо-запад, к Тайному Месту. Если духи будут хранить их, то они не встретят разведчиков Иллимани и их боевых отрядов, и все в целости и сохранности окажутся в безопасности еще до исхода ночи. Даже если они столкнутся с врагом, у нее достаточно воинов, чтобы справиться с одним из отрядов Иллимани.

Но теперь перед ней встал мучительный выбор. Узнав об ужасных последствиях нападения на стойбище Навин, находившееся к юго-востоку от их нынешнего местоположения, почти на таком же расстоянии, как и Тайное Место, она задумалась.

Исходя из рассказанного женщинами, было понятно, что пять сотен воинов под командованием Марту и Саккана этой ночью никуда не двинутся. Они так уверены в своей силе, что позволили себе вдрызг напиться и наслаждаться пытками, убийствами и насилием над беззащитными людьми. Они могут спокойно спать посреди разрушенного ими стойбища, наполненного холодеющими трупами убитых, а завтра отправиться к Сульпе, чтобы доставить ему плененных детей.

Рия не могла позволить безнаказанно убивать невинных людей, и она ведь дала обещание этим несчастным женщинам. Она действительно хотела вернуть им детей, если ей это удастся, и дать им надежду. Но были и другие причины для принятия такого важного решения. Если их не остановить, Марту и Саккан продолжат свои зверства, уничтожая другие племена и захватывая еще больше детей, чтобы принести их в жертву Сульпе. Если сейчас Рия поведет людей прямиком в Тайное Место, она обречет на мучения и смерть тысячи

невинных. Рано или поздно ей придется сразиться с этими близнецами. И лучше сразиться с ними сейчас, поставив свои условия и использовав фактор внезапности.

Кроме того, Рия понимала, что решающая битва еще впереди и нужно сделать все, чтобы они вышли из нее победителями.

Сульпа захватывал земли, где люди жили радостно и свободно, превращая их в выжженные пустыни страха и отчаяния. Никто не мог воспрепятствовать ему в уничтожении людей и пожирании их душ. Чем шире распространялись смерть, страдания и запустение, тем сильнее он становился. Рия прекрасно понимала, что его главной целью были Уродцы, которых Иллимани называли Светом на Западе. Рия знала от Дриффа, что Сульпа черпал силы в каждом убитом, и он будет продолжать уничтожать людей, пока здесь не останется ни одного живого человека.

Пока все шло согласно его кровавому плану. Но пришло время прекратить это кровавое безумие.

Марту был любимым военачальником демона, по словам Дриффа, и, возможно, в скором времени должен был возглавить всю армию Иллимани. А сейчас Марту, Саккан и пятьсот их воинов всего лишь в одном дне пути от нее.

Рия решила, что надо уничтожить их всех.

Объяснить этот план товарищам было нелегко.

Как она и ожидала, Дрифф тут же согласился. С оговорками согласился и Себитту. Но Лигар и Бонт высказали сомнение в том, что эту битву можно выиграть.

Пройдя туда и обратно вдоль колонны, Лигар в точности посчитал количество воинов. У них было триста шестьдесят три человека, способных сражаться, из них двести четырнадцать — лучники, и всего лишь сто сорок девять тех, кто может принять рукопашный бой. Так что Иллимани не только превосходили их в целом, но и втрое — по количеству воинов, способных выдержать прямое столкновение.

— Это даст им огромное преимущество, когда они подойдут близко и луки окажутся бесполезны, — сказал Лигар. — Я не понимаю, каким образом мы можем победить их, и не считаю правильным ввязываться в совершенно безнадежное дело. Мы не можем сейчас проиграть.

— Мы не проиграем, — тут же возразила Рия, пытаясь скрыть раздражение. — Мы победим. Да, у нас две сотни лучников, больше половины наших воинов. Но это же не значит, что лучники не могут драться врукопашную.

У них есть копья, дубины, ножи. Они знают, что делать, когда дойдет до рукопашной. А теперь подумай, Лигар. Две сотни лучников, у каждого по два десятка стрел, так? Четыре тысячи стрел. На пять сотен Иллимани, у которых луков вообще нет. Нужно только подобрать правильную позицию, и тогда нам, может быть, удастся избежать рукопашной.

— У Иллимани нет луков, поскольку они им ни к чему, — буркнул Бонт. — С этими копьеметалками они бросают копья дальше, чем могут долететь стрелы. Они пригвоздят большинство нас прежде, чем лучники успеют выйти на расстояние выстрела.

— Естественно, я об этом думала, — ответила Рия, стараясь не злиться. — У нас есть Муараг, Аранчи и Норо, которые поведут нас. Нам ничто не мешает подобраться к стойбищу Навин за ночь и вывести лучников на позиции еще до рассвета. Иллимани напились и не ждут нападения. Если нам повезет, мы перебьем их спящими.

— Мне все равно не нравится соотношение, — пробормотал Лигар. — Пятьсот против трехсот шестидесяти. Не понимаю.

— Ты неправильно считаешь…

— Хорошо, пятьсот против трехсот шестидесяти *трех*. Какая разница?

— Ты меня не понял. Это количество *мужчин*-воинов, но у нас еще почти две сотни женщин-Мерел, вооруженных, и я думаю, они тоже хотят вступить в бой. Они будут биться, как разъяренные кошки.

Их спор все продолжался, то вслух, то с помощью мыслеречи. Тем временем солнце уже заходило, а Уродцы так и не высказали своего мнения. Наконец Рия прямо спросила их.

— Очевидно, мы обязаны сделать это, — ответил Грондин. — Духи не зря отдали нам в руки Марту и Саккана. Возможно, нам больше не представится такого хорошего шанса.

К тому времени, как солнце ушло за холмы, Лигар и Бонт сдались, но предстояло решить последний вопрос: что делать с теми, кто не пойдет в бой? Их почти тысяча, мужчин, женщин и детей. Они идут медленно, шумят, и они лакомый кусочек для воинов Иллимани.

Послать их в Тайное Место без охраны, назначив проводниками Джергата и Оплимара, значило подвергнуть женщин и стариков страшному риску. Но если Рия выделит людей для их охраны, то это сильно уменьшит боеспособность ее войска. А если они хотят разгромить Марту и Саккана, на счету каждый воин. Что делать? Девушка не могла оставить этих беззащитных людей на растерзание воинов Иллимани. Так что, видимо, сейчас придется всех вести за собой, а Тайное Место подождет.

Стемнело, и Рия попросила друзей управлять колонной и повела всех на юго-восток, к Иллимани.

Люди верили ей, но то, что она собиралась сделать, может привести их к гибели.

Глава 89

Почти мгновенно Леони попала из джунглей Амазонии в уже знакомый вертящийся световой туннель и оказалась в каменном веке. Время ее названной сестры Рии. Она снова была в бесплотном прозрачном теле. Девушка быстро летела метрах в пятнадцати над землей.

Здесь тоже была ночь. В небе светила огромная луна. А внизу, будто на военном марше, медленно продвигалась огромная колонна людей, одетых в простенькие накидки и шкуры. Они шли по неровной местности, мужчины и женщины, молодые и старые; были среди них и дети всех возрастов. Многие мужчины держали в руках примитивное оружие — копья и стрелы с кремневыми наконечниками, топоры, ножи и деревянные дубины. В арьергарде Леони увидела троих уже знакомых ей неандертальцев. А впереди колонны шла Рия.

Что случилось за время ее отсутствия, что она оказалась во главе такой огромной процессии? Леони уже собралась было спуститься ниже и попытаться поговорить с Рией, как вдруг заметила какое-то движение над головой девушки.

Приблизилась.

Снова. Так, будто колыхается тусклый лоскут ночной тьмы.

Еще ближе.

Снова то же самое.

А потом ей все же удалось решить эту задачу. В нескольких сантиметрах над взъерошенными волосами Рии, невидимая глазу, как и сама Леони, с трудом различимая даже при помощи обостренных чувств человека, находящегося вне тела, летела одна из тварей Сульпы.

Подлетев сзади, Леони схватила тварь за шею указательным и большим пальцами и с силой сдавила. Мерзкое тельце горгульи, размером с летучую мышь, было прозрачным, как и Леони, но покрыто твердой скользкой чешуей. Тварь принялась бить крыльями и изогнула сильные мускулистые лапы, так, чтобы вонзить зазубренные когти в руку Леони. Ее кроваво-красные глаза сверкнули в сумерках, и тварь оскалила острые, как иглы, зубы, но девушка сжала ей шею еще сильнее, схватила другой рукой за голову и резко дернула.

Тварь превратилась в облачко дыма, быстрее, чем сдулся бы проколотый воздушный шарик, и растворилась в воздухе.

Есть!

Но интуиция и прошлый опыт заставили Леони глянуть вверх.

В метрах трех над девушкой находилась еще одна горгулья. Она не сводила с Леони красные угольки глаз, а потом, сделав короткий взмах крыльев, повернула прочь. Девушке ничего не оставалось, как ринуться следом, пытаясь не упустить еле видимый сгусток тени в ночном небе, быстро удаляющийся в сторону.

Леони лишь оставалось бросить последний взгляд на Рию. Большой старый дуб, расколотый молнией, — отличный ориентир, по нему она сможет вернуться к сестре.

Еще раз оглянувшись назад, Леони выпрямилась и резко забрала влево, полетев за горгульей Сульпы. Тварь летела неровно — она то резко спускалась почти к самой земле, то опять взмывала в ночное небо. Под ними проносились леса, озера, холмы и долины; километр за километром проносилась земля.

Расстояние между Леони и горгульей все время было в пределах десятка метров, но девушке никак не удавалось сократить этот небольшой разрыв и нагнать тварь. Как только она увеличивала скорость, горгулья словно чувствовала это и летела быстрее.

Трудно было понять, сколько они уже преодолели. Километров сто пятьдесят, не меньше. Сможет ли она найти обратную дорогу, найти Рию посреди этих холмов и долин.

Взглянув на мгновение вниз, Леони заметила вооруженных людей. Сначала немного — три, четыре, пять человек. Обнаженные воины. Перед ней открылась залитая лунным светом площадка, на ней находились тысячи вооруженных до зубов воинов Иллимани, стоявшие стройными рядами, и Леони поняла, что они ждут приказа, чтобы выступить в поход.

Тварь остановилась, казалось, поддразнивая ее. А может, почувствовала себя увереннее, оказавшись рядом с хозяином. Но Леони не стала думать об этом. Она сделала последний отчаянный рывок и попыталась схватить горгулью.

ШЛЕП! На мгновение ей удалось схватить тварь за крыло, но той удалось вывернуться в последний момент.

Леони ничего не оставалось, как полететь за ней следом. Теперь горгулья летела медленнее — видимо, из-за поврежденного крыла. Они оказались метрах в десяти над землей, а до первых рядов армии Иллимани оставалось каких-то метров сто пятьдесят. И тут Леони увидела Сульпу. Он стоял среди воинов, будто спрятавшись от яркого лунного света. А потом сделал три шага вперед, и девушка почувствовала его уверенный и злобный взгляд, направленный прямо на нее. У Леони не осталось никаких сомнений. Его необычайно красивое лицо, мускулистое тело и роскошные волнистые волосы могли принадлежать только вождю Иллимани.

Тварь села на плечо Сульпе и начала что-то нашептывать ему на ухо. Леони крутанулась в воздухе и полетела прочь.

Но было поздно. Демон вскинул руки, обратил лицо к небу и что-то гортанно прокричал. И в эту же минуту его обволокло черное облако. Леони показалось, что оно вышло из его тела, рук, глаз, рта. Присмотревшись повнимательнее, девушка поняла, что облако состоит из сотен таких же тварей. Горгульи нетерпеливо хлопали кожистыми крыльями, что-то пищали, ища красными, словно точки лазерной указки, глазами Леони.

Сульпа взмахнул руками перед собой, и твари ринулись вверх.

Если еще минуту назад Леони решила возвратиться к старому дубу, расколотому молнией, к Рии, то теперь выхода у нее не осталось. Сейчас главным было сбежать, и как можно быстрее. Она знала, *что* это были за твари. И прекрасно понимала, что сможет

уничтожить одну, две, не больше. Маленькие, шустрые, чрезвычайно сильные, несмотря на то, что были не больше летучей мыши. Но теперь на нее надвигалась целая стая. Что она сможет с ними сделать?

Они бесплотные, так же, как и она. До этого Леони удавалось с легкостью сворачивать им шеи и превращать в дым, но что они могут сделать с *ней* теперь, когда их не меньше сотни; что, если они разом набросятся на ее бесплотное тело?

Это не «земля, где все становится известным» и не подземелье дона Аполинара, где сознание облачалось в иное реальное тело. По словам Синего Ангела, в тех мирах, если твое тело уничтожают, то человек попадает в иное измерение. Хранительница леса назвала его «Промежутком». Леони могла остаться там навеки. Оставался, правда, небольшой шанс вернуться назад, как это удалось сделать дону Эммануэлю. Но есть ли у нее такие способности, Леони не знала.

Что будет с ней здесь? Ведь это не другой мир, а Земля. Что случится, если сейчас уничтожат ее бесплотное тело? Является ли оно просто другой формой, в которую воплощается душа, в некотором роде временной, как аватар в «земле, где все становится известно»?

Или это душа сама по себе?

Леони не знала ответы на все эти вопросы, но, пожалуй, скоро она узнает их. Как бы быстро она ни летела, твари, созданные волей Сульпы, настигали ее, сверкая красными точками злобных глаз; она уже могла различить даже их острые, как бритвы, клыки. За пару секунд, потребовавшиеся Сульпе, чтобы организовать за ней погоню, Леони удалось пролететь метров триста. И с того момента это расстояние сократилось раз в десять. Оглянувшись назад, она увидела, что три мелкие чешуйчатые твари сильно опередили остальных и были уже метрах в шести от нее.

Как обычно, находясь в бесплотном теле, Леони летела, сложив руки на груди, вытянувшись, подобно натянутой струне. Она была километрах в трех от земли, когда еще две твари, видимо, взлетевшие еще выше, упали на нее сверху, подобно коршунам, заметившим добычу. Одна впилась когтями ей в бедро, вторая — в плечо. Их резкие взмахи крыльев, резкое жжение в ноге и в плече мешали ей, не давали лететь вперед. И тут ее догнали еще три горгульи.

Леони удалось оторвать от себя одну тварь, она свернула ей шею и отмахнулась от плотного сгустка дыма. Схватила еще двух, вцепившихся ей в ноги. И почувствовала сильную боль, так, как будто настоящие птичьи когти вцепились ей в плоть. Стукнула их головами и разжала кулаки. Потом пришла очередь тех, кто вцепился ей в плечо и спину. Она била горгулий друг о друга, пока те не превратились в вязкий серый дым.

Но прежде, чем она смогла рвануться вперед, ее настигли остальные, покрыв шевелящейся массой с головы до ног. Было ощущение, что ее душит ядовитый газ, а она сама обернута в тяжелую попону, усеянную бритвенными лезвиями. Твари источали мерзкий запах серы и, как ни странно, горелого пластика.

Зарычав от злобы, Леони принялась размахивать руками и ногами, но это ничего не дало. Твари лишили ее способности лететь; кроме того, как бы она ни боролась, чувствовала, что ее бесплотное тело разрушается от их укусов, постепенно истончаясь.

Ее охватила страшная усталость, и Леони почувствовала неодолимое желание уснуть. Просто уснуть. Что в этом плохого?

И тут у нее в голове прозвучали четыре слова, еле слышные, похожие на радиосигнал с обратной стороны Луны. Знакомый голос Синего Ангела. «Помни, что ты — львица».

Она вспомнила, как во время схватки с Сульпой обернулась хищной кошкой, и только это ее и спасло тогда.

Она львица, а не снулая жертва!

Волна горячего гнева прокатилась по ее телу. Нанеся еще один удар, она начала превращение, несмотря на то, что была облеплена мелкими тварями с головы до ног. Сна как ни бывало; теперь она начала действовать решительнее, встряхнулась, как дикая кошка, — одно лишь это движение избавило ее от большинства горгулий, — а потом начала разрезать их прямо в воздухе мощными взмахами когтистых лап.

Некоторые могли бы и улететь, но, похоже, такого приказа хозяин не отдавал, и они продолжали нападать на нее, продолжая самоубийственную атаку. Так длилось до тех пор, пока последняя из тварей не превратилась в комок мерзкого дыма.

Вернувшись в человеческий облик, Леони оглядела себя.

Увиденное ей не понравилось.

Зубы и когти тварей истощили ее жизненную энергию, и она стала совсем бесплотной, похожей на призрак. Светящаяся оболочка тела почти утратила свет, превратившись из сверкающего пузыря в тусклый мешок. Леони казалось, что в любой момент она может рассыпаться на части.

Как далеко отсюда Рия?

Километрах в ста пятидесяти от Сульпы, насколько помнила Леони. Хотя Иллимани и крутые воины, вряд ли даже они смогут пройти такое расстояние за одну ночь.

Так что в первую очередь надо предупредить Рию, что шпионы Сульпы нашли ее, что один остался в живых и доложил хозяину, где она находится, и что демон движется к ней со всей своей огромной армией.

Леони долго блуждала по небу, пролетая с востока на запад и обратно. Казалось, прошли многие часы. И когда ее энергия иссякла практически полностью, ей наконец удалось заметить заветный расколотый молнией старый дуб. А вот и широкая утоптанная тропа, которую оставили позади себя люди, шедшие с Рией.

Оценить расстояние было трудно, но, пролетев километров восемь, Леони добралась до развилки. Судя по всему, большая группа свернула влево, в сосновый лес, а меньшая пошла дальше.

Леони полетела налево и вскоре очутилась среди тысячной толпы оборванных перепуганных людей, одетых в накидки и шкуры. Они разбили лагерь посреди небольшой поляны, расположенной около небольшого озера. Быстро поняла, что это женщины, дети и старики из той большой группы, во главе которой она видела Рию в самом начале этого путешествия. Но самой Рии здесь не было.

Леони бросилась обратно к развилке и еще километров через восемь нагнала другую группу, меньшую по численности. В ней было более трехсот мужчин и еще почти две сотни женщин; все были вооружены. Двигаясь быстрым шагом, они вошли в длинную лощину, залитую лунным светом. Воины шли настороженно, держа оружие наготове, чтобы иметь возможность отразить внезапную атаку Иллимани. В первом ряду, сосредоточенно глядя вперед, шла Рия.

Даже не пытаясь сообщить сестре, что она вернулась, Леони ринулась вперед, чтобы разведать им путь. Пролетев километра три, она увидела, что лощина стала заметнее, появились валуны и достаточно большие камни. За ними, скрытые от лунного света, расположились воины Иллимани. Леони насчитала пятнадцать человек. Воины сидели небольшими группами, на небольшом расстоянии друг от друга. Видимо, это дозорные. Их взгляды были направлены как раз в ту сторону, откуда должен был прийти отряд Рии. А это, по подсчетам Леони, должно произойти достаточно скоро.

Дозорных мало, но что же они охраняют?

У реки, где лощина сворачивала в сторону, километром далее Леони обнаружила сожженное и разграбленное стойбище кочевников. На земле лежали сотни тел, остальные люди были собраны в загоны, сооруженные из терновых веток. И тут же веселились Иллимани, празднуя очередную победу. По слишком запоминающемуся украшению одного из них Леони узнала Медвежьего Черепа и Быка. Небольшая группа воинов безжалостно издевалась над несколькими женщинами, несмотря на крики и призывы о пощаде. Многие воины были, судя по всему, пьяны и расхаживали по лагерю, шатаясь и распевая песни. Другие напились настолько, что валялись на земле в лужах собственной рвоты, громко храпя.

Леони метнулась назад, чтобы предупредить Рию обо всем, и тут ее настиг новый приступ слабости. В этот момент луна окончательно ушла за горизонт, и вокруг воцарилась полнейшая тьма.

Глава 90

Людей, не способных держать оружие в руках, постарались спрятать в укромном месте в лесу, рядом с небольшим озером, и Рия со своими пятью сотнями воинов быстро продвигалась вперед по лощине, заросшей жесткой травой, вереском и утесником. При свете луны они шли к стойбищу Навин быстро, дорогу им показывали Муараг, Аранчи и Норо; но теперь, когда луна зашла, темп заметно снизился.

Рия не думала, что самодовольные, уверенные в своей силе захватчики-Иллимани, большинство которых вдребезги напились, позаботились о том, чтобы выставить дозорных. Но все же она собралась отправить вперед разведчиков. И тут девушка вдруг почувствовала странное покалывание.

Что это?

Снова то же самое ощущение…

А еще она уловила тихий шепот, хотя воины соблюдали полнейшую тишину. Резко остановилась, подняв руку, и прошептала:

— Стойте!

Шедший следом Бонт чуть было не сбил ее с ног; за ним, судя по негромким ругательствам и глухим ударам оружия, люди начали падать, налетая друг на друга. Но девушка точно знала, что сейчас не следует идти дальше, несмотря на то, что они должны быть в стойбище Навин задолго до рассвета.

— Стойте на месте! — мысленно скомандовала Рия Бонту. — И успокойте этих идиотов!

Ничего не объясняя, она решительно вышла вперед и, наклонив голову к плечу, еще раз прислушалась к ночным звукам.

Очень странно, но Рия была уверена, что ее звала та девушка, о которой ей говорила синяя женщина в земле духов. Да, это должна быть именно она, и никто больше, — девушка из будущего, и ее имя, как помнила Рия, было Леони. Она снова пришла к ней на помощь.

Кроме того, Рия была почти уверена, что если постарается, то сможет ее увидеть. Или что-то еще. Как странно… Будто еле заметное светящееся облачко.

— Привет, — мысленно произнесла она. — Ты здесь?

Слова были произнесены на языке Клана, но, не услышав ответа, Рия повторила их вслух. Бонт, Дрифф, Себитту и другие, стоявшие поблизости, не сводили с нее глаз, пытаясь понять, что происходит. Но Рию это абсолютно не волновало. Дело важное, а они уже привыкли к ее странному поведению.

Рия повторила приветствие вслух на языках мерел и навин и вдруг поняла, что девушка уже говорит с ней, мысленно, на странном языке. Он был совсем не похож на те, которые она слышала раньше.

— Я тебя не понимаю.

А, вот что она говорит…

— Я тебя не понимаю, Рия, но нам надо понять друг друга. Я не знаю, как это у нас получится, но я обязана рассказать тебе очень важную информацию. Ты обязательно должна узнать ее.

— Давай, — мысленно ответила Рия, уже на языке Леони. — Я уже достаточно хорошо тебя понимаю.

Она не могла видеть лица своей собеседницы, но почувствовала, что та удивилась и одновременно обрадовалась ее словам.

— Давай, — повторила Рия. — Синяя женщина одарила меня умением понимать другие языки. — Она не сомневалась, что Леони поймет, о ком речь. — Говори.

— Сульпа посылает шпионить за тобой мелких тварей, — сказала девушка. — Вот таких.

В голове Рии возник отчетливый образ посланников Сульпы; вместе с ним она ощутила ужас и страх самой Леони по отношению к ним.

— Две нашли тебя. Мне удалось уничтожить одну, но второй удалось сбежать. Я гналась за ней, но так и не смогла поймать, и она вернулась к хозяину и рассказала, где ты находишься. Теперь он это знает.

В голове Рии возник образ многотысячной армии Иллимани, собравшейся на огромной равнине.

— Он собрал всю свою армию и идет на тебя.

— Сколько? — спросила Рия. Это был единственный важный вопрос. Если у нее есть время завершить начатое здесь и уйти, какая разница, сколько там воинов у Сульпы. Бояться нечего.

— Сколько? — снова спросила она.

— Сколько что?

— Как далеко отсюда расположились воины Сульпы?

— Километров сто пятьдесят, может, больше.

— Я не знаю, что такое «километры», — раздраженно произнесла Рия.

— Это слово, которым мы обозначаем расстояние. Сто пятьдесят километров… им потребуется всего два дня, чтобы найти тебя здесь.

— Два дня! Фу! За два дня мы уйдем очень далеко отсюда. Но впереди полтысячи Иллимани, и сначала я хочу их уничтожить…

— Я только что их видела! — воскликнула Леони, и в голове Рии возник новый образ. На этот раз девушка показала ей огромное стойбище Навин: все шалаши и типи сожжены, пленные собраны в загоны из терновых веток, площадь усеяна трупами, а перемазанные кровью воины Марту и Саккан наслаждаются плодами победы. Некоторые еще продолжали убивать пленных, но многие Иллимани уже еле-еле переставляют ноги, а остальные — мертвецки пьяны.

Рию охватило радостное возбуждение. Именно на это она и надеялась.

— Ты принесла мне добрые вести, — произнесла она.

— Добрые вести?

— Пьяных проще убивать.

— Думаю, да, — ответила Леони. — Но будь осторожна. Они выставили дозорных.

И Рия увидела новую картину. Узкая лощина, камни и валуны, ее перегораживающие. А за ними — притаившиеся в темноте копейщики Иллимани.

— Пятнадцать дозорных, — сказала Леони. — Я считала.

Обменявшись мыслями и образами, Рия составила вместе с Леони план действий по устранению дозорных.

— Сама с собой начала разговаривать, а? — спросил Бонт, когда она вернулась обратно к своим.

— Не с собой, а с духом, который поведет нас.

— Я не верю в духов.

— После этой ночи поверишь, Бонт. Точно поверишь.

В бою в темноте лучники были бесполезны, да и копья тоже будут только мешать, поэтому Рия двинулась вперед, взяв с собой Бонта, Дриффа, Грондина, Оплимара и отряд из сорока следопытов-Мерел, специально отобранных для этой операции Себитту. Единственное оружие, которое они взяли с собой, — ножи и томагавки.

Сейчас всё — жизни их всех, успех войны с Сульпой — зависело от того, насколько точно Леони описала позицию врагов. А если Леони ошиблась? Неужели Иллимани так глупы, что выставили в дозор всего пятнадцать человек? Неужели после того, как они уничтожат дозорных, у них не останется никаких других препятствий и неожиданностей до самого стойбища Навин? Но Рия доверяла Леони целиком и полностью. Кроме того, все сказанное духом из будущего легко объяснялось. Иллимани очень горды собой. Разгромив Навин, они и представить себе не могут, что поблизости может оказаться отряд, способный на них напасть.

Рия ползла вперед на животе по кочкам, поросшим болотной травой, промочив в холодной воде жилет и штаны. Справа от нее двигались Грондин и Бонт, слева — Дрифф и Оплимар. Под началом у каждого было по восемь воинов-Навин, и они бесшумно, как призраки, скользили вперед.

Все точно знали, где именно спрятались дозорные, и отлично знали, что нужно делать.

Глава 91

Несмотря на полную темноту, обостренные во внетелесном состоянии чувства Леони позволили ей наблюдать за тем, что произошло дальше. И она увидела даже больше того, чем ей хотелось.

Пятнадцать дозорных были поделены на пять групп и сидели за валунами, некоторые из которых были в два человеческих роста. Несколько камней были положены один на другой, и это, как поняла Леони, создавало естественное препятствие для продвижения в этой части долины. Время от времени патруль, состоявший из двух воинов, вооруженных длинными копьями, обходил группы дозорных, о чем-то тихо переговариваясь, а иногда разговор прерывался приглушенными смешками.

План состоял в том, чтобы напасть на всех дозорных одновременно, не давая тем возможности скрыться в темноте и поднять тревогу. Именно поэтому, после того как Леони передала Рии карту расположения дозорных, та решила разделить передовой отряд на пять групп по девять человек, одну из которых возглавила сама. Во главе остальных она поставила двух мужчин и двух неандертальцев, которых Леони уже не раз видела с ней рядом.

По словам Рии, мужчин звали Дрифф и Бонт. Первый, худощавый и, на взгляд Леони, странноватый Иллимани, перешедший на сторону людей Клана, второй — лохматый великан из племени Рии. Неандертальцы, которых Рия называла Уродцами, были крайне примечательны: Грондин, ростом с Бонта и с телосложением профессионального боксера, и пузатый Оплимар с рыжей клочковатой бородой. Все они владели телепатией — Рия называла это мыслеречью, — поэтому начало атаки всех пяти групп можно было скоординировать в абсолютном молчании.

Леони просто восхитилась мастерством, с которым воины двигались сквозь мокрую траву, огибая небольшие скалы и подползая к позициям дозорных. Она не могла установить телепатическую связь с остальными, хотя их умы и были открыты для Леони, но, как полагала девушка, никто из отряда не обладал даром понимания незнакомых языков. Свободно паря над воинами Рии, Леони могла мысленно корректировать их путь, сообщая все Рии, а та, в свою очередь, могла отдавать приказы по цепочке. Сначала группе Бонта, потом — Оплимара, и последней — под руководством Грондина и Дриффа. Воины Рии были в метрах шести от дозорных Иллимани. Рия оповестила товарищей, что пора остановиться и ждать сигнал к атаке.

И тут два воина снова начали обход постов, медленно двигаясь по дну лощины. Первая остановка, приглушенные голоса, потом спокойные шаги патруля. У вторых дозорных они задержались немного дольше, чем в первый раз. Послышались голоса, смех. Леони подлетела ближе, чтобы выяснить, в чем дело. Оказалось, что у часовых на этом посту был с собой бурдюк, наполненный выпивкой, которой они угостили проверяющих. Прошла еще пара минут, и патруль двинулся дальше. Поглядев на восток, Леони заметила, что небо начало понемногу светлеть.

Патруль прошел половину пути до следующего поста, когда все воины Рии резко вскочили и молча ринулись в атаку.

Патрульные не заметили надвигающегося на них Бонта и не только не успели опустить копья, но и крикнуть, чтобы предупредить остальных. Огромный топор словно вылетел из темноты. Первый воин глухо захрипел и повалился на землю, когда Бонт легко вспорол ему живот. Рывком выдернув оружие из раны и не обращая внимания на фонтан черной крови, Бонт лишь слегка развернулся и рубанул второго по лицу.

Метнувшись вперед, около одного из валунов Леони заметила Рию. Девушка сидела поверх потерявшего сознание воина-Иллимани. В его глазах плясал огонь безумия. Издав приглушенный радостный крик, Рия схватила врага за волосы и с такой силой перерезала ему горло, что еще немного, и ее длинный кремневый нож воткнулся бы в землю.

Леони увидела, как Оплимар и Дрифф добивают остальных. Грондин поднял в воздух одного из дозорных и одним движением сломал ему хребет об колено. На других постах творилось то же самое. Дозорные, оказавшиеся в меньшинстве, совершенно ошеломленные неожиданным нападением, погибли почти мгновенно. Небо продолжало неумолимо светлеть.

Но один из дозорных, которого сочли убитым, внезапно вскочил на ноги и быстро, несмотря на рваную рану в боку, побежал по лощине, петляя, как заяц. Он двигался очень быстро, и, хотя Дрифф рванул следом за ним, у беглеца все еще оставалось большое преимущество во времени.

Леони не поняла, зачем Рия рванулась следом за ними. От воина-Иллимани ее отделяло метров тридцать, не меньше, и беглец бледной тенью несся в предрассветных сумерках. Она же ни за что его не догонит. Но Рия на бегу выхватила из мешочка на поясе камень, замахнулась и с силой его метнула. Камень полетел с такой скоростью, что Леони не смогла его увидеть. Просвистев рядом с ухом Дриффа, он со звонким стуком ударил в затылок беглецу, и тот тут же рухнул на землю.

Дрифф уже был на месте, но подбежавшая следом Рия оттолкнула друга в сторону, схватила Иллимани за волосы, запрокинула воину голову и перерезала ему горло.

С дозорными было покончено. Небо продолжало неумолимо светлеть, и Леони полетела вперед, чтобы разведать обстановку, а Рия уже вела весь свой отряд к бывшему стойбищу Навин. Быстрым шагом они пересекли лощину, где скрывались дозорные Иллимани.

Оставалось пройти около полутора километров, а дальше дорога резко сворачивала влево. Даже при свете дня Иллимани не смогли бы их здесь заметить. Но после поворота оставалось каких-то четыреста метров открытого пространства, и Леони понимала, что это слишком опасно.

Она оглядела склоны лощины в поисках других путей, но так и не нашла ни одного приемлемого. Склоны были слишком круты, чтобы большой отряд взобрался по ним незамеченным. Только узкая тропа, но по ней мог пройти небольшой отряд, и только в том случае, если воины будут идти вплотную друг к другу. Что еще лучше, тропа вела к перевалу, с которого открывался вид на ту часть лагеря, где Иллимани собрали пленных. Леони вспомнила, что многие воины Рии были вооружены луками. Ее знания о ведении войны ограничивались лишь компьютерной игрой «Варкрафт», но и этого хватило, чтобы понять, что Рия наконец нашла отличную позицию для лучников.

Леони взглянула на небо. Ночь еще не закончилась, но через полчаса, самое позднее через час, солнце поднимется над горизонтом, и преимущество, которое давала темнота, будет потеряно.

Девушка ринулась вниз, чтобы поближе оглядеть лагерь Иллимани.

Позади стоянки, на дне скалистого ущелья, пересекающего долину справа налево, проложила русло быстрая горная речка. Раньше поселение состояло из сотен высоких конических хижин, собранных из жердей и обернутых шкурами, они были очень похожи на индейские типи. Шалаши стояли даже на берегу реки, но Иллимани сожгли их дотла, а посреди пепелища находились только три загона для пленников, огороженные колючим и крепким терновником.

На мгновение Леони охватила тошнота от всех тех ужасов, которые ей довелось увидеть этой ночью.

Загон с левого края был пуст, но позади него была расчищена большая площадь, где Иллимани сжигали на кострах, распинали и пытали людей. Убитых там было несколько сотен — по всей видимости, все взрослое население стойбища.

В правом загоне содержались дети всех возрастов. Они все еще были живы, но настолько запуганы, что уже ни на что не реагировали.

В среднем загоне содержались женщины. Большинство из них были зверски убиты. Их трупы валялись прямо на земле, и было столько крови, что земля превратилась в кошмарное месиво из крови, блевотины и глины. Около сотни еще были живы, но Леони заметила посреди них небольшую группу Иллимани, окончательно потерявших человеческий облик. Десяток обнаженных мужчин завершали вакханалию насилия и убийств, продолжавшуюся, судя по всему, всю ночь. И Леони слышала стоны и проклятия все еще живых женщин, молящих о скорой смерти.

Но тут Леони поняла, что ее насторожило в самом начале. Когда она первый раз появилась над лагерем — может, с час назад, — многие из воинов-Иллимани лежали прямо в пыли, мертвецки пьяные. Но сейчас они уже пришли в себя и, пошатываясь и потирая головы, строились в ряды, получив какой-то приказ.

Леони заметила воина, которого мысленно называла Быком, ходящего вокруг и пинками подымающего спящих. Его близнецу, Медвежьему Черепу, уже удалось собрать группу из двух десятков воинов. С ножами в руках они отправились в загон с женщинами — видимо, чтобы присоединиться к уставшим соплеменникам.

Если Рия хочет напасть на врага, то нужно это делать прямо сейчас, пока последние четыреста метров пути все еще скрывает темнота, прежде чем Иллимани закончат убивать и покинут поселение.

Леони, не обращая больше ни на что внимания, спешно полетела назад к Рии и снова ощутила уже знакомую слабость, растекающуюся по ее бесплотному телу, словно яд. Поглядев на руки, она поняла… что от нее почти ничего не осталось.

Глава 92

Весь отряд Рии, более пятисот человек, расположился на каменистом дне лощины, совсем недалеко от того места, где находились дозорные Иллимани. Девушка-вождь стояла в одиночестве, шагах в пятидесяти впереди, вглядываясь в темноту.

Хотя Рия не видела еле заметного светящегося облачка, которое бы свидетельствовало о возвращении Леони, она чувствовала, что та рядом. А еще поняла по учащенному сердцебиению и частому дыханию, что Леони в большой опасности.

— Сестра, — обратилась к ней Рия. Лишь это слово могло отразить глубину связи, возникшей между ними. — Сестра, что с тобой?

Мыслеголос Леони был слабым, едва различимым, так, будто он доносился издалека.

— Некогда объяснять. Я не смогу оставаться с тобой долго. Скоро меня унесет назад.

И тут сознание Рии заполонила волна образов и слов, всего того, что узнала Леони, побывав в стойбище Навин. Иллимани, собирающиеся на площади, жалкое состояние уцелевших пленников, расположение загонов, тропа, которая ведет на удобный для обстрела обрыв.

Рия все больше мрачнела. Она привела сюда воинов, ожидая, что перед ними будут напившиеся и ничего не соображающие люди, которых можно будет окружить и легко перестрелять, как рыб в заводи. Вместо этого солнце должно было вот-вот взойти, а пять сотен Иллимани уже были готовы к бою и собирались выступать в поход. Эти люди посвятили свою жизнь войне и насилию и сражались плечом к плечу во многих битвах, а ее воины были в первую очередь охотниками, а уже потом собственно воинами. Женщины могли быть тверды, как кремень, защищая дом и очаг, но они и слыхом не слышали о воинском искусстве.

Рия подумала было об отступлении, но тут же отвергла эту мысль. Иллимани станут преследовать их и обязательно настигнут, возможно, даже раньше, чем они доберутся до женщин и детей, ожидающих их в лесу. А если все же им удастся дойти до того озера, то Иллимани ничего не будет стоить организовать засаду и уничтожить их, а детей взять в плен. Выхода нет, лучше начать бой первыми и использовать последнее преимущество — внезапную атаку.

И тут же в ее голове выстроился отчетливый план.

— Смогу ли я вывести две сотни моих лучников к площади? — спросила она Леони. — Получится ли у них пробраться туда незамеченными? Есть ли там место для укрытия?

Ответа не было. Что еще хуже, ощущение присутствия сестры, достаточно сильное еще пару мгновений назад, пропало.

— Сестра, где ты? — спросила Рия вслух. — Ты еще здесь?

Ответа не последовало, и она поняла, что ее союзница действительно исчезла. Возможно, ее просто утянуло обратно в ее тело, точно так же, как и саму Рию выдергивало назад из путешествий, совершенных с помощью «Маленьких Учителей». Но Рия так и не смогла отделаться от ощущения, что случилось нечто более опасное.

Сведения, которые могла доставить ей Леони с разных мест поля боя, были бы бесценны, но Рия и сама была готова к импровизации. Ничего не оставалось, как проработать план боя самостоятельно. Все, что необходимо для победы, — это постараться вывести лучников в нужное место и уговорить две сотни гордых женщин-Мерел раздеться донага. Тогда победа будет за ними.

Она подозвала Муараг, Норо и Аранчи, а потом — Бонта, Лигара, Дриффа, Себитту, Грондина, Джергата и Оплимара. Быстрее, чем можно было бы сосчитать до ста, изложила им план боя и возложенных на них обязанностей. И тут же, пока их хоть как-то скрывали жалкие остатки ночной темноты, послала Лигара, Себитту и Джергата с лучниками. Распределила задания между Бонтом, Грондином и Дриффом, а потом наступила очередь женщин.

Скоро взойдет солнце. На склонах лощины уже играли первые слабые лучи солнца, окрашивая все в серо-черный неверный свет.

— Будьте отважны, и мы победим, — прошептала Рия.

Она обошла две сотни женщин вместе с Тари, женой Себитту. Они подвели их на два полета стрелы к разгромленному стойбищу Навин, где хозяйничали Иллимани.

Некоторые, в отличие от Тари, боялись вступить в решающее сражение, и Рия решила подбодрить и хоть как-то их успокоить.

— Будьте отважны. Духи помогут нам.

Какое-то движение, и сквозь ряды к ней протолкалась девочка с бешеным взглядом зеленых глаз, вздернутым носом и копной рыжих волос. Бирсинг!

— Что ты здесь делаешь? — спросила Рия. — Ты должна быть с детьми!

— Я иду за тобой, — ответила одиннадцатилетняя девочка. — Не хочу прятаться в лесу. Хочу биться с воплощенным злом и убивать Иллимани.

Лицо девочки покрывали веснушки, а маленький кулачок, в котором она сжимала небольшой, почти игрушечный кремневый нож, побелел от напряжения.

Рия уже хотела было отправить ее отсюда, но решила не делать этого. Появление Бирсинг, такой маленькой и такой отчаянно храброй, наполненной боевым духом, было добрым предзнаменованием. И очень своевременным.

— Если ты хочешь сражаться с этими ублюдками, то я не стану мешать тебе, — произнесла Рия, взяв обеими руками ее кулачок, сжимающий нож. — Хочу увидеть, как ты обагришь этот нож кровью Иллимани.

— Мы же разгромим их, так? — ухмыльнувшись, сказала Бирсинг. — Я в это верю.

— Да, мы разгромим их.

Тари и Рия пошли дальше.

— Ты и правда так думаешь? — шепотом спросила Тари. — Мы действительно победим?

— Я в этом уверена, — ответила Рия.

Они дошли до поворота. Сейчас не время выказывать слабость, но, по правде говоря, несмотря на всю красоту ее плана, уверенности у Рии поубавилось.

Она снова посмотрела на склоны лощины. Стало еще светлее, она увидела с десяток серебристых ручьев, сбегающих вниз. Пора начинать атаку. Уже пора. Ее сдерживали лишь Лигар и Джергат, почему-то они так ни разу ей не ответили с того самого момента, как ушли вперед. Странно и тревожно. Может, они слишком далеко? Или уже мертвы? Или попали в плен? Не слыша их и не имея в помощниках Леони, которая смогла бы сразу сообщить о том, что с ними случилось, Рие пришлось идти наобум, но она уже не боялась рисковать.

Пришло время действовать. Сейчас!

— Подожди, — сказала она Тари. — Поведешь их вперед по моему сигналу.

Пригнувшись, Рия пробежала пару десятков шагов, укрылась за кустом утесника и принялась пристально рассматривать бывшее стойбище.

Оно оказалось ближе, чем она ожидала. Огромный полумесяц из сожженных типи, будто уродливый шрам, прорезавший землю, вдоль изгибающейся влево лощины. С противоположной стороны — бурная река, ближе — крутой утес. Там, как надеялась Рия, уже должны быть Лигар и два десятка лучших лучников Навин. Дорогу должна была показать Норо. По ее словам, она знала тропу, о которой сообщила Леони. Рия снова попыталась мысленно обратиться к Джергату, но ответа так и не получила.

Посреди пепелища она увидела три огромных загона, собранных из кустов терна, куда Иллимани согнали пленников. Ближайшее к ней, справа, было заполнено детьми и кормящими матерями. Их крики ужаса словно бичами рассекали предрассветную тишину, и слушать их у Рии не было сил. Рядом, в загоне, где, по словам Леони, держали женщин, царил хаос. Тридцать воинов Иллимани, впав в неистовство, резали и рубили несчастных, судя по доносящимся оттуда леденящим кровь воплям.

Рия терпеть не могла ждать, особенно в такой ситуации, но сейчас ошибка станет роковой для всего ее войска, а она до сих пор так и не могла связаться с Лигаром и Джергатом.

Третий загон, самый дальний, был пуст. Позади него, на огромной площади стойбища, среди догоревших костров и лежащих штабелями трупов убитых, строились рядами сотни Иллимани. Несмотря на размер стойбища и расстояние, Рии удалось разглядеть в предрассветной мгле рослую фигуру Марту с головой, увенчанной турьими рогами. Похоже, он держал речь перед своими воинами.

— Давай, болтай, — прошептала Рия.

Если им повезет, то болтовня командира и расправа над беззащитными женщинами еще немного задержат Иллимани. Начал подниматься туман, скрывая все страшные подробности зверств. И все еще было достаточно темно. Это очень хорошо.

Махнув рукой, Рия дала знак Тари, которая повела вперед отряд женщин. Оглядев их, девушка напомнила, что надо хранить полное молчание, пока она не подаст сигнал, приветственно кивнула тем, с кем уже успела лично поговорить, погладила по голове Бирсинг, взъерошив ей волосы. Потом подняла вверх руку со сжатым кулаком и повела их вперед, по дну лощины.

Рия перешла на бег, следом двинулись все остальные. Они ринулись вперед, оскалившись, с сосредоточенными лицами. Эх, хорошо на свете жить, да еще в такой компании!

Лучи солнца озарили вершины холмов, подул прохладный утренний ветерок, и Рия услышала вдалеке крик беркута.

Еще одно отличное предзнаменование.

Глава 93

Леони просто взбесило, что ее выбросило из времени Рии безо всякого предупреждения, да еще в самый важный момент. Впрочем, конечно, *предупреждения были*. Нарастающая слабость, онемение, растекающееся по бесплотному телу, которое после нападения созданных Сульпой тварей стало легче паутинки…

Леони удалось только приоткрыть глаза; на то, чтобы пошевелиться, сил у нее не осталось. Она лежала на спине. К ней склонились четыре силуэта, но она не могла понять, кто это. Среди темноты, окружающей ее, высоко вверху сверкал ослепительный небесный свет.

— Вернулась наша путешественница, — произнес знакомый голос.

Дон Леонсио!

Леони мгновенно поняла, где она находится. Небесный свет — просто свет солнца, проникающий в *малоку* через отверстия для выхода дыма. А те, кто склонился над ней, — это Мэтт и дон Леонсио слева и шаманы Тарахануа, Руапа и Байяконди, справа.

Леони рывком села.

— Я не могу оставить Рию прямо сейчас, — крикнула она, хватая за рукав Леонсио. — Ты должен дать мне еще айяхуаски. Мне нужно вернуться к ней как можно быстрее.

Леонсио положил ей на лоб теплую сухую ладонь, будто решил проверить ее температуру.

— Я так не считаю, — через пару секунд вынес он свой вердикт.

— В смысле? Почему сейчас это невозможно?

— Ты подверглась очень мощной психической атаке, — ответил он. — Я прав?

— Наверное, можно сказать и так, — пожав плечами, сказала Леони.

И ей пришлось рассказать про то, как на нее напала целая туча тварей, творений Сульпы, и как она избавилась от них. Она не сомневалась в том, что ее бесплотное тело повреждено и потеряло часть жизненной силы. Но…

— Если бы ты не победила их и не смогла бы освободиться, все могло закончиться куда печальнее… Ты, без сомнения, погибла бы, — подвел итог дон Леонсио, шумно выдохнув. — Это происходит, когда эфирная энергетическая структура, которую ты называешь бесплотным телом, разрушена. Здесь ты впала бы в глубокую кому, у тебя замедлились бы сердцебиение и темп дыхания, постепенно снизилась активность мозга. А потом, в течение всего нескольких часов, иногда, очень редко, дней — тело умирает.

— А душа? Что случается с душой?

Леонсио наморщил лоб.

— Самое худшее. Душа проваливается в нижний мир, и ты никак не смогла бы оттуда вернуться.

Леони вздрогнула. Ничего не хочу знать про нижний мир, подумала она.

— Звучит скверно.

— Очень скверно. Много хуже, чем ты можешь себе представить. — Леонсио сочувственно коснулся ее плеча. — Будет просто безумием, с такими повреждениями и упадком тонких энергий, снова выйти из спасительного убежища этого мира. Ты должна подождать, чтобы восстановиться, прежде чем вновь пытаться туда отправиться.

Леони лишь покачала головой.

— Ты не понимаешь! Я *не могу* ждать. — Она заговорила громче. — Я оставила Рию посреди битвы с Иллимани. Я была там ее глазами и ушами, Леонсио! Она не сможет победить без моей помощи.

Лицо Леонсио, очень сосредоточенное, на мгновение изменилось. Было видно, как в нем идет внутренняя борьба.

— Я не стану останавливать тебя, если ты точно знаешь, что это твое призвание, — прошептал шаман.

— Я *призвана*! Да, абсолютно точно.

— Но если ты собираешься так поступить, то должна понимать, с чем столкнешься, — продолжил Леонсио. — Одно-единственное нападение самого слабенького из слуг демона низвергнет тебя в нижний мир. Все будет кончено, Леони. Кончено навеки! Ты уверена, что готова пойти на такой риск?

Девушка задумалась лишь на минуту.

Ей очень не хотелось возвращаться, особенно сейчас; она чувствовала, что сил у нее осталось так мало… Но ее просто ошеломила Рия; она полюбила эту девушку за ее красоту,

отвагу и откровенную *наглость*. Сестра, отделенная от нее лишь временем? Да, именно так. Так, будто их разлучили после рождения, а теперь они нашли друг друга.

Больше того, когда они вместе разработали план по уничтожению дозорных и осуществили его, начали реализовывать план боя, придуманный Рией, Леони осознала, что это самое потрясающее и захватывающее из всего, что ей довелось испытать в жизни. Преграды и различия исчезли, в эти опасные и страшные мгновения они были едины.

Леони поняла: оставить Рию одну сейчас невозможно, даже если новое путешествие будет необратимо. Да это и не имеет значения.

— Я должна сделать это, — сказала она Леонсио. — Я понимаю, как велик риск, но я готова. В жизни еще никогда не была так уверена, что поступаю правильно.

Обернувшись к Мэтту, она обняла его за шею.

— Просто обними меня, — попросила девушка. — Обними и держи, пока я не вернусь.

Глава 94

Чем ближе Рие удастся подвести свой отряд к загонам с пленными, прежде чем их увидят, тем больше шанс на успех ее плана. Поэтому они двигались вперед в абсолютном молчании, скрываясь среди теней и клубов тумана, покрывших дно лощины. Но чем ближе они оказывались к стойбищу, тем отчетливее видели, как воины Иллимани безжалостно добивают женщин Навин.

— Лигар! — мысленно крикнула на бегу Рия. — Джергат! Ответьте!

И снова гнетущая тишина. Рия никак не могла избавиться от мрачных предчувствий. Девушка увидела слева бегущую Бирсинг. Ободряюще улыбнулась девочке, но у той было смертельно бледное лицо; она пристально глядела на загон, где убивали женщин. Тари бежала справа от нее, следом, с развевающимися на ветру волосами, сжимая в руках оружие, а за ними — еще две сотни женщин. Они были в ужасе, все до единой, это было видно по их лицам, но ни одна из них не повернула обратно.

Расправой над женщинами руководил Саккан; его рослую фигуру, увенчанную медвежьим черепом, было невозможно спутать ни с кем другим. Судя по всему, он желал подвергнуть каждую из пленниц жестокой и мучительной смерти, поэтому казнь заняла у Иллимани столько времени. Они не просто хотели убить женщин — им надо было, чтобы перед смертью жертвы испытали как можно больше страданий и страха. В загоне было не больше тридцати воинов. Они хватали пленниц по одной, отрубали им руки и ноги, забивали насмерть дубинами, клали на решетку и заживо сдирали кожу. Некоторые из палачей просто врубались в редеющую толпу пленниц, орудуя копьями и ножами. Рия увидела, как Саккан схватил невысокую перепуганную женщину, поднял в воздух и насадил на заточенный кол, который он перед этим воткнул в землю. Воздух оглашали душераздирающие крики и рев воинов.

Над краем утеса показалось солнце, и лощину залил его свет. Рия и ее отряд устремились к первому загону. Дети, находившиеся внутри него, радостно закричали. Но завопил и единственный охранник, оставленный у загона и заметивший нападавших.

— Лигар! — снова мысленно крикнула Рия. — Джергат! Будьте наготове. Мы уже атакуем.

Время пришло, готовы ее товарищи или нет. Рия подала сигнал, и две сотни женщин одновременно завопили во весь голос. Единственное слово на языке Иллимани, которому она их научила, — «карга», что означало «смерть».

Вопль прорезал утренний воздух, словно взмах топора. Его услышали и тридцать Иллимани, находившиеся в загоне с женщинами, и остальные четыре с лишним сотни, построившиеся на площади. Они в изумлении поглядели туда, откуда он доносился.

— КАРГА! КАРГА! КАРГА!

Эти наполовину проснувшиеся, шатающиеся от вчерашнего пьянства люди вряд ли ожидали услышать свой собственный боевой клич от орды женщин, обнаженных и сжимающих в руках ножи и томагавки. На них не было ничего, кроме мокасин, поскольку по приказу Рии они разделись перед атакой. Рия надеялась, что зрелище неожиданно напавших врагов, обнаженных, точно так же, как шли в битву сами Иллимани, даст им небольшое преимущество.

И увидела, что оказалась права. Враги сразу же успокоились, увидев, что на них идут в атаку женщины, числом вдвое меньше их. Марту небрежным жестом руки послал сотню воинов с площади помочь тридцати палачам, а сам продолжил свою речь перед оставшимися. В то же мгновение Рия наконец-то услышала мыслеголос Лигара, тихий, но отчетливый.

— Мы на месте. Да помогут нам духи.

Из оврага, густо заросшего папоротником и утесником, находящегося между площадью и западным склоном лощины, вылетели первые стрелы. Отчаянно крича, Рия и ее воительницы пробежали мимо загона с детьми и ворвались в другой, где устроили бойню воины Иллимани. Те, перестав убивать женщин, с изумлением наблюдали, что сделали две сотни стрел с отрядом, высланным им на подмогу. Сотня воинов пробежала едва ли половину расстояния от площади до загонов, двигаясь в плотном строю, и теперь большая их часть упала на землю. На ногах осталось меньше двадцати человек.

С мстительным удовлетворением Рия увидела, как в воздух снова взлетели стрелы, заслоняя небо, как стая птиц, и упали на основной отряд Марту из трехсот пятидесяти воинов. После этого у нее уже не было возможности следить за происходящим, но она была уверена, что Лигар и Себитту сделают все, что от них зависит. Сама она сейчас должна была уничтожить Саккана и три десятка его людей.

Когда было еще темно и по дну лощины можно было скрытно провести крупный отряд, Рия послала вперед Лигара и Себитту во главе с двумя сотнями лучников, Навин и Мерел. Их повели Муараг и Аранчи, уверившие Рию, что смогут тайком провести их до самой площади. И, похоже, женщины сдержали свое слово.

А Рия сделала все возможное, чтобы подготовить свой собственный отряд для штурма загона. Иллимани, очевидно, будут ожидать, что они попытаются войти через проход из терновых ветвей, поэтому план Рии был иным. Пятьдесят женщин, в пяти группах по десять человек, плотно встали у самой изгороди, а остальные принялись взбираться им на плечи и перепрыгивать внутрь. Времени отработать такой маневр у них не было — Рия лишь успела отобрать пятьдесят человек в группы и объяснить остальным, что нужно делать, — но сейчас она почувствовала гордость за своих воительниц, увидев, как они в точности выполняют ее приказ.

Ее нож все еще находился в поясных ножнах, рядом с мешочком из оленьей кожи. Она вспрыгнула на плечи ближайшей к ней женщины, выхватила из мешочка два камня и, преисполнившись ненависти к врагам, спрыгнула в загон.

Глава 95

БУХ! Леони снова вернулась в прошлое.

Перед тем, как Байяконди дал ей горлянку, наполненную мерзко пахнущей айяхуаской, он долго, казалось, целую вечность, сидел рядом с ней, распевая странную и грустную *икаро*, а Руапа ходил вокруг, окуривая ее ароматными клубами дыма и тряся трещоткой *чакапа*.

— Этот ритуал частично очистит твое эфирное тело от заражения, которому оно подверглось, и поможет хоть немного восстановить силы, — объяснил дон Леонсио. — Остается только надеяться, что этого тебе хватит.

Потом Леони выпила отвар — и спустя секунды вылетела из тела, радостная, как выпущенная из клетки птица. Сконцентрировала внимание, представив себе Рию, и рядом с ней тут же открылся яркий световой тоннель. Девушка расслабилась, позволив тоннелю втянуть себя, и тот понес ее к цели. А сейчас она зависла метрах в десяти над головой Рии, с удовлетворением отметив, что ей удалось немного восстановиться после нападений гарпий Сульпы.

Солнце уже окрасило крайний утес лощины и прочертило долину резкими полосами. Перед Леони открылась захватывающая картина боя. Вот Рия вскочила на плечи женщины и, как хороший акробат, прыгнула через изгородь внутрь загона, усеянного телами убитых женщин. Загон был квадратным, чуть больше шестидесяти метров в периметре, и сейчас там осталось около трех десятков пленниц. Вопящих от ужаса и безысходности женщин загнали в угол десять воинов во главе с огромным мужчиной, которого Леони про себя называла Медвежьим Черепом. Они методично уничтожали всех пленниц. Внутри ограды были еще три группы воинов, собравшиеся вокруг окровавленных женских тел; некоторых привязали к решеткам и содрали, еще с живых, кожу.

Но теперь палачам приходилось тяжко, все до одного бросили свое гнусное дело. На их грубых лицах появилось явное недоумение, когда четыре женщины, спрыгнувшие вместе с Рией, ринулись на них. Десятки других — Леони только что заметила, что все они нагие, — запрыгивали через изгородь со всех сторон.

Девушка увидела, как Рия быстро метнула один за другим два камня, левой и правой руками, и двое бегущих ей навстречу мужчин упали, как подстреленные. На оставшихся двоих навалилась толпа завывающих обнаженных женщин; им удалось за считанные секунды порезать их кремневыми ножами на кровавые ошметки. Рия бросила еще два камня, свалив с ног еще двух, а потом выхватила нож и кинулась на третьего, мгновенным движением выпустив ему кишки и крутанувшись на месте. В ее глазах сверкало наслаждение битвой. Ее танец смерти был подхвачен и другими. Перед глазами Леони открылась кровавая картина. Оглядевшись, она с удовлетворением поняла, что здесь нет ни одной из летучих тварей Сульпы. Девушка решила, что отвлекать Рию сейчас будет просто глупо. Она поняла, что все ее движения если не продуманы, то подчиняются инстинктам. Все, что ей оставалось, — это ждать и надеяться на победу названой сестры в смертельной битве.

По всему загону шел бой. Обнаженные женщины, перепрыгнув через изгородь, набросились на остальных Иллимани, и даже бывшие пленницы начали помогать им, чем могли. Могучие воины уже убили и ранили многих нападавших, но на стороне Рии были численное преимущество и неукротимая ярость. В считанные секунды на ногах остались лишь Медвежий Череп и еще шестеро палачей, которые начали пробиваться к выходу, яростно размахивая топорами.

Леони понимала, что битва идет не только в этом загоне. Поднялась выше и огляделась, чтобы понять, что происходит и как она может помочь Рии.

Бой развернулся в изгибе лощины, ограниченной с одной стороны рекой, протекающей за разрушенным стойбищем, похожим на полумесяц. На правом «роге» находилось еще три загона для пленников. В самом дальнем содержались дети, Рия и ее маленькое войско были совсем недалеко от них. Когда дети поняли, что Иллимани отбивают нападение и больше не следят за ними, кто-то из старших откинул в сторону куст терна, закрывающий выход, и они всей толпой накинулись на одинокого охранника.

Следующим был загон, где держали женщин, и здесь взору Леони открылась жуткая картина смерти и мучений. Пробиваясь к выходу, Медвежий Череп и его шесть воинов оставили за собой кровь и трупы. Уже сейчас к ним на помощь бежали еще два десятка Иллимани, и хотя многие из них были ранены, воины, привыкшие к боли, не обращали

внимания на попавшие в них стрелы. Мерный глухой звук крепких ног заставил поежиться Леони. Помощники Медвежьего Черепа были уже у крайнего пустого загона, в центре битвы.

Глянув влево, Леони поняла, что это остатки отряда, посланного на выручку Медвежьему Черепу. Человек восемьдесят остались лежать, пронзенные стрелами, на полпути к загонам; им удалось дойти лишь до последнего загона, где вчера ночью пытали и убивали плененных мужчин. Еще дальше выстраивались основные силы Быка, которые, судя по всему, подверглись точно такому же нападению из засады. Больше половины воинов пали, многие из них были ранены, но это не помешало Иллимани выстроиться в боевой порядок. Две сотни были уже готовы вступить в бой. Скинув с плеч атлатли, они выпустили в сторону лучников смертельную тучу дротиков, затем вторую и третью, а затем сотня Иллимани, яростно крича, ринулись на позиции лучников в овраге, рядом со склоном лощины.

Но лучники остались на месте. Многих ранило дротиками, но оставшиеся на ногах выскочили из-за кустов терна, выпустили последние стрелы и, положив на землю луки, ринулись в рукопашный бой. Иллимани были вооружены топорами и ножами. Отряды примерно сравнялись по численности, и они с грохотом столкнулись у края открытой площадки, метров тридцать в ширину. Началась бешеная смертельная схватка.

Позади них Бык и еще сотня воинов ринулись в противоположном направлении, сметая в сторону женщин, приведенных Рией, от стоящих спина к спине шестерых Иллимани и Медвежьего Черепа. Но прежде, чем два отряда объединились — между ними было еще метров тридцать, — женщины, похоже, дрогнули, и Леони с ужасом увидела, что они покидают поле боя.

Глава 96

Рия бежала среди последних. Толпа разъяренных, обливающихся потом воинов неслась следом за ней, выкрикивая боевые кличи. Отряд женщин, сильно потрепанный — погибло больше полусотни из них, — ринулся обратно в лощину, неся потери на каждом шагу.

Но их бегство, как и их атака нагишом, были ловушкой. Иллимани так любили охотиться на людей и внушать всем вокруг ужас, так привыкли побеждать, что Рия была уверена в том, что они даже не заподозрят, что их заманивают в смертельную западню. Кроме того, у них были все основания считать, что они имеют дело лишь с женщинами и небольшим отрядом лучников. Ничто не заставило бы их догадаться, что Рия оставила в резерве почти сто пятьдесят воинов-мужчин. Они находились совсем рядом, за поворотом лощины, и в первых их рядах стояли Бонт, Дрифф, Грондин и Оплимар, сдерживая остальных.

Поскольку к Рии вернулась способность мысленно разговаривать со своими друзьями, хотя и она была ограничена большим расстоянием, девушка могла отлично контролировать ход боя. Она несколько раз мысленно обращалась к Бонту, чтобы тот сдерживал мужчин от атаки, чувствуя его нетерпение; но сейчас, похоже, настал решающий момент. Первые ряды женщин уже миновали поворот, а она сама была в двух шагах от него.

— Давай! — скомандовала Рия. — Давай!

Воины Бонта вырвались из-за поворота и влетели в отряд Иллимани сбоку, застав врагов врасплох и сея среди них панику. Крутанувшись на месте, Рия увернулась от двух вражеских воинов и бросила последний остававшийся у нее камень в Марту, попав ему в лоб. Мужчина рухнул на колени. К нему тут же подбежал Оплимар и одним ударом дубины снес с его головы украшение из рогов и раздробил череп. В стороны полетели ошметки мозга.

То же самое творилось по всей лощине. Неожиданно столкнувшись с численно превосходящим их врагом, Иллимани сдавали позиции одну за другой. Рия разглядела в гуще боя Бонта и Грондина, бьющих направо и налево огромными боевыми топорами, с головы до ног залитых кровью врагов. В этом бою участвовали все, мужчины и женщины всех племен.

Женщины, заманившие врага в ловушку, прекратили свое бегство и набросились на раненых и упавших Иллимани. Засверкали ножи и топорики.

Рия заметила, как Дрифф наконец-то нашел Саккана. Он был меньше ростом, более худощавым, и со своими томагавками, казалось, выглядел беззащитным против громадного воина, размахивающего огромным обоюдоострым боевым топором.

Но на стороне Дриффа были быстрота и отвага. Он раз за разом подскакивал к гиганту, нанося ему болезненные удары томагавками, и тут же отскакивал, пытаясь увернуться от мощных ударов вражеского топора. У Саккана кровоточили раны на ребрах, бедрах и плечах, и он обезумел от боли. Шумно дыша и обливаясь потом и кровью, Саккан ринулся на Дриффа, но тот отскочил в сторону и рубанул врага по спине, вырвав оттуда клок мяса.

Других Иллимани уже добили, и остальные воины Рии, мужчины и женщины, собрались вокруг сражающихся Дриффа и Саккана. Рия понимала, что времени на это развлечение у них не осталось.

— Добей его, Дрифф! — мысленно крикнула она товарищу. — Бой еще не окончен.

Но тот, похоже, не слышал ее мысленного приказа. Он начал насмехаться над Сакканом, выкрикивая оскорбления, а потом снова поднырнул под взмах топора, подпрыгнул и ударом томагавка снес медвежий череп с головы противника. Украшение покатилось по земле. Гигант с ревом взмахнул огромным топором, но слишком вложился в удар и, промахнувшись, потерял равновесие. Дрифф мгновенно набросился на него. ХРЯСЬ! Первый томагавк вонзился в хребет врага у основания черепа. ШМЯК! Второй раздробил врагу макушку.

— Добил! — мысленно ответил Дрифф Рии, которая уже повела воинов обратно в стойбище, оставив позади груды тел Иллимани.

Эффект внезапности оказался столь силен, что в этом бою погиб лишь десяток воинов Бонта, а сотня женщин-Мерел тоже были способны продолжать бой, и Рия повела на выручку лучникам большой отряд. В живых осталось более половины; они все еще сражались с Иллимани у дальнего края площади, за которым начинались заросли утесника и папоротника.

Отряд Рии быстро приближался. Увлекая воинов в атаку, она повела их напрямик, между пустыми загонами и спрятавшимися в кустах детьми. Дети заорали от радости. Воины набросились на Иллимани. Противникам Рии уже удалось потеснить лучников, но теперь они поняли, что обречены. Некоторые из них побежали, пытаясь скрыться в зарослях утесника. Другие, едва обернувшись к внезапно появившимся противникам, один за другим падали, атакуемые с обеих сторон.

Остальные воины Иллимани пытались перестроиться, вставая спина к спине, но численное преимущество воинов Рии не оставило им никаких шансов. Их смяли, затоптали и порубили на куски. Те же, кто остался в одиночестве, рассеянные по полю боя, пытались сдаваться. На земле остались множество раненных, но еще живых врагов.

— Что с ними делать? — спросил Бонт.

— Убить всех, — не размышляя, ответила Рия. — Мы пришли сюда именно за этим.

Бонт отдавал приказания воинам, добивающим раненых врагов и подбирающим своих, других отправил ловить сбежавших, а Лигар и Себитту шли по полю боя, выискивая своих раненых. Они были залиты кровью, в основном — чужой; счастливчикам удалось получить лишь легкие ранения.

— Должен перед тобой извиниться, — сказал Лигар Рии. — Я не думал, что у нас это получится, хотел отговорить тебя, но был совершенно не прав. Ты привела нас к чудесной победе! Просто невероятной! О таких слагают легенды, и я рассчитываю стать частью нового

предания. Пусть обо мне вспоминают как о Лигаре Великом. Мне бы это понравилось. Или лучше Лигаре-Убийце?

Он обвел рукой поле боя, где более половины убитых врагов приняли смерть от стрел.

Себитту был более серьезным. «Имеет на это полное право», — подумала Рия: в этом бою распрощались с жизнями многие из его соплеменников. Интересно, не станет ли он потом укорять ее за то, что она не смогла прийти к ним на выручку раньше?

Но вместо бессмысленных упреков Себитту преклонил перед ней колено, и Рия опять почувствовала себя очень неловко.

Мужчины и женщины, из Мерел и других племен, собрались вокруг. Сердце Рии дрогнуло от радости, когда она увидела среди них Бирсинг. Покрытая синяками и порезами, все так же сжимая в руке маленький кремневый нож, девочка светилась от счастья.

— Да здравствует Рия, посланец Света, — торжественно провозгласил Себитту. — После такой победы никто не усомнится в том, кто ты такая. Враг горделиво топтал наши долины, рассеивая нас по лесам и долинам, но ты объединила племена, чтобы остановить его… Сегодня день твоей славы, Рия. Ты пустила кровь воплощенному злу.

Его слова поняли только Мерел, но Рия увидела, что все не сводят с нее напряженных глаз. На мгновение повисла абсолютная тишина. Затем молниеносным движением Себитту поднялся с колен. Он и Лигар наклонились и усадили себе на плечи Рию, которая не смогла сдержать удивленного и смущенного смешка. Бонт, Грондин, Дрифф и Оплимар соединили руки, и, усадив ее на этот помост, понесли сквозь толпу.

Она не видела, кто первый выкрикнул ее имя, но вскоре им вторили все остальные. Бывшие охотники, оставшиеся в живых лучники, женщины, сотни людей, усталых и покрытых кровью и ранами.

— РИЯ! РИЯ! РИЯ!

Она глядела на море человеческих лиц, не сводящих с нее восхищенных глаз. Многие протягивали руки, чтобы коснуться ее, когда она оказывалась рядом, так, будто это могло наделить их частью благословения духов, осеняющего ее.

У Рии закружилась голова. Пока шел бой, она ни на мгновение не задумывалась, что это значит — победить. Но сейчас будто вспышка откровения озарила ее. Победа означала власть. Не личную власть над другими, это ее не интересовало, но власть над умами людей, способность убедить их забыть о различиях, воодушевить их на дела, соединить их вместе в неодолимую боевую силу. Сегодня они сражались с сотнями Иллимани и доказали, что врага можно победить. Но близко то время, и она это прекрасно понимала, когда ей придется встретиться на поле боя с тысячами Иллимани — и самим Сульпой.

После того, что она совершила сегодня, демон никогда не оставит ее в покое. Ей нужны воины, много больше воинов. И она уже знала, где сможет их найти.

Продолжая сидеть на плечах друзей, несомая сквозь толпу под восторженные крики, Рия с головой погрузилась в планы уничтожения основного войска Сульпы, когда снова почувствовала присутствие Леони. Словно легкая утренняя дымка.

— Есть еще двадцать Иллимани, которых вы не видите, — услышала Рия ее голос. — Они собираются убить детей. Вы должны их остановить.

Рия поглядела на небольшой перелесок, где, в тысяче шагов от них, прятались плененные Иллимани дети. До ее слуха донеслись их крики.

Глава 97

Повиснув метрах в пятнадцати над землей, Леони осознала гениальный план боя, разработанный и воплощенный Рией. Ловушка внутри засады, мощные силы врага, застигнутые врасплох и обманутые горсткой женщин, вынужденные разделиться, что и

стоило им жизни. Приманкой были нагие женщины, пружиной — лучники, а Бонт и его воины стали ударной частью этого идеального капкана.

Пока шел бой, события разворачивались слишком быстро, и Леони не стала отвлекать Рию, поэтому пыталась лишь следить за действиями юной воительницы. Несмотря на то, что она бесстрашно оказывалась в самой гуще событий, Рии удавалось в последний момент увернуться от вражеского дротика. Леони поразилась, как много талантов у этой девушки. Ее недюжинный инстинкт выживания помогал ей уворачиваться от сильнейших ударов боевых топоров Иллимани. На ее худощавом обнаженном теле, покрытом пылью и кровью, появилась всего одна рана: зазубренное лезвие ножа, которое вспороло ей левую грудь, от соска до подмышки. Но казалось, что Рия, похоже, даже не заметила ее, не обращая внимания на сочащуюся кровь. Ее друзья подняли ее на плечи и пронесли через поле боя под радостные крики воинов.

А вот сама Леони была в куда худшем состоянии. Поскольку она решила немедленно вернуться к Рии, то понимала, что восстановление ее бесплотного тела, предпринятое Руапой и Байяконди, лишь временно. Повиснув над полем и наблюдая ход сражения, она еще раз почувствовала пугающую легкость и расползающуюся по бесплотному телу слабость. Леони чувствовала, что медленно растворяется в воздухе. Ей все сложнее было находиться здесь; ее словно манило ее тело, оставшееся в индейской *малоке* среди лесов Амазонии. Леони чувствовала, как неведомая сила затягивает ее обратно, и точно знала, что стоит ей только отвести взгляд от Рии, как она тут же вернется в свое время, к дону Леонсио и шаманам Тараханув, которые примутся лечить ее раны.

Будто в ответ на ее мысли, в воздухе возник световой тоннель, буквально в полуметре от нее. Он манил, и Леони уже начала двигаться к нему, когда некое движение, *осмысленное*, вдалеке от нее, справа, заставило ее оглянуться. Метрах в трехстах, рядом с загонами, она заметила людей, которые бежали, низко пригнувшись.

С тоннелем придется подождать. Пользуясь способностью быстро перемещаться в воздухе, Леони мгновенно оказалась там — и увидела два десятка Иллимани, которых почему-то не сумели поймать воины Рии. Вооруженные топорами и кремневыми ножами, они скрылись между двумя загонами и начали пробираться дальше.

Что они делают? Леони поднялась повыше и поняла, что их цель — две сотни детей и женщин. Еще совсем недавно они были их пленниками, и их жизни зависели только от прихоти вождей Иллимани. Сейчас убийцы прятались среди кустов и деревьев, растущих у противоположного края лощины. Казалось безумием, что опытные воины решили потратить время на бойню, имея все шансы сбежать, но, видимо, именно такие решения принимают люди, продавшие свои души демону.

Леони метнулась обратно к Рии и как можно яснее попыталась передать ей все, что увидела секундой назад.

— Есть еще двадцать Иллимани, вы не можете их видеть. Они собираются убить детей. Вы должны их остановить.

— Сестра! — воскликнула Рия. — Так здорово, что ты вернулась…

Она тут же поглядела в сторону края лощины, где раздались жалобные крики детей и женщин. Лицо Рии исказила ярость, она спрыгнула на землю, выкрикивая приказы. Леони полетела обратно к краю лощины, чтобы ничего не укрылось от ее взгляда.

В этот же момент с верхнего края склона лощины, выше рощицы, где прятались дети и женщины, в воздух взлетели стрелы. Они с глухим стуком вонзались в тела Иллимани. В это время враги были вынуждены выбежать на открытую площадку перед загонами. Все, кроме трех, уже валялись на земле, еще двое упали в следующую секунду, и лишь одному удалось добежать до рощицы, когда в него вонзился сразу десяток стрел. С утеса вновь дали залп,

терзая лежащие на земле тела. Все было кончено за считанные секунды, ни один ребенок не пострадал.

Леони поднялась вверх, чтобы увидеть спасителей. На утесе стояли два десятка лучников под командованием третьего неандертальца, чьего имени она не знала. Они заняли ту самую позицию, которую Леони сама посоветовала Рии как хорошее место для обстрела. Они подошли туда поздно, поэтому не приняли участия в битве, но оказались в нужном месте в нужное время, чтобы спасти беззащитных детей и женщин.

Рия прибежала на место событий во главе полусотни воинов, но когда они увидели, что угроза устранена, то перешли на шаг. Не видимая обычному глазу, Леони зависла над утесом, наблюдая, как радостные люди устремились навстречу друг другу. Воины-победители обнимали детей и женщин, спасенных ими, раздавались радостные крики, некоторые закружились в танце.

Световой тоннель снова блеснул рядом с Леони, и в то же мгновение она заметила, как над лощиной закрутились две горгульи, мелкие твари Сульпы. Леони была уверена, что скоро их будет не меньше сотни, чтобы обыскать все вокруг. Они подлетели ближе, но, судя по всему, не заметили Леони, либо потому, что девушка стала совсем бесплотной, либо из-за того, что их внимание было направлено на Рию. Леони не шелохнулась, стараясь остаться незамеченной, но сразу поняла, что должна поймать и убить их. Если она не сделает этого, то Рию выследят и найдут, и все будет кончено.

Леони так и не двинулась с места, но не сводила настороженного взгляда с горгулий Сульпы. Твари спокойно пролетели мимо и зависли прямо над головой Рии.

Вперед!

Она ринулась следом за ними и схватила их за шеи.

Но она знала, что ее битва еще впереди. Пальцы не слушались, у Леони почти не осталось никаких сил, и она опасалась, что не сможет их долго удерживать. Твари начали бить крыльями, пытаясь вывернуться. Леони попыталась стукнуть их друг о друга, но у нее не хватало силы. ШМЯК! ШМЯК! Похоже, их это только разозлило. ШМЯК! ШМЯК! Одна из горгулий лопнула и превратилась в клуб дыма.

Осталась еще одна. Леони схватила ее второй рукой за голову и резко крутанула, однако, умирая, тварь впилась ей когтями в бок, и Леони пронзила страшная боль.

Она даже ничего не успела сказать Рии. Почувствовала ужасную слабость, и ее бесплотное тело сдалось, проиграв неравный бой за право оставаться здесь, рядом с названой сестрой. Будто облачко тумана на ветру, оно начало распадаться на паутинно-тонкие нити и исчезло.

Последнее, что она почувствовала, — смертельно закручивающийся смерч, отправивший ее душу в пугающее ничто.

Глава 98

Попасть из внешнего мира в Тайное Место можно было только через дорогу, проложенную сквозь пещеры в горах. Она была трудна и опасна даже для тех, кто не раз ее преодолевал. Без проводника чужаку здесь делать нечего: настоящий лабиринт в горных темных пещерах, полный тупиков, бесконечных поворотов, внезапных ущелий и бездомных ям. Несмотря на все это, Рия была крайне удивлена тем, что не обнаружила у входа часовых. Она глядела на то, как толпа, по большей части состоящая из раненых или смертельно уставших людей, медленно выходит из пролома на склоне горы, и не могла отделаться от мысли, что с тем же успехом это могли бы быть и воины Иллимани. Они-то не стали бы терять времени даром, сразу ринулись бы к кострам стойбища, мигающим в ночи неровным светом пламени в паре полетов стрелы от того места, где стояла девушка. С таким врагом,

как Сульпа, лучше ничего не принимать как данность, но сейчас ей не хотелось укорять друга за эту оплошность.

— Бриндл! — мысленно позвала она. — Я вернулась! Мы все вернулись. Мы это сделали. Чудо, наконец, произошло. Нам удалось сделать все, что мы задумали, и даже немного больше.

Ответа не последовало, и Рия сразу насторожилась.

— Что такое, Грондин? — спросила она. — Почему я не могу дозваться Бриндла?

— Не знаю, — ответил великан. — У меня тоже не получается.

Это не было похоже на то, что случилось перед боем с Иллимани у стойбища Навин. Тогда никто не мог обмениваться мыслями друг с другом, и ни Рия, ни ее друзья так и не смогли понять, почему это произошло. Но сейчас Оплимар, Джергат и Грондин сказали, что спокойно общаются с друзьями и родственниками. Действительно, им навстречу, чтобы поприветствовать героев-победителей, бежали Уродцы. Связь не устанавливалась только с Бриндлом.

— С ним никаких проблем, — спустя мгновение заявил Грондин. — Он просто очень занят: работает в Пещере Видений. Сейчас он не может ни на что отвлекаться.

Занят? Рия едва не взбесилась. Как Бриндл может быть занят?! Разве он не хочет узнать о ее невероятной победе? Что может быть важнее этого? Чем это таким он так занят, что не смог не только ее встретить, но и даже связаться с ней?

После битвы и изнурительного дневного перехода Рия привела в Тайное Место почти две тысячи беженцев. Огромное число. Страх заставлял их вести себя тихо и послушно, но теперь, будучи собраны из десятка разных племен, люди становились абсолютно неуправляемы. Разные обычаи, языки, радость; наконец, вера в то, что здесь им ничто не может угрожать, — все это превратило довольно сплоченное войско в многоголосую толпу, не поддающуюся никаким приказам и даже просьбам. На то, чтобы вывести их из смертельного горного лабиринта и провести по склону холма в темноте, и так ушло много времени, а теперь Уродцам еще и предстояло озаботиться тем, как их прокормить, устроить на ночлег и обеспечить самым необходимым.

От одной этой мысли Рия почувствовала, что слишком устала — даже на то, чтобы думать, у нее не осталось никаких сил. Она и так много сделала. Пусть друзья все организуют без нее.

— Разберитесь со всем этим, — произнесла она. — А мне нужно найти Бриндла.

Пробираясь сквозь толпу Уродцев, вышедших поприветствовать вновь прибывших, девушка начала спускаться по склону холма.

Обычно по вечерам широкая естественная площадка перед Пещерой Видений была заполнена небольшими группами Уродцев, сидящих у костра, готовящих еду, ужинающих, общающихся и танцующих. Но сейчас здесь не было никого, кроме четырех охранников у входа в пещеру.

— Что вы здесь делаете? — спросила Рия, подходя к ним вплотную.

— Не пускаем никого внутрь, — ответил один из охранников. Молодой, с массивными надбровными дугами и клочковатыми волосами на покатом подбородке.

— Я должна пройти, — сказала Рия.

— Не могу пропустить тебя… — заговорил второй, постарше, седоволосый, с большими обвисшими ушами, медленно двигающийся, будто только что проснувшийся человек.

Рия лишь вздохнула.

— Даже не пытайтесь останавливать меня. Я сегодня уже столько народу убила, что уже и не вспомню, сколько.

Она не собиралась причинять вред этим Уродцам, но и не собиралась позволять им ей перечить. Шагнула вперед, и, когда старший из охранников преградил ей дорогу, мгновенно вытащила нож и приставила его к горлу одного из стражей.

— Я войду, — мысленно сказала она, оскалившись, оттолкнула охранника в сторону и наконец вошла в огромную пещеру.

Внутри царила кромешная тьма. По прошлым визитам сюда Рия помнила, что помещение было почти круглым, больше восьмисот шагов в ширину, а его купол, пожалуй, поднимался на два полета стрелы. Девушка остановилась, убедившись в том, что охранники не пошли за ней следом, и попыталась сориентироваться и решить, где искать друга. И тут до нее донесся странный ухающий распев Уродцев, однако он совсем не походил на тот, который звучал во время исцеления. Но эхо и темнота мешали ей понять, где размещался источник этих звуков.

Рия медленно пошла к центру пещеры, осторожно вытягивая ногу, обутую в мягкие мокасины. Она понимала, что спешить больше некуда. Десять шагов, тридцать, шестьдесят, сотня. Снаружи в пещеру не проникало никакого света, светильники были потушены, но с каждым шагом ее глаза привыкали к темноте, и Рия вдруг заметила загадочные отблески в абсолютной темноте… отблески чего-то совсем непонятного.

Девушка прищурилась и наклонилась, почувствовав легкое движение воздуха.

Вон там! Что это?

Перед ней, окутанный слабым призрачным свечением, пролетел огромный камень, больше всего смахивающий на зуб гигантского животного. Он летел на расстоянии ладони от земли. И был больше всего похож на носорога, ринувшегося в атаку. Он был так близко от Рии, что она спокойно могла коснуться его рукой! *Ни хрена себе!* Она едва успела подумать, что уже была бы мертва, если бы оказалась на его пути, когда из темноты вылетела еще одна массивная глыба и со свистом пронеслась мимо. Потом еще одна, и еще… Все эти камни, похоже, двигались, повинуясь чьим-то приказам; они летели в одном направлении, и не по прямой, а, скорее, по сложно закрученной спирали.

И тут Рия поняла. Это внешний круг того каменного сооружения, которое собирался построить Бриндл. Ее друг действовал ровно по схеме, предоставленной ему той синей женщиной… Она еще сказала, что это поможет им победить Сульпу. Видимо, Бриндлу все же удалось построить его. Но как ему удается держать камни над землей, да еще заставить их летать?

Со свистом перед самым ее носом пронеслись еще два огромных валуна.

— Где ты, Бриндл? — мысленно позвала Рия. — Дай мне пройти.

Тон распева Уродцев изменился, перейдя от неровного рыка к тихому низкому реву. Огромные камни тут же замедлили свой монотонный хоровод и остановились. Или их свечение стало ярче, или ее глаза привыкли к темноте, но теперь Рия увидела их все — все тридцать, даже те, что находились у противоположного края пещеры. Они были расположены по кругу шириной в сто шагов, внутри — еще два. Все они составили тот образ, посланный ей Бриндлом еще перед походом.

Девушка услышала его мыслеголос.

— Я не могу надолго остановить танец камней, Рия. Будет лучше, если ты подойдешь прямо сейчас.

Проскользнув между двумя огромными серыми валунами, она услышала, как распев снова слегка изменился, и камни внешнего круга снова стали быстро кружиться в бесконечном хороводе.

Двадцать черных камней внутреннего круга были недвижимы, но стоило Рии пройти между ними, как они начали свой странный танец.

Испускаемый камнями свет стал таким ярким, что Рия смогла разглядеть Бриндла. Он стоял в середине третьего, центрального круга, состоящего из восьми огромных белых камней, каждый из которых был в четыре человеческих роста. Ее друг изменился до неузнаваемости. Его тело исхудало и стало грязным, волосы поблекли, а глубоко запавшие под мощными надбровными дугами темные глаза горели лихорадочным огнем.

Еще два шага, и Рия оказалась рядом с ним.

— Что с тобой случилось, друг мой? — спросила она.

— Мне удалось наконец сотворить чудо, — радостно улыбнувшись, ответил Бриндл. Распев, звучащий в пещере, снова изменил тон, став более настойчивым и быстрым, и внутренний круг начал быстрое вращение. Камни все быстрее и быстрее кружились над землей, пока не слились в одно сплошное кольцо.

Глава 99

Рия изумленно глядела на три вращающихся круга камней — пятьдесят восемь огромных валунов. Невидимая страшная сила будто вздернула их над землей и заставила исполнять немыслимый, чудовищный танец. Светящиеся смерчи проносились над Рией и Бриндлом, и девушка лишь могла, раскрыв от удивления рот, наблюдать за этим волшебным хороводом. Распев становился все громче, свечение камней — все ярче, и в его свете Рия увидела четыре группы мужчин-Уродцев, находившихся на равном расстоянии друг от друга рядом с внешним каменным кругом. Они стояли так, как будто собирались совершить обряд исцеления, — человек по десять, держа друг друга за плечи. Но это не было исцелением. Звуки, которые они издавали, не были убаюкивающими и успокаивающими; напротив, они звучали возбужденно и пламенно, будто пытались еще больше упрочить непрестанное вращение камней. Рия почувствовала мощную концентрацию умов, связывающую их с Бриндлом, и поняла, что они являются лишь источником силы, а управляет и направляет ее лишь он один.

— Откуда взялись эти камни? — спросила она. — И как вы их сюда притащили?

— Это волшебные камни, — ответил Бриндл. — Владычица Лесов сказала мне, где их найти, и научила песне, которая заставила их летать. Пока тебя не было, мы привели их сюда.

— А теперь?

— Я заставил их танцевать, — ответил Бриндл. Его мыслеголос был едва громче шепота. — Владычица Лесов объяснила, что они должны совершить танец прежде, чем встанут на свои места. — Он, не скрывая тревоги, поглядел на девушку. — Поэтому я был так занят. Надеюсь, ты поймешь меня.

— Но сейчас у тебя есть время поговорить?

Распев достиг максимальной интенсивности.

— Танец окончен, — сказал Бриндл.

Он выпрямил руки над головой и резко опустил их вниз, наставив указательные пальцы в землю. Распев умолк, вращение камней остановилось. На мгновение пятьдесят восемь камней повисли неподвижно в воздухе в абсолютной тишине, а затем с громким грохотом опустились на землю, вонзившись в пол Пещеры Видений, подобно громадным копьям. Не все камни встали ровно, некоторые из них застыли под неестественными углами к поверхности земли, но за считанные мгновения они выровнялись, а земля вокруг них на миг шевельнулась, будто волны озера, и потом начала твердеть и окаменевать на глазах потрясенной Рии.

— Пошли, — пригласил ее Бриндл, не скрывая гордости и удовлетворения от проделанной работы.

Он взял девушку за руку и провел ее вдоль трех каменных кругов. Время от времени Уродец останавливался и прикладывал к какому-нибудь из камней ладони или касался его лбом. Дважды, без особого успеха, пытался сдвинуть валун с места, проверяя его на прочность. Они вернулись обратно во внутренний круг, состоящий из восьми белых камней, а потом Бриндл обвел рукой зал и произнес:

— Теперь земля крепко держит эти каменные круги, и вся их энергия сосредоточена здесь.

Но в его мысленных образах Рия уловила нотки неуверенности.

— Ничего не вижу, — приглядевшись, ответила девушка.

Сделала шаг вперед.

Ничего.

Еще шаг.

ХЛОП!

Рия проваливалась сквозь световой тоннель.

Когда она вынырнула из него на склоне холма при свете двух солнц в мире духов, синяя женщина уже ждала ее. На ней была туника из странного струящегося материала, горящего, как огонь.

— Что за хрень? — прошипела со злостью Рия, пытаясь скрыть свое удивление. — Как я здесь оказалась?

— Я открыла для тебя каменные врата, — ответила владычица, и одновременно со словами в голове Рии возник образ камней, находящихся в Пещере Видений.

— Камни Бриндла! — воскликнула Рия. — Он говорил, что они помогут нам сражаться с Сульпой.

— Так я намеревалась сделать, — ответила синяя женщина. — Но, к сожалению, исчез жизненно важный элемент моего плана. И нам надо обдумать, что делать дальше.

— Жизненно важный элемент? Что за элемент?

— Я говорю о Леони — той, с которой переплетена твоя судьба. Если она не будет помогать нам, в ее времени, врата не исполнят своего предназначения. Неужели тебе удалось так быстро забыть ее?

Рию больно задели эти слова. Она никогда не считала себя той, кто быстро забывает друзей, но не знала, что и думать о Леони. В последние их мимолетные встречи она ощущала, что ее сестра из другого времени в опасности. Она неожиданно исчезла в разгар событий, потом вернулась, чтобы предупредить о внезапном нападении на детей и женщин Навин, и снова исчезла. После этого Рия так и не знала, что с ней случилось. Вернулась ли она обратно в свое земное тело? Ее внезапное исчезновение мучило Рию весь остаток дня, пока она вела колонну беженцев к Тайному Месту. Единственное, что ее могло успокоить — это известие о том, что Леони вернулась в свое время. Но, кажется, Рия ошиблась.

— Что с ней случилось? — спросила девушка, ожидая худшего.

— Леони провалилась в нижний мир, — ответила незнакомка. — Отдала свою жизнь ради тебя.

Каскад слов и образов захлестнул Рию, и она стала свидетелем того, чего никогда до этого не могла увидеть, и никто на земле не мог об этом рассказать.

Увидела, как Леони пришла к ней в ущелье у стойбища Навин и рассказала про крылатых тварей, которых Сульпа использует в качестве шпионов. Вспомнила, что Леони рассказала ей, что двое из них нашли Рию. Ей удалось уничтожить лишь одну гарпию. Рия стала свидетелем того, как золотоволосая девушка, не раздумывая, кинулась за второй гарпией.

О чем Леони умолчала, так это о том, что оставшаяся в живых тварь привела ее прямо к Сульпе. И она была вынуждена сражаться с сотнями гарпий. И в этой битве, хотя она и вышла победительницей, потеряла слишком много сил. Леони ни словом не обмолвилась, что только благодаря несгибаемой силе воли преодолела слабость, чтобы остаться с Рией и помогать ей в битве с Иллимани, хотя Леони следовало вернуться обратно. Невзирая на смертельную опасность, Леони осталась рядом с ней, точно указав местонахождение дозорных Иллимани и предоставив жизненно важные сведения, нужные для планирования битвы.

Силы покинули Леони прямо перед началом боя. Этим объяснялось ее внезапное исчезновение. Девушку выдернуло обратно в земное тело, но она снова рискнула своей жизнью и вернулась, чтобы помочь в последний раз. Рия увидела наполненный мощными чувствами образ того, как над полем боя снова появились две твари, и Леони, не задумываясь, вступила с ними в схватку, несмотря на то, что у нее не осталось сил. И дралась насмерть.

— Должен быть способ вернуть ее, — тихо произнесла Рия, когда угасли последние образы. — Ведь убили не ее земное тело, я видела, а лишь ее часть.

— Это был ее дух, Рия. И душа. А теперь она идет по темным путям, среди призраков.

— И что же? Это хренов КОНЕЦ? Ты это мне хочешь сказать?

Синяя женщина внимательно посмотрела на собеседницу, а потом медленно произнесла:

— Это не так. Единственной изо всех людей, в силу того, что ваши судьбы связаны временными потоками и совместной судьбой, тебе дана сила вернуть ее. Но ты должна будешь спуститься в нижний мир и искать ее на темных путях. Ты готова сделать это?

— Я готова, — выпалила Рия, не задумываясь.

— Там тебе будут противостоять чудовища. Сможешь ли ты одолеть их? Тебя будут одолевать безумие и душевная слабость. Сможешь ли ты преодолеть это? Невзгоды и трудности будут преследовать тебя. Сможешь ли ты с ними справиться?

— Я постараюсь.

— Даже если так, уже сейчас может оказаться, что мы ничем не сможем ей помочь… Если в нижнем мире хоть крупица еды попадет в рот Леони, она уже никогда не сможет выбраться оттуда.

— Значит, остается надеяться на то, что она не голодна…

— Есть еще одна причина, самая тяжелая…

— И?

— Если ты вернешь Леони, твоя собственная жизнь станет выкупом. Ты проживешь еще год и один день. Ты согласна на это?

Рия задумалась. Она не собиралась трусить и бросать сестру в беде, чего бы ей это ни стоило. Кроме того, год и один день — большой срок. Достаточно большой, чтобы разгромить Сульпу.

— Я согласна, безо всяких сомнений, — твердо ответила она.

Сверкнула вспышка, и у ног Рии открылся световой тоннель.

Примечания

1

Пер. Б. В. Дубина.

2

Имеется в виду наркотик-галлюциноген ЛСД (диэтиламид лизергиновой кислоты).
